

Т

РОССИЯ

о, что я скажу здесь о русской культуре, – это мое сугубо личное мнение, я его никому не навязываю. Но право рассказать о своих самых общих, пусть и субъективных впечатлениях дает мне то, что я занимаюсь Русью всю жизнь, и нет для меня ничего дороже, чем Россия. Россию упрекают, Россию восхваляют. Одни считают ее культуру несамостоятельной, подражательной. Другие гордятся ее прозой, поэзией, театром, музыкой, иконописью... Одни видят в России гипертрофию государственного начала, а народ воспринимают как покорный. Другие отмечают в русском народе анархическое начало и постоянное бунтарство, неприятие власти. Одни отмечают в нашей истории отсутствие определенной целеустремленности. Другие видят в русской истории “русскую идею”, наличие у нас сознания гипертрофированной собственной миссии. Между тем движение к будущему невозможно без точного понимания прошлого и характерного.

Изборск. Славянское озеро

Россия необъятна. Не только своим поразительным разнообразием человеческой природы, разнообразием культуры, но и разнообразием уровней – уровней во всех душах ее обитателей: от высочайшей духовности до того, что в народе называют “паром вместо души”.

Но буду краток. Я ведь не пророк и не проповедник, хотя убеждать и призывать в последние свои годы приходится часто. Скажу словами Владимира Мономаха, обращенными им к его читателям: “аще не всего примете, то половину”. Гигантская земля. И именно земля, почва. Она же страна, государство, народ. И недаром, когда шли на поклонение к ее святыням замолить грех или поблагодарить Бога, – шли пешими, в лаптях и босыми, чтобы ощутить ее почву и пространство, пыль дорог и траву придорожных тропинок, увидеть и пережить все по пути. Нет святости без подвига. Нет счастья без трудностей его достижения. Идти тысячи верст: до Киева, до Соловков, плыть до Афона – и это тоже частица России.

Я назвал Киев в числе мест, куда брели русские паломники. И это я сделал не случайно. Самая большая русская святыня была Киево-Печерская лавра. И украинцы могут гордиться, что их город был с самого начала центром всей русской земли: будущей Украины, Великороссии и Белоруссии. Думать иначе – узость, это значит снижать значение Киева как мирового города.

Я вспоминаю, с каким душевным трепетом я бродил в свои школьные годы по Белозерску – городу еще в X веке знаменитому тем, что там сел на княжение один из трех братьев-варягов – Синеус (я не знал еще тогда,

Колокольня в Малах под Изборском

что и само призвание варягов – легенда, да и Белозерск перенесен на свое нынешнее место в XIV веке). Но с таким же трепетом я бывал и в Изборске (городе другого брата – Трувора), и в Новгороде, где сел Рюрик, и во Владимире, основанном Владимиром Мономахом, и в Ростове, и в Новгороде-Северском, и в Путивле. Каждый город хранит свою особую красоту и вместе с тем в чем-то общую для всех. Каждое село, в котором я бывал, – от Колы близ Мурманска и северных становищ до деревень на Волге, в Псковской области, на Волхове и Пинеге – имело свое лицо. Невероятное разнообразие и какое-то высокое единство. Все русское. Но и после разделения на три восточнославянских народа не отторженное глухой стеной от Украины, от Белоруссии, от селений татарских, коми-зырянских, мордовских.

Общие судьбы связали наши культуры, наши представления о жизни, быте, красоте. В былинах главными городами русской земли остаются Киев, Чернигов, Муром, Карела... И о многом другом помнил и помнит народ в былинах и исторических песнях. В сердце своем хранит красоту, над местной – еще какую-то надместную, высокую, единую... И эти “идеи красоты” и духовной высоты – общие при всей многоверстой разобщенности. Да, разобщенности, но всегда взывавшей к соединению. А возникло это ощущение единства давно. Ведь в самой легенде о призвании трех братьев-варягов сказало представление, как я давно доказываю, о братстве племен, ведших свои княжеские роды от родоначальников-братьев. Да и кто призвал по летописной легенде варягов: русь, чудь (предки будущих эстонцев), словене, кривичи и весь (вепсы) – племена славянские и угро-финские,

*Церковь св. Георгия
в Старой Ладоге.
Вторая пол. XII в.*

*Церковь Успения
Богородицы
на Волотовом поле
в Новгороде. 1363*

следовательно, по представлениям летописца XI века, эти племена жили единой жизнью. Были между собой связаны. А как ходили походами на Царьград? Опять-таки союзами племен. По летописному рассказу, Олег взял с собой в поход множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северцев, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев...

Русская земля, или вернее, земля "Русьская", то есть вся – с будущей Украиной, Белоруссией и Великороссией – была сравнительно слабо населена. Население страдало от этой вынужденной разобщенности, селилось преимущественно по торговым путям – рекам, селилось деревнями, и все же не такими уж большими, боялось окружающей неизвестности. Враги приходили "из невести", степь была "страной незнаемой", западные соседи "немцы", то есть народы "немые", говорящие на незнакомых языках. Поэтому среди лесов, болот и степей люди стре-

мились утвердить свое существование, подать знак о себе высокими строениями церквей как маяками, ставившимися на излучинах рек, на берегу озер, просто на холмах, чтоб их видно было издали. Нигде в мире нет такой любви к сверкающим золотом, издали видным куполам и маковкам церквей, к рассчитанному на широкие просторы "голосоведению", к хорошему пению, к ярким краскам, контрастным зеленому цвету и выделяющимся на фоне белых снегов цветам народного искусства. "Цветам", то есть раскраскам цветов. Цветам, взятым из природы, согласующимся с ней, но и выделяющимся.

И до сих пор, когда я увижу золотую главку церкви или золотой шпиль Адмиралтейства, освещающий собой весь Невский, золотой шпиль Петропавловской крепости – меч, защищающий город, – сердце мое сжимается от сладкого чувства восторга. Золотое пламя церкви или золотое пламя свечи – это символы духовности. "Свеча бы не утасла" – так писали в своих

*Церковь Покрова
на Нерли во Владимире.
1165*

*Церковь Спаса
Преображения на Нередице.
1198. Фотография
Д. С. Лихачева. 1939*

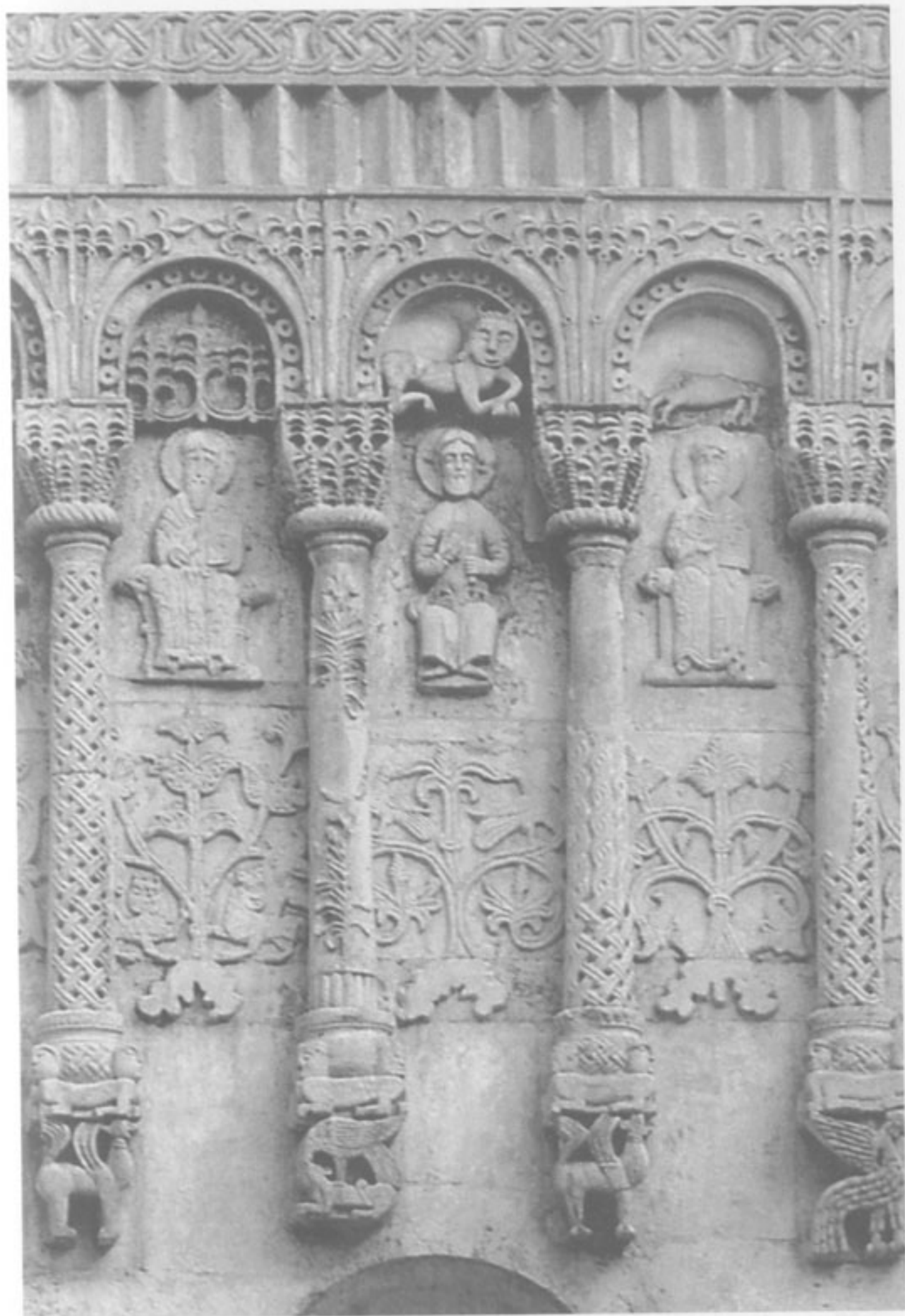
*Дмитриевский собор
во Владимире. XII в.*

завещаниях московские князья, заботясь о целостности русской земли.

Вот почему на Руси так любили странников, прохожих, купцов. И привечали гостей – то есть проезжих купцов. “И человека не минете, не привечавше”, – пишет в своем “Почуении” Мономах. Гостеприимство, свойственное многим народам, стало важной чертой русского характера – русского, украинского и белорусского. Гость разнесет добрую молву о хозяевах. От гостя можно услышать и об окружающем мире, далеких землях. Потому и вера христианская, как бы наложившаяся на старое доброе язычество, была с таким малым сопротивлением принята

на Руси, что она ввела Русь в мировую историю и в мировую географию. Люди в своей вере перестали чувствовать себя одиноким народом, получили представление о человечестве в целом.

Но объединяющим началам в русской земле противостоят широкие пространства, разделяющие собой села и города. “Гардарикией” – “страной городов” называли скандинавы Русь. Однако между городами и селами тянулись безлюдные пространства, иногда трудно преодолеваемые. И из-за этого крепили в Руси не только объединяющие, но и разъединяющие начала. Русская земля всегда была не только тысячей городов, но и тысячей культур. Возьмите то, что больше всего бросается в глаза и что больше всего заботило жителей России, – архитектуру. Архитектура Руси – это целый разнообразнейший мир. Мир веселых строительных выдумок, многочисленных стилей, создававшихся по-разному в разных городах и в разные времена. Одновременно воздвигаются храмы в Новгороде и во Владимире, в Смоленске и в Ярославле. И в Новгороде оказываются церкви, построенные в духе не только новгородских, но и смоленских, потом московских и волжских соборов. Ничего агрессивного, не допускающего существования зданий другого стиля или другой идеологической наполненности. В Новгороде существовала варяжская божница, была Чудинцева улица – улица угро-финского племени чуди. Даже в Киеве был Чудин двор – очевидно, подворье купцов из далекой северной Эстонии на Чудском озере. А в XIX веке на Невском проспекте, проспекте веротерпимости, как его называли иностранцы, была и голландская церковь, и лютеранская,

Дмитриевский собор во Владимире. Колончатый пояс. XII в.

*Спас Нерукотворный. Икона. XII в.
Государственная Третьяковская галерея*

и католическая, и армянская, и только две православные – Казанский собор и Знаменская церковь.

Ко второй части своих заметок я приступаю не без некоторого волнения. К мыслям, здесь выраженным, легко придраться, если изъять их из контекста, если выдергивать их поодиночке, если просто не пожелать понять, что есть на самом деле в русской культуре.

Первая часть отчасти подготовила к тому, что я скажу сейчас. Соседство через пространство типично не только для русских городов и сел, но и для

русской культуры в целом. Мы страна европейской культуры. К этому приучило нас христианство. С ним вместе мы восприняли византийскую культуру; в очень большой степени через Болгарию. Мы создавали свою письменность, собственные литературные жанры, выражали в литературе свои тревоги, но помощь в этом оказывали привезенные к нам болгарские книги, болгарские сочинения, жанры, утвердившиеся в Болгарии, но самое главное – тот литературный язык, который мы получили со всей болгарской культурой. Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос о том, как называть тот церковный язык, на котором были написаны привезенные к нам книги и переписываемые произведения, скажем только, что язык этот, переделываясь, возвращаясь к старым формам и снова от них удаляясь, питал русскую литературу целого тысячелетия. Было два языковых центра, вокруг которых вращалась, обогащаясь, русская литература. Первый центр – это тот церковнославянский язык, традиционно связанный с Болгарией, который все русские вплоть до конца десятых годов XX столетия учили сызмальства, с приготовительных классов гимназии, с первых классов городских школ, реальных, коммерческих и церковных училищ, на котором молились, учились понимать мировые сюжеты европейской живописи, поэзии, философской мысли... Второй (а может быть и первый, так как он предшествовал церковнославянскому) – это язык разговорный, традиционно русский, с его поговорками и речениями, к которому постоянно обращались летописи, юридические памятники, древнерусские повести; сатирические произведения и т. д. И близкий разговорному язык народной поэзии: былин, исторических песен, духовных стихов (забытых сейчас вместе со всей их народной мудростью), сказок и т. д., и т. д. Всех жанров народной поэзии не перечислишь, но ясно одно – что это тоже язык организованный, по-своему высокий. Какое счастье быть русским писателем, постоянно черпая в своем творчестве в нужном количестве и качестве то из одного родника, то из другого! В этом отгадка необыкновенного богатства и тонкости языка русской литературы, и особенно поэзии.

Из различных родников создавались и жанры русской литературы и поэзии: свои народные, церковнославянские, польские, западно-европейские. Обогащались взаимно жанры русской, белорусской и украинской литературы. Причем поразительно, что ни один из жанров не исчезал бесследно. Ни один из больших пластов литературы! Древнерусская литература продолжала существовать до XX века. Повествования типа “Повести о Бове”, о разбойнике Барбосе издавались в XX веке Сытиным. Произведения старинной русской литературы переходили в литературу детскую, подобно тому, как и в детских игрушках, продолжали существовать старинные формы паровозов, саней, военных мундиров. Правда, жанры литературы упрощались, деформировались, приспосабливались к литературным потребностям эпохи. Процесс жанрообразования шел в течение всего развития

русской литературы. Эти жанры создавались вновь, но и заимствовались: роман, баллада, поэма и пр. И всюду приобретали оригинальный, свой, русский характер.

Развивавшаяся в многочисленных центрах письменности и в “литературных гнездах”, литература была необычайно богата, соединяя в каждую эпоху разнообразнейший по происхождению материал, свой и чужой, используя свободу выбора, но и свободу обращения с жанрами. Это относится и к тем жанрам, которые пришли к нам из Византии и с Балкан, и к тем, что явились к нам с Запада, как, например, роман, который приобрел у нас свои формы и идейную, своеобразную русскую содержательность.

Еще ярче эта способность русской культуры обогащаться за счет чужих культур и трансформации своей, старой, сказалась в смене стилей. Русская земля создавала собственные художественные стили в древний период своего развития, до эпохи петровских реформ, а после Петра включалась в общее развитие художественной жизни Запада, постоянно трансформируя художественные стили, впервые возникавшие на Западе, а затем откликавшиеся в России. Но как откликавшиеся! Каждый стиль приобретал в России не только своеобразные, но и высшие формы. Барокко, классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм! Разве все эти течения и “великие стили” не приобрели в России свои формы и свою направленность на решение общих проблем? Симеон Полоцкий – белорус, принесший с собой веяния и формы школьного барокко. В Москве он работал отнюдь не на школьные темы, заняв в своем творчестве глубокие и необходимые на русской почве общественные позиции. Радищев и Карамзин – разве это просто сентименталисты? Или они писали вне стилей? А реализм Достоевского? Разве это просто реализм, а не реализм высшего уровня, выходящий уже за пределы обычного литературного реализма? А ведь аналогичные наблюдения мы могли бы сделать в области зодчества. Даже многочисленные итальянские архитекторы, работавшие в Петербурге, не приблизили Петербург к типу итальянских городов. Приглядимся внимательнее – и мы увидим, что Петербург вообще не принадлежит к типично европейским городам. Европейские города у нас – Таллин, Вильнюс, Рига, Львов, но не Петербург. Тем более он и не восточный город. Петербург – русский, обладающий необычайной восприимчивостью к чужому и творческой переработкой этого чужого в главном.

Писать историю русской культуры или хотя бы литературы, архитектуры, философии, живописи, музыки необычайно трудно. Именно потому, что явления культуры самостоятельны, они не всегда четко вливаются в общий процесс. Они свободны и, как свободные, легко воспринимают и творчески перерабатывают чужое – стороннее или просто старое, возвращаются к этому старому или забегают намного вперед, опережая не только свое время в своей стране, но и чужое в других странах, как это было с “Серебряным

веком” в русской литературе или с авангардом в живописи. Об этой черте говорит, в частности, Блок:

*Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

Эту черту восприимчивости и понимания своего и чужого как своего отмечали многие в XIX и XX веках, нет смысла повторять и развивать это наблюдение. Скажу только (вернее, напомним о том, что давно говорилось), что эта последняя черта доводила русских не только до многого хорошего, но и до многого плохого.

“Стыдливость формы” – эта черта, особенно ярко проявившаяся в русской литературе, связана со всем предшествующим, о чем я говорил перед этим. Как только какой-либо стиль, манера, жанр, язык начинают определяться в своих формах, как бы застывают, становятся заметными, они отвергаются, и автор стремится почерпнуть новое в низших формах, ищет простоты и правды. Обращается то к разговорному языку, то к деловым жанрам, пытается сделать литературным нелитературное. Это особенно заметно у Некрасова, Лескова, Толстого, Маяковского. Иногда это сочетается с резким поворотом к старому и даже древнему, как у А. Ремизова. На этом основывалась и постоянная “игра” двух главных полюсов русского языка в XVIII–XX веках – церковнославянского и разговорного, просторечного.

“Стыдливость формы” – постоянный источник обогащения русского литературного языка и русской жанровой системы в литературе. Но не только в жанрах и языке проявилась она, а по существу, в содержании, в идеологии. “Стыдливость формы” – это и страсть разоблачения всякой напыщенной лжи, стремление к неприкрашенной, “голой правде”, ненависть к фразе. Всяческое “опрошение”, стыд своей образованности, интеллигентности, хождение в народ и идеализация крестьянства и общины, идеализация Древней Руси, воспринимаемой славянофилами как нечто простое, крестьянски однородное. Даже кажущееся сейчас смешным стремление писателей одеваться “под крестьянина”, “под странника”, иногда под мелкого торговца, – отражение той же идеологии. И уж в этом-то мы полностью “самобытны”.

Но если говорить об идеологическом своеобразии, то здесь главенствующей чертой, несомненно, должно быть выделено правдоискательство, которое постоянно отделяло русскую мысль от русской государственной деятельности либо даже, ненадолго правда, подчиняло последнюю себе.

Правдоискательство было главным содержанием русской литературы начиная с X века. Да, с десятого, хотя обычно принято начинать русскую

литературу, точнее “русьскую”, ибо она была началом и литературы украинской, и белорусской, с одиннадцатого века. В самом деле, историческая литература, в которой искали “откуда есть пошла”, или “вещи сея начало”, или место русского народа среди народов других стран, или место русской истории в истории мировой – такая историческая литература была тоже формой правдоискательства. Древнейшее из дошедших до нас компилятивных произведений, относящихся ко временам крестителя Руси Владимира I Святославича, “Речь философа”, – именно такого характера. “Речь” рассказывает о мировой истории в средневековом ее понимании, показывает место Руси в мировой истории и в заключение наставляет Владимира принять христианство. Историческая литература с необычайным размахом составлялась и переписывалась на Руси вплоть до XVII века. И характерно, что один из первых летописцев, создатель самой формы летописания, монах Киево-Печерского монастыря Никон вынужден был бежать от княжеского гнева в Тмутаракань. А затем и пошло... Авторы древнерусских сочинений постоянно становились в оппозицию к князьям – будь то автор “Слова о полку Игореве”, или Даниил Заточник, или автор “Повести о разорении Рязани” и т. д. Поучения обращались к князьям чаще, чем к представителям какого-либо другого сословия. Татаро-монгольское нашествие и объединяло людей разных социальных слоев, и еще больше разъединяло их. Князья и монахи следили за литературой или сами брались за перо. Но это не уничтожило пропасти, которая существовала между государством и литературой.

По отношению к государству в России была не только оппозиция интеллектуальная, политическая, но и “оппозиция души”. Вспомним, какие тонкие, нежные лики изображены на некоторых из икон времени Ивана Грозного. Вместе с тем, в пору ослабления государства, в период феодальной раздробленности и междоусобных ратей литература сама стала своеобразным “вторым государством”. Она переняла у государства его объединяющие функции. Широта свойственна не только пространству, населенному русью, но и натуре русского человека, русской культуре. Многообразие форм, многообразие собственного культурного наследия, многообразие “областных” культурных гнезд и книжных центров в значительной мере определяло исключительную свободу в обращении с культурными ценностями разных времен и разных народов. Вот почему своеобразный символ русской культуры – Пушкин, стремившийся приобщить свое творчество ко всем вершинам мировой поэзии: Данте, Гафиз, Гете, Шекспир и т. д., и т. д. Пушкинская энциклопедия, когда она будет составлена, сможет быть источником обширной образованности.

И, по существу, в русской культуре всякое явление предстает в своих наилучших формах, стремится подняться на ступеньку выше, быть наполненным значительным содержанием, обрести свободу от канонов. Таковы

*Богоматерь
Великая Панагия (Оранта).
Фрагмент иконы
из Спасо-Преображенского
монастыря в Ярославле.
Ок. XII – нач. XIII в.
Государственная
Третьяковская галерея*

философская опера Мусоргского, философский роман Достоевского, философская проза Гоголя, философская лирика Тютчева, даже философский “авангардизм” (Малевич, Филонов, Гончарова и многие другие).

Русская культура не перенимала, а творчески распоряжалась мировыми культурными богатствами. Огромная страна всегда владела огромным культурным наследием и распоряжалась им со щедростью свободной и богатой личности. Да, именно личности, ибо русская культура, а вместе с ней и вся Россия являются личностью, индивидуальностью.

Личность, индивидуальность не терпят одиночества и замкнутости в себе. От этого Россия всегда стремилась любовно усвоить наследие прошлого: наследие Греции, балканских стран и среди них в первую очередь Болгарии, культуру Италии во всем ее многообразии, сперва, в XV веке, – зодчество, затем, в XVIII и начале XIX века, – не только зодчество, но и музыку, живопись, литературу.

Такое же стремление усвоить культуру Голландии намечается уже в XVII веке и проявляется с наибольшей силой при Петре. А в XVIII и XIX веках пафос

*Жены-мироносицы.
Фрагмент фрески
Спасо-Преображенского собора
Мирожского монастыря во Пскове. XII в.*

усвоения чужих культур обращается на Францию, Германию, Англию, Испанию... Что может создать это русское усвоение, могло бы быть продемонстрировано хотя бы на такой области, как балет.

И все-таки есть одна черта в русской культуре, которая явственно сказывается во всех ее областях: это значе-

ние эстетического начала. "Аргумент красоты" сыграл первенствующую роль при выборе веры Владимиром Святославичем. Рассказ летописи о том впечатлении, которое произвела на послов Владимира церковная служба в константинопольском храме Софии, общеизвестен. Именно это побуждало русских князей строить великолепные храмы во всех основных городах Руси: Киеве, Новгороде, Полоцке, Владимире, Суздале, Ростове, Пскове и т. д. Эстетические формы культуры не смогло полностью уничтожить даже чужеземное иго. И ни о каком отставании в целом в области зодчества, в живописи, прикладных искусствах, фольклоре, музыке не может быть и речи. В литературе выдвинулось на первый план не личностное, а "хоровое" начало, но вопрос об этом хоровом начале должен решаться на фоне существования такого же хорового начала в музыке и в фольклоре, высота которого в эпосе и лирике бесспорна.

О влиянии христианства на русскую историю, на русский национальный характер, на эстетические представления русского народа писалось много. Нет нужды повторяться. Но об одной особенности религиозного сознания русских не писалось вовсе.

Если сравнить Сергия Радонежского с Франциском Ассизским (а такое сравнение делалось постоянно), то выступает огромная разница в большом и принципиальном. Франциск считал бедность одним из главных достоинств монашества. То же считал и Сергей. Но Франциск проповедовал нищету, бродяжничество монахов, а Сергей запрещал уходить из монастыря и просить милостыню.

Монахи должны были трудиться и трудом своим зарабатывать хлеб. Сергей выполняет свою крестьянскую работу сам. Пафнутий Боровский перед смертью отдает распоряжения по хозяйству. Игумен Филипп Соловецкий технически благоустраивает монастырь, и именно это считается его главным подвигом на Соловках. Иульяния Осоргина спасается даже у себя дома в хозяйственных заботах, приравниваемых к подвигам благочестия. Таких примеров особого отношения к труду у русских святых можно привести множество. Христианский идеал приобретал в России существенную добродетель – трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива, будь то монастырь, княжество, государство в целом или простая помещичья семья со слугами.

Есть еще одна черта русской культуры, которая неразрывно связана с ее особенностью как личности, индивидуальности. В произведениях русской культуры очень велика доля лирического начала, собственного авторского отношения к предмету или объекту творчества. Можно спросить: как это может сочетаться с хоровым началом, о котором только что говорилось? И вот сочетается... Возьмите древнерусский период, первые семь веков русской культуры. Какое количество посланий от одного к другому, писем, проповедей, а в исторических произведениях как часты обращения к читателям, сколько полемики! Правда, редкий автор стремится выразить именно себя, но получается, что выражает...

А в XVIII веке как часто русская классическая литература обращается к письмам, дневникам, запискам, к рассказу от первого лица. Поэзия у всех народов живет само-

*Богоматерь Владимирская.
Икона. XI – первая пол. XII в.
Государственная Третьяковская галерея*

*Церковь Николая Чудотворца
в с. Панилове (Архангельская обл.).
1600*

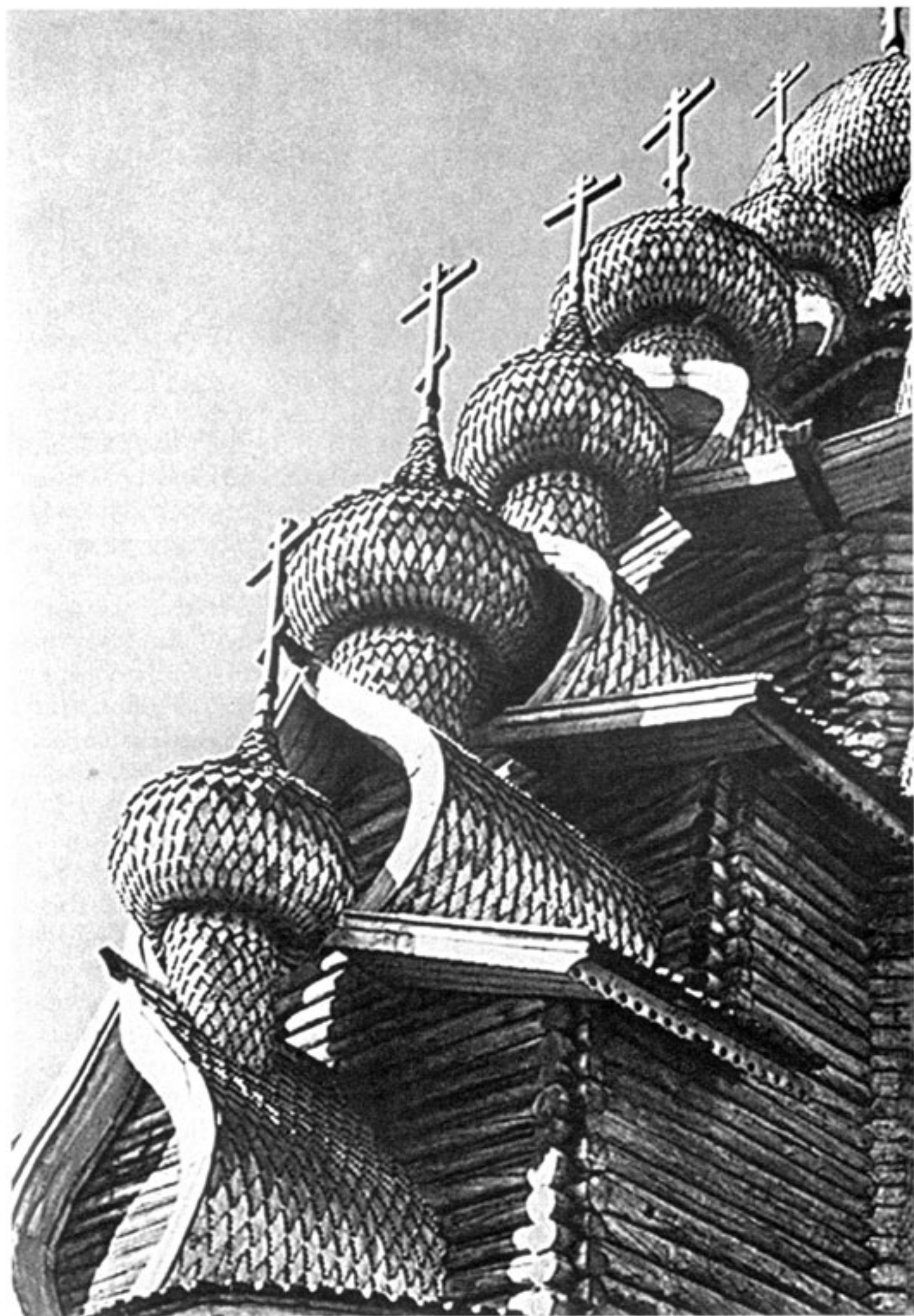
выражением личности, но возьмите прозу: “Путешествие...” Радищева, “Капитанскую дочку” Пушкина, “Героя нашего времени” Лермонтова, “Севастопольские рассказы” Толстого, “Мои университеты” Горького, “Жизнь Арсеньева” Бунина. Даже Достоевский (за исключением, может быть, “Преступления и наказания”) все время ведет повествование от лица хроникера, стороннего наблюдателя, имеет в виду кого-то, от чьего лица течет повествование, кто ведет наблюдение и как

бы даже не разбирается, что происходит, предоставляя читателю радость догадки. Эта домашность, интимность и исповедальность русской литературы – ее выдающаяся черта. Автор всегда осознает читателя умным и сообразительным и этим поднимает его над собой, освобождает от мелочной опеки.

И снова “противоречие” в моей характеристике русского искусства. Литература сохраняет учительный характер. Литература – трибуна, с которой – не гремит, нет, – но все же обращается с моральными вопросами к читателю автор. Моральными и общемировоззренческими.

Может быть, впечатление того и одновременно совсем другого возникает потому, что автор действительно не ощущает себя выше читателя. Аввакум не столько наставляет в своем “Житии”, сколько подбадривает самого себя. Не учит, а объясняет, не проповедует, а плачет. Его “Житие” – это плач по себе, оплакивание своей жизни накануне ее неминуемого конца. Ведь он пишет “Житие”, когда вот-вот должен прийти конец.

Страстность и темпераментность составляют отличительный характер русского искусства: не только литературы, но и живописи во всех ее видах и во все времена, музыки и, смею утверждать, зодчества. Если бы был найден какой-то способ определять в зодчестве дозу лирического начала, то уверен, это лирическое начало было бы особенно велико в народном деревянном зодчестве и в гениальной древнерусской архитектуре, несмотря на все разнообразие ее форм и стилей по отдельным эпохам и по отдельным областям.

Церковь Преображения в Кижях. 1714

Страшный суд. Фрагменты фрески церкви Спаса Преображения на Нередице. 1198

Этому очень помогает свобода от чертежей. Примерные чертежи, предварительные наброски существовали, конечно, но в основном зодчие работали в натуре, работали “с образца”, то есть по примерному желанию заказчика воспроизвести ту или иную существующую церковь, здание, полагаясь на то, что зодчему “мера и глаз укажут”. Особенно много для самовыражения давали строителям луковичные завершения, шатры, свобода от строгой симметрии, выбор места среди естественного пейзажа – среди елей, над озером (с разнообразием отражений на водной поверхности). Как завершение дороги или как “возвышение”, подъем к небу среди обычной крестьянской застройки. Всего не предусмотреть в чертеже, но все мог учесть строитель в процессе своей работы (особенно, скажу, если, работая топором, он пел; я наблюдал в детстве и такое).

Первоначальная летопись сообщает, что греческий философ, рассказывая Владимиру I Святославичу о христианстве, развернул перед ним “запону” с изображением Вселенной, а в ней людей,двигающихся группами, – одни в ад, другие в рай. Была ли эта “наглядная агитация” требованием? Да, русская литература началась с самого своего “учительного”, проповеднического произведения, но в дальнейшем русская литература разворачивала перед своими читателями более сложные композиции, в которых предлагался читателю тот или иной авторский вариант поведения как материал для размышлений. В этот материал входили и различные нравственные проблемы. Проблемы нравственности ставились как художественные задачи, особенно у Достоевского и Лескова.

В русской литературе всегда было мало простой занимательности, как и “среднего уровня”. Горные хребты русской культуры (не только в литературе) состоят из вершин, а не из плоскогорий, на которых обычно гнездятся простая занимательность или загадки для чтения – кроссворды риторики. Риторика вообще нетерпима в русской литературе. А чистое проповедничество всегда требует именно риторики.

Риторика нетерпима и в живописи. Между тем самая характерная живопись для России – портрет. Я не смогу этого доказать здесь. Пусть это останется для читателя моим мнением. Но русский портрет не перестает меня восхищать всякий раз, когда я обращаюсь к русской живописи, даже древнерусской. Ибо в древнерусской живописи ее портретная выразительность – в нравственной поучительности образа. Стоя перед фреской или иконой, испытываешь как бы давление противостоящей тебе личности – почти как перед живым собеседником.

Русскому народу приписывается как одна из присущих ему черт беспрекословная покорность государству. Доля правды в этом есть, ибо в России не было устоявшихся традиционных форм для выражения народного мнения. Вече, земские соборы, сельские сходы?.. Этого было явно недостаточно. Поэтому независимость, любовь к свободе выражалась по преимуществу в сопротивлениях, принимавших массовый и упорный характер. Переходы из одного княжества в другое крестьян и отъезды князей и бояр. Уход за пределы досягаемости властей в казачество навстречу любым опасностям. Бунты – Медный, Разинский, Пугачевский и многие, многие другие! Боролись не только за свои права, но и за чужие.

Одно из самых удивительных явлений в мировой истории – восстание декабристов. И оно типично русское. Весьма состоятельные люди, люди высокого общественного положения, пожертвовали всеми своими словесными и имущественными привилегиями ради общественного блага. Выступили не за свои права, как это обычно бывало во всех выступлениях, а за права тех, чей труд сами перед тем присваивали. В подвиге декабристов есть много народного.

Русь еще в своем восточнославянском единстве, до татаро-монгольского ига, когда она не выделила из себя три основных восточнославянских народа – украинцев, великорусов и бело-

*Апостол Павел.
Фрагмент фрески Дмитриевского собора
во Владимире. XII в.*

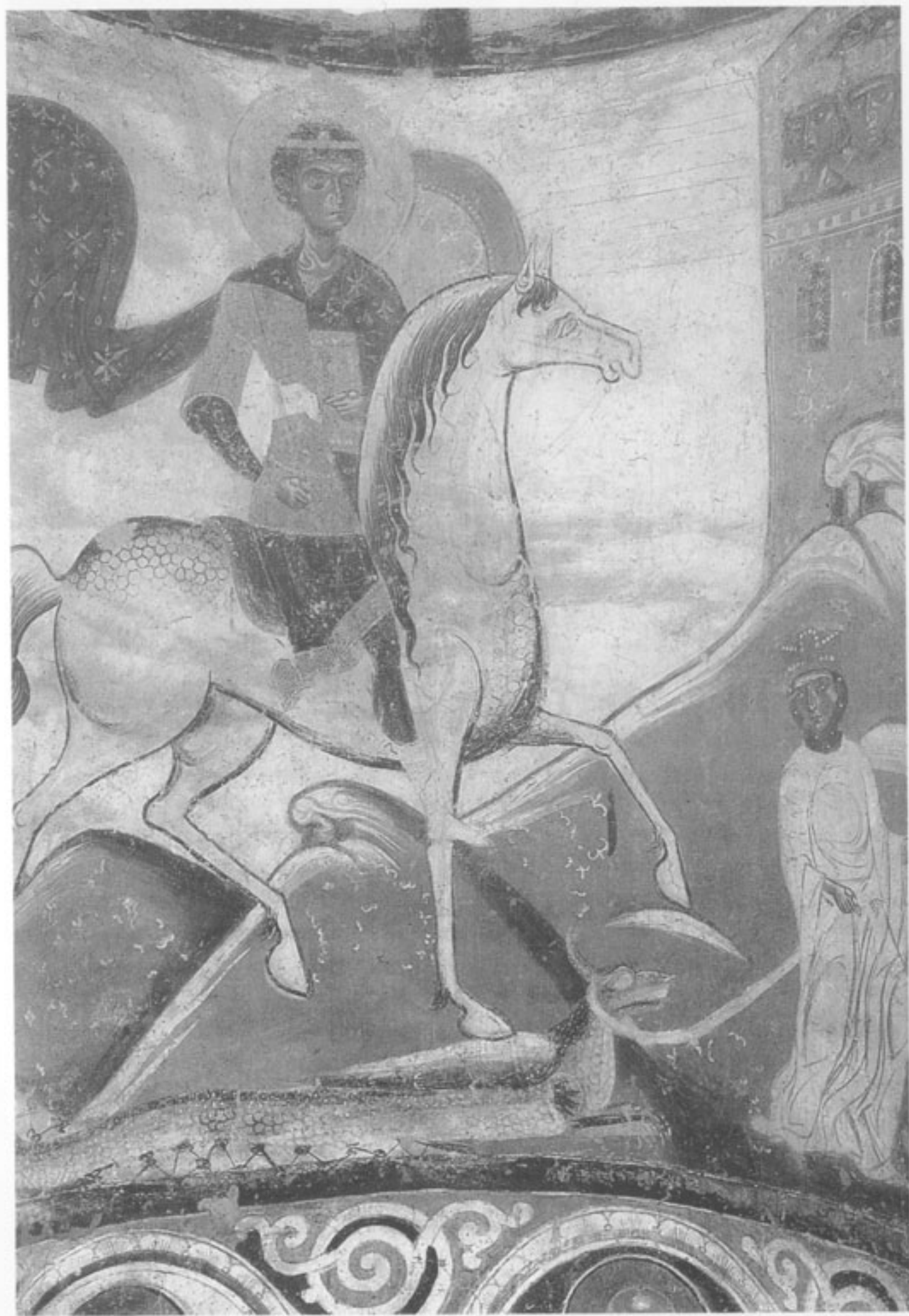
*Святые Борис и Глеб
с житием. Икона из церкви
св. Бориса и Глеба в Запрудях
в Коломне. XIV в.
Государственная
Третьяковская галерея*

русов, – знала уже мужество непротивления. Святые Борис и Глеб без сопротивления принимают смерть от своего брата Святополка Окаянного во имя государственных интересов. Черниговский князь Михаил и его боярин Федор добровольно едут в Орду и там принимают смерть за отказ выполнить языческий обряд.

Крестьяне уходят от крепостного права на край света в поисках счастливого Беловодского царства. Староверы предпочитают сжигать себя, чем поддаться искушению изменить вере. И это непротивление злу? Пожалуй, такое сопротивление нечасто знает история! Царственное пренебрежение материальными благами, в уродливых своих формах переходящее в мотовство.

И характер народа не един. Мы замечаем, как свои отличия в русском характере формировались и формируются у поморов, другие в Сибири, третьи по Волге – в средней и нижней ее части. Россию нельзя оторвать от населяющих ее народов, составляющих вместе с русскими ее национальное тело. Россия по богатству своих культурных типов, по сложности вплетения в них различных черт, по энергии своих разных проявлений, наконец, по интенсивности своих отношений с другими национальностями – едва ли не единственная в своем роде страна.

Мы писали выше, что русская культура представляла собой в средние века (да и позднее) подвижное соединение различных центров культуры. В этих центрах были образования разновременные и разнохарактерные... Центры были разъединены между собой территориально и социально.

Чудо Георгия о змие. Фреска церкви св. Георгия в Старой Ладозе. XII в.

Церковь св. Георгия в Старой Ладоге

Это вело к тому, что в русской культуре могли сосуществовать очень древние слои и новые, легко образующиеся.

Для русского исторического развития характерны одновременно консерватизм и быстрые смены общественных настроений, взглядов. Кажется, что даже самые смены поколений совершаются в России через меньшее число лет, чем на Западе. Это происходит не просто из-за некоторой неупорядоченности русской жизни, но и потому еще, что в русской жизни непременно что-то остается от старого и даже от неправдоподобно старого, а с другой стороны, есть страстность, развивающая это старое и взыскующая новое. Кто бы мог подумать, что у нас продолжается традиционное древнерусское иконописание, составление житий святых (и неплохих), переписка рукописей древнерусскими приемами? Структура русской культуры не была монолитной, при которой она развивалась бы как единое целое – относительно равномерно и неуклонно.

Культурный уклад России менялся, с одной стороны, кардинально, а с другой – оставлял целостные системы старого. Так было и в эпоху Петра. С одной стороны, решительные перемены, а с другой стороны, неизменившийся уклад жизни крестьянства и решительно с “идеологической основой” сохранявшийся старый уклад жизни старообрядчества. Русская культура благодаря совмещению в ней различных наследий полна внутренней свободы. К несчастью, свобода, которой она владеет, состоит не только в свободе выбора учителей и учебного материала, не только в свободе творить, но и в свободе отречься от чужого и своего, крушить, уничто-

жать, продавать, сносить, отправлять в неизвестность здания, города, села, картины, памятники, фольклор, а затем и самих авторов – интеллигенцию в целом.

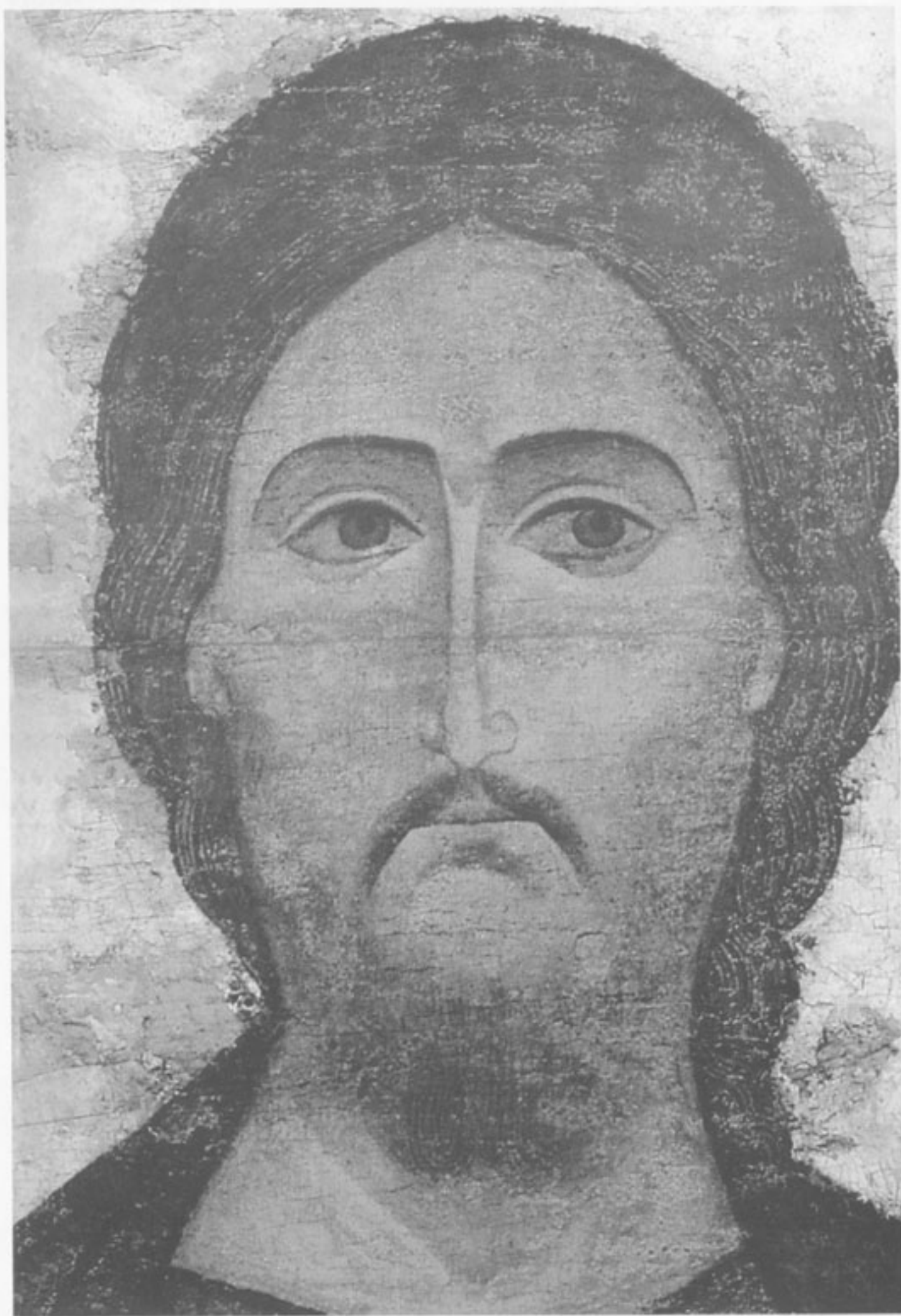
Итак, нет сомнений, что одно из богатств русской культуры и ее широких творческих возможностей – в свободном и широком выборе учителей, путей наследия, которое отнюдь не узко одно. И не случайно столько внимания уделяется проблеме внутренней свободы в русской философии: в философии Бердяева, Франка, Карсавина, а до них – у Достоевского. Сознание предлагаемого выбора было остро у Тютчева и у многих других. Необходимость свободы почти болезненно ощущалась в философской лирике Блока и Владимира Соловьева. Обращаясь к России, Вл. Соловьев говорил:

*Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?*

Чтобы самим владеть путями нашей культуры, надо, прежде всего, изучить особенности истории и культуры России. Осмыслить русскую историю, выявить существенные черты России чрезвычайно важно для современности, ибо многое из того, что произошло и происходит в наши дни, в известной мере определяется и будет еще определяться тем, что представляет собой Россия. И интернационализм, и характер продвижения к будущему, и отношение к прошлому – все это должно корректироваться тем, что представляет собой Россия. Перед нами стоит задача восстановить полноту русской культуры. Прошлая Россия в наше время не может быть сброшена со счетов даже тех, кто искренне стремится к ее будущему утверждению в веках.

О чем же свидетельствует эта широта и поляризованность русского человека? О чем свидетельствуют “уроки России”? Прежде всего – о громадном разнообразии возможностей, скрытых в русском характере, об открытости выбора, о неожиданности появления нового, о возможности бунта против бунта, организованности против неорганизованности, о внезапных проявлениях хорошего против самого дурного, о внутренней свободе русского человека, в котором сквозь завесу дурного может неожиданно вспыхнуть самое лучшее, чистое и совестьливое. Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, но и духовных ценностей.

Россия не абстрактное понятие. Развивая ее культуру, надо знать, что она представляла собой в прошлом и чем является сейчас. Как это ни сложно, Россию необходимо изучать...

Спаситель. Фрагмент иконы Деисусного чина из Успенского собора Московского Кремля. Нач. XIII в. Государственная Третьяковская галерея

ТРИ ОСНОВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Меня давно интересует в историософском плане: каковы главные особенности европейской культуры и отношения к ним России.

Каковы главные особенности европейской культуры?

Если определять географические границы Европы, то это не представит особых трудностей. Это дело в значительной мере условное. Мы можем условиться считать Европу до Урала, до Босфора, до Кавказа.

Однако определить ее духовные границы значительно труднее. Географические границы и духовные – не совпадают.

Культура Северной Америки, например, без сомнения, европейская, хотя и лежит вне географических пределов Европы.

И вместе с тем мы должны признать: если географические границы Европы при всей их “материальности” условны, то духовные особенности европейской культуры безусловны и определены.

Богоматерь. Фрагмент иконы Деисусного чина из Успенского собора Московского Кремля. Нач. XIII в. Государственная Третьяковская галерея

Эти духовные особенности европейской культуры могут быть восприняты непосредственно. Их существование, с моей точки зрения, не требует доказательств. Они могут быть охарактеризованы и названы.

Прежде всего европейская культура – *личностная* культура.

Затем она *восприимчива* к другим личностям и культурам (в этом ее *универсализм*).

И наконец, это культура, основанная на *свободе* творческого самовыражения личности. Эти три особенности европейской культу-

ры опираются на христианство, а там, где христианство в той или иной форме утрачено, европейская культура все равно имеет христианские корни. И в этом смысле понятно, что, отрекаясь от Бога, европейская культура утрачивает и эти три свои чрезвычайно важные особенности.

Коснемся восприимчивости к другим культурам. Достоевский в своей знаменитой речи на Пушкинских торжествах приписывал эту восприимчивость только русскому человеку, на самом же деле “всечеловечность”, восприимчивость к чужим культурам является общей основой всей европейской культуры в целом.

Европеец способен изучать, включать в свою орбиту все культурные явления, все “камни”, все “могилы”. Все они “родные”. Он воспринимает все ценное в культуре не только умом, но и сердцем.

Европейская культура с самого начала изучает, понимает и включает в себя культуры Античности, Ближнего Востока, Египта, а в последние два столетия – все культуры мира: Китая, Японии, Индии, Африки и т. д.

Европейская культура – это культура универсализма, при этом универсализма *личностного* характера. Личность человека, его индивидуальные

Архангел.
Фрагмент иконы
"Спас Эммануил с архангелами".
Кон. XII в. Государственная
Третьяковская галерея

особенности, отличия, его талант и убеждения – более всего ценятся в европейской культуре.

Личностный характер европейской культуры определяет ее особое отношение ко всему "другому", т. е. ко всему, находящемуся за пределами данной культуры.

Это не только *терпимость*, но в известной мере и *тяготение* к другому. Отсюда и принцип *свободы*, внутренней свободы человека.

Все три принципа европейской культуры – ее личностный характер, ее универсализм и ее свобода – немыслимы друг без друга. Стоит отнять одно, как разрушаются два оставшиеся. Стоит отнять универсализм и признавать только свою, национальную культуру, как гибнет свобода. И наоборот. Эту страшную опасность показали национал-социализм, фашизм и сталинизм.

Основа личности – свобода самовыражения. Только свобода представляет человеку личное достоинство.

Личность вырастает только при существовании "обратной связи" с другими личностями. Свобода – это реализация творческой личности.

Общество только тогда общество, а не толпа, не "население", когда оно состоит из личностей, обращенных друг у другу, способных охотно понять друг друга, а благодаря этому предоставить другому свободу – "для чего-то" – для самореализации в первую очередь. Необходима терпимость, иначе невозможно существование общества без насилия и может существовать только общество без личностей, общество чиновников, рабов, поведение которых регулируется только страхом наказания.

Однако и одной терпимости недостаточно. Необходимо взаимопонимание. Не отказ от вмешательства в духовную жизнь личности (что может

быть гарантировано государством), а понимание этой духовной жизни другого, признание за ней некоей правды, хотя и неполной.

Итак, три основания европейской культуры: *личностность, универсализм и свобода*. Без одного из этих оснований не могут существовать два других, но и полное осуществление одного из них требует реализации двух других.

Основа же европейской культуры – христианство, решившее проблему личности. Единственная из религий, в которой Бог – личность.

Три основания европейской культуры очевидным образом связаны с ее миссией, с ее высшим предназначением сохранить в своих недрах, в своей науке и в своем эмоциональном понимании все культуры человечества – как ныне существующие, так и ранее существовавшие.

У каждой культуры и у каждого культурного народа есть своя миссия в истории, своя идея.

Но именно эта миссия и эта идея подвергаются целенаправленным атакам зла и могут обернуться “антимиссией”.

Зло, по моему убеждению, – это прежде всего отрицание добра, его отражение со знаком минус.

Зло выполняет свою негативную миссию, атакуя наиболее характерные черты культуры, связанные с ее миссией, с ее идеей.

Чем сильнее добро, тем опаснее его “противовес” – зло, несущее в себе индивидуальные черты культуры, но опять-таки со знаком минус.

Так, например, если народ щедр и щедрость его является наиболее важной чертой, то злое начало в нем будет расточительство, мотовство. Если наиболее приметная черта народа состоит в точности, то злом окажется инертность, косность, доведенные до полной бессердечности и душевной пустоты.

Призрачная индивидуальность зла порождается творческой индивидуальностью добра. Зло лишено самостоятельного творческого начала. Зло состоит в нетворческом отрицании и нетворческом противостоянии добру.

Из сказанного мною о характерных особенностях зла становится понятным, почему в европейской культуре зло проявляет себя, прежде всего, в форме борьбы с личностным началом в культуре, с терпимостью, со свободой творчества, выражает себя в антихристианстве, в отрицании всего того, в чем состоят основные ценности европейской культуры. Это религиозные противостояния Средневековья и тоталитаризма XX века с его расизмом, стремлением подавить творческое начало, сведя его к одному скудному направлению, уничтожением целых наций и сословий.

Исходя из сказанного, обратимся к чертам добра и зла в русской культуре, в русском народе.

Русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христиан-

*Страшный суд. Фрагмент фрески
Дмитриевского собора во Владимире. XII в.*

ством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе.

Славянофилы единодушно указывали на главный признак (особенность) русской культуры – ее *соборность*. И это верно, если ограничиваться только положительной стороной русской культуры.

Соборность – это проявление христианской склонности к общественному и духовному началу. В музыке – это хоровое начало. И оно, действительно, очень характерно для русской церковной музыки, для музыки оперной (оно отчетливо выражено у Глинки, Мусоргского и др.). В хозяйственной жизни – это община (но только в лучших ее проявлениях).

С этим соседствует терпимость в национальных отношениях. Вспомним, что легендарное начало Руси было ознаменовано *совместным* призванием варяжских князей, в котором вместе участвовали и восточнославянские и финно-угорские племена, а в дальнейшем государство Руси было всегда многонациональным. Универсализм и прямая тяга к другим национальным культурам были характерны и для Древней Руси, и для России XVIII–XX веков, в создании которой помимо русских участвовали немцы, татары, поляки, украинцы, белорусы, финно-угорские народы и т. д.

И это крайне характерно и для русской науки, для ее многонациональных интересов. Российская императорская Академия наук создала замеча-

*Встреча Захарии
и Елизаветы.
Фрагмент иконы из села
Новокотово Бежецкого района.
XV в. Музей им. Андрея Рублева*

тельное славяноведение, востоковедение. В ней работали великие китаеведы, арабисты, монголоведы, иранисты, индологи, японоведы, финно-угроведы, слависты, тюркологи. Петербург и Москва были центрами армянской и грузинской культур.

Стоит обратить внимание и на то, что старая столица России Петербург была средоточием различных евро-

пейских искусств. Здесь строили итальянцы, немцы, голландцы, французы, шотландцы и т. д. Здесь в различных областях творчества проявили себя немцы, шведы, французы, поляки – инженеры, ученые, коммерсанты, художники, музыканты, ремесленники, декораторы, садоводы и т. д.

Стремление народа к свободе, к “воле” выражалось в постоянных передвижениях населения на Север, Восток и Юг. Крестьянство стремилось уйти от власти государства в казачество, за Урал, в дремучие леса Севера. При этом следует заметить, что национальная вражда с местными племенами была относительно незначительной. Не подлежит сомнению и глубокая привязанность народа к старине, выразившаяся в традиционности церковного распорядка и в движении староверов, также стремившихся уйти подальше от государственной власти.

Вершины добра соседствуют с глубочайшими ущельями зла. И русскую культуру постоянно одолевали “противовесы” добру в ее культуре: взаимная вражда, тираничность, национализм, нетерпимость и т. д. Снова обращу внимание на то, что зло стремится разрушить наиболее ценное в культуре.

Отсюда в России были постоянно нападения на свободу личности, тиранические формы правления, закрепощение крестьян, ссылки “полити-

ческих”, религиозные преследования (особенно старообрядцев), национальные преследования.

Амплитуда колебаний между добром и злом в русском народе чрезвычайно велика. Русский народ – народ крайностей и быстрого и неожиданного перехода от одного к другому, а поэтому – народ непредсказуемой истории.

Вершина добра соседствует с глубочайшими ущельями зла. И русскую культуру постоянно одолевали “противовесы” добру в ее культуре: взаимная вражда, деспотизм, национализм, нетерпимость. Снова обращаю внимание на то, что зло стремится разрушить наиболее ценное в культуре. Зло действует целенаправленно, и это свидетельствует о том, что у “зла” существует “сознание”. Если бы сознательного начала в зле не существовало, оно должно было бы прорываться только на слабых участках, тогда как в национальном характере, в национальных культурах, как я уже говорил, атакует вершины.

Поразительно, что атакам зла подвергались в русской культуре все ее европейские, христианские ценности: соборность, национальная терпимость, общественная свобода.

Зло действовало особенно интенсивно в эпоху Грозного (оно не было характерно для русской истории), в царствование Петра, когда европеизация соединялась с закабалением народа и усилением государственной тирании.

Своего апогея атаки зла в России достигли в эпоху Сталина и “сталинщины”. Да и в последующее время они не ослабевали, хотя крепло сопротивление.

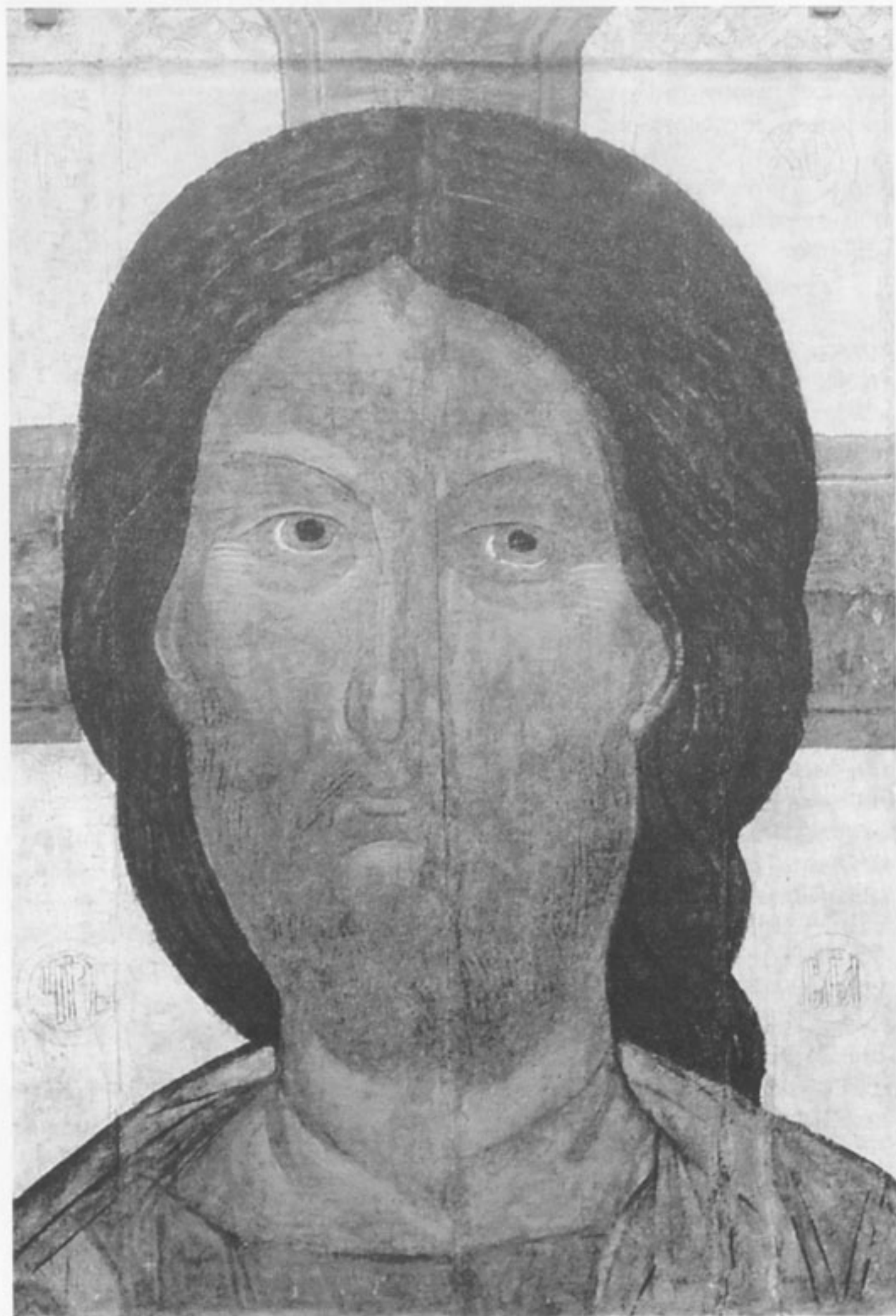
Характерна одна деталь. Русский народ всегда отличался своим трудолюбием, и точнее, “земледельческим трудолюбием”, хорошо организованным земледельческим бытом крестьянства. Земледельческий труд был свят.

И вот именно крестьянство и религиозность русского народа были усиленно уничтожаемы. Россия из “житницы Европы”, как ее постоянно называли, стала “потребительницей чужого хлеба”. Зло приобрело материализованные формы.

Обращу внимание на одну поразительную особенность зла в наше время.

Как известно, простейшая и наиболее сильная ячейка общества, его слитности при условии свободы – семья. И в наше время, когда русская культура имеет возможность выпутаться из сетей зла – нетерпимости, тирании, деспотизма, оков национализма и прочего, – именно семья как бы “беспричинно”, а на самом деле, вероятнее всего, целенаправленно, становится главной мишенью зла. Мы все должны, особенно у нас на родине, осознать эту опасность.

Зло атакует в обход!

Спас Ярое Око. Кон. XIV – нач. XV в. Государственный Русский музей

РОССИЯ НИКОГДА НЕ БЫЛА ВОСТОКОМ

*(Об исторических закономерностях
и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?)*

Для русской земли (особенно в первые века ее исторического бытия) гораздо больше значило ее положение между Севером и Югом, и потому ей гораздо больше подходит определение Скандославии, чем Евразии, так как от Азий она, как ни странно, получила чрезвычайно мало.

Отрицать значение воспринятого из Византии и Болгарии христианства в самом широком аспекте их воздействия означает становиться на крайние позиции вульгарного “исторического материализма”. И речь идет не просто о смягчении нравов под влиянием христианства (мы по себе сейчас хорошо знаем, к чему в области общественной нравственности приводит атеизм как официальное мировоззрение), а о самом направлении государственной жизни, о междукняжеских отношениях и об объединении Руси.

*Св. Борис. Фрагмент иконы
"Святые Борис и Глеб с житием"
из церкви св. Бориса и Глеба
в Запрудях в Коломне. XIV в.
Государственная
Третьяковская галерея*

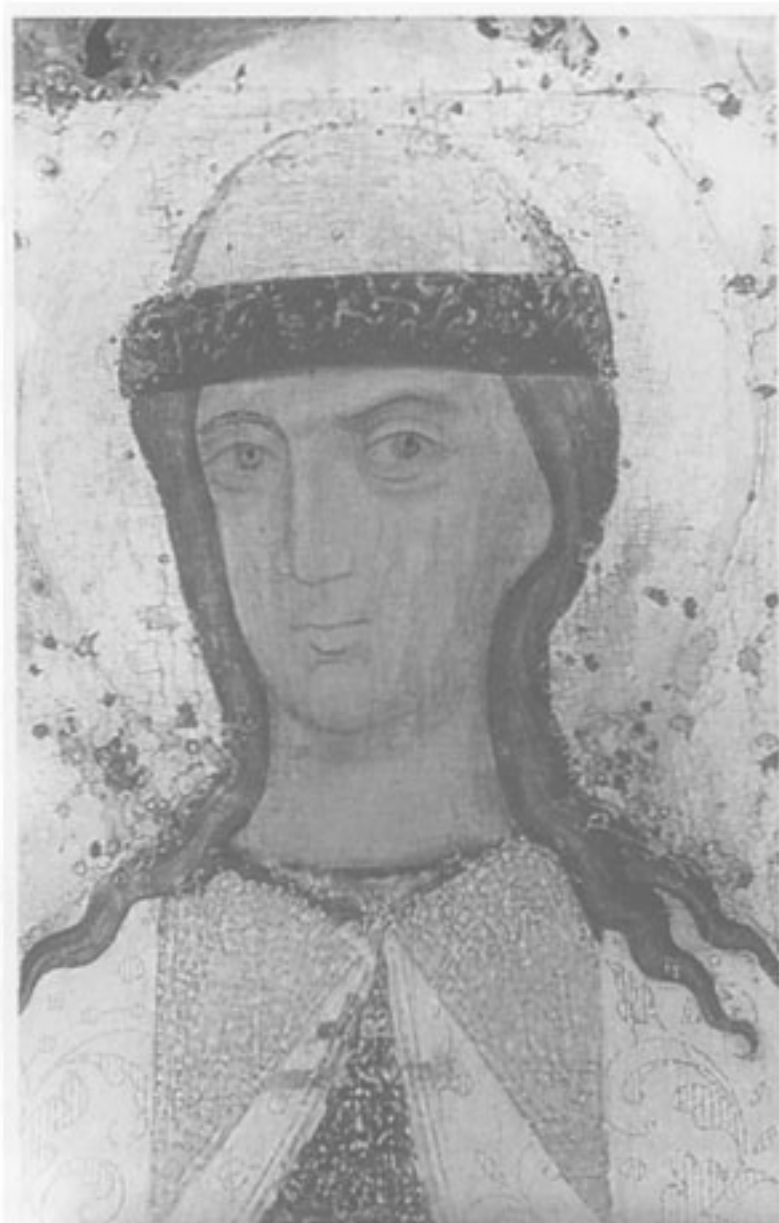
Обычно русскую культуру характеризуют как промежуточную между Европой и Азией, между Западом и Востоком, но это пограничное положение видится, только если смотреть на Русь с Запада. На самом же деле влияние азиатских кочевых народов было в оседлой Руси ничтожно. Византийская культура дала Руси ее духовно-христианский характер, а Скандинавия в основном – военно-дружинное устройство.

В возникновении русской культуры решающую роль сыграли Византия и Скандинавия, если не считать собственной ее народной, языческой культуры. Через все

гигантское многонациональное пространство Восточно-Европейской равнины протянулись токи двух крайне несхожих влияний, которые и сыграли определяющее значение в создании культуры Руси. Юг и Север, а не Восток и Запад, Византия и Скандинавия, а не Азия и Европа.

В самом деле: обращение к заветам христианской любви сказывалось на Руси не только в личной жизни, что в полной мере трудно учитываемо, но и в политической. Приведу только один пример. Ярослав Мудрый начинает свое политическое завещание сыновьям следующими словами: "Се аз отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, Бог будеть в вас, и покорить вы противныя под вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распрях и которающесе (враждуя. – Д.Л.), то погыбнете сами и погубите землю отец своих и дед своих, иже налезоса трудом своим великим; но пребывайте мирно, послушающе брат брата". Эти заветы Ярослава Мудрого, а затем Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава были сопряжены с установлениями взаимоотношений князей между собой и пра-

*Св. Глеб. Фрагмент иконы
"Святые Борис и Глеб
с житием" из церкви
св. Бориса и Глеба в Запрудях
в Коломне. XIV в.
Государственная
Третьяковская галерея*

вопорядком наследования княжествами.

Гораздо сложнее, чем духовное влияние Византии с Юга, было значение для государственного строя Руси Скандинавского Севера. Политический строй Руси в XI–XIII веках представлял собой, по аргументированному мнению В. И. Сергеевича, смешанную власть князей и народного веча, существенно ограничивавшего на Руси права князей¹. Княжеско-вечевой строй Руси сложился из соединения северогерманской организации княжеских дружин с исконно существовавшим на Руси вечевым укладом.

Говоря о шведском государственном влиянии, мы должны помнить о том, что еще в XIX веке писал немецкий исследователь К. Леманн: "Шведский строй в начале тринадцатого века (следовательно, спустя три века после призвания варягов. – Д. Л.) еще не достиг государственно-правового понятия «государства». «Riki» или «Konungs-riki», о котором во многих местах говорит древнейшая запись вестготского права, является суммой отдельных государств, которые связаны друг с другом только личностью короля. Над этими «отдельными государствами», «областями» нет никакого более высокого государственно-правового единства, ни самостоятельного единства, ни единства, происходящего из областей посредством избрания или рождения. Случайно они стоят один рядом с другим, если не обращать внимания на королей. Каждая область имеет свое собственное право, свой

¹ Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867.

Св. Николай.
Фрагмент фрески
церкви св. Георгия
в Старой Ладоге. XII в.

собственный административный строй. Принадлежащий к одной из прочих областей является иностранцем в том же смысле, как принадлежащий к другому государству”².

Единство Руси было с самого начала русской государственности, с X века, гораздо более реальным, чем единство шведского государственного строя. И в этом, несомненно, сыграло свою роль христианство, пришедшее с Юга, ибо Скандинавский Север еще долго оставался языческим. Призванные из Швеции конунги – Рюрик, Синеус и Трувор (если таковые действительно существовали) – могли научить русских по преимуществу военному делу, организации дружин. Княжеский же строй в значительной мере поддерживался на Руси собственными государственными и общественными традициями: вечевыми установлениями и земскими обычаями. Именно они имели значение в период зависимости от татар-завоевателей, ударивших главным образом по князьям и княжеским установлениям.

² *Lehmann K. Der Konigsfreide der Nordgermanen. Leipzig, 1886. S. 7 (см.: Пресняков А. Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 61).*

Итак, в Скандинавии государственная организация существенно отставала от той, которая существовала на Руси, где междукняжеские отношения сложились в основном при Владимире Мономахе и его старшем сыне Мстиславе, а затем продолжали меняться под влиянием внутренних потребностей в XII и XIII веках.

Когда в результате нашествия Батыя, явившегося чрезвычайным бедствием для Руси (что бы ни писали о нем евразийцы, подчинявшие факты своей концепции), был разгромлен княжеско-дружинный строй русской государственности, опорой народа остался только его общинно-государственный быт (так думал и крупнейший украинский историк М. С. Грушевский).

Традиции государственности и народ

Отвечая на вопрос о значении Скандинавии для установления на Руси определенных форм государственной власти, мы подошли и к вопросу о роли демократических традиций в русской исторической жизни. Общим местом в суждениях о России стало утверждение, что в России не было традиций демократии, традиций нормальной государственной власти, мало-мальски учитывающей интересы народа. Еще один предрассудок! Не будем приводить всех фактов, опровергающих это избитое мнение. Пунктирно наметим только то, что говорит против...

Договор 945 года между русскими и греками заключается словами “и от всякая княжья и от всех людей Руския земля”, а “люди Руской земли” – это не только славяне, но на равных основаниях финно-угорские племена – чудь, меря, весь и прочие.

Князья сходились на княжеские собрания – “снемы”. Князь начинал свой день, совещаясь со старшей дружиной – “боярами думающими”. Княжеская дума – постоянный совет при князе. Князь не предпринимал дела, “не поведав мужем лепшим думы своея”, “не стадав с мужми своими”.

Следует учитывать также издавнее существование законодательства – Русской Правды. Первый же Судебник был создан уже в 1497 году, что значительно раньше, чем аналогичные акты у других народов.

Абсолютная монархия

Как ни странно, но абсолютизм появился в России вместе с влиянием Западной Европы при Петре Великом. Именно с Петра прекратили собираться выборные учреждения, прекратила свое существование и Боярская

*Царь Соломон. Фрагмент фрески
церкви св. Георгия
в Старой Ладозе. XII в.*

дума, имевшая власть не соглашаться с государем. Под документами Боярской думы наряду с обычной формулой “Великий государь говорил, а бояре приговорили” можно встретить и такие формулировки: “Великий государь говорил, а бояре не приговорили”. Патриарх в своих решениях часто расходился с царем. Многочисленные примеры тому можно встретить в период правления царя Алексея Михайловича и патриаршества Никона.

И Алексей Михайлович вовсе не был бездеятельным и безвольным человеком. Скорее обратное. Конфликты царя и патриарха достигали драматических ситуаций. Не случайно Петр, воспользовавшись удобным случаем, упразднил патриаршество и заменил патриаршее управление коллегиальными решениями Синода. Петр был прав в одном: легче подчинить себе чиновничье большинство, чем одну сильную личность. Это мы знаем и по нашему времени. Может существовать гениальный и популярный полководец, но не может быть гениального и популярного генерального штаба. В науке великие открытия, сделанные одним человеком, почти всегда встречали сопротивление большинства ученых. За примерами ходить не далеко: Коперник, Галилей, Эйнштейн.

Впрочем, это не значит, что я на этом основании отдаю предпочтение монархии. Я отдаю предпочтение сильной индивидуальности, а это нечто совсем другое.

Теория “московского империализма” – “Москва–Третий Рим”

Странно думать, что в еще не подчинявшемся Москве Пскове старец небольшого Елезарова монастыря мог создать концепцию агрессивного московского империализма.

Между тем давно указан смысл и источник этих кратких слов о Москве как Третьем Риме и раскрыта подлинная концепция происхождения ее великокняжеской власти – «Сказание о князьях владимирских».

Император, по византийским представлениям, был протектором Церкви, при этом единственным в мире. Ясно, что после падения Константинополя в 1453 году, в обстановке отсутствия императора, русской Церкви необходим был другой протектор. Он и был определен старцем Филофеем в лице московского государя. Другого православного монарха в мире не существовало. Выбор Москвы в качестве преемницы Константинополя как нового Царьграда явился естественным следствием представлений о Церкви. Почему же потребовалось целых полвека, чтобы прийти к подобной мысли, и почему Москва в XVI веке не приняла этой идеи, заказывая отставному митрополиту Спиридону совсем другую концепцию – «Сказание о князьях владимирских», преемниками которых были московские государи, носившие титул «владимирских»?

Дело объясняется просто. Константинополь впал в ересь, присоединившись к Флорентийской унии с католической церковью, и признавать себя вторым Константинополем Москва не хотела. Поэтому и была создана концепция о происхождении князей владимирских непосредственно из Первого Рима от Августа кесаря³.

Только в XVII веке концепция Москвы как Третьего Рима приобрела несвойственный ей вначале расширительный смысл, и уж совсем глобальное значение получили в XIX и XX веках несколько фраз Филофея в его посланиях к Ивану III. Гипнозу одностороннего политического и исторического понимания идеи Москвы как Третьего Рима были подвержены Гоголь, Константин Леонтьев, Данилевский, Владимир Соловьев, Юрий Самарин, Вячеслав Иванов, Бёрдяев, Карташев, С. Булгаков, Николай Федоров, Флоровский и тысячи, тысячи других. Меньше всего представлял себе огромность своей идеи сам ее «автор» – старец Филофей.

Православные народы Малой Азии и Балканского полуострова, оказавши-

Голова юноши. Фрагмент фрески собора Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде. 1125

³ Дмитриева Р. П. *Сказание о князьях владимирских*. Л., 1955.

еся в подчинении мусульман, до падения Константинополя признавали себя подданными императора. Это подчинение было чисто умозрительное, тем не менее, оно существовало, пока существовал византийский император. Существовали эти представления и в России. Они исследованы в прекрасном труде Платона Соколова "Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века" (Киев, 1913), оставшемся малоизвестным из-за последовавших за выходом этой книги событий.

Крепостное право

Говорят и пишут, будто крепостное право сформировало характер русских, но при этом не учитывают, что вся северная половина Российского государства никогда не знала крепостного права и что крепостное право в центральной его части водворяется сравнительно поздно. Раньше России крепостное право формируется в прибалтийских и прикарпатских странах. Юрьев день, позволявший крестьянам уходить от своего помещика, сдерживал жестокость крепостной зависимости, пока не был упразднен. Крепостное право в России отменено раньше, чем в Польше и в Румынии, раньше, чем отменили рабство в Соединенных Штатах Америки. Жестокость крепостного права в Польше усиливалась и национальной рознью. Крепостные крестьяне в Польше были по преимуществу белорусы и украинцы.

Полное освобождение крестьян в России подготовлялось уже при Александре I, когда были введены ограничения крепостного права. В 1802 году провозглашается закон о вольных хлебопашцах, а еще до этого император Павел I указом 1797 года установил высшую норму крестьянского труда в пользу помещиков – три дня в неделю.

Если обратиться к другим фактам, то нельзя обойти вниманием организацию Крестьянского банка в 1882 году для субсидирования покупки земли крестьянами.

То же и в рабочем законодательстве. Целый ряд законов был принят в пользу рабочих при Александре III: ограничение фабричных работ малолетних в 1882 году – раньше, чем аналогичные законы приняли в других странах, ограничение ночных работ подростков и женщин в 1885 году и законы, регулирующие фабричный труд рабочих в целом, – 1886–1897 годы.

Мне могут возразить: но ведь есть и противоположные факты – отрицательных действий правительства. Да, особенно в революционное время 1905 и последующих годов, однако, как это ни парадоксально, положительные явления в своем идейном значении только усиливаются, когда за них приходится бороться. Значит, народ добивался улучшения своего существования и боролся за свою личную свободу.

Ангел. Фрагмент иконы
"Илья Пророк в пустыне
с житием и деисусом".
Псков. XIII в.

"Тюрьма народов"

Очень часто приходится читать и слышать, что царская Россия была "тюрьмой народов". Но никто при этом не упоминает, что в России сохранялись религии и вероисповедания – католическое и лютеранское, а также ислам, буддизм, иудаизм.

Как многократно отмечалось, в России сохранялось обычное право и привычные народам гражданские права. В Царстве Польском продолжал действовать кодекс Наполеона, в Полтавской и Черниговской губерниях – Литовский статут, в Прибалтийских губерниях – Магдебургское городское право, местные законы действовали на Кавказе, в Средней Азии и Сибири. Конституция – в Финляндии, где еще Александр I организовал четырехсословный Сейм.

И опять приходится сказать: да, имелись и вопиющие факты национального угнетения, но это не означает, что надо закрывать глаза на то, что национальная вражда не достигала размеров нынешней или что значительная часть российского дворянства была татарского и грузинского происхождения.

Для русских другие нации всегда представляли особую притягательную силу. Притягательные силы к другим народам, особенно слабым, малочисленным, помогли России сохранить на своих пространствах около двухсот народов. Согласитесь – это немало. Но этот же "магнит" постоянно отталки-

"Корсунские" (Магдебургские) врата из Софийского собора в Новгороде. XII в.

*Детали "Корсунских" врат
из Софийского собора в Новгороде. XII в.*

вал главным образом жизнедеятельные народы – поляков, евреев. В поле силовых линий, притягивавших и отталкивавших от русских другие народы, оказались втянуты даже Достоевский и Пушкин. Первый подчеркивал в русских их всечеловечность, а вместе с тем в противоречии с этим своим убеждением нередко срывался в бытовой антисемитизм. Второй, заявляя, что к памятнику его придет всякий живущий в России народ ("...всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык"), написал стихотворение "Клеветникам России", в котором "волнения Литвы" (то есть в терминологии того времени – Польши) против России счел спором славян между собой, в который не должны вмешиваться другие народы.

Отрыв России от Европы

Была ли Россия в течение семисот лет своего существования до Петра оторвана от Европы? Да, была, но не в такой мере, в которой это про-

возглашалось самим создателем подобного мифа Петром Великим. Миф этот потребовался Петру для прорыва в Северную Европу. Однако еще до татарского нашествия у России существовали интенсивные отношения со странами южной и северной Европы. Новгород входил в Ганзейский союз. В Новгороде был готский вымол, у готландцев в Новгороде имелась своя церковь. А еще до того “путь из Варяг в Греки” в IX–XI веках был главным путем торговли стран Балтики со странами Средиземноморья. С 1558 по 1581 год русское государство владело Нарвой, куда, минуя Ревель и другие порты, приезжали для торговли не только англичане и голландцы, но и французы, шотландцы, немцы.

В XVII веке основное население Нарвы оставалось русским, русские не только вели обширную торговлю, но занимались и литературой, о чем свидетельствует опубликованный мною “Плач о реке Нарове 1665 г.”, в котором жители Нарвы жалуются на притеснения со стороны шведов⁴.

Англичанин Джайльс Флетчер в своем сочинении о России (“О государстве Русском”. СПб., 1906) пишет, что когда Нарва была русской, то через таможеню ежегодно проходило до 100 судов с русским льном и пенькой.

Культурная отсталость

Распространено мнение, что русский народ крайне некультурен. Что это значит? Действительно, поведение русских в своей стране и за рубежом “заставляет желать лучшего”. Попадают в “загранки” далеко не выдающиеся представители нации. Это известно. Известно и то, что чиновники, а особенно взяточники, на протяжении 75 лет большевистской власти считались наиболее надежными и “политически грамотными”. Однако русская культура, насчитывающая тысячу лет своего существования, бесспорно, я бы сказал, “выше среднего”. Достаточно назвать несколько имен: в науке – Ломоносов, Лобачевский, Менделеев, В. Вернадский, в музыке – Глинка, Мусоргский, Чайковский, Скрябин, Рахманинов, Прокофьев, Шостакович, в литературе – Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Блок, Булгаков, в архитектуре – Воронихин, Баженов, Стасов, Старов, Штакеншнейдер... Стоит ли перечислять все области и давать примерный список их представителей? Говорят – нет философии. Да, того типа, что в Германии, мало, но русского типа вполне достаточно – Чаадаев, Данилевский, Н. Федоров, Вл. Соловьев, С. Булгаков, Франк, Бердяев.

А русский язык – его классической поры – XIX век? Разве не свидетельствует он сам по себе о высоком интеллектуальном уровне русской культуры?

⁴ Лихачев Д. С. Плач о реке Нарове 1665 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 333–338.

Берестяная грамота. Новгород. XII в.

Откуда все это могло бы взяться, не будь появление всех ученых, музыкантов, писателей, художников и архитекторов подготовлено состоянием культуры на ее высших уровнях?

Говорят также, что Россия была страной чуть ли не сплошной неграмотности. Это не совсем точно. Статистические данные, собранные академиком А. И. Соболевским по подписям под документами XV–XVII веков, свидетельствуют о высокой грамотности русского народа. Первоначально этим данным не поверили, но их подтвердили и открытые А. В. Арциховским новгородские берестяные грамоты, писанные простыми ремесленниками и крестьянами.

В XVIII–XIX веках русский Север, не знавший крепостного права, был почти сплошь грамотным, и в крестьянских семьях до последней войны существовали большие библиотеки рукописных книг, остатки которых удастся сейчас собирать.

В официальных переписях XIX–XX веков старообрядцев обычно записывали неграмотными, так как они отказывались читать печатные книги, а старообрядцы на Севере и на Урале, да и в ряде других районов России, составляли основную часть коренного населения.

Исследования Марины Михайловны Громыко и ее учеников показали, что объем знаний крестьян по земледелию, рыболовству, охоте, русской истории, воспринятой через фольклор, был весьма обширен. Просто существуют разные типы культуры. И культура русского крестьянина, конечно, была не университетской. Университетская культура появилась в России поздно, но в XIX и XX века быстро достигла высокого уровня, особенно в том, что касалось филологии, истории, востоковедения⁵.

⁵ В XIX в. Россия сделалась крупнейшей библиотечной державой. Кроме Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, занимавшей третье место в мире по числу книг, библиотек Академии наук, Румянцевской, Киевского университета, духовных академий в Петербурге, Казани, Киеве, библиотек университетов, высших учебных заведений, военных корпусов, гимназий и реальных училищ, существовали великолепные частные библиотеки, особенно усадебные, благодаря которым в провинции, а иногда и в деревенских условиях, воспитывались замечательные писатели и ученые.

*Ангел. Клеймо иконы
"Богоматерь Умиление (Белозерская)".
XII – первая пол. XIII в.
Государственный Русский музей*

Так что же произошло с Россией?

Почему огромная по численности и великая по своей культуре страна оказалась в таком трагическом положении? Десятки миллионов расстрелянных и замученных, умерших от голода и погибших в "победоносной" войне. Страна героев, мучеников и... тюремных надсмотрщиков. Почему?

И опять идут поиски особой "миссии" России. На этот раз наиболее распространенной идеей становится старая, но "перевернутая" идея: Россия выполняет свою миссию – предостеречь мир от гибели искусственных государственных и общественных образований, показать несбыточность и даже катастрофичность социализма, надеждами на который жили "передовые" люди, особенно в XIX веке. Это невероятно! Я отказываюсь верить даже в одну сотую, одну тысячную долю благодетельности такой "миссии".

Никакой особой миссии у России нет и не было!

Судьба нации принципиально не отличается от судьбы человека. Если человек приходит в мир со свободной волей, может выбирать сам свою судьбу, может стать на сторону добра или зла, сам отвечает за себя и сам себя судит за свой выбор, обрекая на чрезвычайные страдания или на счастье признания – нет, не собой, а Высшим Судьей своей причастности к добру (я намеренно выбираю осторожные выражения, ибо никто не знает точно, как происходит этот суд), то и любая нация точно так же отвечает за свою судьбу. И не надо ни на кого сваливать вину за свою "несчастьность" – ни на коварных соседей или завоевателей, ни на случайности, ибо и случайности далеко не случайны, но не потому, что существует какая-то "судьба", рок или миссия, а в силу того, что у случайностей есть конкретные причины.

Одна из основных причин многих случайностей – национальный характер русских. Он далеко не един. В нем скрещиваются не только разные черты, но черты в "едином регистре": религиозность с крайним безбожием, бескорыстие со скопидомством, практицизм с полной беспомощностью

перед внешними обстоятельствами, гостеприимство с человеконенавистничеством, национальное самооплевывание с шовинизмом, неумение воевать с внезапно проявляющимися великолепными чертами боевой стойкости.

“Бессмысленный и беспощадный”, – сказал Пушкин о русском бунте, но в моменты бунта эти черты обращены прежде всего на самих себя, на бунтующих, жертвующих жизнью ради скудной по содержанию и малопонятной по выражению идеи.

“Широк, очень широк русский человек – я бы сузил его”, – заявляет Иван Карамазов у Достоевского.

Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем. Причины этого требуют особого разговора. Скажу только, что они вполне конкретны и не требуют веры в судьбу и “миссию”. Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека.

Это предпочтение крайностей во всем в сочетании с крайним же легковерием, которое вызывало и вызывает до сих пор появление в русской истории десятков самозванцев, привело и к победе большевиков. Большевики победили отчасти потому, что они (по представлениям толпы) хотели больших перемен, чем меньшевики, которые якобы предлагали их значительно меньше. Такого рода доводы, не отраженные в документах (газетах, листовках, лозунгах), я тем не менее запомнил совершенно отчетливо. Это было уже на моей памяти.

Несчастье русских – в их легковерии. Это не легкомыслие, отнюдь нет. Иногда легковерие выступает в форме доверчивости, тогда оно связано с добротой, отзывчивостью, гостеприимством (даже в знаменитом, ныне исчезнувшем, хлебосольстве). То есть это одна из обратных сторон того ряда, в который обычно выстраиваются положительные и отрицательные черты в контрдансе национального характера. А иногда легковерие ведет к построению легковесных

*Дионисий Ареопагит.
Фрагмент иконы “Успение Богоматери”.
Кон. XII – нач. XIII в.
Государственная Третьяковская
галерея*

*Св. Николай Чудотворец.
Моленная икона
преп. Сергия Радонежского. XIV в.*

планов экономического и государственного спасения (Никита Хрущев верил в свиноводство, затем в кролиководство, потом поклонялся кукурузе, и это очень типично для русского простолюдина).

Русские часто сами смеются над собственным легковерием; все делаем на авось и небось, надеемся, что “кривая вывезет”. Эти словечки и выражения, отлично характеризующие типично русское поведение даже в критических ситуациях, не переводимы ни на один язык. Тут вовсе не проявление легкомыслия в практических вопросах, так его толковать нельзя, – это вера в судьбу в форме недоверия к себе и вера в свою предназначенность.

Стремление уйти от государственной “опеки” навстречу опасностям в степи или в леса, в Сибирь, искать счастливого Беловодья и в этих поисках угодить на Аляску, даже переселиться в Японию.

Иногда это вера в иностранцев, а иногда поиски в этих же иностранцах виновников всех несчастий. Несомненно, что в карьере многих “своих” иностранцев сыграло роль именно то обстоятельство, что они были нерусскими – грузинами, чеченцами, татарами и т. п.

Драма русского легковерия усугубляется и тем, что русский ум отнюдь не связан повседневными заботами, он стремится осмыслить историю и свою жизнь, все происходящее в мире в самом глубоком смысле. Русский крестьянин, сидя на завалинке своего дома, рассуждает с друзьями о политике и русской судьбе – судьбе России. Это обычное явление, а не исключение!

Русские готовы рисковать самым драгоценным, они азартны в выполнении своих предположений и идей. Они готовы голодать, страдать, даже идти на самоожжение (как сотнями сжигали себя старoverы) ради своей веры, своих убеждений, ради идеи. И это имело место не только в прошлом – это есть и сейчас. (Разве не верили избиратели в явно несбыточные обещания некоего депутата, ныне заседающего в Госдуме?)

Нам, русским, необходимо, наконец, обрести право и силу самим отвечать за свое настоящее, самим решать свою политику – и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права, – опираясь на реальные факты, на реальные традиции, а не на различного рода предрассудки, связанные с русской историей, на мифы о всемирно-исторической “миссии” русского народа и на его якобы обреченность в силу мифических представлений о каком-то особенно тяжелом наследстве рабства, которого не было, крепостного права, которое было у многих, на якобы отсутствие “демократических традиций”, которые на самом деле у нас были, на якобы отсутствие деловых качеств, которых было сверхдостаточно (одно освоение Сибири чего стоит), и т. д., и т. п. У нас была история не хуже и не лучше, чем у других народов.

Нам самим надо отвечать за наше нынешнее положение, мы в ответе перед временем и не должны сваливать все на своих достойных всяческого уважения и почитания предков, но при этом, конечно, должны учитывать тяжелые последствия коммунистической диктатуры.

Мы свободны – и именно поэтому ответственны. Хуже всего все валить на судьбу, на авось и небось, надеяться на “кривую”. Не вывезет нас “кривая”!

Мы не соглашаемся с мифами о русской истории и русской культуре, созданными в основном еще при Петре, которому необходимо было оттолкнуться от русских традиций, чтобы двигаться в нужном ему направлении. Но означает ли это, что мы должны успокоиться и считать, что мы пребываем в “нормальном положении”?

Нет, нет и нет! Тысячелетние культурные традиции ко многому обязывают. Мы должны, нам крайне необходимо продолжать оставаться великой державой, но не только по своей обширности и многолюдству, а в силу той великой культуры, которой должны быть достойны и которую не случайно, когда хотят ее унижить, противопоставляют культуре всей Европы, всех западных стран. Не одной какой-либо стране, а именно всем странам. Это часто делается произвольно, но подобное противопоставление само по себе уже указывает на то, что Россию можно ставить рядом с Европой.

Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию, – библиотеки, музеи, архивы, школы, университеты, периодику (особенно типичные для России “толстые” журналы), – если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы, безусловно, будем занимать одно из ведущих мест на Севере Европы и Азии.

И, размышляя о нашей культуре, нашей истории, мы не можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью о прошлом. И важно, чтобы она сохраняла то, что ее достойно.

Св. Георгий. Икона Успенского собора Московского Кремля. XII в.

МИФЫ О РОССИИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

Ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия, и ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский.

Н. Бердяев постоянно отмечал поляризованность русского характера, в котором странным образом совмещаются совершенно противоположные черты: доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолобие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничижение с национальной гордыней и шовинизмом.

Другая причина в том, что в русской истории играли огромную роль различные “теории”, идеология, тенденциозное освещение настоящего и прошлого. Приведу один из напрашивающихся примеров: петровскую реформу. Для ее осуществления потребовались совершенно искаженные представления о предшествующей русской истории. Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отторжена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит,

необходимо было создать миф о России косной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась. Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось сделать с такою энергией, что вся семивековая русская история была отвергнута и оклеветана. Создателем мифа об истории России был Петр Великий. Он же может считаться создателем мифа о самом себе. Между тем Петр был типичным воспитанником XVII века, человеком барокко, воплощением заветов педагогической поэзии Симеона Полоцкого – придворного поэта его отца, царя Алексея Михайловича.

В мире не было еще мифа о народе и его истории такого устойчивого, как тот, что был создан Петром. Об устойчивости государственных мифов мы знаем и по нашему времени. Один из таких “необходимых” нашему государству мифов – это миф о культурной отсталости России до революции. “Россия из страны неграмотной стала передовой...” и т. д. Так начинались многие бахвальские речи последних семидесяти лет. Между тем исследования академика Соболевского по подписям на различных официальных документах еще до революции показали высокий процент грамотности в XV–XVII веках, что подтверждается и обилием берестяных грамот, находимых в Новгороде, где почва наиболее благоприятствовала их сохранению. В XIX и XX веках в “неграмотные” часто записывались все староверы, так как они отказывались читать новопечатные книги. Другое дело, что в России до XVII века не было высшего образования, однако объяснение этому следует искать в особом типе культуры, к которой принадлежала Древняя Русь.

Твердая убежденность существует и на Западе, и на Востоке в том, что в России не было опыта парламентаризма. Действительно, парламенты до Государственной думы начала XX века у нас не существовали, опыт же Государственной думы был очень небольшой. Однако традиции совещательных учреждений были до Петра глубокие. Я не говорю о вече. В домонгольской Руси князь, начиная свой день, садился “думу думать” со своей дружиной и боярами. Совещания с “градскими людьми”, “игуменами и попы” и “всеми людьми” были постоянными и положили прочные основы земским соборам с определенным порядком их созыва, представительством разных сословий. Земские соборы XVI–XVII веков имели письменные отчеты и постановления. Конечно, Иван Грозный жестоко “играл людьми”, но и он не осмеливался официально отменить старый обычай совещаться “со всей землей”, делая по крайней мере вид, что он управляет страной “по старине”. Только Петр, проводя свои реформы, положил конец старым русским совещаниям широкого состава и представительным собраниям “всех людей”. Возобновлять общественно-государственную жизнь пришлось только во второй половине XIX века, но ведь все-таки возобновилась же эта общественная, “парламентская” жизнь; не была забыта!

*Николай Чудотворец.
Икона из Духова
монастыря в Новгороде.
Сер. XIII в.
Государственный
Русский музей*

Не буду говорить о других предрассудках, существующих о России и в самой России. Я не случайно остановился на тех представлениях, которые изображают русскую историю в непривлекательном свете.

Когда мы хотим построить историю любого национального искусства или историю литературы, даже когда мы составляем

путеводитель или описание города, даже просто каталог музея, мы ищем опорные точки в лучших произведениях, останавливаемся на гениальных авторах, художниках и на лучших их творениях, а не на худших. Это принцип чрезвычайно важный и совершенно бесспорный. Историю русской культуры мы не можем построить без Достоевского, Пушкина, Толстого, но вполне можем обойтись без Маркевича, Лейкина, Арцыбашева, Потапенко. Поэтому не считайте за национальное бахвальство, за национализм, если я говорю о том самом ценном, что дает русская культура, опуская то, что имеет ценность отрицательную. Ведь каждая культура занимает место среди культур мира только благодаря тому самому высокому, чем она обладает. И хотя с мифами и легендами о русской истории разбираться очень трудно, но на одном круге вопросов мы все же остановимся. Вопрос этот состоит в том: Россия – это Восток или Запад? Мы об этом говорили прежде. Вернемся к этой теме.

Сейчас на Западе очень принято относить Россию и ее культуру к Востоку. Но что такое Восток и Запад? О Западе и западной культуре мы отчасти имеем представление, но что такое Восток и что такое восточный тип

*Архангел Гавриил.
Фрагмент иконы
"Благовещение Устюжское".
Вторая пол. XII в.
Государственная
Третьяковская галерея*

культуры – совсем неясно. Есть ли границы между Востоком и Западом на географической карте? Есть ли различие между русскими, живущими в Петербурге, и теми, кто живет во Владивостоке, хотя принадлежность Владивостока к Востоку отражена в самом названии этого города? В равной степени неясно: культуры Армении и Грузии относятся к восточному типу или к западному? Думаю, что ответа на эти вопросы и не

потребуется, если мы обратим внимание на одну чрезвычайно важную особенность Руси, России.

Россия расположена на огромном пространстве, объединяющем различные народы явно обоих типов. С самого начала в истории трех народов, имевших общее происхождение – русских, украинцев и белорусов, играли огромную роль их соседи. Именно поэтому первое большое историческое сочинение "Повесть временных лет" XI века начинает свой рассказ о Руси с описания того, с кем соседит Русь, какие реки куда текут, с какими народами соединяют. На севере это скандинавские народы – варяги (целый конгломерат народов, к которым принадлежали будущие датчане, шведы, норвежцы, "англяне"). На юге Руси главные соседи – греки, жившие не только в собственно Греции, но и в непосредственном соседстве с Русью – по северным берегам Черного моря. Затем отдельный конгломерат народов – хазары, среди которых были и христиане, и иудеи, и магометане.

Значительную роль в усвоении христианской письменной культуры играли болгары и их письменность.

*Богоматерь.
Фрагмент иконы
"Благовещение Устюжское".
Вторая пол. XII в.
Государственная
Третьяковская галерея*

Самые тесные отношения были у Руси на огромных территориях с финно-угорскими народами и литовскими племенами (литва, жмудь, пруссы, ятвяги и др.). Многие входили в состав Руси, жили общей политической и культурной жизнью, призывали, по летописи, князей, ходили вместе на Царьград. Мирные отношения были с чудью, мерей, весью, емью, ижорой, мордвой, черемисами, коми-зырянами и т. д. Государство Русь с самого начала было многонациональным. Многонациональным было и окружение Руси.

Характерно следующее: стремление русских основывать свои столицы как можно ближе к границам своего государства. Киев и Новгород возникают на важнейшем в IX–XI веках европейском торговом пути, соединявшем север и юг Европы, – на пути "из Варяг в Греки". На торговых реках основываются Полоцк, Чернигов, Смоленск, Владимир.

А затем, после татаро-монгольского ига, как только открываются возможности торговли с Англией, Иван Грозный делает попытку перенести столицу поближе к "морю-окиану", к новым торговым путям – в Вологду, и только случай не дал этому осуществиться. Петр Великий строит новую столицу на опаснейших рубежах страны, на берегу Балтийского моря, в условиях незаконченной войны со шведами – Санкт-Петербург, и в этом (самом радикальном, что сделал Петр) он следует издавней традиции.

Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической миссии России. В этом понятии исторической мис-

сии нет ничего мистического. Миссия России определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов – больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным. И это нам необходимо осознать, ибо мост этот, облегчая общение, облегчает одновременно и вражду, злоупотребления государственной власти.

Хотя в национальных злоупотреблениях государственной власти в прошлом (разделы Польши, завоевание Средней Азии и т. д.) русский народ не виноват по своему духу, культуре, тем не менее, делалось это государством от его имени. Злоупотребления же в национальной политике последних десятилетий не совершались и даже не прикрывались русским народом, который испытывал не меньшие, а едва ли не большие страдания. И мы можем с твердостью сказать, что русская культура на всем пути своего развития непричастна к человеконенавистническому национализму. И в этом мы опять-таки исходим из общепризнанного правила – считать культуру соединением лучшего, что есть в народе. Даже такой консервативный философ, как Константин Леонтьев, гордился многонациональностью России и с великим уважением и своеобразным любованием относился к национальным особенностям населявших ее народов.

Не случайно расцвет русской культуры в XVIII и XIX веках совершился на многонациональной почве в Москве и главным образом в Петербурге. Население Петербурга с самого начала было многонациональным. Его главная улица Невский проспект стала своеобразным проспектом веротерпимости. Не все знают, что самый большой и богатый буддийский храм в Европе был в XX веке построен именно в Петербурге. В Петрограде же была построена богатейшая мечеть.

То, что страна, создавшая одну из самых гуманных универсальных культур, имеющая все предпосылки для объединения многих народов Европы и Азии, явилась в то же время одной из самых жестоких национальных угнетательниц, и, прежде всего, своего собственного, “центрального” народа – русского, составляет один из самых трагических парадоксов в истории, в значительной мере оказавшихся результатом извечного противостояния народа и государства, поляризованности русского характера с его одновременным стремлением к свободе и власти.

Но поляризованность русского характера не означает поляризованности русской культуры. Добро и зло в русском характере вовсе не уравнены. Добро всегда во много раз ценнее и весомее зла. И культура строится на добре, а не на зле, выражает доброе начало в народе. Нельзя путать культуру и государство, культуру и цивилизации.

Самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, начиная с Руси X–XIII веков, общей праматери трех восточнославянских народов – русского, украинского и белорусского, – ее вселенскость, универсализм. Эта черта вселенскости, универсализма, часто искажается, порождая, с одной стороны, охаивание всего своего, а с другой – крайний национализм. Как это ни парадоксально, светлый универсализм порождает темные тени...

Таким образом вопрос о том, Востоку или Западу принадлежит русская культура, снимается полностью. Культура России принадлежит десяткам народов Запада и Востока. Именно на этой основе, на многонациональной почве она выросла во всем своем своеобразии. Не случайно, например, что Россия, ее Академия наук, создала замечательное востоковедение и кавказоведение. Упомяну хотя бы несколько фамилий востоковедов, прославивших русскую науку: иранист К. Г. Залеман, монголовед Н. Н. Поппе, китаисты Н. Я. Бичурин, В. М. Алексеев, индологи и тибетологи В. П. Васильев, Ф. И. Щербатской, индолог С. Ф. Ольденбург, тюркологи В. В. Радлов, А. Н. Кононов, арабисты В. Р. Розен, И. Ю. Крачковский, египтологи Б. А. Тураев, В. В. Струве, японовед Н. И. Конрад, финно-угроведы Ф. И. Видеман, Д. В. Бубрих, гебраисты Г. П. Павский, В. В. Вельяминов-Зернов, П. К. Коковцов, кавказовед Н. Я. Марр и многие другие. В великом русском востоковедении всех не перечислишь, но именно они сделали так много для народов, входивших в Россию. Многих я знал лично, встречал в Петербурге, реже в Москве. Они исчезли, не оставив равноценной замены, но русская наука – это именно они, люди западной культуры, много сделавшие для изучения Востока.

В этом внимании к Востоку и Югу прежде всего выражается европейский характер русской культуры. Ибо европейская культура отличается именно тем, что она открыта к восприятию других культур, к их объединению, изучению и сохранению, и отчасти усвоению. Далекое не случайно, что среди названных мною выше русских востоковедов так много обрусевших немцев. Немцы, ставшие жить в Петербурге со времен Екатерины Великой, оказались и в дальнейшем в Петербурге представителями русской культуры в ее всечеловечности. Не случайно, что и в Москве обрусевший немец врач Ф. П. Гааз оказался выразителем другой русской черты – жалости к заключенным, которых народ называл несчастненькими и которым Ф. П. Гааз помогал в самом широком масштабе, часто выходя на дороги, где шли этапы на каторжные работы.

Итак, Россия – это Восток и Запад, но что дала она тому и другому? В чем ее характерность и ценность для того и другого? В поисках национального своеобразия культуры мы должны прежде всего искать ответа у литературы и письменности.

Позволю себе одну аналогию.

В мире живых существ, а их миллионы, только человек обладает речью, словом, может выражать свои мысли. Поэтому человек, если он действительно Человек, должен являться защитником всего живого на земле, говорить за все живое во Вселенной. Так же точно в любой культуре, представляющей собой обширнейший конгломерат различных “немых” форм творчества, именно литература, письменность яснее всего выражает национальные идеалы культуры. Она выражает именно идеалы, только лучшее в культуре и только наиболее выразительное для ее национальных особенностей. Литература “говорит” за всю национальную культуру, как “говорит” человек за все живое во Вселенной.

Возникла русская литература на высокой ноте. Первым произведением было компилятивное сочинение, посвященное мировой истории и размышлению о месте в этой истории Руси – “Речь философа”, впоследствии помещенная в первую русскую летопись. Тема эта не была случайной. Через несколько десятилетий появилось другое историософское произведение – “Слово о Законе и Благодати” первого митрополита из русских Илариона. Это было уже вполне зрелое и искусное произведение на светскую тему, которая сама по себе была достойна той литературы, той истории, которая зарождалась на востоке Европы... В этом размышлении о будущем – уже одна из своеобразных и значительнейших тем русской литературы.

А. П. Чехов в повести “Степь” обронил от себя лично такое замечание: “Русский человек любит вспоминать, но не любит жить”; то есть он не живет настоящим, и действительно – только прошлым или будущим! Я считаю, что это самая важная

Миниатюра из Киевской псалтыри. 1397.
Российская национальная библиотека

русская национальная черта, далеко выходящая за пределы только литературы. В самом деле, об особом интересе к прошлому свидетельствует чрезвычайное развитие в Древней Руси исторических жанров, и в первую очередь летописания, известного в тысячах списков, хронографии, исторических повестей, временников и т. д.

Вымышленных сюжетов в древней русской литературе крайне мало –

*Давид Псалмопевец.
Миниатюра из Киевской псалтыри. 1397.
Российская национальная
библиотека*

только то, что было или представлялось бывшим, было достойным повествования до XVII века. Русские люди были преисполнены уважения к прошлому. За свое прошлое умирали, сжигали себя в бесчисленных “гарях” (самосожжениях) тысячи староверов, когда Никон, Алексей Михайлович и Петр захотели “поручить старину”. Эта черта в своеобразных формах удержалась и в новое время.

Рядом с культом прошлого с самого начала в русской литературе находилась ее устремленность к будущему. И это опять-таки черта, далеко выходящая за пределы литературы. Она в своеобразных и разнообразных, иногда даже искаженных, формах свойственна всей русской интеллектуальной жизни. Устремленность к будущему выражалась в русской литературе на всем протяжении ее развития. Это была мечта о лучшем будущем, осуждение настоящего, поиски идеального построения общества. Обратите внимание: русской литературе, с одной стороны, в высшей степени свойственны прямое учительство – проповедь нравственного обновления, а с другой – до глубины души захватывающие сомнения, искания, недовольство настоящим, разоблачения, сатира. Ответы и вопросы! Иногда даже ответы появляются раньше, чем вопросы. Допустим, у Толстого преобладает учительство, ответы, а у Чаадаева и Салтыкова-Щедрина – вопросы и сомнения, доходящие до отчаяния.

Эти взаимосвязанные склонности – сомневаться и учить – свойственны русской литературе с первых же шагов ее существования и постоянно ставили литературу в оппозицию государству. Первый летописец, установивший самую форму русского летописания (в виде “погодных”, годовых записей), Никон, вынужден был даже бежать от княжеского гнева в Тмутаракань на Черном море и там продолжать свою работу. В дальнейшем все русские летописцы в той или иной форме не только излагали прошедшее, но разоблачали и учили, призывали к единству Руси. Это же делал и автор “Слова о полку Игореве”.

Особенной интенсивности эти поиски лучшего государственного и общественного устройства Руси достигают в XVI и XVII веках. Русская литература становится публицистичной до крайности и, вместе с тем, создает грандиозные летописные своды, охватывающие и всемирную историю, и русскую как часть всемирной.

Настоящее всегда воспринималось в России как находящееся в состоянии кризиса. И это типично для русской истории. Вспомните: были ли в России эпохи, которые воспринимались бы их современниками как вполне стабильные и благополучные? Период княжеских распрей или тирании московских государей? Петровская эпоха и период послепетровского царствования? Екатерининская? Царствование Николая I? Не случайно русская история прошла под знаком тревог, вызванных неудовлетворенностью настоящим, вечевых волнений и княжеских распрей, бунтов, тревожных земских соборов, восстаний, религиозных волнений. Достоевский писал о “вечно создающейся России”. А. И. Герцен отмечал: “В России нет ничего оконченного, окаменелого: все в ней находится еще в состоянии раствора, приготовления... Да, всюду чувствуешь известь, слышишь пилу и топор”.

В этих поисках правды-истины русская литература первой в мировом литературном процессе осознала ценность человеческой личности самой по себе, независимо от ее положения в обществе и независимо от собственных качеств этой личности. В конце XVII века впервые в мире героем литературного произведения “Повесть о Горе-Злочастии” стал ничем не примечательный человек, безвестный молодец, не имеющий постоянного крова над головой, бездарно проводящий свою жизнь в азартной игре, пропивающий с себя все – до телесной наготы. “Повесть о Горе-Злочастии” была своеобразным манифестом русского бунта.

Тема ценности “маленького человека” делается затем основой моральной стойкости русской литературы. Маленький, неизвестный человек, права которого необходимо защищать, становится одной из центральных фигур у Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и многих авторов XX века.

Нравственные поиски настолько захватывают литературу, что содержание в русской литературе явственно доминирует над формой. Всякая устоявшаяся форма, стилистика, то или иное литературное произведение как бы стесняют русских авторов. Они постоянно сбрасывают с себя одежды формы, предпочитая им наготу правды. Движение литературы вперед сопровождается постоянным возвращением к жизни, к простоте действительности – либо путем обращения к просторечию, разговорной речи, либо к народному творчеству, либо к “деловым” и бытовым жанрам – переписке, деловым документам, дневникам, записям (“Письма русского путешественника” Карамзина), даже к стенограмме (отдельные места в “Бесах” Достоевского).

В этих постоянных отказах от устоявшегося стиля, от общих направлений в искусстве, от чистоты жанров, в этих смешениях жанров и, я бы сказал, в отказе от писательского профессионализма, что всегда играло большую роль в русской литературе, существенное значение имело исключительное богатство и разнообразие русского языка. Факт этот в значительной мере утверждался тем обстоятельством, что территория, на которой был распространен русский язык, была настолько велика, что одно только различие в бытовых, географических условиях, разнообразие национальных соприкосновений создавало огромный запас слов для различных бытовых понятий, отвлеченных, поэтических и т. д. А во-вторых, тем, что русский литературный язык образовался из опять-таки «межнационального общения» – русского просторечия с высоким, торжественным староболгарским (церковнославянским) языком.

Многообразие русской жизни при наличии многообразия языка, постоянные вторжения литературы в жизнь и жизни в литературу смягчали границы между тем и другим. Литература в русских условиях всегда вторгалась в жизнь, а жизнь – в литературу, и это определяло характер русского реализма. Подобно тому как древнерусское повествование пытается рассказывать о реально бывшем, так и в новое время Достоевский заставляет действовать своих героев в реальной обстановке Петербурга или провинциального города, в котором он сам жил. Так Тургенев пишет свои «Записки охотника» – к реальным случаям. Так Гоголь объединяет свой романтизм с самым мелочным натурализмом. Так Лесков убежденно представляет все им рассказываемое как действительно бывшее, создавая иллюзию документальности. Особенности эти переходят и в литературу XX века – советского и постсоветского периода. И эта «конкретность» только усиливает нравственную сторону литературы – ее учительный и разоблачительный характер. В ней не ощущается прочности быта, уклада, строя. Она (действительность) постоянно вызывает нравственную неудовлетворенность, стремление к лучшему в будущем.

Русская литература как бы сжимает настоящее между прошлым и будущим. Неудовлетворенность настоящим составляет одну из основных черт русской литературы, которая сближает ее с народной мыслью: типичными для русского народа религиозными исканиями, поисками счастливого царства, где нет притеснения начальников и помещиков, а за пределами литературы – склонностью к бродяжничеству, и тоже в различных поисках и устремлениях.

Сами писатели не уживались на одном месте. Постоянно был в дороге Гоголь, много ездил Пушкин. Даже Лев Толстой, казалось бы, обретший постоянное место жизни в Ясной Поляне, уходит из дома и умирает, как бродяга. Затем Горький...

Литература, созданная русским народом, – это не только его богатство, но и нравственная сила, которая помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался. К этому нравственному началу мы всегда можем обращаться за духовной помощью.

Говоря о тех огромных ценностях, которыми русский народ владеет, я не хочу сказать, что подобных ценностей нет у других народов, но ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями. Русская литература – совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, с действительностью, с осознанием ценности человека самого по себе.

Русская литература (проза, поэзия, драматургия) – это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность.

Русская классическая литература – это наша надежда, неисчерпаемый источник нравственных сил наших народов. Пока русская классическая литература доступна, пока она печатается, библиотеки работают и для всех раскрыты, в русском народе будут всегда силы для нравственного самоочищения.

На основе нравственных сил русская культура, выразителем которой является русская литература, объединяет культуры различных народов. Именно в этом объединении ее миссия. Мы должны внять голосу русской литературы.

Итак, место русской культуры определяется ее многообразнейшими связями с культурами многих и многих других народов Запада и Востока. Об этих связях можно было бы говорить и писать без конца. И какие бы ни были трагические разрывы в этих связях, какие бы ни были злоупотребления связями, все же именно связи – самое ценное в том положении, которое заняла русская культура (именно культура, а не бескультурье) в окружающем мире.

Значение русской культуры определялось ее нравственной позицией в национальном вопросе, в ее мировоззренческих исканиях, в ее неудовлетворенности настоящим, в жгучих муках совести и поисках счастливого будущего, пусть иногда ложных, лицемерных, оправдывающих любые средства, но все же не терпящих самоуспокоенности.

И последний вопрос, на котором следует остановиться. Можно ли считать тысячелетнюю культуру России отсталой? Казалось бы, вопрос не вызывает сомнений: сотни препятствий стояли на пути развития русской культуры. Но дело в том, что русская культура иная по типу, чем культуры Запада. Это касается прежде всего Древней Руси, и особенно ее XIII–XVII веков.

В России были всегда отчетливо развиты искусства. Игорь Грабарь считал, что зодчество Древней Руси не уступало западному. Уже в его время (то есть в первой половине XX века) было ясно, что не уступает Русь и в живописи, будь то иконопись или фрески. Сейчас к этому списку искусств, в которых Русь никак не уступает другим культурам, можно прибавить музыку, фольклор, летописание, близкую к фольклору древнюю литературу. Но вот в чем Русь до XIX века явно отставала от западных стран – это наука и философия в западном смысле этого слова. В чем причина? Я думаю, в отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования. Отсюда многие отрицательные явления в русской жизни, и церковной, в частности. Созданный в XIX и XX веках университетски образованный слой общества оказался слишком тонким. К тому же этот университетски образованный слой не сумел возбудить к себе необходимого уважения. Пронизавшее русское общество народничество, преклонение перед народом, способствовали падению авторитета. Народ, принадлежавший к иному типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чужое и даже враждебное.

Что же делать сейчас, в пору действительной отсталости и катастрофического падения культуры? Ответ, я думаю, ясен. Кроме стремления к сохранению материальных остатков старой культуры (библиотек, музеев, архивов, памятников архитектуры) и уровня мастерства во всех сферах культуры надо развивать университетское образование. Здесь без общения с Западом не обойтись.

Европа и Россия должны быть под одной крышей высшего образования. Вполне реально создать общеевропейский университет, в котором каждый колледж представлял бы одну какую-либо европейскую страну (европейскую в культурологическом смысле, то есть и США, и Японию, и Ближний Восток). Впоследствии такой университет, созданный в какой-либо нейтральной стране, смог бы стать общечеловеческим. В каждом колледже была бы представлена своя наука, своя культура, взаимопроницаемая, доступная для других культур, свободная для обменов.

В конце концов, поднятие гуманитарной культуры во всем мире – это забота всего мира.

Архангел Гавриил. Мозаика собора св. Софии в Константинополе. Сер. IX в.

Р ДВА РУСЛА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Русской культуре более тысячи лет. Ее зарождение обычно для многих культур: она создалась на основе соединения двух предшествующих.

Новые культуры не самозарождаются в каком-то изолированном пространстве. Если такое и бывает, то такое одинокое саморазвитие не дает оригинальных и длительных результатов. В целом любая культура рождается “между” и не на пустой поверхности.

Отметим следующие особенности зарождения русской культуры. Прежде всего русская культура родилась на огромном пространстве Восточно-Европейской равнины, и самосознание своей огромной протяженности постоянно сопровождало ее политические концепции, политические притязания, историософские теории и даже эстетические представления.

Далее. Русская культура родилась на многонациональной почве. От Балтийского моря на Севере до Черного моря на Юге жили многочисленные этнические образования – племена и народности восточнославянские, финно-угорские, тюркские, иранские, монгольские. Древнейшие русские летописцы постоянно подчеркивают многоплеменный характер Руси и гордятся им.

Россия всегда и в дальнейшем имела многонациональный характер. Так было от образования Русского государства и до самого последнего времени.

*Император Константин.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

Многонациональный характер был типичен для русской истории, русской аристократии, русской армии, науки. Татары, грузины, калмыки составляли отдельные подразделения в русской армии. Грузинские и татарские княжеские фамилии составляли более половины русского дворянства в XVIII–XX веках.

Далее. Та встреча двух культур, о которой я говорил вначале, потребовала из-за своих расстояний огромной энергии. И при этом огромность расстояний между воздействовавшими культурами усугублялась колоссальными различиями в типах культур: Византии и Скандинавии. С Юга на Россию воздействовала культура высокой духовности, с Севера – огромного военного опыта. Византия дала России христианство, Скандинавия – род Рюриковичей. Разряд колоссальной силы произошел в конце X века,

от которого и следует вести отсчет существованию русской культуры.

Сплав двух культур – христианско-духовной и военно-государственной, полученный с Юга и Севера, так и оставался не слившимся до конца. Два русла двух культур сохранялись в русской жизни, позволяя до самого последнего времени оспаривать единство русской культуры. Пришедшая на Русь византийская культура была связана с императорской властью в византийской форме, не привившейся на Руси. Явившаяся же на Русь скандинавская культура оказалась связана с быстро обрусевшим княжеским родом Рюриковичей, лишившимся своего скандинавского характера.

В этих своих новых формах византийская и скандинавская культуры не сливались на Руси и отчетливо приобрели различный характер: *византийская* культура была усвоена только наполовину с болгарским языком-посредником и приобрела ярко выраженный духовный характер. Скандинавская культура стала основой государственности материально-практического и даже материалистического характера.

*Св. царица Елена. Фрагмент фрески
Софийского собора в Новгороде. Ок. 1052 г.*

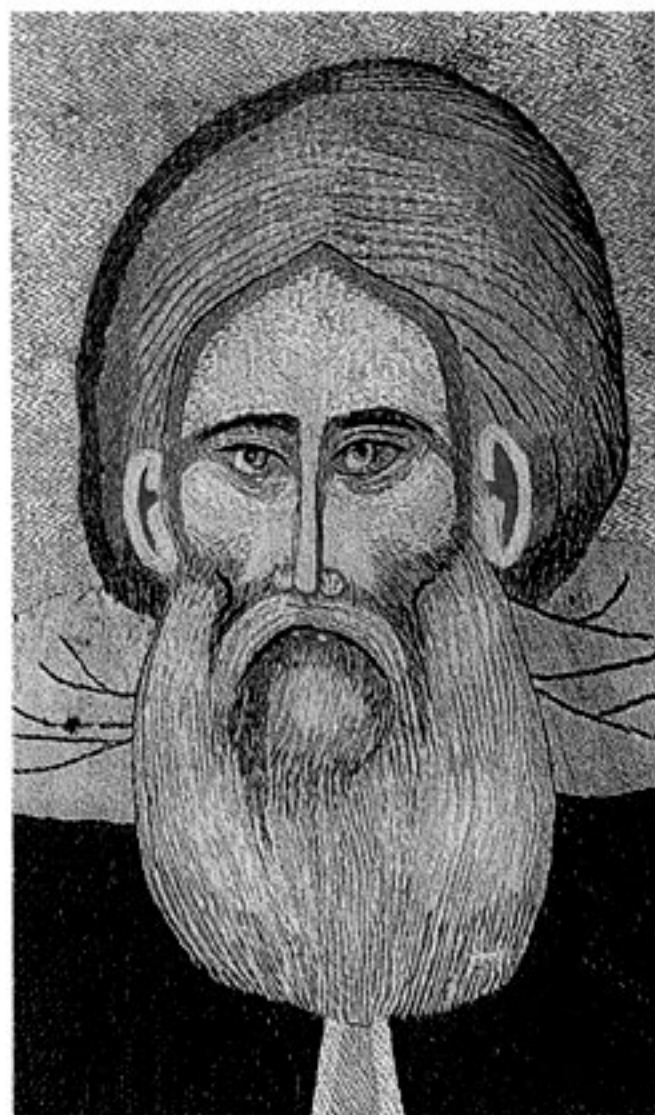
Общая черта двух направлений русской культуры на всем протяжении ее существования – напряженные и постоянные размышления над судьбой России, над ее предназначением, постоянное противостояние духовных решений этого вопроса государственным. Глубокое, принципиальное различие византийско-духовной культуры и примитивно-практической государственной, скандинавской, вынудило обе культуры отстаивать себя идеологически. Византийская церковная культура обосновывала свою правоту религиозной предназначенностью Руси – страны и народа. Светская же власть Руси утверждала себя “юридически” – наследственными правами всего княжеского рода или той или иной его ветви.

Предвещателем духовной судьбы России и русского народа, от которого в значительной мере пошли все другие идеи духовной предназначенности России, явился в первой половине XI века киевский митрополит Иларион¹. В своей речи “Слово о Законе и Благодати” он попытался указать на роль России в мировой истории.

“Юридическими” же обоснователями законности того или иного из представителей княжеского рода в их борьбе за государственную власть явились многочисленные летописцы. Летописцы внимательно следили за всеми перемещениями на княжеских столах (престолах), утверждая “законность” своего князя и его права на общерусское главенство.

Обе концепции “русской предназначенности” (духовной и генеалогической) распространялись по всей территории Руси и с модификациями существовали от XI века до нашего времени. Концепция Илариона, считавшего Русь и ее главный город Киев преемниками миссий Константинополя и Иерусалима, продолжала существовать и после завоевания Руси в XIII веке татарами, а на падение Киева ответила усложнением концепции, видя в городах Владимире и Москве преемников Киева и Второго Рима – Константинополя.

¹ *Иларион, митрополит киевский (1051–1054). Первый митрополит из “природных русских”, избранный собором русских епископов по повелению князя Ярослава Мудрого. – Прим. сост.*

Св. Сергий Радонежский. Шитый покров. Нач. XV в.

Сергиево-Посадский музей

Концепция же летописцев о происхождении княжеского рода от Рюрика искала примирения с татарской властью.

Нет сомнения, что духовное направление в развитии русской культуры получило значительные преимущества перед государственным.

На Руси усиленно насаждаются отшельнические монастыри. Монастыри становятся энергичными рассадниками духовного просвещения. Влияние греческого исихазма растет, и в монастырях укореняется национальное и религиозное самосознание. Усиленно развивается книжность, в частности, делается много переводов с греческого.

С конца XIV века укрепляется влияние Троице-Сергиева монастыря и ос-

новывается множество монастырей в той или иной степени зависимости от Троице-Сергиева, в свою очередь дающие начало другим монастырям: Андроников монастырь, Кирилло-Белозерский, Спасо-Каменный, Валаамский, Спасо-Прилуцкий, Соловецкий. Новые мощные монастыри распространяются по всему Северу.

С падением татарского ига (условно можно считать 1476 год) духовное направление в русской культуре имело все преимущества перед государственным, которому еще только предстояло возобновлять свои силы.

Церковное направление под пером псковского старца Елеазарова монастыря Филофея² в сжатой, почти афористической форме сформулировало идею Москвы – Третьего Рима.

Государственное направление также создало четкую, но чисто «юридическую» династическую концепцию русской государственности: русский цар-

² Филофей, старец Псковского Елеазарова монастыря. Автор известных посланий к вел. князю Василию Ивановичу, к царю Ивану Грозному и др. В своих посланиях впервые сформулировал теорию о Москве как Третьем Риме, хранящем истинную христианскую веру. – Прим. сост.

ский род через Рюрика восходит к римскому императору Августу. Великие князья (цари) Москвы – законные наследники Августа. Они явились, минуя отпавший от православия (в результате Флорентийской унии) Второй Рим. Последняя теория возобладала в дипломатической практике Москвы. Она была изображена на царском месте в главном соборе России – Успенском в Московском Кремле.

Впоследствии в XIX веке обе теории перестали различаться, смешались в одну, что глубоко неверно. Теория старца Филофея чисто духовная, не претендующая на какие-либо новые завоевания и присоединения. Она утверждает только духовную зависимость Москвы от двух предшествующих христианских государств: переход благодати. Теория же Спиридона-Саввы, изложенная им в “Сказании о князьях владимирских”, – чисто светская и утверждает законность притязаний Москвы на все владения императора Августа. Это теория империалистическая в прямом и переносном смысле.

Характерна разгоревшаяся в XVI веке борьба духовной и государственной власти. Эта борьба велась подспудно, ибо формально приоритет духовной власти, церкви, над светской в сущности никто не оспаривал. Это было в духе русской культуры.

Главной святыней Московского государства всегда являлся Успенский собор Московского Кремля – усыпальница московских митрополитов, а не Архангельский собор Московского Кремля – усыпальница московских великих князей и царей.

Характерно, что согласно Сказанию о происхождении московских князей из Первого Рима, а не от Второго Москва приглашает к себе строителей

*Архитектор Аристотель Фиораванти.
Успенский собор Московского Кремля. 1475–1479*

Митрополит Филипп. Шитый покров из Соловецкого монастыря. 1590-е гг. Государственный Русский музей

Московского Кремля именно итальянских архитекторов, но из городов, признававших приоритет духовной власти папы, и в первую очередь архитектора Аристотеля Фиораванти из Милана – города папистов. Московский Кремль строится с теми же зубцами, что и Милан, символизирующими духовную власть папы. Московский Кремль оказывается со всех сторон огражденным взмахами орлиных крыльев – знаками гибеллинов (эти зубцы принято у нас ошибочно называть “ласточкиными хвостами”).

Борьба двух начал в русской культуре продолжается и в последующем. В борьбу втягиваются еретические движения. Монастырская жизнь разделяется на иосифлянское, связанное с государственной идеологией, и нестяжательское, связанное с духовными и мистическими настроениями, с отказом от богатств и от подчинения государству.

Иосифляне побеждают. Иван Грозный подвергает жестокой расправе неподчиняющуюся ему церковь. Сам стремится духовно руководить церковью, пишет послания. Глава русской церкви митрополит Филипп³ схвачен во время богослужения, отправлен в Тверской Отроч монастырь и вскоре задушен.

Тем не менее гибель царствующей династии, не получившей законного продолжателя, и наступившая затем Смута позволяет вновь, как и ранее в период раздробления Русского государства в XII веке, татарского ига в XIII–XV веках, возобладать духовному началу. Церковь и духовное начало в русской культуре помогает спасти Россию, создавая общий духовный подъем,

³ *Филипп Колычев (1507–1569). С 1548 г. игумен Соловецкого монастыря. С 1566 г. митрополит московский и всея Руси. Выступал за отмену опричнины, обличал беззакония, творимые Иваном Грозным, за что и был низложен и заточен в Тверской Отроч монастырь, где задушен Малютой Скуратовым. – Прим. сост.*

*Портрет Ивана Грозного.
XVI в. Национальный музей
в Копенгагене*

давая деньги и оружие⁴. И самым первым шагом на пути к духовному возрождению было установление в 1589 году единовластия патриаршества, укрепление личного начала в управлении церковью и духовной жизнью страны.

Личностное начало в культуре, в духовной жизни народа чрезвычайно важно.

После возрождения России в начале XVII века две возглавляющие культуру личности играли первенствующую роль: патриарх и монарх.

Благодаря появлению сильной личности патриарха и возрождению монархии семнадцатый век обнаружил новые проблемы во взаимоотношении духовной и светской власти.

Светская власть за предшествующее время пострадала больше, чем церковная, Церковь приняла на себя многие функции светской власти. Первое время при малолетнем царе Михаиле Федоровиче Романове его отец патриарх Филарет пытался руководить государством. В середине и второй половине XVII века притязания гораздо более серьезные определились у патриарха Никона, прямо называвшего себя «великим государем». Стремясь распространить свою власть на все вновь присоединенные к России области Малороссии–Украины, где веками складывались свои обрядовые формы, отчасти под католическим влиянием, Никон решил реформировать церковную службу, сделать ее одинаковой для старой и новой частей государства.

Однако притязания духовной власти подменить собою светскую и реформировать церковь не удалось и закончились бедствием для русской духовной жизни на целых три столетия. Большинство русского народа не

⁴ Патриарх Гермоген (1606–1612) в Смутное время отказался сотрудничать с поляками и переметнувшимися к ним боярами и был заключен в Чудов монастырь. Из заключения он под угрозой смерти благословил Минина и Пожарского, собиравших народное ополчение для освобождения Москвы. – Прим. сост.

*Св. Серафим Саровский.
Портрет сер. XIX в.
Фрагмент*

приняло никоновских реформ либо приняло их с внутренней неприязнью, расхолодившей веру. Это ослабило церковь. Соппротивление старообрядчества позволило Петру легко отменить патриаршество и восстановить первенство светского начала в русской культуре. Тем самым Петр похоронил личностное начало в управлении церковью и создал коллегиальное безличное управление через послушный ему Синод. Хорошо известно, что подчинение деспотической власти гораздо легче организуется при коллегиальном управлении, чем при единоличном. Так оно и случилось. Церковь оказалась в подчинении у государства и стала чрезвычайно консервативной. Третий Рим оказался не символом духовных связей с предшествующими двумя Римами, а знаком государственной силы и государственных амбиций. Россия превратилась в империю с имперскими притязаниями.

В середине XVIII века в государственной жизни России господствовало только светское, “материалистическое” начало и преимущественный практицизм.

Возрождение духовного начала повелось снова, как и раньше, с Афона и некоторых монастырей на Балканах. Первым и явным успехом было зарождение в России недалеко от Калуги Оптиной пустыни, возродившей некоторые черты нестяжательства заволжских старцев. Второй победой была нравственная, духовная жизнь Саровской пустыни, давшей в первой половине XIX века русской духовной жизни святого Серафима Саровского.

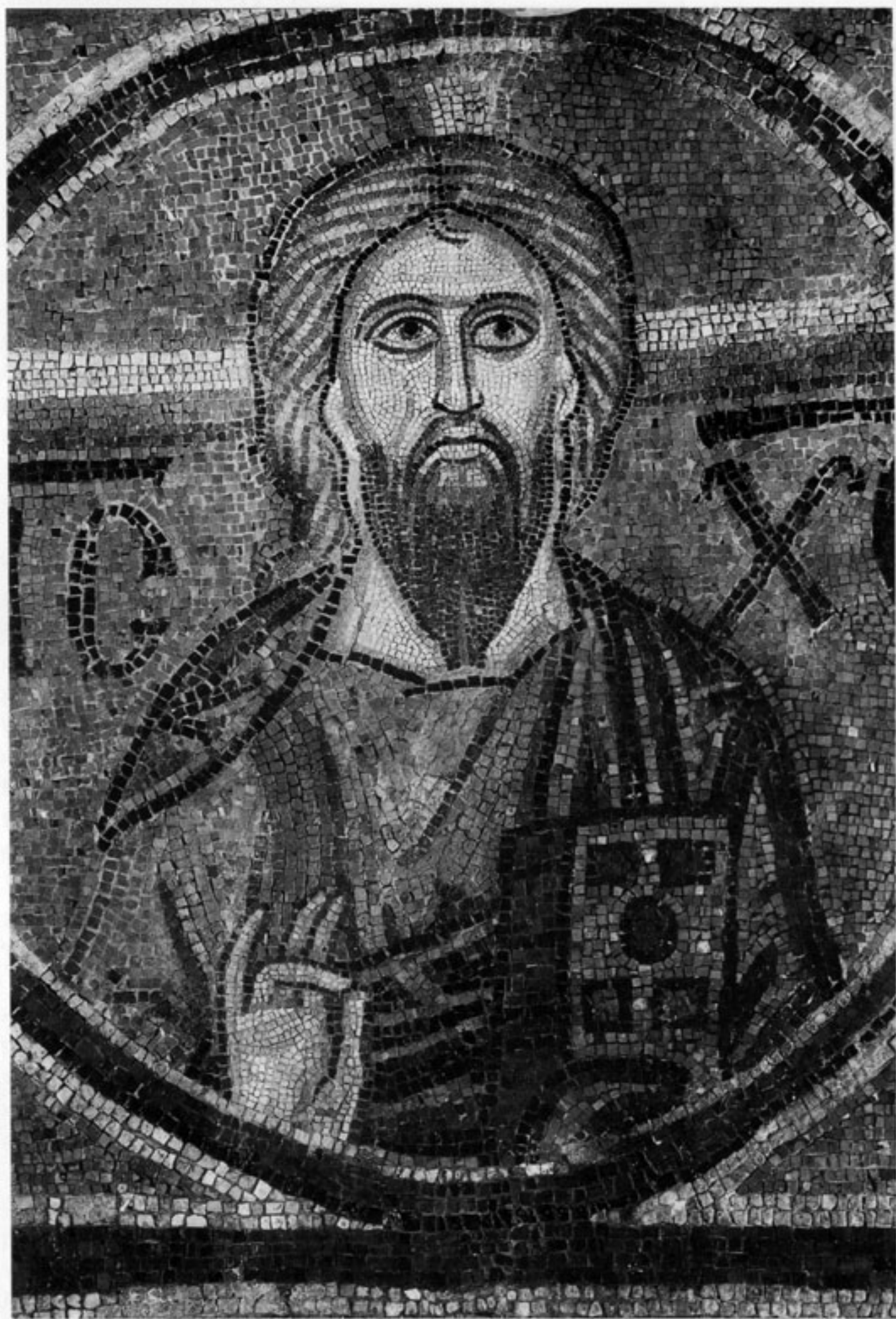
Возрождение духовного начала шло разными тропами и дорогами. Отдельно теплилась духовная жизнь в старообрядчестве, отдельно в среде русской интеллигенции. Достаточно вспомнить светлый ряд писателей и поэтов – Гоголь, Тютчев, Хомяков, Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и многие другие. В XX веке это уже огромная масса философов, для которых все еще основной проблемой размышлений являлась Россия, ее судьбы, прошлое и будущее: С. Булгаков, Бердяев, Флорен-

ский, Франк, Мейер, Зеньковский, Ельчанинов и мн. др. Сперва в России, а затем в эмиграции создаются объединения русских мыслителей, их печатные издания.

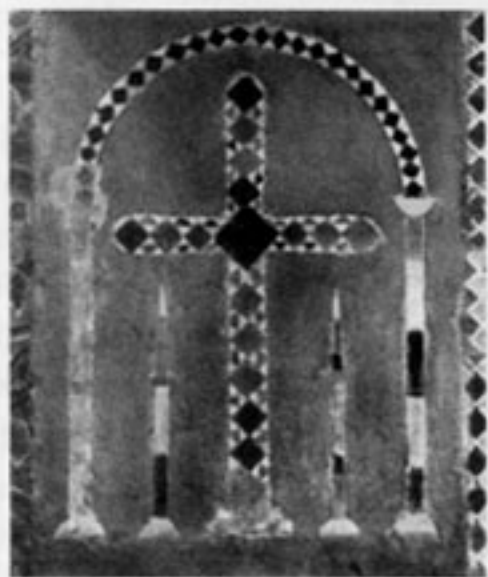
Что же ожидает эту антитезу духовно-церковного и материалистически-государственного направления в развитии культуры? Не надо быть пророком, чтобы сказать, что государственное направление культуры должно будет пойти общеевропейским путем развития, которого потребуют постоянные отношения с иностранными государствами. Государство денационализируется. Оно уже сейчас не выражает волю народа. Депутаты в массе своей не способны создать новую государственную теорию. Для этого нужны личности и личностная власть. Кроме того, коллектив правителей рано или поздно приходит к заботе о своих интересах, к стремлению сохранить свое положение. "Парламентское болото" становится основной тормозящей силой всех нововведений. Депутаты ограничиваются заманчивыми для избирателей и неосуществимыми программами, потакают обывательским вкусам. Партии уже не могут выражать какие бы то ни было национальные идеи. В самых различных формах они помышляют лишь о защите своих депутатских интересов и на этой только почве способны к объединению.

Бессилие коллективных форм управления (главенство парламента, советов, комиссий, комитетов и пр.) приводит к ослаблению культурной инициативы государства.

Напротив, духовная культура начинает по-своему выигрывать без вмешательства государства, хотя и без его материальной поддержки. Всякие формы государственной идеологии – пережиток Средневековья и в той или иной форме несут в себе недопустимые для практической государственной деятельности пережитки. Государство, не перестав быть идеологичным, не в состоянии защитить свободу человека. Напротив, государство, перестав быть идеологичным, перестает тем самым видеть в интеллигенции врага, не покушается более на интеллектуальную свободу.

Христос Вседержитель. Мозаика Софийского собора в Киеве. 1043–1046

КРЕЩЕНИЕ РУСИ И ГОСУДАРСТВО РУСЬ

Нет в современной исторической науке, посвященной Древней Руси, более значительного и вместе с тем наименее исследованного вопроса, чем вопрос о распространении христианства в первые века крещения.

В начале XX века появилось сразу несколько чрезвычайно важных работ, по-разному ставивших и разрешавших вопрос о принятии христианства. Это работы Е. Е. Голубинского, академика А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, В. А. Пархоменко, В. И. Ламанского, Н. К. Никольского, П. А. Лаврова, Н. Д. Полонской и многих других. Однако после 1918 года тема эта перестала казаться значительной. Она попросту исчезла со страниц нашей научной печати, оставаясь одной из важнейших в мировой славистике (работы Л. Мюллера, А. Поппэ и др.).

В задачу моих размышлений входит поэтому не завершать, а начинать постановку некоторых проблем, связанных с принятием христианства, не соглашаться, а может быть, противоречить обычным взглядам, тем более

что утвердившиеся точки зрения часто не имеют под собой солидной основы, а являются следствием неких, никем полностью не высказанных и в значительной мере мифических “установок”.

Одно из таких заблуждений, застрявших в общих курсах истории России и других полуофициальных изданиях, – это представление, что православие было всегда одним и тем же, не менялось, всегда играло реакционную роль. Появились даже утверждения, что язычество было лучше (“народная религия!”), веселее и “материалистичнее”...

Но дело в том, что и защитники христианства часто поддавались определенным предрассудкам и суждения их были в значительной мере “предрассуждениями”.

Остановимся в нашей статье лишь на одной проблеме – государственного значения принятия христианства. Не смею выдавать свои взгляды за точно установленные, тем более что неясны вообще самые основные, исходные данные для появления сколько-нибудь достоверной концепции.

Прежде всего следует понять – что представляло собой язычество как “государственная религия”. Язычество не было религией в современном понимании – как христианство, ислам, буддизм. Это была довольно хаотическая совокупность различных верований, культов, но не учение. Это соединение религиозных обрядов и целого вороха объектов религиозного почитания. Поэтому объединение людей разных племен, в чем так нуждались восточные славяне в X–XII веках, не могло быть осуществлено язычеством. Да и в самом язычестве было сравнительно мало специфических национальных черт, свойственных только одному народу. В лучшем случае по признаку общего культа объединялись отдельные племена, население отдельных местностей. Между тем стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одиночества среди редконаселенных лесов, болот и степей, страх покинутости, боязнь грозных явлений природы заставляли людей искать объединения. Кругом были “немцы”, то есть люди, не говорящие на доступном пониманию языке, враги, приходившие на Русь “из невести”, а граничившая с Русью степная полоса – это “страна неизвестная”...

Стремление к преодолению пространства заметно в народном творчестве. Люди воздвигали свои строения на высоких берегах рек и озер, чтобы быть видными издалека, устраивали шумные празднества, совершали культовые моления. Народные песни были рассчитаны на исполнение на широких пространствах. Яркие краски требовались, чтобы быть замеченными издалека. Люди стремились быть гостеприимными, относились с уважением к купцам-гостям, ибо те являлись вестниками о далеком мире, рассказчиками, свидетелями существования других земель. Отсюда восторг перед быстрыми перемещениями в пространстве. Отсюда и монументальный характер искусства.

Люди насыпали курганы, чтобы не забывать об умерших, но могилы и могильные знаки еще не свидетельствовали о чувстве истории как протяженного во времени процесса. Прошлое было как бы единым, стариной вообще, не разделенной на эпохи и не упорядоченной хронологически.

Время составляло повторявшийся годичный круг, с которым необходимо было сообразоваться в своих хозяйственных работах. Времени как истории еще не существовало.

Время и события требовали познания мира и истории в широких масштабах. Достоинно особого внимания то, что эта тяга к более широкому пониманию мира, чем то, которое давалось язычеством, сказывалась прежде всего по торговым и военным дорогам Руси, там прежде всего, где вырастали первые государственные образования. Стремление к государственности не было, разумеется, принесено извне, из Греции или Скандинавии, иначе оно не имело бы на Руси такого феноменального успеха, которым ознаменовался X век истории Руси.

Истинный создатель огромной империи Руси – князь Владимир I Святославич в 980 году делает первую попытку объединения язычества на всей территории от восточных склонов Карпат до Оки и Волги, от Балтийского моря до Черного, включавшей в свой состав племена восточнославянские, финно-угорские и тюркские. Летопись сообщает: “И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного”: Перуна (финно-угорского Перкуна), Хорса (бога тюркских племен), Дажбога, Стрибога (богов славянских), Симаргла, Мокошь (богиню племени мокош).

О серьезности намерений Владимира свидетельствует то, что после создания пантеона богов в Киеве он послал своего дядю Добрыню в Новгород, и тот “постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье новгородьстии аки Богу”. Как всегда в русской истории, Владимир отдал предпочтение чужому племени – племени финно-угорскому. Этим главным кумиром в Новгороде, который поставил Добрыня, был кумир финского Перкуна, хотя, по всей видимости, наиболее распространен в Новгороде был культ славянского бога Велеса, или иначе Волоса.

Однако интересы страны звали Русь к религии более развитой и более вселенской. Этот зов ясно слышался там, где люди разных племен и народов больше всего общались между собой. Зов этот имел за собой большое прошлое, эхом отдавался он на всем протяжении русской истории.

Великий европейский торговый путь, известный по русским летописям как путь “из Варяг в Греки”, то есть из Скандинавии в Византию и обратно, был в Европе наиболее важным вплоть до XII века, когда европейская торговля между югом и севером переместилась на запад. Путь этот не только соединял Скандинавию с Византией, но и имел ответвления, наиболее зна-

чительным из которых был путь на Каспий по Волге. Основная часть всех этих дорог пролегла через земли восточных славян и использовалась ими в первую очередь, но и через земли финно-угорских народов, принимавших участие в торговле, в процессах государственного образования, в военных походах на Византию (недаром в Киеве одним из наиболее известных мест был Чудин двор, то есть подворье купцов племени чудь – предков нынешних эстонцев).

Многочисленные данные свидетельствуют, что христианство стало распространяться на Руси еще до официального крещения Руси при Владимире I Святославиче в 988 году (есть, впрочем, и другие предполагаемые даты крещения, рассмотрение которых не входит в задачу данной статьи). И все эти свидетельства говорят о появлении христианства прежде всего в центрах общения людей разных национальностей, даже если это общение бывало далеко не мирным. Это снова и снова указывает на то, что людям требовалась вселенская, мировая религия. Последняя должна была служить своеобразным приобщением Руси к мировой культуре. И не случайно этот выход на мировую арену органически соединялся с появлением на Руси высокоорганизованного литературного языка, который это приобщение закрепил в текстах, прежде всего переводных. Письменность давала возможность общения не только с современными Руси культурами, но и с культурами прошлыми. Она делала возможным написание собственной истории, философского обобщения своего национального опыта, литературы.

Уже первая легенда Начальной русской летописи о христианстве на Руси рассказывает о путешествии апостола Андрея Первозванного из Синопии и Корсуни (Херсонеса) по великому пути “из Грек в Варяги” – по Днепру, Ловати и Волхову в Балтийское море, а затем кругом Европы в Рим.

Христианство уже в этой легенде выступает как объединяющее страны начало, включающее Русь в состав Европы. Конечно, это путешествие апостола Андрея – чистая легенда, хотя бы потому уже, что в I веке восточных славян еще не существовало – они не оформились в единый народ. Однако появление христианства на северных берегах Черного моря в очень раннее время зафиксировано и нерусскими источниками. Апостол Андрей проповедовал на своем пути через Кавказ в Боспор (Керчь), Феодосию и Херсонес. О распространении христианства апостолом Андреем в Скифии говорит, в частности, Евсевий Кесарийский (умер около 340 года). Житие Климента, папы римского, рассказывает о пребывании Климента в Херсонесе, где он погиб при императоре Траяне (98–117). При том же императоре Траяне иерусалимский патриарх Ермон отправил в Херсонес одного за другим нескольких епископов, где они приняли мученические кончины. Последний из отправленных Ермоном епископ погиб в устье Днепра. При императоре Константине Великом в Херсонесе появился епископ Капитон,

*Апостол Андрей.
Фрагмент иконы
"Спаса Поясного" из Ростова.
XIV в. Государственная
Третьяковская галерея*

также мученически погибший. Христианство в Крыму, нуждавшееся в епископе, достоверно зафиксировано уже в III веке.

На Первом вселенском соборе в Никее (325 год) присутствовали представители из Боспора, Херсонеса и митрополит Готфил, находившийся вне Крыма, которому, однако, была подчинена Таврическая епископия. Присутствие этих представителей устанавливается на основании их подписей под соборными постановлениями. О христианстве части скифов говорят и отцы церкви – Тертуллиан, Афанасий Александрийский, Иоанн Златоуст, блаженный Иероним.

Готы-христиане, проживавшие в Крыму, составляли сильное государство, оказывавшее серьезное влияние не только на славян, но и на литовцев и финнов – во всяком случае, на их языки.

Связи с Северным Причерноморьем были затем затруднены великим переселением кочевых народов во второй половине IV века. Однако торговые пути все же продолжали существовать, и влияние христианства с юга на север, бесспорно, имело место. Христианство продолжало распространяться при императоре Юстиниане Великом, охватывало Крым, Северный Кавказ, а также восточный берег Азовского моря среди готов-трапезитов, которые, по свидетельству Прокопия, "с простодушием и великим спокойствием почитали христианскую веру" (VI век).

*Княгиня Ольга и император
Константин Багрянородный.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

С распространением тюрко-хазарской орды от Урала и Каспия до Карпат и Крымского побережья возникла особая культурная ситуация. В Хазарском государстве были распространены не только ислам и иудаизм, но и христианство, особенно в связи с тем, что римские императоры Юстиниан II и Константин V были женаты на хазарских принцессах, а греческие строители воздвигали в Хазарии крепости. К тому же христиане из Грузии, спасаясь от мусульман, бежали на север, то есть в Хазарию. В Крыму и на Северном Кавказе в пределах Хазарии, естественно, растет число христианских епископий, особенно в середине VIII века. В это время в Хазарии существует восемь епископий. Возможно, что с распространением христианства в Хазарии и установлением дружеских византийско-хазарских отношений создается благоприятная обстановка для религиозных споров между тремя господствующими в Хазарии религиями: иудаизмом, исламом и христианством. Каждая из этих религий стремилась к духовному преобладанию, о чем говорят еврейско-хазарские и арабские источники. В частности, в середине IX века, как свидетельствует «Паннонское житие» Кирилла-Константина и Мефодия – просветителей славянства, – хазары приглашали из Византии богословов для религиозных споров с иудеями и мусульманами. Тем самым подтверждается возможность описанного русским летописцем выбора веры Владимиром – путем опросов и споров.

*Князь Владимир. Фрагмент иконы
"Святые князья Владимир, Борис и Глеб".
Нач. XVI в. Государственная Третьяковская галерея*

Представляется естественным, что христианство на Руси явилось также и в результате осознания той ситуации, которая сложилась в X веке, когда присутствие в качестве главных соседей Руси именно государств с христианским населением было особенно явным: тут и Северное Причерноморье, и Византия, и движение христиан по основным торговым путям, пересекавшим Русь с юга на север и с запада на восток.

Особенная роль принадлежала здесь Византии и Болгарии.

Начнем с Византии. Русь трижды осаждала Константинополь – в 866, 907 и 941 годах. Это не были обычные разбойничьи набеги, заканчивались они заключением мирных договоров, устанавливавших новые торговые и государственные отношения между Русью и Византией.

И если в договоре 912 года с русской стороны участвовали только язычники, то в договоре 945 года на первом месте стоят уже христиане. За короткий промежуток времени число христиан явно возросло. Об этом же свидетельствует и принятие христианства самой киевской княгиней Ольгой, о пышном приеме которой в Константинополе в 955 году рассказывают как русские, так и византийские источники.

Не станем входить в рассмотрение сложнейшего вопроса о том, где и когда крестился внук Ольги Владимир. Сам летописец XI века ссылается на существование различных версий. Скажу только, что очевидным представляется один факт: Владимир крестился после своего сватовства к сестре византийского императора Анне, ибо вряд ли могущественнейший император ромеев Василий II согласился бы породниться с варваром, и этого не мог не понимать Владимир.

Дело в том, что предшественник Василия II император Константин Багрянородный в своем широко известном труде "Об управлении империей",

*Семья Ярослава Мудрого.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

написанном для своего сына – будущего императора Романа II (отца императора Василия II), – запретил своим потомкам вступать в брак с представителями варварских народов, ссылаясь на равноапостольного императора Константина I Великого, приказавшего начертать в алтаре св. Софии Константинопольской запрет ромеям родниться с чужими – особенно с некрещеными.

Следует еще принять во внимание, что со второй половины X века могущество Византийской империи достигло своей наибольшей силы. Империя к этому времени отразила арабскую опасность и преодолела культурный кризис, связанный с существованием иконоборчества, приведшего к значительному упадку изобразительного искусства. И примечательно, что в этом расцвете византийского могущества значительную роль сыграл Владимир I Святославич.

Летом 988 года отборный шеститысячный отряд варяжско-русской дружины, посланный Владимиром I Святославичем, спас византийского императора Василия II, наголову разбив войско пытавшегося занять императорский престол Варды Фоки. Сам Владимир провожал свою дружину, отправлявшуюся на помощь Василию II, до днепровских порогов. Исполнив свой долг, дружина осталась служить в Византии (впоследствии гвардией императоров являлась дружина англо-варягов).

Именно поэтому Владимиру была оказана величайшая честь. Ему обещали руку сестры императора Анны, которой к этому времени было уже двадцать шесть лет.

Но обещание не выполнялось, и поэтому Владимиру I пришлось добиваться руки Анны военной силой. Он осадил и взял византийский Херсонес в Крыму. После этого брак был заключен. Этим браком Владимир достиг того, что Русь перестала считаться в Византии варварским народом. Ее стали называть христианнейшим народом. Возрос и династический престиж киевских князей.

Христианизация Руси и родство правящего рода с византийским двором ввели Русь в семью европейских народов на совершенно равных основаниях. Сын Владимира Святославича Святополк женился на дочери польского короля Болеслава Храброго. Дочь Владимира Мария Доброгнева была выдана за польского короля. Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Олафа Ингигерде, его сын Изяслав – на Гертруде,

Елизавета, старшая дочь Ярослава Мудрого. Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.

дочери польского короля Мешко II, старшая дочь Ярослава Елизавета была выдана замуж за норвежского короля Гаральда Смелого, несколько лет добивавшегося ее руки. Другая дочь Ярослава, Анна, была королевой Франции, оставшись вдовой после смерти своего мужа Генриха I. Третья дочь Ярослава, Анастасия, была замужем за венгерским королем Андреем I. Можно было бы еще долго перечислять родственные связи русских князей XI–XII веков, сами по себе они свидетельствуют об огромном престиже Руси среди всех народов Европы.

Но вернемся к вопросу о варяго-русских. Русские варяги – это наименование, которое должно быть принято, чтобы отделить их от англо-варягов, которые в дальнейшем сменили собой русских варягов на службе у Византийской империи. В дружинах Руси были представители разных стран и разных народов: скандинавы, немцы, сарацины, половцы, болгары и восточные славяне. Но замечательно, что все русские князья, кем бы они ни были по крови и именам, говорили только на разговорном славянском языке, читали только по-славянски и никаких следов скандинавов в русском христианстве не сохранилось. Зато язык церковной письменности, тех книг, которые были к нам перевезены или у нас переписывались, был

*Апостол Павел.
Фреска Софийского собора
в Киеве. XI в.*

литературным языком, принятым у болгар. И это делает несомненным громадное значение Болгарии в принятии христианства. Тем более что Болгария стояла на пути “из Варяг в Греки”, значение которого в принятии многонациональной религии подчеркивалось нами выше.

Благодаря болгарской письменности христианство сразу же выступило на Руси в виде высокоорганизованной религии с высокой культурой. Есть все основания думать, что у славян была примитивная письменность и до крещения Руси. Об этом в первую очередь свидетельствуют договоры с греками, один экземпляр которых изготовлялся на русском языке. Исключительны роль и авторитет языка, перешедшего к нам с церковными книгами из Болгарии. Богослужение совершалось именно на этом языке. Он был языком высокой культуры, постепенно принимавшим восточнославянскую лексику, орфографию. Это указывает, какую роль в крещении Руси принимала именно Болгария. В конце концов та церковная письменность, которая была передана нам Болгарией, – это самое важное, что дало Руси крещение.

Наконец, еще одна деталь. Скандинавские саги об Олафе Тригтвасоне повествуют о крещении норвежского короля Олафа. По разным вариантам саг Олаф крестился либо в Греции, либо в Киеве, где его убедил принять христианство конунг Валдемар, то есть князь Владимир. Сам же князь Владимир, перед тем как женился на Анне, принял решение креститься под влиянием самой умной из своих жен. Из всех жен Владимира единственной, которая была ему родственна по языку и могла его убедить в столь сложном вопросе, была “болгарыня”.

Но дело не только в высокоорганизованной и сложной по содержанию литературе, которая стала известна и понятна на Руси. Дело еще и в облегчении общения с другими народами, чему, как хорошо известно, всегда препятствовали и религиозные предрассудки, и убежденность в своем более высоком культурном и моральном уровне над другими народами.

Христианство в целом способствовало возникновению сознания единства человечества. Апостол Павел писал в Послании галатам: “Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного”, а в Первом послании коринфянам: “...все мы одним Духом крестились и одно тело... Тело же не из одного члена, но из многих”.

Вместе с сознанием равенства пришло на Русь и сознание общей истории всего человечества. Больше всего в первой половине XI века проявил себя в формировании национального самосознания митрополит киевский Иларион, русин по происхождению, в своем знаменитом “Слове о Законе и Благодати”, где он рисовал общую предстоящую Руси роль в христианском мире. Однако еще в X веке была написана “Речь философа”, представляющая собой изложение всемирной истории, в которую должна была влиться и русская история. Учение христианства давало прежде всего сознание общей истории человечества и участие в этой истории всех народов.

Как было принято христианство на Руси? Мы знаем, что во многих странах Европы христианство насаждалось насильно. Не без насилий обошлось крещение и на Руси, но в целом распространение христианства на Руси было довольно мирным, особенно если вспомним о других примерах. Насильно крестил свои дружины Хлодвиг. Карл Великий насильно крестил саксов. Насильно крестил свой народ Стефан I, король венгерский. Он же насильно заставлял отказываться от восточного христианства тех, кто успел принять его по византийскому обычаю. Но у нас нет достоверных сведений о массовых насилиях со стороны Владимира I Святославича. Ниспровержение идолов Перуна на юге и на севере не сопровождалось репрессиями. Идолов спускали вниз по реке, как спускали впоследствии обветшавшие святыни – старые иконы, например. Народ плакал по своему поверженному Богу, но не восставал. Восстание волхвов в 1071 году, о котором повествует Начальная летопись, было вызвано в Белозерской области голодом, а не стремлением

*Крещение Господне. Фреска церкви
Спаса Преображения на Нередице. 1199*

вернуться к язычеству. Более того, Владимир по-своему понял христианство, даже отказывался казнить разбойников, заявляя: “...боюсь греха”.

Христианство было отвоевано у Византии под стенами Херсонеса, но оно не превратилось в завоевательную акцию против своего народа.

Одним из счастливейших моментов принятия христианства на Руси было то, что распространение христианства шло без особых требований и наущений, направленных против язычества. И если Лесков в повести “На краю света” вкладывает в уста митрополита Платона мысль, что “Владимир поспешил, а греки слукавили – невежд ненаученных окрестили”, то именно это обстоятельство и способствовало мирному вхождению христианства в народную жизнь и не позволило церкви занимать резко враждебных позиций по отношению к языческим обрядам и верованиям, а напротив, постепенно вносить в язычество христианские идеи, а в христианстве видеть мирное преобразование народной жизни.

Значит, двоеверие? Нет, и не двоеверие! Двоеверия вообще не может быть: либо вера одна, либо ее нет. Последнего в первые века христианства на Руси никак не могло быть, ибо никто еще не в состоянии был отнять у людей способность видеть необычное в обычном, верить в загробную жизнь и в существование божественного начала. Чтобы понять – что же произошло, вернемся снова к специфике древнерусского язычества, к его хаотическому и недогматическому характеру.

Всякая религия, в том числе и хаотическое язычество Руси, имеет помимо всякого рода культов и идолов еще и нравственные устои. Эти нравственные устои, какие бы они ни были, организуют народную жизнь. Древнерусское язычество пронизывало собой все слои начавшего феодализироваться

общества Древней Руси. Из записей летописей видно, что Русь обладала уже идеалом воинского поведения. Этот идеал ясно проглядывает в рассказах Начальной летописи о князе Святославе.

Вот его знаменитая речь, обращенная к своим воинам: “Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земли Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегаем, – срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою”.

Когда-то ученики средних школ России учили эту речь наизусть, воспринимая и ее рыцарственный смысл, и красоту русской речи, как, впрочем, учили и другие речи Святослава или знаменитую характеристику, данную ему летописцем: “...легко ходя, аки пардус (гепард), войны многи творяше. Ходя, воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подклад постлав и седло в головах; тако же и прочий вой его вси бяху. И посылаше к странам глаголя: «Хочю на вы ити»”.

Я нарочно привожу все эти цитаты, не переводя их на современный русский, чтобы читатель смог оценить красоту, точность и лаконизм древнерусской литературной речи, тысячу лет обогащавшей русский язык.

Этот идеал княжеского поведения: беззаветная преданность своей стране, презрение к смерти в бою, демократизм и спартагский образ жизни, прямота в обращении

даже к врагу – все это оставалось и после принятия христианства и наложило особый отпечаток на рассказы о христианских подвижниках. В Изборнике 1076 года – книге, специально написанной для князя, который мог ее брать с собой в походы для нравоучительного чтения (об этом я пишу в особой работе), – есть такие строки: “...красота воину оружие и кораблю ветрила (паруса), тако и праведнику почитание книжное”. Праведник сравнивается с воином! Независимо от

Крещение Господне. Фрагмент фрески церкви Спаса Преображения на Нередице. 1199

того, где и когда написан этот текст, он характеризует и высокую русскую воинскую мораль.

В "Поучении" Владимира Мономаха, написанном, вероятнее всего, в конце XI века, а возможно, и в начале XII века (точное время написания существенной роли не играет), ясно проглядывает слияние языческого идеала поведения князя с христианскими наставлениями. Мономах хвалится количеством и быстротой своих походов (проглядывает "идеальный князь" – Святослав), своею храбростью в сражениях и на охоте (два главных княжеских дела). "А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея (в походы ходя) и ловы (охоты) с 13 лет". И, описав свою жизнь, замечает: "А из Щернигова до Києва нестишьды (более ста раз) ездих ко отцю, днем есмь переездил до вечерни. А всех путей 80 и 3 великих, а прока неиспомню менших".

Не скрыл Мономах и своих преступлений: сколько избил он людей и пожег русских городов. И после этого в качестве примера истинно благородного, христианского поведения он приводит свое письмо к Олегу, об изумительном по своей нравственной высоте содержании которого мне не раз приходилось писать. Во имя провозглашенного Мономахом на Любечском съезде князей принципа: "Каждо да держит отчину свою" – Мономах прощает побежденному противнику Олегу Святославичу ("Гориславичу"), в битве с которым пал его сын Изяслав, и предлагает ему вернуться в его отчину – Чернигов: "А мы что есмы, человеци грешни и лихи? – днесь живи, а утро мертви, днесь в славе и в чти (в чести), а заутро в гробе и беспамяти (никто помнить нас не будет), ини собранье наше разделять". Рассуждения вполне христианские и, скажем мимоходом, крайне важные для своего времени при переходе к новому порядку владения русской землей князьями на рубеже XI и XIII веков.

Важной христианской добродетелью при Владимире была и образованность. После крещения Руси Владимир, как о том свидетельствует Начальная летопись, "...нача поимати у нарочитые чади (то есть у лиц привилегированного сословия) дети и даяти нача на учение книжное". Строки эти вызвали различные догадки, где проводилось это "учение книжное", были ли это школы и какого типа, но ясно одно: "учение книжное" стало предметом государственной заботы.

Наконец, другой христианской добродетелью, с точки зрения Владимира, явилось милосердие богатых по отношению к бедным и убогим. Крестившись, Владимир стал прежде всего заботиться о больных и бедных. Согласно летописи, Владимир "повеле всякому нищему и убогому приходить на двор княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотьниц кунами (деньгами)". А тем, кто не мог приходить, немощным и больным, развозить припасы по дворам. Если эта его забота и была в какой-то мере

ограничена Киевом или даже частью Киева, то и тогда рассказ летописца чрезвычайно важен, ибо показывает, что именно считал летописец самым важным в христианстве, а вместе с ним и большинство его читателей и переписывателей текста – милосердие, доброту. Обычная щедрость становилась милосердием. Это различные акты, ибо акт добродетели переносился с человека дающего на тех, кому давалось, а это и было христианским милосердием.

В дальнейшем мы вернемся еще к одному моменту в христианской религии, оказавшемуся чрезвычайно привлекательным при выборе веры и надолго определившему характер восточнославянской религиозности. Сейчас же обратимся к тому низшему слою населения, которое перед крещением Руси называлось смердами, а после, вопреки всем обычным представлениям ученых нового времени, наиболее христианским слоем населения, отчего и получило свое название, – к крестьянству.

Язычество здесь было представлено не столько высшими богами, сколько слоем верований, регулировавших трудовую деятельность по сезонному годовому кругу: весенних, летних, осенних и зимних. Эти верования превращали труд в праздник и воспитывали столь необходимые в земледельческом труде любовь и уважение к земле. Здесь христианство быстро примирилось с язычеством, вернее, с его этикой, нравственными устоями крестьянского труда.

Язычество не было единым. Эту мысль, повторявшуюся нами и выше, следует понимать также и в том смысле, что в язычестве была “высшая” мифология, связанная с основными богами, которых хотел объединить Владимир еще до принятия христианства, устраивая свой пантеон “вне двора теремного”, и мифология “низшая”, состоявшая главным образом в связи с верованиями земледельческого характера и воспитывавшая в людях нравственное отношение к земле и друг к другу.

Первый круг верований был решительно отброшен Владимиром, а идолы ниспровержены и спущены в реки – как в Киеве, так и в Новгороде. Однако второй круг верований стал христианизоваться и приобретать оттенки христианской нравственности.

Исследования последних лет (главным образом замечательный труд М. М. Громыко “Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.”. М., 1986) дают тому ряд примеров.

Оставались, в частности, в разных частях нашей страны крестьянские помочи или толока, – общий труд, совершаемый всей крестьянской общиной. В языческой, дофеодальной деревне помочи совершались как обычай общей сельской работы. В христианской (крестьянской) деревне помочи стали формой коллективной помощи бедным семьям – семьям, лишившимся главы, нетрудоспособным, сиротам и т. д. Нравственный смысл, заключенный

в помочах, усилился в христианизованной сельской общине. Замечательно, что помочи совершались как праздник, носили веселый характер, сопровождались шутками, остротами, иногда состязаниями, общими пирами. Таким образом, с крестьянской помощи малоимущим семьям снимался весь обидный характер: со стороны соседей помочи совершались не как милостыня и жертва, унижавшие тех, кому помогали, а как веселый обычай, доставлявший радость всем участникам. На помочи люди, сознавая важность совершаемого, выходили в праздничных одеждах, лошадей “убирали в лучшую сбрую”.

“Хотя толокою производится работа тяжелая и не особенно приятная, но между тем толока – чистый праздник для всех участников, в особенности для ребят и молодежи”, – сообщал свидетель толоки (или помочей) в Псковской губернии.

Языческий обычай приобретал этическую христианскую окраску. Христианство смягчало и вбирало в себя и другие языческие обычаи. Так, например, Начальная русская летопись рассказывает о языческом умыкании невест у воды. Этот обычай был связан с культом источников, колодцев, воды вообще. Но с введением христианства верования в воду ослабли, а обычай знакомиться с девушкой, когда она шла с ведрами по воду, остался. У воды совершались и предварительные стоворы девушки с парнем.

Наиболее, может быть, важный пример сохранения и даже приумножения нравственного начала язычества – это культ земли. К земле крестьяне (да не только крестьяне, как показал В. А. Комарович в работе “Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII веков”) относились как к святыне. Перед началом земледельческих работ просили у земли прощения за то, что “вспарывали ее грудушку” сохой. У земли просили прощения за все свои проступки против нравственности. Даже в XIX веке Раскольников у Достоевского в “Преступлении и наказании” прежде всего публично просит прощения за убийство именно у земли прямо на площади.

Примеров можно привести много. Принятие христианства не отменило низшего слоя язычества, подобно тому как высшая математика не отменила собой элементарной. Нет двух наук в математике, не было двоеверия и в крестьянской среде. Шла постепенная христианизация (наряду с отмиранием) языческих обычаев и обрядов.

Теперь обратимся к одному чрезвычайно важному моменту в акте крещения Руси.

Начальная русская летопись передает красивую легенду об испытании вер Владимиром. Посланные Владимиром послы были у магометан, затем у немцев, служивших свою службу по западному обычаю, и наконец пришли в Царьград к грекам. Последний рассказ послов чрезвычайно значителен, ибо он был наиболее важным основанием для Владимира избрать хри-

стианство именно из Византии. Приведу его полностью в переводе на современный русский язык. Послы Владимира пришли в Царьград и явились к царю. «Царь же спросил их – зачем пришли? Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и сотворил им честь великую в тот же день. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же (то есть послы) были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», – и отпустили их с дарами великими и честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними, – и обратился к послам: – Говорите перед дружиною»».

Я опускаю то, что говорили послы о других верах, но вот что сказали они о службе в Царьграде: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Мы не можем забыть той красоты, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве».

Вспомним, что испытание вер имело в виду не то, какая вера красивее, а то, какая вера истинная. А главным аргументом истинности веры русские послы объявляют ее красоту. И это не случайно! Именно в силу этого представления о примате художественного начала в церковной и государственной жизни первые русские князья-христиане с таким усердием обстраивают свои города, ставят в них центральные храмы. Вместе с сосудами церковными и иконами Владимир привозит из Корсуни (Херсонеса) двух медных идолов (то есть две статуи, а не кумиры) и четырех медных коней, «про которых невежды думают, что они мраморные», и ставит их за церковью Десятинной, на самом торжественном месте города.

Поставленные в XI веке церкви до сего времени являются архитектурными центрами старых городов восточных славян: София в Киеве, София в Новгороде, Спас в Чернигове, Успенский собор во Владимире и т. д. Никакие последующие храмы и строения не затмили собой того, что было построено в XI веке.

Ни одна из стран, граничивших с Русью в XI веке, не могла с ней сравниться по величию своей архитектуры и по искусству живописи, мозаики,

Евхаристия. Фрагмент мозаики из разрушенного Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. 1108–1113. Музей Киевского Софийского собора

Причащение апостолов. Фрагмент мозаики Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. 1108–1113. Музей Киевского Софийского собора

прикладному искусству и по интенсивности исторической мысли, выраженной в летописании и работе над переводными хрониками.

Единственная страна с высокой архитектурой, сложной и по технике, и по красоте, которая может считаться помимо Византии предшественницей Руси в искусстве, – это Болгария с ее монументальными строениями в Плиске и Преславе. Большие каменные храмы строились в Северной Италии в Ломбардии, на севере Испании, в Англии и в прирейнской области, но это далеко.

Не совсем ясным представляется вопрос о том, почему в прилегающих к Руси странах были распространены в XI веке преимущественно храмы-ротонды: то ли это делалось в подражание ротонде, построенной Карлом Великим в Ахене, то ли в честь храма Гроба Господня в Иерусалиме, то ли считалось, что ротонда более всего подходит для совершения обряда крещения.

Во всяком случае храмы базиликального типа сменяют храмы-ротонды, и можно считать, что в XII веке примыкающие страны ведут уже обширное строительство и догоняют Русь, которая все же продолжает сохранять первенство вплоть до татаро-монгольского завоевания.

Возвращаясь к высоте искусства домонгольской Руси, не могу не привести цитату из записок Павла Алеппского, путешествовавшего по России при царе Алексее Михайловиче и видевшего в Киеве развалины храма Софии: “Ум человеческий не в силах обнять ее (церковь Софии) по причине разнообразия цветов ее мраморов и их сочетаний, симметричного расположения частей ее строения, большого числа и высоты ее колонн, возвышенности ее куполов, ее обширности, многочисленности ее портиков и притворов”.

В этом описании не все точно, но можно поверить общему впечатлению, которое производил храм Софии на иностранца, видевшего храмы и Малой Азии, и Балканского полуострова. Можно думать, что художественный момент не был случаен в христианстве Руси.

Эстетический момент играл особенно важную роль в византийском возрождении IX–XI веков, то есть как раз в то время, когда Русь принимала крещение. Патриарх константинопольский Фотий в IX веке в обращении к болгарскому князю Борису настойчиво высказывает мысль, что красота, гармоническое единство и гармония в целом отличают христианскую веру, которая именно этим разнится от ереси. В совершенстве человеческого лица ничего нельзя ни прибавить, ни убавить – так и в христианской вере. Невнимание к художественной стороне богослужения в глазах греков IX–XI веков было оскорблением божественного достоинства.

Русская культура очевидным образом была подготовлена к восприятию этого эстетического момента, ибо он надолго удержался в ней и стал ее определяющим элементом. Вспомним, что в течение многих веков русская философия теснейшим образом была связана с литературой и поэзией. Поэтому изучать ее надо в связи с Ломоносовым и Державиным, Тютчевым и Владимиром Соловьевым, Достоевским, Толстым, Чернышевским... Русская иконопись была умозрением в красках, выражала прежде всего миропонимание. Философией была и русская музыка. Мусоргский – величайший и далеко не раскрытый еще мыслитель, в частности, исторический мыслитель.

Что же дало принятое из Византии христианство русской истории? Не стоит перечислять все случаи нравственного воздействия церкви на русских князей. Они общеизвестны для всех, кто так или иначе, в большей или меньшей степени беспристрастно и непредвзято интересуется русской историей. Скажу кратко, что принятие христианства Владимиром из Византии оторвало Русь от магометанской и языческой Азии, сблизив ее с христианской Европой. Хорошо это или плохо – пусть судят читатели. Но бесспорно одно: прекрасно организованная болгарская письменность сразу позволяла Руси не начинать литературу, а продолжать ее и создавать в первый же век христианства произведения, которыми мы вправе гордиться.

Сама по себе культура не знает начальной даты, как не знают точной начальной даты и сами народы, племена, поселения. Все юбилейные начальные даты этого рода обычно условны. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты в глубь времен? Нужна ли нам дата двухтысячелетняя или полуторатысячелетняя? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусств вряд ли такая

*Проповедь апостола Петра.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

дата чем-либо возвысит русскую культуру. Основное, что сделано восточным славянством для мировой культуры, сделано за последнее тысячелетие. Остальное – лишь предполагаемые ценности.

Русь появилась со своим Киевом, соперником Константинополя, на мировой арене именно тысячу лет назад. Тысячу лет назад появились у нас и высокая живопись, и высокое прикладное искусство – как раз те области, в которых никакого отставания у восточнославянской культуры и не было. Знаем мы и то, что Русь была высокограмотной страной, иначе откуда у нее образовалась бы уже на заре XI века столь высокая литература? Первым и изумительнейшим по форме и мысли произведением было произведение “русского” автора митрополита Илариона “Слово о Законе и Благодати” – сочинение, подобия которому не имела в его время ни одна страна, – церковное по форме и историко-политическое по содержанию.

Попытки обосновать ту мысль, что Ольга и Владимир приняли христианство по латинскому обычаю, лишены сколько-нибудь научной документальности и носят явно тенденциозный характер. Неясно только одно: какое

*Дети внимают
проповеди апостола Петра.
Фрагмент фрески Софийского
собора в Киеве. XI в.*

это могло иметь значение, если вся христианская культура была принята нами из Византии и в результате сношений Руси именно с Византией. Из самого факта, что крещение было принято на Руси до формального разделения христианских церквей на византийско-восточную и католическо-западную в 1054 году, вывести ничего нельзя. Как нельзя вывести ничего решительно и из того факта, что Владимир до этого разделения принимал в Киеве латинских миссионеров “с любовью и честью” (какие были у него основания принимать иначе?). Ничего нельзя вывести и из того факта, что Владимир и Ярослав выдавали дочерей за королей, примыкавших к западному христианскому миру. Разве русские цари в XIX веке не женились на немецких и датских принцессах, не выдавали своих дочерей за западных владетельных особ?

Не стоит перечислять всю ту слабую аргументацию, которую обычно приводят католические историки русской церкви. Иван Грозный справедливо объяснял Поссевино: “Наша вера не греческая, а христианская”.

Зато следует принять во внимание, что Россия никак не соглашалась на унию.

Как бы мы ни рассматривали отказ великого князя московского Василия Васильевича принять Флорентийскую унию 1439 года с римско-католической церковью, для своего времени это был акт величайшего политического значения. Ибо это не только помогло сохранить свою собственную культуру, но и способствовало воссоединению трех восточнославянских народов, а в начале XVII века, в эпоху польской интервенции, помогло сохранению русской государственности. Мысль эту, как всегда у него, четко выразил С. М. Соловьев: отказ от Флорентийской унии Василием II “есть одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбу народов...”. Верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность северо-восточной Руси в 1612 году, сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях.

Не смог смыть грань национальных украинской и белорусской культур Униатский собор 1596 года в зловещем Брест-Литовске.

Не смогли смыть грань самобытности и западнические реформы Петра I, хотя и они были необходимы для России.

Скороспелые и легкомысленно задуманные церковные реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона привели к расколу русской культуры, единством которой было пожертвовано ради церковного, чисто обрядового единения России с Украиной и Белоруссией.

Пушкин так сказал о христианстве в своем отзыве на "Историю русского народа" Н. Полевого: "История новейшая есть история христианства". И если понять, что под историей Пушкин разумел прежде всего историю культуры, то положение Пушкина в известном смысле правильно и для России. Роль и значение христианства на Руси были очень изменчивы, как изменчиво было на Руси и само православие. Однако, учитывая то, что живопись, музыка, в значительной мере архитектура и почти вся литература в Древней Руси находились в орбите христианской мысли, христианских споров и христианских тем, совершенно ясно, что Пушкин был прав, если широко понимать его мысль.

*Золотник и серебряники времен киевского князя
Владимира Святославича. 978–1011*

*Богоматерь Оранта ("Нерушимая стена").
Мозаика Софийского собора в Киеве. 1043–1046*

СЛОВО О КИЕВЕ

Когда князь Олег, прозванный Вещим, сел в Киеве на княжение, он сказал, как пишет летописец: “Се буди мати градом русьским”. Этим он утвердил значение Киева как столицы всей русской земли – от Ладоги и Новгорода на севере и Полоцка на северо-востоке до Тьмутаракани на Черном море, от Карпат на западе до Волги на востоке.

“Мать городов” – это именно “столица”, метрополия. Но “мать городов русьских” имеет и другое значение, специфически древнерусское¹: Киев породил многие города, основанные киевскими князьями и частично названные в честь этих князей – Владимир на Клязьме, названный по имени Владимира Святославича, и Владимир Волынский – в его же честь. Ярославль на Волге – в честь Ярослава Мудрого. А затем – Изяславль, Всеволож, Глебль, Кснятин, Василев, два Юрьева (один на Чудском озере, другой во Владимирской земле) и пр., и пр. Одной из княжеских забот было основание городов – как укрепленных пунктов и административных центров. Укрепленную полосу городов строил против степи на юге от Киева уже Владимир I Святославич. И сам он, и его преемники строили также города на северо-востоке и на юго-западе Русской земли. Насколько быстро и интенсивно шло строительство городов, можно судить по следующим цифрам, приведенным в свое время академиком М. Н. Тихомировым: для IX–X веков летописи упоминают 24 рус-

¹ Под словом “древнерусский” здесь и в дальнейшем мы имеем в виду принадлежность Руси – общей восточнославянской народности в хронологических пределах примерно до середины XIII в. Слово “Русь” было самоназванием восточнославянской народности и земли, ею занимаемой.

Интерьер Софийского собора в Киеве. XI в.

ских города, в XI веке упомянуто уже 88 городов, в XII веке летописи называют еще 119 новых городов, а в XIII веке, до Батыева нашествия, т. е. за одну только треть века, еще 32 новых города.

Несмотря на постоянно возникавшие с XI века попытки к политическому обособлению отдельных княжеств, несмотря ни на что, Русская земля на всем своем огромном пространстве никогда полностью не утрачивала единства вплоть до Батыева нашествия и установления ордынского ига.

Единство Русской земли крепилось разными путями. Русская земля находилась в политической власти единого княжеского рода. И хотя князья

*Богоматерь Печерская (Свенская)
с предстоящими Антонием и Феодосием
Печерскими. Фрагмент иконы. XII–XIII вв.
Государственный Русский музей*

враждовали, но не сидели только в одном княжеском столе – переходили из княжества в княжество, стремились занять более высокое место, чтобы в конце концов попытаться достигнуть золотого киевского стола. Следовательно, *Русская* земля была для них единой. Единой она была и для *русской* церкви с Киевом во главе. Киево-Печерская обитель была такой же “матерью” *русских* монастырей, как и сам Киев – *русских* городов. Монахи Киево-Печерского монастыря становились епископами в Новгороде и Владимире, Галиче и Переславле, основывали монастыри и закладывали церкви.

Другой важной и действенной силой, сохранявшей единство *Русской* земли на всем ее огромном пространстве, был язык и фольклор. Различия в разговорном языке в отдельных областях были сравнительно незначительными. Язык повсюду был, в сущности, единый, и то же следует сказать о фольклоре – особенно об эпосе. Не случайно, что былины о киевских богатырях в XVIII и XIX веках – т. е. спустя более полутысячелетия, сохранились лучше всего на севере России: туда эти былины проникли уже в очень раннее время, там продолжали развиваться, там были памятью о далеких временах единства восточного славянства. И Киев при этом сохранял во всех них название и значение “стольного города” – столицы Руси. В народном, фольклорном сознании Киев был столицей всей Древней Руси – на всем ее пространстве, а не одной только Украины, в этом величие Киева, его огромнейшая культурно-историческая и политическая заслуга.

В образовании древнерусской (восточнославянской) народности языковое единство также имело совершенно исключительное значение. Разные факторы образуют народность, но среди этих разных факторов отдельные играют то большую, то меньшую роль. Для древнерусской народности язык играл первую роль; и не случайно в древнерусском языке одно из значений слова “язык” было именно “народ”. Сравнение с Византией может продемонстрировать мою мысль. Византия была многоязычным государством, и когда под ударами турок Византийское государство пало, оно уже не смогло возродиться. Иначе было с Древней Русью. Батыево нашествие не смогло разрушить народного единства и народного самосознания Древней Руси. Древняя Русь возродилась, но появившиеся языковые различия отметили собой

Христос Вседержитель. Мозаика центрального купола Софийского собора в Киеве. 1043–1046

образование двух наций, а впоследствии – трех (имею в виду Белоруссию). Но при этом сохранившаяся близость языков объединяла все три народа и продолжает объединять их до сих пор.

Еще одной силой, помогавшей культурному сплочению всех княжеств и областей *Русьской* земли, была литература. Даже в большей степени, чем разговорный язык, един был язык литературный. По происхождению своему это был язык староболгарский, постоянно впитывавший в себя элементы русского языка, не сильно от него отличавшегося. Литературный язык никак не различался по областям, ибо литературные произведения, в какой бы части *Русьской* земли ни были они созданы, постоянно перевозились из города в город, из монастыря в монастырь, из княжества в княжество.

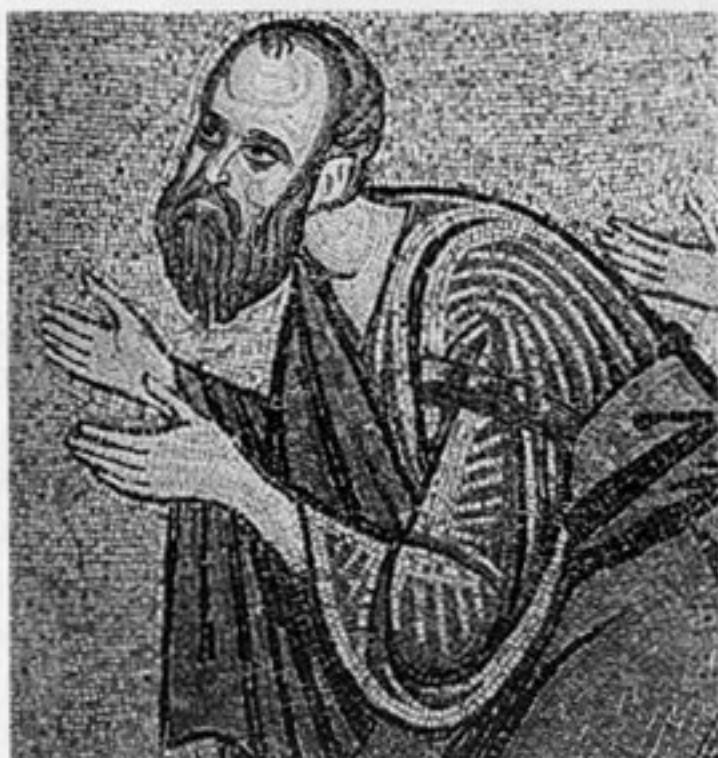
Литература была единой не только потому, что литературные произведения широко распространялись по всему пространству *Русьской* земли, но и потому, что они создавались очень часто не совсем обычным для нового времени путем. Так, например, из переписки двух монахов – одного жившего в Киеве в Киево-Печерском монастыре, а другого – на северо-востоке – во Владимире на реке Клязьме, возник замечательный памятник литературы XII века – “Киево-Печерский патерик”.

Обычный путь, который проходили при своем создании летописные своды, – это путь соединения в одном произведении записей, делавшихся в различных городах и монастырях Русьской земли, часто очень отдаленных друг от друга. Так, записи, сделанные в Новгороде на севере, присоединялись к записям, составленным в Киеве. Киевские записи и целые большие исторические произведения включались в летописи во Владимире на Клязьме. Уже в XI веке в киевские летописные своды входили записи о событиях в Тмутаракани на Черном море, несомненно сделанные именно там – с точным указанием дат событий. Мы могли бы привести множество примеров того, каким интенсивным литературным обменом жила Русьская земля и какое огромное значение в Киевской Руси имел обмен посланиями, письмами, летописными сочинениями, произведениями проповеднической литературы между самыми отдаленными географическими точками.

Словно и не было многодневных и многонедельных переездов, трудных путей сообщения, частой и продолжительной непогоды весной и осенью, прекращавшей полностью связи между отдельными княжествами и отрезавшей от Киева города, селения и монастыри. В этом литературном общении центром связей все время оставался Киев. Это была столица древнерусской литературы.

Но самой замечательной особенностью литературы было то сознание национального, политического и культурного единства, которое было свойственно всем произведениям Киевской Руси без исключения. Наиболее знаменитыми памятниками в этом отношении являются “Повесть временных лет”, “Поучение” Владимира Мономаха, “Киево-Печерский патерик” и “Слово о полку Игореве”. Рядом с этими памятниками были десятки других, в которых сознание исторического единства и необходимости политического оборонного единения было чрезвычайно выраженным, как, например, произведение того же XII века, что и “Слово о полку Игореве”, – “Слово о князьях”. Не было ни одного литературного произведения, которое проповедовало бы раздробленность, обособление княжеств. Если один князь выступал

Апостол Павел. Фрагмент мозаика из Михайловского Златоверхого монастыря. 1108–1113. Музей Киевского Софийского собора

Благовещение. Архангел Гавриил.
Фрагмент мозаики Софийского собора
в Киеве. 1043–1046

против другого, это оправдывалось борьбой за единство. Борьба за разъединение Руси не могла быть популярной.

И особенно о чем следует сказать, подчеркивая единство самой большой страны в Европе XI–XIII веков, – это единство ее искусства. Искусство было едва ли не самой важной составной частью древнерусской культуры. Киев, как и во всем, был в этой области столицей, центром, законодателем и огромным университетом. Его роль была не столь интенсивной, но все же очень сходной с ролью Константинополя в искусстве Византийской империи. Различие состояло в том, что к XII веку Киев перестал быть самым могучим на Руси военным центром.

Во второй половине XII века военное могущество Киева пало очень низко, однако духовная, культурная власть его над страной оставалась по-прежнему необыкновенно сильной. Не случайно каждый из русских князей, где бы он ни княжил, мечтал

со временем достигнуть золотого киевского стола. Сюда устремляли свои взоры и князья Чернигова, и князья Смоленска, и князья Владимира на Клязьме, и князья Галицко-Волынской земли. Многие приходили сюда и, как это ни парадоксально, подвергали иногда Киев страшному разорению, ревнуя к киевской славе и его духовному владычеству над Русьской землей, стремясь унести какую-то часть этой славы в свой княжеский город, забирая с собой святыни и произведения искусства. В 1200 году особенно сильному разорению подверг Киев Рюрик Ростиславич. Но Киев оставался Киевом до самого его захвата ордами Батыя. Он возникал вновь и вновь из всех разорений и никогда не терял своей славы центра Русьской земли.

Конечно, в искусстве местные особенности сказывались значительно больше, чем в литературе или в других областях культуры. Объяснялось это тем, что строители зависели от местных материалов и от местных мастеров.

Благовещение. Богоматерь.
Фрагмент мозаики Софийского собора
в Киве. 1043–1046

От местных материалов зависели и художники, для которых красками служили не только привозные материалы, но и местные – особенно когда приходилось расписывать огромные стены храмов. Некоторые производства нельзя было организовать на месте. Поэтому мозаики существовали только в Киве. Их не было ни в новгородских, ни в псковских, ни во владимирских храмах. Но тем не менее артели строителей, художников, различных ремесленников переезжали из княжества в княжество, и этот “кочевой” характер артелей мастеров, как и “кочевой” характер средневековой интеллигенции вообще, крепил единство культуры Киевской Руси.

Наконец, скажем несколько слов о том, что особенно могущественно идейно и эмоционально объединяло русскую культуру XI–XIII веков во всех ее различных областях и отраслях. Вся *русская* культура XI–XIII веков была во власти единого стиля – стиля динамического монументализма. Мы можем называть это явление своеобразной *стилистической формацией*², которой подчинялось все искусство, вся литература, вся политическая, богословская и философская мысль, весь “стиль жизни”. Корни этой мощной стилистической формации были в Византии и Болгарии – двух странах, откуда Киевская Русь получила свою духовную культуру и успешно ее развила, придав ей своеобразные черты.

Главная черта эстетической формации динамического монументализма состояла в тяготении к мышлению широкими масштабами, в попытках разрешения основных проблем бытия, в стремлении к осмыслению исторического существования *Русьского* государства, в стремлении к преодолению

² Термин “*стилистическая формация*” был предложен в свое время загребским ученым проф. Александром Флаккером.

больших пространств, к передвижению больших масс, в ощущении красоты тяжести и красоты преодоления этой тяжести, в значительности и “вечности” образов, в том, что можно назвать “ландшафтным зрением” в литературе и взглядом как бы “из вечности” в живописи, в том, что утверждало храмы как своеобразные маяки, освещающие огромные пространства и осваивающие эти пространства своими массивными формами.

Динамический монументализм сказался и в значительнейшем из “слов” XI века – в “Слове о Законе и Благодати”, в котором делалась глубокая попытка осмыслить историческое существование Руси, и в грандиозном историческом произведении рубежа XI–XII веков – “Повести временных лет”, где русская история была вставлена в оправу всемирной истории и выяснялся вопрос, как и откуда пошла Русская земля. В XII веке динамический монументализм проявляется в “Слове о полку Игореве”, где действие разворачивается на всем пространстве Руси – от Новгорода и до Черного моря, от Галича и Полоцка и до Волги. Тот же динамический монументализм отчетливо виден в сочинениях киевского князя Владимира Мономаха, в проповедях Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, в многочисленных летописях и т. д.

В искусстве динамический монументализм особенно ярко сказался, разумеется, в идейном центре Руси – Киеве. Монументальны образы его храмов, образы городов, основанных киевскими князьями, всегда поставленных на крутом берегу рек над заливными лугами противоположного берега, с вереницей храмов, видных издали всем подъезжающим по реке. Монументальностью охватывается вся страна, где города строились как своеобразные “подворья” Киева, воспроизводили Киев в своем внешнем облике, в посвящениях своих храмов Успению (по главной святыне Киево-Печерского монастыря, откуда Успенские храмы распространились по многим городам Руси – во Владимире, Ростове, Суздале, Смоленске и т. д.), в названиях ворот (как, например, во Владимире, где так же, как и в Киеве, были выстроены Золотые ворота и Медные).

Важно отметить, что отдельные линии княжеского рода стремились иметь в Киеве “свои” храмы (так, например, Кирилловская церковь XII века на Киевском Подоле была родовой церковью Ольговичей).

Широкое видение, свойственное искусству XI–XIII веков, Киевской Руси в целом, объединяло Древнюю Русь вокруг Киева и делало искусство и литературу важным фактором сохранения единства Руси.

Люди Киевской Руси мыслили широкими масштабами, глобальными проблемами своего существования и существования своей страны, ощущали себя частицами огромной Вселенной.

Они ориентировали свои храмы и жилища по странам света, вставая “до света”, чтобы не пропустить восход солнца (как этого требовал Влади-

*Иоанн Креститель. Фреска
Софийского собора в Кieve. XI в.*

мир Мономах в своем “Поучении”), воспроизводя в своих храмах, в их внутреннем устройстве всю Вселенную, всю мировую историю в ее тогдашнем понимании.

В одном из своих поучений знаменитый киевский проповедник Феодосий Печерский высказывает своеобразный взгляд на произведения искусства. Он утверждает, что они созданы не столько человеком – художником, зодчим, – сколько для человека, во имя человека, во славу человека. Феодосий Печерский гово-

рит: входя в храм и поклонившись трижды до земли, следует со страхом безмолвно стать “при стене”, “гласы немолчны воспевающи к Всевышнему”, ибо не имеющие себе подпоры стены и столпы храмов “нам суть на честь сотворены”.

“На честь” человеку созданы, конечно, не только стены храмов, но и все изображенное на них и все украшающее их – иконы и паникадила, утварь храма и его роскошные мозаичные полы. Отсюда – высокие представления о человеке, о его достоинстве, несуетном уме, высокой мудрости и щедрой доброте. Эти представления воплощены в образах людей на мозаиках, фресках и иконах – в их лицах, как бы озаренных внутренним светом “горнего ума”, “ликования”, означавшего в Древней Руси не только изображение ликов, но и торжествование, радование, а также хоровое пение. Почему именно “хоровое”? Потому, очевидно, что самым важным в существе ликов была их соборность и “собранность” в единое сообщество, их причастность к единому, составляющему мир целому.

Лицо человека, согласно “Поучению” Владимира Мономаха, – это самое большое чудо во всей Вселенной, ибо в мире нет двух одинаковых лиц: “И этому чуду подивимся, пишет киевский князь Владимир Мономах, – как из земли созданный человек имеет столь разнообразные лица. Если и всех

людей собрать, то не все они на одно лицо, но каждый имеет свое обличье, по Божьей мудрости”.

Удивление перед человеческим лицом – “ликом” – пронизывает собой все искусство Киевской Руси. Человек – это микрокосм, а храм – это своего рода человек. Не случайно поэтому основные части храма названы по подобию человека: окна – это очи человека (корень “окна” – око), купол – глава, поставлена эта глава храма на шее, основание храма – его подошва. А выступы в городских стенах – перси. Защитные от дождя выступы над окнами-очами – бровки. Двери домов и крепостей – их уста.

Тот же ликоподобный и человекоподобный облик имеет и мир. Солнце на миниатюрах изображается с ликом – лицом. Звезды в целом составляют лик – единое целое и целый хор: небо венчает “лик звездный”. Лик и множествен, и един одновременно: это и неповторимый облик человеческого лица, и вся их совокупность – лик монашеский, лик святых, лик поющих в церкви, лик и отдельных изображений, и всей совокупности изображенного на стенах церкви мозаикой и фресками, икон и самих предстоящих перед ними. “Ликом”, своеобразным хором была и вся совокупность *русских* городов с Киевом как их духовной столицей.

Вот почему искусство Киевской Руси одновременно и глубоко лично, и соборно. Каждый художник ощущал себя как бы выполняющим некоторую чужую, высшую волю, и имена художников поэтому в основном затерялись, хотя имена заказчиков храмов, жертвователей, ктиторов и сохрани-

Святительский чин. Фрагмент мозаики Софийского собора в Киеве. 1043–1046

*Святитель Николай.
Фрагмент фрески
Софийского собора в Киеве. XI в.*

лись до нас. Но не чувствуя себя инициатором-творцом, каждый художник стремился, тем не менее, воплотить в своих творениях нечто неповторимое, индивидуальное, показать зрителям первое диво дивной и удивительной Вселенной – разнообразие и красоту человеческих лиц.

Мы сказали – “красоту”, но в чем состояла эта красота? К какому бы сословию Древней Руси или предшествующих веков мировой истории ни принадлежал изображенный, основным идеалом Древней Руси был идеал воинский. Это кажется удивительным, ибо изображения до нас дошли в основном церковные и изображенные на фресках, мозаиках и иконах принадлежат главным образом к членам церкви (монахи или церковные иерархи).

Но с кем сравниваются церковные деятели в сочинениях своего времени? Прежде всего с воинами. Христианские подвижники – это “воины Христовы”, потому в лицах их ярче всего отражено мужество и чувство чести, воинской осторожности и мудрости.

Каждый праведник – это воин, совершающий подвиги. Книги для него все равно что оружие для воина: “Красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и праведнику – почитание книжное”³. Вот отчего и праведники на изображениях, если они не воины, имеющие в руках оружие, стоят по большей части с книгами или свитками, как с мечами и щитами, а лица их преисполнены мудрости и мужественного спокойствия.

Объясняя идеал праведника, древнерусский книжник писал: “Любит князь воина, стоящего и борющегося с врагами, иногда получающего раны, иногда же наносящего раны противнику, – больше, чем убегающего и оружие бросающего. Так и Бог сочувствует тому, кто «страдает» (трудится. – Д. Л.)

³ *Изборник Святослава 1076 г. М., 1965. С. 154.*

Дмитрий Солунский. Мозаика из разрушенного Михайловского Златоверхого монастыря. 1108–1113. Государственная Третьяковская галерея

Святитель Иоани Златоуст.
Фрагмент мозаики Софийского
собора в Киве. 1043–1046

за правду, не слабеет и борется с врагами, не заботясь о себе”⁴.

Хотя идеалом святого был в той или иной степени воин, это не значит, что лики изображаемых на иконах, фресках и мозаиках однообразны. “Разнообразие человеческих лиц”, отмеченное Владимиром Мономахом в его “Поучении”, остается самым примечательным феноменом окружающего мира для любого древнерусского художника. И хотя художники стремятся изобразить людей, как бы познавших тайну мира, а потому мудрых, их мудрость необычайно разнообразна. Среди ликов Древней Руси есть лики мудрые страданием, мудрые знанием и книжной мудростью, мудрые мужеством и мудрые силой, мудрые жизненным опытом и мудрые дерзостью юности, мудрые добротой и мудрые просто мудростью. Нет не только двух схожих лиц, но нет и схожих человеческих индивидуальностей. Представления историков, вообразивших себе средние века временем подавления личности, – не более чем миф, развившийся на почве самоуверенности людей нового времени.

В истории культуры каждая стилистическая формация не была просто эстетическим явлением, результатом сформировавшихся новых вкусов, просто эстетических представлений и настроений. Эстетическая формация отвечала *нуждам* общества, народа, нации, историческим потребностям.

Эстетическая формация, которая была характерна для эпохи Киевской земли, в высшей степени точно отвечала нуждам сохранения единства народа, рассеянного по колоссальной территории, она служила целям объединения, умению видеть в малом большое и в большом единое. Эта эстетическая формация динамического монументализма создала идеал людей и человеческой деятельности, который лучше всего соответствовал по-

⁴ *Изборник Святослава 1076 г. М., 1965. С. 581–582.*

*Апостол Симон.
Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.*

требностям обширнейшей страны. Это одно из удивительнейших явлений в истории культуры вообще.

Эстетический монументализм создал идеал людей, ценивших и любивших быстрые долгие походы, военные успехи в защите огромной территории, умение переноситься мыслью из одного пункта Русьской земли в другой, мечту о перелетах – как в “Слове о полку Игореве”, людей, ощущавших свое языковое и культурное единство, чувствовавших себя частью европейской культуры, трансплантировавших к себе все лучшее, что было в других странах – Балканских, соседних на Западе и соседних на Востоке⁵. Стилистическая формация динамического монументализма способствовала не только консолидации общенародных сил и самосознания восточного славянства, но и осознанию восточным славянством своей общности со всем человечеством – основ будущего интернационализма восточных славян.

Киевская Русь, ее идеалы и ее стилистическая формация, позволившая осознать всю русскую землю как огромное и единое целое, сыграли выдающуюся роль во всей последующей истории Руси. В XIV веке в период перед Куликовской битвой, послужившей началом освобождения Руси от монголо-татарского ига, существенное значение имело обращение к традициям эпохи независимости, т. е. к традициям Киевской Руси, – в политике, в литературе, в живописи, в зодчестве, в фольклоре, в церковной жизни и т. д.

В литературе это обращение ко временам независимости Киевской Руси заметно во многих произведениях – в московском летописании, в “Задонщине”, в “Сказании о Мамаевом побоище”, в “Слове инок Фомы тверскому князю Борису Александровичу”, в поздних редакциях “Повести о разорении Рязани

⁵ Литература о культурных связях Руси с Востоком и, в частности, с половцами чрезвычайно обширна. Об этом писали Б. Мелиоранский, П. Зайончковский, В. Пархоменко, М. Приселков, а в последние годы В. Гордлевский и А. Робинсон.

*Святой целитель Пантелеймон.
Фреска Софийского собора в Киве. XI в.*

Батыем”, в “Слове великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому” и т. д. В искусстве обращение ко временам независимости Руси сказалося в реставрациях домонгольских храмов во Владимире, в Твери, в Новгороде, в поновлениях домонгольских фресок во Владимире, отчасти в самом стиле живописи Андрея Рублева, как бы продолжающем стиль живописи XI–XIII веков.

В политике обращение сказалося в притязаниях московских князей на наследие киевских князей, в сохранении московским митрополитом титула “киевского и всея Руси” и пр.

Обращение к Киевской Руси в XIV и XV веках сыграло в Московской Руси действительную роль в культурном и политическом возрождении, а в XVII веке привело в конце концов к объединению трех братских народов – великорусского, украинского и белорусского в единое государство, а в культуре – к объединению культурному, в котором относительно позднее украинско-белорусское искусство, искусство барокко, заняло свое достойное место.

Разрушенная ударами ордынских сабель и хитрой политикой разъединения, Русь и после своего распада на Украину и Великороссию оставалась единой – как остаются едиными вращающиеся вокруг невидимого центра, вокруг друг друга небесные тела.

Культуру Северной Руси все время тянуло к культуре Южной Руси – не только древней, общей, но и новой. С юга в Северную Русь проникает украинское барокко – в зодчестве, поэзии, музыке. Приезжают деятели украинской культуры, занимают ответственные посты в русском государстве и церкви украинцы.

На русский литературный язык оказывает постоянное влияние украинский язык, украинизмы в лексике и в произношении. Обратное влияние хорошо известно – особенно в XIX и XX веках.

Историки культуры и искусства очень часто не учитывают творческого участия, творческого соседства в историко-литературном процессе двух

Киев. Софийский собор

великих культур. Мы не просто шли вместе, – мы шли в ногу, соизмеряя свои шаги, их темп, их направление.

Россия и Украина составляли в течение веков после своего разделения не только политическое, но и культурное двуединство. Русская культура немыслима без украинской, как и украинская без русской.

Художники Д. Левицкий, В. Боровиковский, А. Лосенко, А. Куинджи происходили с Украины, а мыслима ли без них история русской живописи? В Петре Ильиче Чайковском и в Маяковском текла украинская кровь. Может быть, она текла и в Достоевском. С Украины Чехов, Анна Ахматова, К. Паустовский. С Украины композиторы Д. Бортнянский и С. Прокофьев. А какое значение Украина и украинский язык, и фольклор имели для Лермонтова, Некрасова, Лескова (вот кто удивительно почувствовал красоту украинской Сечи, украинского характера, природы, да и самого Киева!). На Украине писал Пушкин, работали И. Айвазовский, И. Вишняков, В. Антропов, Виктор Васнецов и Врубель.

Без Украины невозможна была бы вся русская культура XVII века – без Киева, Киево-Печерской лавры и Киево-Могилянской академии, без украинского барокко, без Ивана Зарудного в зодчестве и прикладном искусстве и украинского школьного барокко в литературе, в театре.

А разве можно писать историю русской поэзии XIX века, не учитывая Шевченко? Возможен ли Гоголь без Украины, без широко и по-доброму

повлиявшего на него украинского юмора, украинского фольклора, украинской сочной и цветистой речи?

Но ведь и Украина невозможна без России! Разве в Киеве не строили русские архитекторы? Разве не одно из лучших украшений Киева Андреевская церковь, построенная воспитанным в русских архитектурных традициях сыном петровского скульптора В. В. Растрелли? Разве не несут в себе русских градостроительных традиций многие города Украины, в первую очередь Киев? Разве может быть украинская поэзия Леси Украинки, Максима Рыльского и др. без Пушкина, без Лермонтова и Некрасова?

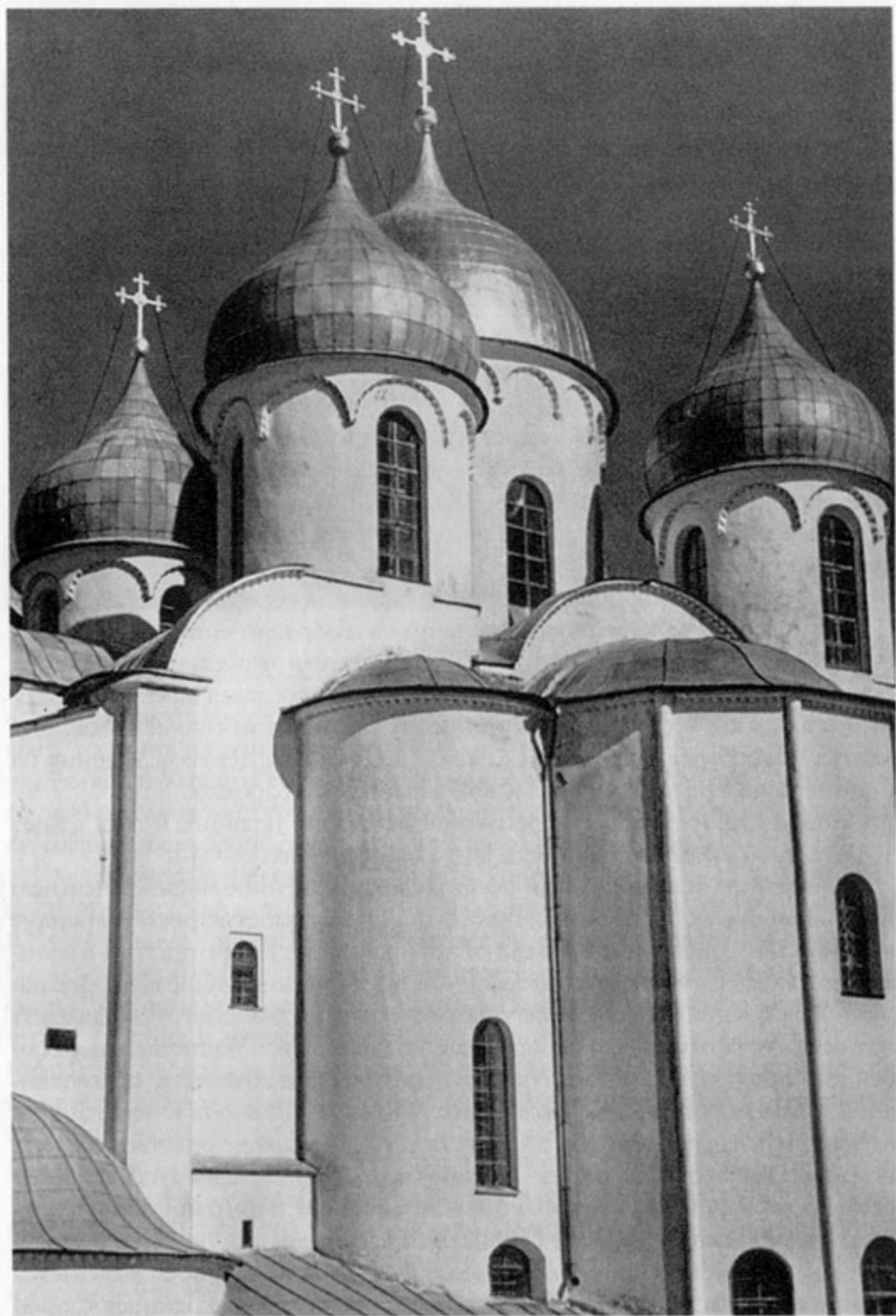
Разве не воспитался Шевченко-художник в Петербургской Академии художеств?

Украина – цветущая, поющая, привольная – всегда привлекала к себе сердца русских – россиян. Влекли к себе украинские степи, белые украинские хаты, вышитые украинские рушники, украинский юмор и широта украинского национального характера. И Киев всегда вызывал чувство ностальгии у русских: как “мать городов русьских”, как центр самых больших русских святынь, никогда не противопоставляемых украинским.

В Киеве при всем его национальном своеобразии есть общие градостроительные принципы с другими украинскими и русскими городами, есть отдельные здания, созданные гением тех, кто создавал Москву и Петербург, а в Москве – сколько неучтенного и незамеченного еще киевского, даже в Петербурге был уголок Киева – знаменитая церковь Успения на Сенной площади, построенная в духе украинского барокко.

Невский проспект был увиден и описан глазами украинца Гоголя, а Киев 1918 года – глазами великоросса Михаила Булгакова.

Существует неправильное и очень распространенное мнение о том, что национальные особенности и национальные ценности зреют и крепнут в уединении, отделенные стенами от других культур. Напротив того: в оранжереях растут слабые растения, растения, не выдерживающие вольного наружного климата. Сильные культуры, к которым, несомненно, принадлежат и русская, и украинская, и белорусская, получают свои национальные особенности от общения между собой и с другими культурами, от взаимовлияний и взаимообщения, позволяющих творчески усваивать и перерабатывать на свой лад достижения соседей. Будем ценить наше родство, взаимно поддерживающее нас, – оно ценно, ибо своеобразие каждого из наших народов родилось и развивалось во взаимообщении, а динамический монументализм древнего Киева – стилистическая формация Древней Руси, на которой я особенно подробно остановился здесь, до сих пор сказывается в национальном характере как русских, белорусов, так и украинцев. Сказывается и открытый характер восточнославянских культур, их связи со многими соседними народами.

Новгород. Софийский собор. 1045–1050

ДРЕВНИЙ НОВГОРОД КАК СТОЛИЦА – ПРЕДШЕСТВЕННИК ПЕТЕРБУРГА

Обе столицы, ко времени их появления, были близки к внешним границам России.

О Новгороде можно сказать, что он построен не просто близко к внешней границе Руси, но *прямо* на границе пути “из Варяг в Греки” – на главном пути, соединявшем в IX–XI веках два основных бассейна Европы, Балтийский и Средиземноморский, и близко к одному из соединительных путей Европы и Азии. Если вспомнить, что Максим Грек создал образ России в виде женщины в черных одеждах, сидящей *при пути* и плачущей, то образ России на Пути окажется вовсе не так необычен. Пути же в России были главным образом *водные* – речные и озерные.

Сравнивая Новгород и Петербург, мы замечаем, что оба они близки к северному бассейну Европы. Между тем до сих пор понятия Север и Юг имеют для Европы большее значение, чем Восток и Запад.

Россия – это Скандовизантия, а не Евразия – как по своему государственному происхождению, так и по своей культурной сути. Для Руси это

Новгород. "Часозвоня". 1443

Санкт-Петербург.
Петропавловский собор. 1712–1733

европейское противостояние Севера и Юга реализовалось в двух столицах, стоящих на вертикали пути "из Варяг в Греки" – Новгороде и Киеве. В период подъемов обе эти столицы всегда стремились к объединению на этом Пути. Исследования академика В. Л. Янина доказали равноправие Новгорода и Киева как двух столиц, ставших на окраинных рубежах государства.

Вспомним еще одну особенность восточного славянства. Оно в расселении своем всегда стремилось не к центру, а к *окраине* – к своим "Украинам". И нет ничего обидного в том, что целая восточнославянская страна зовется этим именем – Украина (окраина). Восточное славянство всегда стремилось на края своей страны (вспомним хотя бы казачество) и благодаря этому стремлению расширяло свою территорию.

И не только территорию. Эта же тенденция определяла стремление к краям искусства, к краям великих стилей. Она же создавала новые стили, дышащие новизной, новые научные теории, – и при создании их всегда "вдавалась в крайности".

Стремление к краям ничуть не менее важно, чем стремление к центру. Оба стремления – как центробежное, так и центростремительное – имеют и свои выгоды, и свои недостатки.

*Санкт-Петербург.
Адмиралтейство. 1806–1823*

*Новгород. Звонница Софийского
собора. XV–XVII вв.*

Что такое Петербург? Это столица на самой окраине государства. Это не только культура, заимствованная из Европы, – а и культура типично пограничная. Она и в искусстве – на краю стилей, на границе стилей, на переходе от одного к другому.

Устье, на котором воздвигнут Петербург, – на границе моря и реки: в устье Невы при впадении ее в море. Главной особенностью города была необычайная протяженность пристаней, набережных, причалов. Здесь, на границе с морем, Россия как бы браталась с Европой, причаливала к Европе, создавала свою культуру, которая, в сущности, не была ни Европой, ни “Московией”. Здесь Россия, “причалив” к Европе, не сделалась Европой, – но и “Московией” не осталась...

Обратим внимание еще на одну черту, объединяющую Петербург и Новгород. Обычно русские (восточнославянские) города строились на одной стороне реки – той, которая была выше. Так построены Киев, Ярославль, Кострома, Москва, Нижний Новгород и т. д.

Новгород и Петербург строились по обеим сторонам реки – и поэтому могут объединять пространства обеих сторон. Петербург построен при этом на всех многочисленных берегах Невы, что дает ему чудесные возможности иметь самые прорезанные и самые удобные гавани в Европе, –

Новгородский детинец с башиней Кукуй. Кон. XV–XVII вв.

*Церковь Спаса Преображения
на Нередице. 1198*

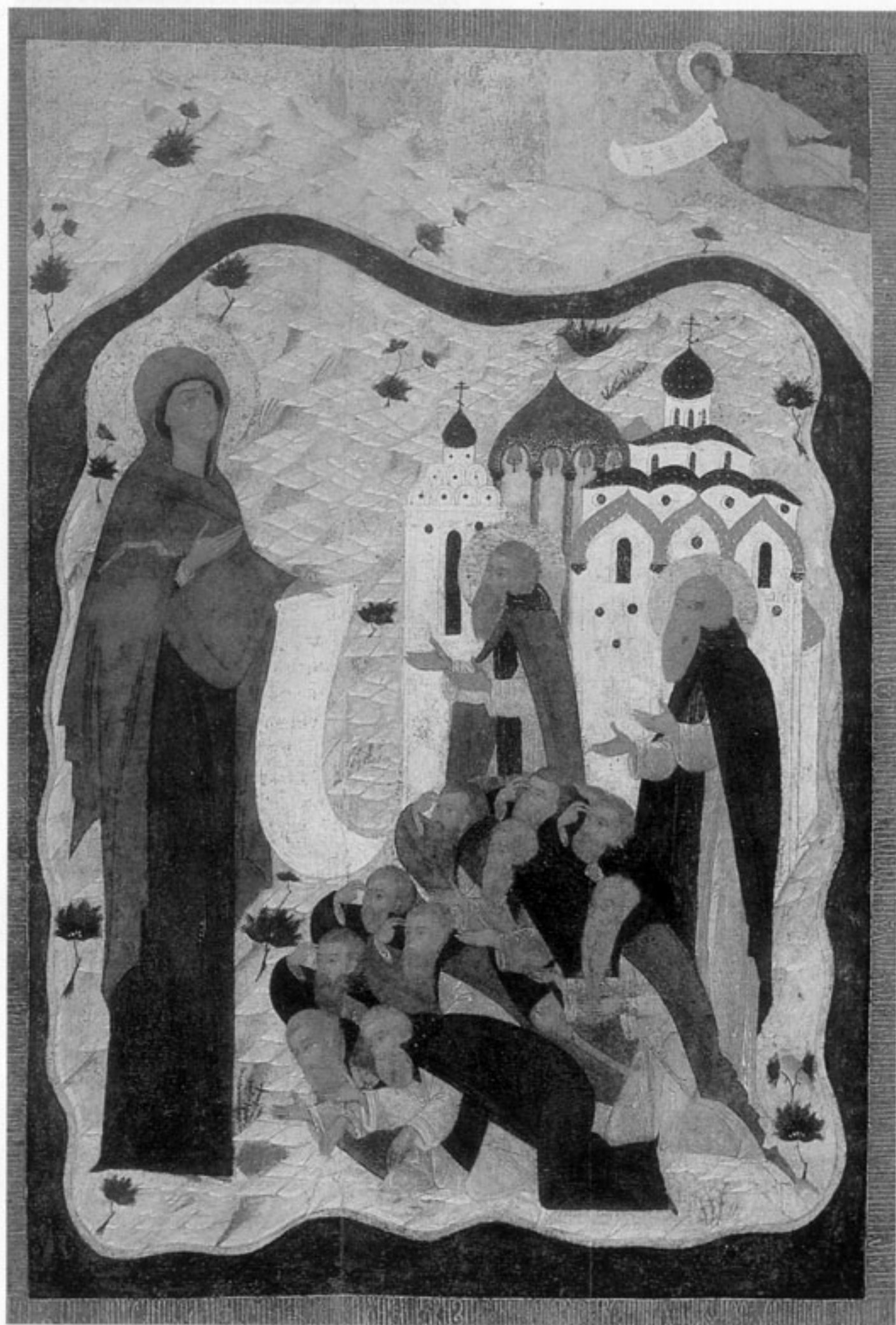
*Храм дружбы. Павловск.
1780-е гг.*

особенно если иметь в виду, что уровень берегов низкий, а уровень воды в реке стоит, в общем, на одной шкале (если исключить наводнения, случавшиеся в октябре и ноябре). Нева, как утверждал академик Л. С. Берг, вообще не река, а проток, не имеющий обычного речного режима: весенних разливов, летнего понижения уровня воды и пр. Просто Ладога “жерелом своим” впадает в море, – как утверждает летописец. Но таким же “жерелом” вытекает и Волхов из Ильмень-озера.

Я думаю, что Петр I строил Петербург с оглядкой на Новгород, взамен Новгорода, с оглядкой на его историческую роль. При этом он отступал от культуры “однобоких” городов, менее удобных, менее приспособленных к общению с другими странами. Стоит упомянуть еще, что кольцо дворцов и парков, которыми Петр окружал Петербург, было подобно кольцу монастырей и церквей вокруг древнего Новгорода.

В этом и во многом другом Петр был гораздо больше связан с Древней Русью, чем это обычно представляется.

*Богоматерь Боголюбская с предстоящими Зосимой и Савватием.
Средник иконы. Сер. XVI в. Московский Кремль*

СОЛОВКИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Соловецкий монастырь вошел в историю русской культуры своим знаменитым собранием рукописей, своими каменными строениями XVI и XVII веков – единственным в своем роде комплексом светских инженерных и архитектурных сооружений Древней Руси, своим бесценным собранием икон, ныне рассеянным по многим музеям России. Его значение в истории Русского Севера с середины XV до XVIII века огромно.

Уединенный среди Белого моря на пустынном острове, избранном для скитской жизни, монастырь, тем не менее, распростер свою светскую – военную, феодальную и хозяйственную – власть на огромном пространстве и сыграл выдающуюся роль в феодализации общественно-хозяйственных отношений на Русском Севере. Он постепенно распространил свое влияние на западе до границ Швеции, а на Крайнем Севере до самой Печенги. Соловецкий монастырь завязал культурные и религиозные связи с Афоном, Константинополем, Сербией. Он держал военные гарнизоны в Карелии и оборонял Белое море от вторжения иноземных кораблей вплоть до середины XIX века. Сотрясаемый внутренними противоречиями, он оказался после восстания 1668–1676 годов во власти оппозиционных к господствующей церкви старообрядцев и избегших казни разинцев и восемь лет оборонялся против осаждавших его правительственных войск. Он был местом ссылки и заключения для неудобных правительству религиозных и государственных деятелей.

Конец XV века – вернее, его последняя четверть – был временем заката новгородской независимости и одновременно наибольшего территориального расширения монастыря. Символично и то, что смерть Зосимы – последнего из соловецких “начальников”, т. е. основателей монастыря, – совпала по времени с окончательным падением новгородской независимости: и то и другое произошло в 1478 году. Успев укрепить монастырь богатствами и независимостью экономической, Новгород передал ему свою организующую роль на

Севере. Москва не разорила этого новгородского наследника, а, напротив, стала, в свою очередь, всячески поддерживать, умножая его владения, богатства и военную силу. Уже в следующем после падения Новгорода 1479 году по ходатайству соловецкого игумена Феодосия Иваном III была выдана Соловкам грамота, в которой подтверждалось право монастыря на владение Соловецкими островами, и права на беломорские угодья, которые дала монастырю знаменитая защитница новгородской свободы – Марфа Посадница.

История Соловков – это история всего Русского Севера – большой страны. Эта страна входила в состав Московского государства, но наследовала элементы относительной самостоятельности Новгорода.

Своим началом Соловецкий монастырь непосредственно связан с двумя другими северными монастырями – Кирилло-Белозерским и Валаамским. Согласно сравнительно поздним житиям основателей Соловецкой обители, инок Кирилло-Белозерского монастыря Савватий после долгого пребывания в монастыре решил скрыться в “безмолвное место”. Он перешел в Валаамский монастырь на Ладожском озере; здесь пробыл немалое время и приобрел уважение братии. Ища еще большего уединения, он пошел дальше на север – к Белому морю.

Обычно за дату приезда Савватия на Соловки принимается 1429 год. Эта дата заимствована из позднего Соловецкого летописца, где она вычислена на основании косвенных, по-видимому, неверных соображений. В ранних житиях даты приезда нет, но, по всему судя, Савватий прибыл туда позднее. В “Житии Савватия и Зосимы Соловецких”, составленном Спиридоном, сказано, что Савватий подвизался в Кирилло-Белозерском монастыре в 1436 году при митрополите Фотии и великом князе Василии Васильевиче. В других житиях указано, что Савватий жил в Кирилло-Белозерском монастыре “многая лета” “во дни” великого князя Василия Васильевича Московского (даты его правления – 1425–1462), Бориса Александровича Тверского (1425–1461), Федора Ольговича Рязанского (1387–1427), митрополита Фотия (1409–1431), новгородского архиепископа Евфимия Брадатого (1423–1429). Если следовать строгим указаниям дат правления этих лиц, то Савватий провел в Кирилло-Белозерском монастыре не “многая лета”, а всего два года (1425–1427), т. е. еще при жизни основателя Кирилло-Белозерского монастыря Кирилла, умершего в 1427 году. Даже если принять эти указания за точные и считать, что Савватий покинул Кирилло-Белозерский монастырь в 1427 году, то следует учесть, что, поселившись на Валааме, Савватий пребывал там “не мало” времени, имел учеников и покинул его “по нескольким летех”, т. е. никак не мог прийти на Соловки в 1429 году. Уточнить хронологические данные об основании и первоначальной истории монастыря можно будет только после подробного исследования истории текста всех списков Жития Савватия и Зосимы Соловецких, пока же наиболее вероятным временем

*Святые Зосима и Савватий.
Фрагмент иконы
"Богоматерь Боголюбская".
Сер. XVI в. Московский Кремль*

прибытия Савватия на Соловки можно принять 30-е годы XV века, и то, вероятнее, их вторую половину.

Можно сомневаться в том, что Соловецкий остров до прихода туда Савватия и Германа был действительно "пуст и никем не ведом", как указывается в житии. Во всяком случае, Савватий узнал о существовании Соловецкого острова, живя в Валаамском монастыре. По свидетельству жития, приход Савватия вызвал опасения местных жителей. Возможно, что это были заезжие рыбаки. Обыкновение приезжать летом на промысел в пустынные места до сих пор существует в некоторых местах на Белом море. Вряд ли Соловки имели постоянных жителей, проводивших здесь долгую зиму в отрыве от материка. Однако Соловки отнюдь не следует считать островами "никем не ведомыми". Следы человека восходят здесь ко временам до нашей эры. Таковы знаменитые "соловецкие лабиринты", связанные своим происхождением с какими-то культовыми языческими обрядами, общими для всего европейского Севера¹.

¹ См.: Виноградов Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников // *Материалы Соловецкого Общества краеведения. Соловки, 1927. Вып. 4; Виноградов Н. Новые лабиринты Соловецкого архителага // Там же. Вып. 12.*

О том, кто посещал Соловки и зачем, мы можем отчасти судить по грамоте, которая была выдана соловецким монахам Новгородом на владение Соловецкими островами; там значилось, что “боярам новгородчкым, ни карельским детем, ни иному никому ж в тьи острова не вступатися в страдающую землю, ни в пожне, ни в тоне, ни в ловища, ни черенов не наряжать (т. е. не делать солеварен. – Д. Л.), ни лесов не полесовать никому же... А хто приедеть на тьи острова на ловлю, или на добыток, на сало, или на кожу, ино всем тым давати в дом святого Спаса и святого Николы (т. е. в Соловецкий монастырь – Д. Л.) изо всего десятина”². Ясно, что здесь говорится не о воображаемых людях и не о воображаемом использовании природных богатств островов, а о вполне реальных. Из этого ясно также, что постоянных жителей на островах не было, а добытки приходили с материка летом, чтобы на зиму их покинуть.

Жития тех соловецких святых, с которых “начался” Соловецкий монастырь Савватия, Зосимы и Германа, представляют собой исключительный интерес для истории древнерусской литературы. Они показывают постепенное нарастание требований к литературной “украшенности” житий и интенсивность работы по их литературной отделке.

В редакции жития, принадлежащей знаменитому основателю Соловецкой библиотеки игумену Досифею, после рассказа о погребении Зосимы обычно помещается “Сказание о сотворении Жития Зосимы и Савватия”³. Сказание это часто приводится в работах по древней русской литературе как показание самого древнерусского сочинителя о своей работе. Нет ни одного другого жития, в котором с такой подробностью и полнотой была бы рассказана первоначальная история создания жития – по чьей инициативе и как составлялись различные его редакции.

Первоначально известны были только устные рассказы о Зосиме и Савватии их сподвижника Германа, который прожил значительно дольше их. Именно он велел клирикам записать то, что знал об обоих. Когда Герман скончался, записи его рассказов были “в небрежении”. Монахи “нерадиша о писании том”. Причина ясна – Зосима и Савватий были еще не канонизированы и рассказы о них не имели церковного значения. Это были своего рода “свидетельские показания” – материалы для будущей канонизации, которая, несомненно, уже предвиделась: основатели монастырей обычно причислялись к лику святых, когда монастырь достаточно разрастался и получал церковный авторитет.

Простые рассказы Германа, изложенные в “списании”, были взяты для прочтения каким-то иноком Кирилло-Белозерского монастыря и пропали.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 152–153.

³ См.: Православный собеседник. Ч. 2. 1859. С. 218 и след.

Тогда ученик Зосимы, игумен Досифей, по совету новгородского архиепископа Геннадия, знавшего Савватия по Валаамскому монастырю, где Савватий пребывал до Соловков, написал “Житие Зосимы и Савватия Соловецких”. Труд Досифея, несомненно, предназначался для канонизации и с этой целью был представлен митрополиту Геннадию, а такого рода предварительные жития всегда фактичны и просты. Труд Досифея скорее документ, чем житие, и был призван заменить пропавшие записи рассказов Германа.

В предисловии к “Житию Зосимы и Савватия”, написанном знаменитым Максимом Греком, последний по-другому объясняет, почему Досифей написал свое житие просто и “неухищренно”, т. е. без излишней витиеватости и литературных украшений. Вокруг Соловков, говорит Максим Грек, жили люди “мало сведуще российского языка”. “ижера, чудь, лопь, вдале же каане и мурмане и инни мнози языцы”⁴. Многие из этих народов приходили в обитель и здесь постригались, становились монахами. Именно для этих народов, мало сведущих в российском языке, и следовало писать просто, безо всякого “добрословия”. Среди этих народов монастырь распространял православную веру – до самого варяжского города Варгав, вблизи которого был основан затем на реке Печенге монастырь св. Троицы. Здесь в “пустыни яко град сотворися”⁵.

Труд Досифея был замечателен своею историографической точностью. Досифей подробно указывает, на основании каких сведений он составлял “Житие Зосимы и Савватия”. Он пишет, что не смог установить ни года, ни места рождения, ни времени пострижения Савватия, так как “много бо лета прешла суть до написания сего”.

Устные расспросы не дали каких-либо результатов. О Зосиме Досифей писал со слов его учеников; записывал, например, от некоего инока Пахомия и т. д.

По дороге в Москву Досифей заехал в Ферапонтов монастырь, где в это время находился низложенный митрополит Спиридон Савва. Спиридон был искусным книжником и известен как автор Родословия литовских князей⁶. Досифей уговорил Спиридона написать украшенное всеми литературными красотами житие.

Это было сделано в 1503 году. Спиридон дополнил труд Досифея похвалами, снабдил его предисловием, где отметил, что основой труда послужило сочинение Досифея. Но и спиридоновской пышности и “стройности” оказалось недостаточно, и позднее житие, написанное Спиридоном, было еще раз переработано и расцвечено литературными красотами уже упомянутым Максимом Греком по “понуждению” кого-то из соловецких старцев.

⁴ См.: *Православный собеседник*. 1859. Ч. 2. С. 215.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ См. о нем: Дмитриева Р. П. *Сказание о князьях Владимирских*. М.; Л., 1955.

Но и Максимова жития Зосимы и Савватия Соловецких показалось соловецким старцам недостаточно: они обратились с просьбой написать похвалы Зосиме и Савватию не то на Афон, не то в Сербию к сербскому книжнику Аниките Льву Филологу, составившему перед тем житие князя Михаила Черниговского и его боярина Федора, погибших в XIII веке в ставке Батя и причисленных к лику святых.

Сохранилось письмо Аникиты Льва Филолога, которым он сопроводил похвальные слова⁷ Зосиме и Савватию при отсылке их в монастырь. Он пишет в нем соловецкому монаху Богдану, которого называет “русином”.

“Удивляюсь тебе, как найдя скверную раковину (он разумеет под раковиной самого себя. – Д. Л.), решился ты ее раскрыть. Что могла она представить тебе, кроме зловония?”

“Может быть, впрочем, – пишет он дальше, – великий Бог, награждая труд твой, даст тебе жемчуг слова, которого ищешь в скверном сосуде моего сердца”. Впрочем, призвав на помощь святого архиепископа сербского Савву, который был не только святым, но образцовым писателем, Аникита Лев Филолог надеется, что его труд окажется достойным Зосимы и Савватия. Далее в своем письме Лев Филолог пишет, что о Зосиме и Савватии он узнал только от Богдана.

Мы не знаем, рассказывал ли Богдан Льву или подал ему на переделку какие-то “сказания”, составленные соловецким игуменом Досифеем, архиепископом “великой Руси” Спиридоном и “иным братом, писавшим последи”, из которых в своем изощренном сочинении Лев сохранил некоторые северорусские слова: “клокот” (шум), “кережа” (повозка, подобная лодке), “карбас”, “буса”, “обласа” (разные типы беломорских судов). По упоминаемым событиям и лицам видно, что Аникита Лев Филолог писал их между 1534 и 1542 годами. По некоторым признакам можно судить о том, что Богдан, “русин”, в чем-то непосредственно помогал Льву. Так, например, приводя цитату из Григория Богослова о том, как дельфин, поднимаясь из глубины моря на его поверхность, играет около корабля, Лев Филолог вместо дельфина назвал неизвестную на юге беломорскую белуху, “пыскающую” около кораблей.

Замечательная особенность похвальных слов Льва Филолога состоит еще в том, что в них заметно влияние русского писателя XII века Кирилла Туровского. Особенно это касается его описания “царицы времен” – весны.

⁷ Похвальные слова напечатаны в *Православном собеседнике* (1859. Ч. 3) с неправильной атрибуцией как написанных Зиновием Отенским. О принадлежности их Аниките Льву Филологу см.: *Прибавления к изданию святых отцов*. М., 1859. Ч. 18. С. 522–547. См. также: *Лихачев Д. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог (Горски Вујенац, A garland of essays offered to professor E. M. Hill. Cambridge, 1970. P. 215–219).*

*Житие Зосимы и Савватия. Лицевая рукопись.
 1623. Российская национальная библиотека*

Перед нами замечательное явление: свидетельство многократного общения русских и сербских писателей – общения, захватившего собой и Соловки.

Как же происходило, по всем этим литературным произведениям, первоначальное устройство монастыря? Скрывшись тайно ночью из Валаамского монастыря, Савватий дошел до Белого моря и здесь у местных жителей стал расспрашивать о Соловецком острове.

Он узнал, что плыть до острова следует два дня, что остров велик, в окружности сто “поприщ”, имеет много озер, полных рыбы, отличной от той, что водится в море, что к острову приходят рыбаки, ловят вокруг рыбу и уходят “восвояси”, что остров покрыт разнообразными деревьями. Горы покрыты бором, а “по раздолиям” растет “всяко древо” и различные ягоды. Узнал он, что растут на острове и превеликие сосны, годные для строительства храмов, и что “на вся потребности благостройны”.

*"Савватий встречается на р. Выг с Германом" (слева)
и "Ангелы секут жену рыбака" (справа).
Клейма иконы "Зосима и Савватий с житием".
Сер. XVI в. Государственный исторический музей*

Жители предупреждали Савватия, что жизнь на острове будет трудна. В ответе Савватия жителям есть указание на его возраст: Савватий говорил, что есть у него такой Владыка, который дряхлости дает силы юности.

Савватий пришел к устью реки Выга и здесь в месте, называвшемся Сороки, нашел часовню, а в ней старца Германа, который бывал на Соловках. Герман согласился поселиться на острове вместе с Савватием. Они взяли с собой съестные припасы и земледельческие орудия и пристали к острову вблизи самой высокой вершины Соловков – горы Секирной, на которую, очевидно, и ориентировались в море. Савватий и Герман водрузили крест на ближайшем к Секирной горе большом пресноводном озере и здесь поселились (теперь это место называется Савватиево).

Здесь у Савватия и Германа произошло столкновение с местными жителями. По словам жития, жители Корельского берега отправили на Соловки семью рыбаков для того, чтобы они жили там постоянно. Сделано ли это было нарочно, чтобы изгнать пришельцев, или постоянные жители уже имелись к тому времени на острове – сказать трудно. Жития святых любят несколько преувеличивать пустынность тех мест, где селились первые подвижники. Во всяком случае, семья рыбаков считала себя владелицей тех мест. Однажды, рассказывается в житии, Савватий вышел из кельи, чтобы покадить крест, поставленный им по приезде, и услышал крики неизвестной женщины. Савватий позвал Германа. На вопрос Германа, о чем плачет женщина, та рассказала, что она встретила двух светлых юношей, которые высекли ее и приказали ей с мужем покинуть остров. Немедленно после этого события рыбак и его жена уехали с острова.

Легенда эта, хотя и имеет все признаки топонимической легенды, придуманной для объяснения названия горы "Секирной", тем не менее харак-

*“Савватий причащается перед смертью” (слева)
и “Савватий беседует с купцом Иоанном” (справа).
Клейма иконы “Зосима и Савватий с житием”.
Сер. XVI в. Государственный исторический музей*

терна: остров не был “ничейным”, его считали своей собственностью жители Корельского берега. После этого случая, говорится в житии, сюда продолжали летом приплывать рыбаки, но никто не оставался здесь для постоянного жительства.

Через шесть лет отшельничества Герман отплыл с острова, чтобы приобрести нужное для продолжения там жизни. Савватий остался один и, почувствовав “через немало время” приближение смерти, отправился на небольшой лодке на материк. В десяти верстах от устья Выга он встретил игумена Нафанаила и просил причастить его перед смертью. Нафанаил, который спешил напутствовать какого-то больного, просил Савватия подождать его до утра в часовне. Но Савватий настаивал на своей просьбе: “Не весте, что утро будет”.

Нафанаил исполнил просьбу Савватия. Савватий пошел к часовне, куда к нему зашел прибывший на своем корабле некий купец Иоанн. Савватий говорил с Иоанном и преподал ему наставления. Иоанн предложил ему большое подаяние. Савватий просил раздать это подаяние бедным. Иоанн собрался уезжать, но Савватий обратился к нему с просьбой остаться до утра, сказав ему, что он не пожалеет о том и путь его будет покоен. Купец решил все же отправиться, но едва он вышел из часовни, как поднялась буря, и ему пришлось ночевать на берегу. Утром Иоанн пришел к часовне, но увидел Савватия умершим на молитве в куколе и мантии. Вернувшийся к тому времени игумен Нафанаил и Иоанн погребли Савватия близ часовни.

Через год после смерти Савватия на Соловках появился новый отшельник Зосима – который и стал основателем Соловецкого монастыря.

Зосима родился в селе Толвуе недалеко от Онежского озера. Юношей Зосима ушел из дома отшельничать в уединенное место, но не порвал связи

*Зосима и Герман рубят деревья и строят кельи.
Клеймо иконы "Зосима и Савватий с житием".
Сер. XVI в. Государственный исторический музей*

с родительским домом. Только после смерти родителей он решил искать безмолвия и воздвигнуть обитель вдали от мирской суеты.

На севере близ устья Сумы он нашел того же старца Германа, и тот рассказал ему о Савватии и Соловецком острове. Зосима уговорил Германа проводить его до Соловков. Здесь вблизи моря и озера они поставили шалаши ("кущи").

В первое же утро Зосиме было видение: будущая великая церковь на воздухе. Зосима рассказал о своем видении Герману, Герман же рассказал Зосиме об ангелах, прогнавших при Савватии рыбаков с острова, предназначенного для иноческого жития. Зосима и Герман выстроили себе кельи, а через некоторое время Герман отправился на материк за припасами, но осеннее ненастье воспрепятствовало Герману возвратиться на остров. Для Зосимы наступила пора отшельнических подвигов на пустынном острове в условиях суровой зимы. Зосима испытал лишения, его посетило видение, и наконец он получил помощь хлебом, мукой и маслом от двух неизвестных людей, которых благочестивые авторы жития сочли за ангелов. Весной Герман вернулся на остров с рыбаком Марком, который поселился вместе с отшельниками.

К Зосиме и Герману стала собираться братия. Был построен первый деревянный храм на месте видения Зосимы, посвященный Преображению

*Новгородский архиепископ Иона
поставляет Зосиму в священный сан.
Клеймо иконы "Зосима и Савватий с житием".
Сер. XVI в. Государственный исторический музей*

Спаса, с приделом Николая. Отсюда обитель стала часто называться в документах "домом Спаса и Николая Чудотворца". Освящение храма совершилось не сразу. По церковным установлениям требовалось получить антиминс для престола. Один из братии отправился в Новгород к архиепископу Евфимию, но тот не дал антиминса, сомневаясь в том, что у монахов достанет сил бороться с суровой природой и с дикими лопарями, соседствовавшими с обителью. Только новгородский архиепископ Иона (1458–1470) прислал антиминс и первого соловецкого игумена – Павла.

Начались годы устроения монастыря, выработки строгого монастырского устава, строительства еще одной церкви – Успения и нового храма на месте старого – Преображения. Братия умножалась, и монастырь крестил жителей Беломорья – корел, финнов, лопарей и норвежцев. По-видимому, бывший игумен монастыря Иона, живший в Новгороде, исхлопотал от Марфы Борецкой и ее сына Федора дарственную грамоту для монастыря на земли, деревни, пожни, лес, ловища водные и "лешие" (т. е. лесные) озера у реки Сумы.

Другая грамота была получена за печатями архиепископа Ионы и пяти новгородских концов на владение островом и всеми его угодьями.

Когда Соловецкий монастырь окреп, Кирилло-Белозерский монастырь решил напомнить о том, что Савватий был его иноком. В 1465 году была прислана Зосиме грамота от старцев Кирилло-Белозерского монастыря с пред-

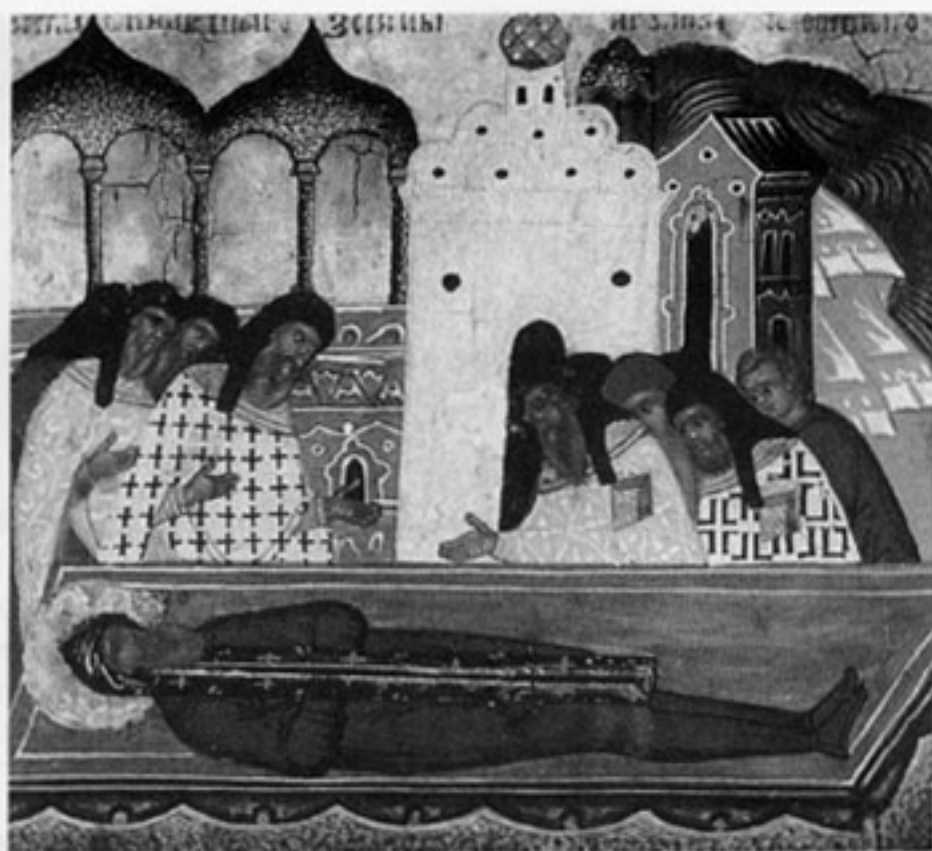

Новгородский архиепископ Ионна благославляет Зосиму в игумены. Клеймо иконы "Зосима и Савватий с житием". Сер. XVI в. Государственный исторический музей

ложением перенести в Соловецкий монастырь с реки Выг мощи Савватия, что и было исполнено. Открытие мощей и перенос их описываются в Житии с подобающими такого рода событиям чудесными обстоятельствами.

Затем в житии рассказывается о втором путешествии Зосимы в Новгород. Оно было вынуждено тем, что боярские люди и поморские жители продолжали по традиции пользоваться островом как своей собственностью и грозили разорить монастырь. В Новгороде Зосима обратился за помощью к Марфе Борецкой, которой принадлежал первоначально Соловецкий остров, но Марфа, рассерженная на Зосиму по наговорам своих людей, приказала выгнать Зосиму из своего дома. С подобающим христианину смирением покинул Зосима дом Марфы и со вздохом сказал своему спутнику: "Настанут дни, когда обитатели этого дома не будут ходить по двору, затворятся двери дома и более не отворятся, запустеет двор". Другие бояре принимали Зосиму, и вскоре Марфа раскаялась и пригласила его к себе. Зосима пришел, его посадили за обедом на почетное место, но старец по своему обыкновению мало ел и сидел, опустив глаза долу, как подобало монаху. Подняв глаза, он увидел шестерых людей, сидевших без голов.

Трижды поднимал глаза Зосима и трижды видел обезглавленных. Зосима прослезился и больше не прикасался к еде. Когда он уходил из дома, ученик Зосимы Даниил спросил его: что значили его слезы? Зосима втайне открыл ученику свое видение. Вскоре, в 1478 году Иван III ходил походом на Новгород и казнил как раз тех, кого Зосима видел без голов, а Марфа с сыном

*Преставление
преподобного Зосимы.
Клеймо иконы
"Зосима и Савватий
с житием". Сер. XVI в.
Государственный
исторический музей*

Федором и дочерьми были отправлены в ссылку. Эти два чуда Зосимы были популярны и в древней литературе, и в многочисленной литературе XIX века о конце новгородской независимости.

Смерть Зосимы описана в житии со всеми этикетными подробностями, полагающимися при описании смерти святого. Почувствовав приближение кончины, Зосима собрал братию, указал на одного из своих учеников как на своего преемника и произнес наставление. Умер Зосима 17 апреля 1478 года – в год, когда Новгород потерял независимость.

Далее в житии описываются посмертные чудеса святых. Их чтили в местном порядке, а при митрополите Макарии в 1547 году на Московском соборе Савватий и Зосима были канонизированы, и почитание их распространилось по всей Русской Церкви.

В середине XVI века разросшиеся доходы монастыря от его владений, главным образом от солеварен, и личные средства, вкладывавшиеся игуменом Филиппом Колычевым, будущим митрополитом, в монастырское хозяйство, позволили начать обширное строительство и организовать в нем различные технические усовершенствования.

Комплекс построек, осуществленных при игумене Филиппе, – это не только замечательный памятник истории русской архитектуры середины XVI века, но и единственный памятник русской технической мысли.

Начало строительной деятельности игумена Филиппа относится к 1552 году. В этом году началось сооружение каменной церкви Успения, связанной

*“Спасение от гибели старца Тарасия” (слева)
и “Избавление от потопления Федора Парфентьева” (справа).
Клеймо иконы “Зосима и Савватий с житием”.
Сер. XVI в. Государственный исторический музей*

с этой церковью одностолпной трапезной и келарней⁸. Это единое сооружение в центре монастыря заключало в себе придел Усекновения главы Иоанна Предтечи над Успенской церковью, хлебные и квасные погреба под трапезной, хлебную и мукосейную службу под келарней. Через шесть лет, в 1558 году, началось сооружение Преображенского собора “на погребах” с шестью приделами – четырьмя наверху по углам и двумя внизу. Этими двумя комплексами строений был организован монументальный центр монастыря.

Впоследствии все эти постройки были связаны между собой другими зданиями и высокими галереями, позволяющими обитателям монастыря переходить из здания в здание, не выходя из помещений в мороз и ненастье. Это был принцип большого северного крестьянского двора, где проникнуть во все хозяйственные постройки можно было не выходя из строений.

На острове был возведен кирпичный завод (“печи и анбары”), выделывавший кирпич очень высокого качества, разных размеров и длины.

Сооружения монастыря отличались высокой строительной техникой. Трапезная палата была самой обширной одностолпной палатой своего времени, а Преображенский собор значительно превосходил по высоте Успенский собор Московского Кремля. Замечательна и обдуманность, с которой он был построен.

Собор был на пологом месте, на перешейке, отделявшем высокое по уровню воды Святое озеро от более низкого Залива Благополучия. Поэтому

⁸ Келарь – монах, ведающий монастырскими съестными припасами, столом и кладовой. Келарня – помещение, подведомственное келарю: кладовая и канцелярия.

*Спасо-Преображенский собор
Соловецкого монастыря. 1558–1566*

мастера стремились сделать его возможно более устойчивым и создающим впечатление прочности и массивности.

Стены собора опирались на очень широкий фундамент и сужались кверху, создавая покатость наружных стен. Сужаясь кверху по наружной поверхности, стены как бы заключали в себе скрытые контрфорсы. Чтобы придать устойчивость зданию, построенному на покатой плоскости, строители сдвинули его центр на восток, к Святому озеру. «Центр тяжести» собора находится у самой алтарной преграды. Барабан собора также сдвинут на восток и опирается на два огромных столпа с запада и на алтарную стену с востока. Это дало лучшее освещение глухой алтарной стене с большим и высоким иконостасом. Собор, построенный на песчаном и каменистом грунте, казался устойчивым, прочным, незыблемым. Он как бы выра-

*Обитель Зосимы и Савватия Соловецких. Икона.
Нач. XVII в. Государственная Третьяковская галерея*

стал из почвы, из камней. Высота собора позволяла ему служить маяком для судов, приближавшихся к острову.

На собственные средства Филипп соединил Святое озеро с семьюдесятью двумя другими озерами и каналами, что значительно подняло уровень Святого озера и позволило устроить в монастыре водопровод и водяные мельницы. Были проведены дороги в трудных условиях каменистых и болотистых почв острова, заведены сенокосные пожни для скота, построены в монастыре деревянные и каменные кельи: “четыре избы великие новые и клетки”. На Большом Муромском острове был сооружен скотный двор. На берегу Святого озера устроена кузница, изделия которой отличались высоким совершенством. Здесь изготавливались топоры, лопаты, отливались котлы, колокола, делались огромные сковороды (црены) для солеварен и производилась художественнаяковка замков, решеток, дверных скоб и т. д.

Филипп соорудил каменную корабельную пристань на Большом Заяцком острове – сейчас самую старую из сохранившихся русских пристаней.

В выстроенных при Филиппе кирпичных заводах была улучшена технология производства кирпича. Раньше копали и мяли глину рабочие, теперь это стали делать с помощью волов и лошадей. При постройке зданий кирпич и известь стали поднимать наверх специальным блоком, действовавшим от ворота, который крутили лошади.

Кроме того, были проведены различные усовершенствования в мукомольном и сушильном деле. Специальные устройства были сделаны для подсевки ржи – в особую телегу рожь насыпалась “сама” и “сама” высыпалась на сушильню. Работы в севальне были ускорены и облегчены: “десятью решеты один старец сеет”. Было устроено решето, которое также “само” сеяло и насевало, отдельно “разводило” муку и отруби, сеяло крупу и отделяло “крупу” от высевок. Для веяния зерна были поставлены специальные мехи, приводившиеся в движение мельницей. Если раньше квас разливали из чанов “вся братия и слуги многие”, то при Филиппе его стали подавать в погреб по трубам и по трубам же разливать в бочки. Всю работу производил один старец и пять слуг.

В леса острова были выпущены олени, шкуры которых использовались для изготовления одежды. Одна из морских губ была перегорожена каменной дамбой и превращена в садки для рыбы. В меньших масштабах велась организация соляных и железных промыслов. Монастырские “тиуны” и “доводчики” стали получать жалованье. Были заведены “слуги нарядные”, т. е. управляющие, имевшие различные поручения.

Согласно Житию Филиппа, он “горы великие перекопа... палаты благостройны содела двоекровны и троекровны (двухэтажные и трехэтажные. – Д. Л.)...”.⁹ Исследователь соловецкого хозяйства А. М. Борисов предлагает “не преувеличивать” роль Филиппа: “Ведущая роль в технических новшествах принадлежала ремесленникам и мастерам”¹⁰. Это, безусловно, так, но организаторская роль Филиппа также должна учитываться.

Хозяйственная деятельность Филиппа служила примером для всех остальных игуменов и архимандритов монастыря, и канонизация Филиппа в XVII веке немало этому способствовала. Как известно, Филипп был вызван на Москву Иваном Грозным в 1566 году и затем “ругательно” сведен с митропольского престола в 1568 году за непокорность и смелые обличения Грозного, а затем замучен Малютой Скуратовым в Тверском Отроче монастыре в 1570 году.

В 1591 году мощи Филиппа были перевезены из Твери на Соловки. В Миней, напечатанной в 1636 году в Москве, была помещена служба Филиппу.

⁹ *Рукопись Жития митрополита Филитта. ГПБ, Соловец. собр. № 191, л. 2 об. 3.*

¹⁰ *Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1966. С. 72.*

*Богоматерь "Умиление".
Келейная икона изумена Филиппа Кольчева. Сер. XVI в.
Государственный исторический музей*

В 1652 году при царе Алексее Михайловиче мощи Филиппа были торжественно перевезены в Москву и установлены в кремлевском Успенском соборе. При этом замечательно, что перевозил мощи Филиппа будущий патриарх – новгородский митрополит Никон, сам когда-то бывший соловецким постриженником. Перед тем как перевезти мощи, Никон читал в Преображенском соборе царское послание к умершему Филиппу и вложил в руку покойного собственноручную грамоту царя, в которой Алексей Михайлович просил прощения у Филиппа за царя Ивана Грозного. Это был важный политический акт, в котором государь отрекался от кровавого террора, применявшегося в управлении страной Грозным, и обещал за себя и своих потомков никогда не повторить прошлого.

В XVI и XVII веках Соловецкий монастырь держал оборону всего Русского Севера – от Мурманского берега и до западной Корелии – всего Поморья. Соловецкий монастырь был не только крепостью, но и тем распорядительным центром, от которого исходило общее руководство оборонительными приготовлениями, а в случае нападения – военными действиями.

Впервые угроза монастырю возникла в 1571 году, когда у Соловков появились шведские военные корабли. Москва установила наблюдение за кораблями, а в 1578 году послала на остров воеводу Михаила Озерова, четырех пушкарей, десять стрельцов, сто “ручниц”, пять “затинных пицалей” (пушек). Воевода Озеров набрал девяносто пять стрельцов и построил вокруг монастыря деревянный острог.

Начальником крепости стал игумен, которому из Москвы приказывалось решать все военные дела вместе с воеводой Озеровым. Помощь московского правительства продолжалась и в 1579 году, когда монастырские владения в Кемской волости подверглись нападению с суши каянских немцев-шведов. Плохо обученные стрельцы были разбиты, а сам воевода Озеров убит.

Новый воевода Киприан Аничков принял энергичные меры, набрал и обучил новых ратников, соорудил Ринозерский острог на финляндской границе и успешно отбил в нем в декабре 1580 года нападение трехтысячного шведского войска, захватив богатые трофеи.

Военная помощь монастырю все возрастала, а кроме того, делались новые и новые вклады. Грозный понимал значение монастыря как крепости в обороне Русского Севера. Летом 1581 года Аничков получил из Москвы указания по обороне. Ему предписывалось летом охранять монастырь, а в зимнее время держать войско на берегу. То же было повторено и сменившему в 1582 году Аничкова – Ивану Окучину. Соловецкие войска вели, таким образом, сезонную оборону – летом сосредотачиваясь главным образом на Соловках, а зимой переезжая для обороны на материк. В 1582–1583 годах был построен Сумский острог, а в 1582 или 1584 годах по указу царя Федора Иоанновича на месте деревянного острога началось возведение знаменитой каменной стены вокруг Соловецкого монастыря, способной выдержать сильную бомбардировку артиллерии.

Строительство велось на средства монастыря, и это давало монастырю новые права и преимущества в собирании вокруг себя поморских земель.

Работами по сооружению крепостных стен монастыря ведал монах Трифон из крестьян села Неноксы. Стена имела восемь башен. Башни эти имели и официальные, и народные названия. В монастырских документах чаще всего фигурируют первые. По старой церковной традиции монастырские ворота и башни назывались обычно по тем церквям, к которым вели ворота или у которых башни находились, но народные названия были и более простыми, и более выразительными. Так, например, прямоугольная

башня, выходившая к бухте Благополучия, против церкви Успения, официально называлась Успенской, а народное название ее было – Оружейная или Сельдяная. В башне этой был арсенал, и недалеко от нее находились Сельдяные ворота, через которые обычно отправлялись на промысел монахи-рыбаки. Архангельская башня, выходившая к Святому озеру, называлась также Водяной. Дорожная башня – Сторожевой, так как с нее следили за приближением кораблей, а впоследствии ее стали называть Арестантской, так как рядом с ней находилась монастырская тюрьма.

Последствия шведской агрессии 1590–1593 годов были очень тяжелы для Западного Беломорья. Исследователь истории Соловков А. М. Борисов отмечает, что “шведская агрессия тяжело отразилась как на хозяйственной жизни монастыря, так и на значительной части крестьянских хозяйств Поморья”¹¹. Вот некоторые приводимые им данные: “Особенно разрушенными оказались соляные варницы и другие промыслы, сильно сократилась и рыбная ловля. “В Кемской волости действовало только 8 варниц”¹².

“Во время этой войны значительная часть сельского населения погибла, другая часть разбежалась в разные районы. Эта картина хозяйственного разорения наблюдалась почти во всех волостях Поморья”¹³.

Особенно возросло военное значение монастыря в начале XVII века – в период Смуты. Соловецкий монастырь сыграл огромную роль в отстаивании независимости Русского государства. В этот период он вел самостоятельную политику, вступал в переговоры и открывал военные действия.

В конце 1610 года шведское войско под предводительством Якова Понтуса Делагарди начало оккупацию новгородских земель, а весной двинулось на Русский Север.

Шведы стремились захватить Кольский полуостров и западное побережье Белого моря: Кемь и Сумский острог.

Походу сопутствовали дипломатические переговоры с Соловецким монастырем, во время которых Соловецкий игумен Антоний проявил и дипломатический такт, и широкое понимание сложившегося положения. Дипломатический нажим шведов не привел к желанным результатам; поход был сорван партизанскими действиями местных крестьян.

Военные тревоги продолжались в течение XVII века, но во всероссийском масштабе оборонное значение монастыря вновь дало о себе знать только при Петре I.

Монастырское землевладение распространялось с необыкновенной быстротой. Уже с середины XVI века владения Соловецкого монастыря

¹¹ Борисов А. М. *Хозяйство Соловецкого монастыря*. С. 74.

¹² *Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. № 260. С. 319–327.* (Примеч. А. М. Борисова)

¹³ Борисов А. М. *Хозяйство Соловецкого монастыря*. С. 74, 75.

*Спас Недреманное Око.
Икона из собрания Соловецкого
монастыря. Сер. XVI в.
Московский Кремль*

не ограничиваются Поморьем. Они простираются до Онежского озера. Отдельные владения имелись в Каргопольском, Двинском и Новгородском уездах, под Москвой. Монастырские дворы были в разных городах России, и особенно большие – в Новгороде и Москве. Монастырь рос за счет дарений, покупок, мены, захватов земель, принадлежавших ранее новгородским боярам или “корельским детям”, или вообще пустовавших и никому не принадлежавших. В XVI и XVII веках все западное и южное Беломорье было охвачено отдельными владениями монастыря. Монастырь приобретал земли, соляные варницы, рыболовные угодья. Сельское хозяйство в Соловецких вотчинах не могло удовлетворить всех потребностей монастыря. Монахи покупали хлеб, масло (коровье и растительное), крупы, мед, мясные туши, сермяжное сукно, холст – все то, чем бедны были северные окраины Русского государства. Взамен монастырь продавал соль, рыбу, железные изделия, книги, иконы и пр. Особенно развит был вывоз соли. Соляные варницы монастыря были разбросаны по всему Северу. Соль варилась из морской воды и соляных ключей в цренах размером в несколько метров в ширину и длину. Для варки соли требовалось так много дров, что уже при Федоре Иоанновиче соловецкие старцы жаловались, что “леса высекли, варить соль стало нечем”.

“Монастырь-государь” ведал обороной Севера и наблюдал за тем, чтобы корельские или иные племена “жили за государем неизменно”. Государственные льготы и пожертвования монастырю были поэтому совершенно исключительны и особенно усилились при Иване Грозном и после Смутного времени. В пожертвования монастырю входили не только деньги, церковные ценности, но и порох, пища, ядра.

В монастырь поступали большие доходы: за соль с монастырских варниц, с торговли. Поступали вклады, представляющие собой очень сложное явление, так как они были разнообразны по характеру и еще более разнообразны по условиям, на которых они делались. Тут были и денежные пожертвования различных ценностей: земель, книг, икон, ювелирных изделий,

товаров, различных доходов и т. д. Одни давали вклады, чтобы иметь почетное положение в монастыре, другие – “за помин души” родителей или “по себе”. Были “кружечные деньги”, оброчные, “земская” дань и т. д. Оброк платили с монастырских угодий, деньги собирали с богомольцев за свечи, за “променные” образа. Богомольцев кормили и содержали на острове три дня бесплатно, а потом брали с них плату, в первые дни – меньшую, в последующие – большую.

Были и большие расходы по содержанию монастыря, братии и богомольцев, стрельцов, на поддержание различных промыслов, жалование монастырскимстряпчим, доводчикам, всевозможным “служебникам”. Монастырь имел свой бюджет. Доходы и расходы регулировались и контролировались, утверждались и реализовывались. В целом монастырь был сказочно богат. Деньги посылались в Москву, давались в заем правительству. Платил монастырь и церковную дань Новгороду.

Соловецкий монастырь – представитель московского правительства на Севере – был в сложных отношениях с “домом святой Софии” в Новгороде. Все это вынуждало монастырь вести очень энергичную организационную работу, иметь развитый управленческий аппарат. Во главе монастыря стоял игумен, возведенный в сан архимандрита в 1651 году. Игумены сперва назначались из Новгорода. Первые два игумена, назначенные после Зосимы и Савватия, “удалились” из монастыря, “не стерпев пустынного труда”, после чего братия стала избирать игуменов “из сущих между себе”.

В целом монастырю удалось одержать победу в своей борьбе за самостоятельность.

Впоследствии все же Москва пыталась вмешиваться в монастырские дела. Так, в 1514 году Москва свела с Соловков игумена Ефимия, и для поставления каждого нового игумена требовалось согласие московского государя. Игумен, а после архимандрит избирался пожизненно и управлял монастырем сам. Его помощниками были келарь и казначей. Келарь ведал сложным монастырским хозяйством. Келаря тоже выбирали монахи монастыря, но и здесь Москва вмешивалась в выборы. Казначей также избирался всей братией как помощник келаря – обычно на два года. Казначей ведал казной, вел приходные и расходные книги. Казначея проверяла избранная братией комиссия из соборных старцев и нового казначея. В помощники келарю избирался подкеларник, а в помощь казначею – казенный дьячок.

Высшим органом власти на Соловках был собор из двенадцати старцев. Особенно ответственные установления делались по “благословению” игумена и по приговору келаря и всех соборных старцев. В важных случаях собирался большой “черный собор” всех постриженников монастыря, в менее важных – “малый собор” из игумена, келаря, казначея и всех соборных старцев числом двенадцать.

Формально все монахи (в XVII веке их было до трехсот пятидесяти) получали одежду и обувь от монастыря и питались за общим столом, но все же у многих монахов, и преимущественно у соборных старцев, имелись “собинные деньги”, и они могли покупать отдельные кельи. Пожилые монахи, особенно опять-таки из соборных старцев, имели у себя послушников, слуг и учеников, вели отдельное хозяйство. Так, например, у старца Александра Булатникова, с которым связаны различные пожертвования в монастырь (в том числе и денежные) и прекрасные иллюминированные (“лицевые”) рукописи, было десять учеников.

В соборные старцы определялись по преимуществу люди пожилые, знатные и богатые, сделавшие в монастырь значительные вклады, иногда в соборные старцы зачисляли по царской грамоте. Таким, например, был уже упомянутый старец Александр Булатников – “восприемник” (т. е. крестный отец) царских детей.

Привилегированное положение часто развращало старцев. Царская грамота 1636 года указывала, что в монастырь привозят вино и мед, развелось пьянство и что старцы стремятся забрать в свои руки все управление монастырем, не считаясь с другими постриженниками – “всего черного собора”. В общей своей массе монахи были очень различны по имущественному положению. Для того чтобы постричься в монастырь, необходим был “вклад”, но никаких определенных требований в отношении размеров вклада не устанавливалось. Вклад мог быть и в два рубля, и более. Постригали и без вклада – “за заслуги” или “по царской грамоте”. Были среди монахов крестьяне, бобыли, казаки, посадские люди и даже бывшие пленные из поляков и литвинов. Во владениях монастыря жили крестьяне, бобыли, различные “сироты”. Монастырь имел многочисленных служилых людей, содержал стрельцов – в самом монастыре и за его оградами, на берегу. На острове, за пределами монастырских стен, в XVII веке жило до шестисот работных людей. Монастырь имел разнообразную хозяйственную администрацию как на острове, так и “на берегу”.

В самом монастыре хранились большие запасы провизии: хлеб закупался в урожайные годы, когда он был дешев. Держали разные крупы, солод, толокно, горох. После взятия Соловецкого монастыря, выдержавшего восьмилетнюю осаду правительственных войск в 1668–1676 годах, в житницах монастыря оказалось еще 4228 четвертей ржи, 130 четвертей пшеницы, 869 четвертей ячменя, 250 четвертей овса, 3355 четвертей ржаной муки, 75 четвертей ячной крупы, 470 четвертей ржаного солоду, 130 четвертей ячменного солоду, 35 четвертей овсяных круп, 67 четвертей круп ячных, 21 четверть толокна, 20 четвертей ржанных круп. В погребе было 99 пудов коровьего масла, 20 пудов меду, больше 12 пудов испорченного меду и 3 с половиной бочки вина. Точную опись житного “запаса” вел специальный житный

ключник. В монастыре были и другие запасы – кожа разных сортов, черные “манатейные” и сермяжные сукна, овчины, плотничные, кузнечные и ладейные снасти, материалы и инструменты и пр. Все это хранилось и учитывалось специально приставленными к тому монахами, имелись приходные и расходные книги, систематически велась ревизия. Наиболее ценные вещи хранились в двухэтажной “казенной палате”. В верхнем этаже находились драгоценности: иконы в окладах различных пожертвований, сосуды, жемчуг, меха, денежные запасы, дорогие ткани, бумага и краски. В нижнем – посуда медная и оловянная, стекла, слюда, свинец, олово, медь, свечи, деревянное масло, порох и т. п.

В 1676 году на монастырских стенах стояли шестьдесят четыре пушки, из них только одна неисправная. Была и специальная оружейная палата. Там хранились панцири и кольчуги, карабины, пистолеты, самопалы, пищали, стрелы, топоры, ломы, пилы, копья, запасы свинца, пороха, железо различных сортов, даже знамена, сбруя для конного войска. Была и особая правильно организованная “книгохранительная палата”. Книгохранитель назначался из соборных старцев. Здесь, в “книгохранительной палате”, не только хранились и выдавались для прочтения книги, но систематически велась и переписка книг по лучшим образцам, специально для того имевшимся в монастыре. Книги предназначались для самой монастырской библиотеки, для продажи и для дарений.

В казенной палате хранилась разная “снасть” для переплетения книг. По тиснению на кожаных переплетах можно теперь узнать книги, изготовленные на Соловках. Среди книг были роскошные подарки Грозного, митрополита Макария, игумена Макария, старца Булатникова и т. д.

Монастырское делопроизводство велось с изумительной для своего времени аккуратностью и систематичностью. Канцелярский аппарат работал точно и был относительно экономен. Все деловые документы хранились в “крепостной палате”. Архив был правильно организован. С наиболее ценных документов снималось по несколько копий, которые рассылались приказчикам для справок, для удостоверения прав монастыря на владение теми или иными “усольями”.

В двух каменных зданиях размещалась больница: для монахов и для мирян. Лекарства продавались и выдавались на сторону.

Существовала в монастыре большая иконописная мастерская. Иконы дарились богомольцам, продавались и “променивались”. Некоторые заказы были по тем временам огромны: заказывалось по тридцать, шестьдесят и сто икон одного и того же сюжета. Некоторые иконописцы работали на монастырь из монастырских материалов, и монастырь затем продавал эти иконы по значительно более дорогой цене, чем они ему стоили. Предстоит еще много сделать, чтобы изучить особенности икон соловецких “писем”.

*Обитель Зосимы и Савватия Соловецких.
Икона. Нач. XVII в.
Государственная Третьяковская галерея*

За стенами монастыря располагались “гостиные палаты”, гостиницы. Почти все службы монастыря были каменные. В монастыре в пору его расцвета в конце XVI века и первой половине XVII века существовала “дровяная изба”, конюшенный двор, около семидесяти-восемидесяти лошадей, ста волов. В конюшенных кельях жили конюшенные слуги. На огородах работали недоросли и другие “наймиты”. Летом нанималось более двухсот “казаков”. Были в монастыре и “трудники”, т. е. богомольцы, которые работали добровольно по обещанию вместо вклада в течение определенного срока.

В одном Сумском погосте стояло около ста, а позднее и сто двадцать пять стрельцов. Летом число стрельцов “для оберегательства” на самом острове всегда увеличивалось. Стрельцы не только несли службу по крепостцам, но и сопровождали гонцов, денежные посылки, ссыльных людей, стояли на карауле в “сполошное” время, копали рвы, ставили тын, “чеснок”. Стрельцы получали жалованье, боевые припасы. Некоторые из них в свободное время занимались разными промыслами, ремеслами, кормчеством на монастырских ладьях, немного хлебопашеством, имели сенокосные поля. Монастырские

крестьяне вели не только земледелие, но и плотничали, имели мельничное дело, разную торговлю: возили на рынок соль, ворвань, рыбу, сало, меха. Иногда монастырь сам налаживал крестьянское хозяйство, сажал на землю “новоприбылых” крестьян. Взаимоотношения с монастырем этих новых крестьян и “старожильцев” были очень сложные. Условия держания ими земли были различны, как и различны были формы обложения и формы временной помощи крестьянам. Все эти взаимоотношения определялись особыми письменными документами – “порядными”, и следить за их выполнением должны были монастырские чиновники. Монастырю платили и денежную подать, и натуральную, монастырские крестьяне несли ямскую повинность, т. е. поставляли подводы и корм проезжавшим государевым и монастырским людям, а иногда платили вместо ямской повинности ямские деньги. Монастырские волости имели своих старцев-приказчиков, но были и выборные мирские власти, с которыми монастырь, как и государство, вступал в определенные отношения, особенно при разверстке различных повинностей.

В монастырских волостях монастырю принадлежало право суда. Суд был в руках старца-приказчика. Но судил не только старец-приказчик, но и выборные представители волостного мира – пять или шесть “добрых” и средних крестьян.

Жизнь монастыря, особенно в пору его расцвета в XVI и XVII веках, – была полна мирских забот. Монастырь был тем центром, который активизировал государственную, социальную, хозяйственную и культурную жизнь Русского Севера.

Сюда плыли на богомолье люди самого различного общественного положения: поморские крестьяне и крестьяне из отдаленных уголков Русского государства, стрельцы из Мангазеи и монахи из других монастырей. Среди трудников Соловецкого монастыря исследователь его истории называет не только русских, но и иностранцев: поляка, литвина, турка и татарина¹⁴. Здесь, в монастыре, все эти люди знакомились с различными формами земледелия и хозяйствования, встречались друг с другом, с низшей недовольной братией монастыря, с политическими и религиозными преступниками, сосланными в монастырь, вступали в религиозные и политические споры, знакомились с историей.

Трудно учесть все то активизирующее мысль значение, которое имел этот “церковный Вавилон” иногда помимо своих непосредственных задач и устремлений. А что это влияние было достаточно серьезным – показали события Соловецкого восстания, разразившегося в 1668–1676 годах, в пору материального и духовного расцвета монастыря.

¹⁴ См.: Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси). Пермь, 1927. С. 3.

*Осада Соловецкого монастыря
1668–1676 гг. Миниатюра из рукописи
Древлехранилища Пушкинского Дома. XIX в.*

Официальные историки Русской церкви пытались представить Соловецкое восстание 1668–1676 годов как восстание невежественных сторонников старой веры против прогрессивных реформ Никона.

Прогрессивность никоновских реформ весьма относительна, как и невежественность староверов XVII века. К оппозиции официальной церкви примкнули демократические и эксплуатируемые слои русского общества. Соловецкое восстание вспыхнуло на гребне народных восстаний XVII века. Летом 1648 года произошло восстание в Москве, затем в Сольвычегодске, Великом Устюге, Козлове, Воронеже, Курске. В 1650 году поднялись восстания в Пскове и Новгороде. В начале 60-х годов происходили волнения из-за новых медных денег. Волнения эти получили название “медных бунтов”. Соловецкое восстание 1668–1676 годов явилось завершением всех этих волнений и Крестьянской войны во главе со Степаном Разиным, но недовольство в монастыре проявилось значительно раньше.

Уже в 1646 году в монастыре и его владениях чувствовалось недовольство правительством. 16 июня 1646 года игумен Илья писал, чтобы привести к крестному целованию мирских людей разных чинов, стрельцов и крестьян в монастырских вотчинах. Из Москвы была вскоре прислана форма присяги. Монастырские люди обязывались в ней верно служить государю, хотеть ему добра без всякой хитрости, о всяком скопе и заговоре доносить, воинское дело исполнять без всякой измены, к изменникам не примыкать, ничего не делать самовольно, скопом или заговором. Отсюда видно, что опасность “скопов”, заговоров и измен была реальной.

Постепенно накапливавшееся недовольство патриархом Никоном вылилось в 1657 году в решительный отказ монастыря во главе с его тогдашним архимандритом Ильей принять новопечатные богослужебные книги. Неподчинение монастыря приобретало различные формы в последующие годы и в значительной мере определялось давлением снизу живших в монастыре мирян (в первую очередь трудников) и рядовых монахов.

*Повесть об отцах и страдальцах соловецких.
Миниатюры из рукописи Древлехранилища Пушкинского Дома. XIX в.*

Последующие годы заполнены многочисленными событиями, во время которых монастырь, раздираемый внутренними противоречиями, в целом все же отказывался подчиниться не только церковной власти патриарха, но и светской власти царя.

В 1668 году началась вооруженная борьба монастыря с царскими войсками. Монастырь подвергся осаде и находился в этой осаде восемь лет. В монастыре находилось до семисот-семисот пятидесяти его защитников.

К восставшим примкнули бывшие разинцы и различные другие недовольные люди. Характерны в этом отношении показания старца Прохора: «Братии де в монастыре всей с триста человек, а белцев (т. е. – не монахов, светских. – Д.Л.) болши четырех сот человек, в монастыре заперлись и сели на смерть, здатца же ни которыми образы не хотят. И стало у них за воровство и за капитонство (старообрядцы-беспоповцы, сторонники старца Капитона. – Д.Л.), а не за веру стоять. А в монастырь де в разиновщину пришли многие капитоны чернцы и белцы из понизовских городов, те де их воров и от церкви и от отцов духовных отлучили. Да у них же де в монастыре собралось московских беглых стрелцов и донских казаков и боярских беглых холопей и розных государственных иноземцев... и всему де злу корень собрались тут в монастыре»¹⁵.

Запасов монастыря хватило бы и на значительно больший срок, но измена монаха Феоктиста, выдавшего царскому воеводе Мещеринову по тайной ход через сушило, положила конец вооруженной борьбе. Расправа

¹⁵ Барсов Е. Новые материалы для истории русского старообрядчества XVII–XVIII вв. 1890. С. 122; ЧОИДР. 1883. Кн. 4. Смесь; Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта. Публикация Е. Барсова. Док. 26. С. 78–80.

с восставшими была чрезвычайно суровой. По-видимому, в последний год осады в монастыре осталось не менее четырехсот человек. В живых было оставлено только четырнадцать. По словам изменника Феоктиста, Мещеринов “иных воров перевешал, а многих, волоча за монастырь на губу (т. е. на залив), заморозил”. Похоронены были казненные на острове Бабыя луда при входе в бухту Благополучия. Трупы не были зарыты: они были брошены камнями.

Как ни стремились официальные историки монастыря представить дело так, что Соловки после подавления восстания не утратили своего морального авторитета на Севере, – дело было не так. Роль Соловков в культурной жизни на Севере резко пала. Соловки оказались окруженными старообрядческими поселениями, для которых монастырь остался только святым воспоминанием. Андрей Денисов в своей “Истории о отцах и страдальцах соловецких” описал “многомительное разорение” Соловецкого монастыря, мученичество соловецких страдальцев, и его сочинение, разойдясь в сотнях списков и печатных экземпляров, стало одним из самых любимых чтений среди старообрядцев.

Падению авторитета Соловецкого монастыря способствовали и его экономическое обеднение, и начавшаяся при Петре общая секуляризация русской жизни, и падение значения церкви вообще.

Вместе с тем Соловецкое восстание имело огромное значение в укреплении старообрядчества на севере России. Несмотря на то, что восстание было жестоко подавлено, а может быть, именно благодаря этому, оно послужило укреплению морального авторитета старой веры среди окружающего населения, привыкшего видеть в Соловецком монастыре одну из главных святынь православия.

Попытки использовать после подавления восстания былой авторитет Соловецкого монастыря в борьбе со старообрядчеством не привели ни к чему.

Восстание показало, что в идейном и социальном отношении монастырь не представлял собой сплоченного коллектива. Монастырь тех веков нельзя рассматривать как некую однородную организацию, действующую только в одном, официальном направлении. Это был социальный организм, в котором действовали силы различных классовых интересов. В силу сложности и развитой хозяйственной и культурной жизни здесь наиболее отчетливо сказывались различные противоречия, возникали новые социальные и идейные явления. Монастырь жил не замедленной и ленивой жизнью, как это представлялось многим, а переживал бурные события, активно вмешивался в государственную жизнь и социальные процессы Русского Севера.

Сопrotивление реформам Никона было только поводом к восстанию, за которым стояли более сложные причины. Недовольные люди примкнули

к старой вере, так как старообрядчество было явлением антиправительственным и направлено против господствующей церкви¹⁶.

Военное значение монастыря снова возродилось при Петре I во время Северной войны. Но еще раньше, в 1694 году, Петр приезжал на Соловки из Архангельска. По дороге царская яхта попала в бурю и едва не погибла. В монастыре Петр провел три дня, очевидно, интересуясь не только его церковными ценностями, но и военной готовностью. В том же и в следующем году последовали царские пожалования. В частности, Петр пожертвовал 700 рублей (сумма по тому времени очень большая) на устройство нового иконостаса Преображенского собора.

С возникновением Северной войны начались работы по сооружению Новодвинской крепости в устье Северной Двины у Архангельска с участием монастырских крестьян. Затем были обновлены старые монастырские укрепления: Кольский, Сумский и Кемский остроги. Рядом с Кольским острогом между реками Колою и Туломою была поставлена новая крепость с двадцатью пятью пушками¹⁷.

В 1701 году шведская эскадра из семи кораблей вошла в Белое море и стала задерживать и топить рыболовные и торговые суда. В июне шведы пытались захватить Архангельск, но были разбиты под Новодвинской крепостью. Был захвачен и шведский флаг – первый вражеский морской флаг, ставший трофеем русских. Летом Петр вторично посетил Соловецкий монастырь. Его сопровождали тринадцать военных кораблей. Петру салютовали пушечной пальбой из всех орудий на стенах и башнях. Петр осмотрел монастырскую стену, был в ризнице и оружейной палате. Верхом на лошади, а не в приготовленной для него роскошной повозке, которая и до сих пор сохранилась на Соловках, Петр объездил остров и был на кирпичном заводе.

Флот Петра стоял на Заяцком острове. Здесь по приказанию Петра за несколько дней стояния флота, между 10 и 16 августа, была построена церковь, посвященная Андрею Первозванному¹⁸, объявленному при Петре покровителем русского флота. С этих пор русские военные корабли стали плавать под андреевским флагом – голубым косым крестом на белом фоне.

16 августа Петр отплыл к пристани Ньюхоцкого Соловецкого усолья и здесь, сойдя с кораблей со всем войском, прошел по вновь проложенной длинной дороге к Онежскому озеру. Впоследствии с выходом России к Балтийскому морю

¹⁶ Наиболее полное описание и анализ восстания см. в кн.: Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII вв. См. также: Барсуков Н. А. Соловецкое восстание (1668–1676). Петрозаводск, 1954; Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев XVII в. Кострома, 1889.

¹⁷ См.: Новиков Н. И. О высочайших пришествиях Петра Великого на Двину. 1783.

¹⁸ См.: Виноградов Н. Н. Обзорение христианских древностей Соловецкого Общества краеведения. Отд. 2: Заповедник Б. Заяцкого острова (деревянная Андреевская церковь). Соловки, 1927.

военное значение Соловков пало, хотя тревожная обстановка во время русско-шведских войн 1741–1743 и 1788–1790 годов заставляла укреплять монастырь.

Серьезная опасность угрожала монастырю со стороны Англии в 1800–1801 годах. Весной 1801 года сюда были присланы на короткое время два гренадерских батальона. Новая опасность возникла в 1809–1811 годах, когда Россия стала союзником Франции и тем самым выступила против Англии.

После 1814 года соловецкая крепость почти полностью разоружается.

Елеазар Анзерский – основатель Троицкого скита на Анзере – скончался в глубокой старости в 1656 году. Троицкий скит он основал в 1616 году.

Разорение Соловецкого монастыря после подавления возмущения мало коснулось Троицкого скита. Объясняется это, может быть, тем, что скит не участвовал непосредственно в восстании и был местом пребывания будущего патриарха Никона.

Елеазар был книжным человеком: собирал и переписывал книги, писал собственные сочинения. Из Жития Елеазара мы узнаем, что он был резчиком по дереву и иконописцем. Только что появившись в Соловецком монастыре, Елеазар принимает участие в устройстве иконостасов Преображенского собора и надвратной церкви Благовещения. “Елеазар, – пишется в его Житии, – немало тцание показа в трудех, ване искусен бяше художества резнаго и в деисусех и в тяблех летогранесие явственно изъображаше”. Понимать это место следует так, что Елеазар как резчик выполнял резные надписи о времени создания иконостасов. Деисусы и тябла – это ряды иконостаса: деисус – ряд непосредственно над царскими вратами, в который помещались иконы деисусного чина, а тябла – все остальные ряды иконостаса. Одна из резных надписей Елеазара, – сказано в Житии, – и “до днесь” находится над Святыми вратами монастырской ограды. Ему же принадлежал гигантский образ Спаса Нерукотворного, повешенный над теми же Святыми вратами.

Слава Елеазара была настолько велика уже в начале его деятельности, что когда царь Михаил Федорович был в Троице-Сергиевском монастыре и разговаривал там с монахом Александром Булатниковым о своем “безродии сыновнем”, т. е. об отсутствии у него наследника, Александр посоветовал царю обратиться именно к Елеазару и просить его молитв о даровании наследника. Елеазар “предсказал” царю рождение у него сына Алексея. После рождения сына Михаил Федорович помог Елеазару построить на Анзере деревянную церковь Троицы и пожертвовал ей богатые вклады: “И повеле дать из своего царьского двора преподобному иконы среброокладныя, и книги и ризы, и всяку утварь церковную на священнодействие: к сему же и сребра довольно на создание церкви. Таже и грамоту подаде, да на коеждо лето имаеи святыи себе потребная от града на церковь и братцам”¹⁹. Сын Михаила Федоровича –

¹⁹ *Православный собеседник*. 1860. Ч. 1. С. 241, 242.

Алексей, став царем, почитал Елеазара своим “богодарованным отцом”, вызывал его в Москву, помог построить каменный храм Троицы взамен прежнего деревянного, снабжал богатыми вкладыми, дал грамоту, по которой новый монастырь получил “определенную пищу” и усугубил “потребная церквам”.

Одно из самых важных и сложных деяний основателей монастырей – организация монастырской библиотеки, без которой не могло быть монастырской жизни. Устроителем монастырской библиотеки на Соловках был в конце XV века Досифей. На Анзере эту почетную обязанность выполнял сам основатель скита – Елеазар. Во вкладной книге Анзерского скита сказано об Елеазаре: “От многато божественного Писания различныя повести собра, и три книги Цветника своею рукою написа уставом; такожде и чин монашеского келейнаго правила”. Свои “предивныя книги” Елеазар положил в “церковную книгохранительницу”, куда постоянно покупал на деньги и другие книги, а также собирал книжные пожертвования. Впоследствии библиотека Анзерского скита вошла в Соловецкое собрание, хранящееся сейчас в Публичной библиотеке в С.-Петербурге. Одно из сочинений Елеазара Анзерского имеет немалое историко-литературное значение: это его автобиография. До недавнего времени автобиография протопопа Аввакума казалась по своему жанру чем-то необычным для XVII века. После опубликования автобиографии “союзника” Аввакума – Епифания – автобиография Аввакума в значительной мере утратила свое одинокое положение. Но автобиография Елеазара показывает, что автобиографии были закономерным явлением в литературе XVII века.

Учеником Елеазара Анзерского был на Анзере будущий патриарх Никон. Не от Елеазара ли он приобрел свою любовь к книгам? Известно, что Никон не был только инициатором “исправления” книг, но собирал книги и жертвовал их в монастырские библиотеки.

С конца XVII века духовное и церковное значение Соловков, а с ними вместе и Анзера, падает. Единственное почитаемое лицо этого периода на Анзере – схимник Иисус, основатель Голгофо-Распятского скита на Анзере. Но характерно, что и он явился на Соловки в качестве опального и сосланного. Биография этого схимника, сперва принявшего монашеское имя Иова Многострадального, а затем, в схиме – третье, крайне редкое имя Иисус (во имя ветхозаветного Иисуса Навина) и подчеркнувшего страдальческое начало в названии основанного им скита Голгофо-Распятский, – во многом загадочна. В прошлом это был духовник Петра I. Сослан он был на Соловки и пострижен, по-видимому, за то, что не выдал начальству “злоумышления”, открытого ему на исповеди²⁰.

²⁰ *Летопись Голгофо-Распятского скита. ГПБ, Соловецкое собр., № 1014/1123, л. 66.*

*Преп. Елеазар Анзерский.
Икона. XVIII в.*

Ограничение монастырского земле-
владения в XVIII веке и особенно общая
секуляризация монастырских имуществ
в 1764 году постепенно подорвали эконо-
мическую мощь монастыря, хотя все
же он продолжал оставаться достаточно
богатым до самого XX века.

В XIX и XX веках культурное и исто-
рическое значение Соловков падает.

Стоит только упомянуть, что здесь,
на Соловках, архимандритом Досифеем
был создан замечательный для своего
времени научный труд: «Географическое,
историческое и статистическое описа-

ние ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» (ч. I–III. М., 1836). Этот труд не утратил своего источниковедческого значения и до сих пор, так как был написан в основном по рукописным материалам, некоторые из которых были впоследствии утрачены.

К числу славных страниц в истории Соловецкой крепости прибавилась только одна, но достаточно яркая – стойкое сопротивление монастыря английской эскадре в июле 1854 года. В начале июня в Белом море появилась англо-французская эскадра из десяти кораблей под командованием капитана Э. Омманея. Эскадра крейсировала по Белому морю, останавливалась, грабила и топила торговые корабли, пыталась высадить десант на острове Мудьюг в устье Западной Двины, бомбардировала селения. обороной Соловков командовал архимандрит Александр – бывший полковой священник, имевший потому некоторые военные познания. В его распоряжении находились пятьдесят три престарелых инвалида, главной обязанностью которых на Соловках было охранять ссыльных и заключенных. К этим инвалидам добавилось большое число добровольцев из богомольцев, работников, послушников, монахов и даже заключенных.

Оружия на Соловках было очень мало. Двадцать старинных пушек были по большей части совсем непригодны к делу. Могли быть употреблены для обороны только два орудия. Пороха было всего двадцать пудов. Из Новодвинской крепости было привезено восемь маленьких пушек со снарядами на шестьдесят выстрелов для каждой. Оттуда же явились на остров инженерный офицер и фейерверкер: первый занялся устройством и вооружением батареи, а последний принялся за обучение монахов стрельбе.

6 июля 1854 года к монастырю подошли два паровых шестидесятипушечных трехмачтовых фрегата – “Бриск” и “Миранда”. Оба корабля, постояв немного против монастыря, отошли в направлении Кеми, но через час вернулись и подняли переговорные флаги. Сигналы эти не были поняты в монастыре, и тогда англичане произвели три выстрела, на которые монастырская батарея, спрятанная за пригорком мыса, ответила выстрелами. Началась бомбардировка монастыря. Пушки, расставленные по стенам, не могли отвечать: их ядра не долетали до английских кораблей. Отвечала лишь береговая батарея. Один из кораблей, “Миранда”, был поврежден и отошел за Кладбищенский мыс для починки. Первая бомбардировка прекратилась.

На следующий день, 7 июля, рано утром английские парламентарии под белым флагом доставили в монастырь ультиматум, в котором требовалась полная сдача гарнизона вместе со всеми пушками, оружием, военными припасами и знаменами. В противном случае монастырю угрожала бомбардировка.

Архимандрит Александр созвал военный совет из старших монахов и начальника инвалидной команды, который и составил категорический отказ англичанам.

Без четверти восемь утра был произведен бортовой залп, и бомбардировка началась. Английским ста двадцати корабельным пушкам противостояли десять старых монастырских пушек. Вначале отстреливались только две маленькие пушки береговой батареи, но когда один из фрегатов приблизился к монастырю, стрелять стали и те восемь пушек, которые были расставлены на стенах.

Последнее ядро, пущенное по монастырю, пробило икону над дверями Преображенского собора. Это было в 5 часов вечера. После этого бомбардировка прекратилась. Англичане выпустили по монастырю восемьсот ядер и бомб. Повреждения были незначительны.

Бомбардировкой Соловецкого монастыря в июле 1854 года закончилась военная история монастыря. Монастырь выдержал осаду и не уступил военной силе англичан, но вместе с тем эта славная страница в жизни монастыря-крепости показала, насколько сократилось военное значение Соловков в организации обороны северных границ Русского государства. Соловецкий гарнизон смог отстоять только монастырь, но об обороне берега невозможно было и думать. После войны 1854–1855 годов крепость монастыря была упразднена.

Вместе с тем пало и значение монастыря как культурного центра. Увезенное с Соловков собрание рукописей не было возвращено на остров. 26 марта 1854 года Синод приказал соловецкому архимандриту Александру отправить на материк в безопасное место все монастырские драгоценности и рукописи. Эти драгоценности и рукописи были в конце апреля упакованы в ящики и бочки.

Среди этой клади были и 16 больших ящичков монастырской библиотеки. Ящички и бочки были доставлены в Антониев-Сийский монастырь недалеко от Холмогор.

В 1856 году драгоценности были возвращены на Соловки, но библиотека монастыря была отправлена в Казанскую духовную академию. Там и началась работа по научному описанию соловецких рукописей. Описание это стало выходить отдельными книгами с 1881 года. Тремя выпусками этого описания исследователи древнерусской письменности пользуются и до сих пор²¹. После революции Соловецкие рукописи были перевезены из Казани в Публичную библиотеку в С.-Петербурге.

Судьба соловецких документов была иной. В 1834 году известный археограф, член Археографической комиссии Я. И. Беренников увез часть документов в Петербург в Археографическую комиссию (сейчас они в Архиве Института истории Российской Академии наук).

В 1916 году архив осматривал в Соловках Б. Д. Греков. Отчет об этом осмотре и об ужасающем состоянии, в котором находились бумаги, был напечатан Грековым в "Летописи занятий Археографической комиссии"²².

В 1917 году Б. Д. Греков снова приехал на Соловки, чтобы вывезти рукописи в Петроград. Ему удалось довести их до Котласа, но далее оказалось, что привезти их в Петроград не удастся, и весь архив направили в Пермь. В 1918 году Б. Д. Греков уехал из Перми. Часть документов пропала. В конце 20-х годов архив был перевезен в Москву и находится сейчас в Центральном Государственном архиве древних актов. Небольшая оставшаяся часть документов сгорела, отдельные документы и некоторые случайные рукописи оказались расхищенными.

Соловецкий монастырь, как и всюду, где собираются люди с разных концов земли, из разных классов и сословий, разные по образованию и убеждениям, был на протяжении всего своего существования действенным центром умственного общения, страстных идейных, религиозных споров, исповедничества и антиправительственного брожения.

Эта роль монастыря усиливалась тем, что в течение почти всего своего существования, за исключением первых нескольких лет после 1903 года, он был местом, куда ссылали и заключали самых различных людей, нуждавшихся, по мнению гражданских и церковных властей, в "духовном исправлении".

Среди ссыльных мы находим здесь игумена Троицкого монастыря Артемия, осужденного на церковном соборе 1553–1554 годов за ересь Башкина.

²¹ См.: Порфирьев И. Я. Описание рукописей Соловецкого монастыря. Казань, 1881. Ч. 1; 1885. Ч. 2; 1898. Ч. 3, отд. 1.

²² См.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 гг. Л., 1926. Вып. 33. С. 77–99.

Артемию удалось бежать с Соловков в Литву, где он стал активным защитником православия.

Сюда, в Соловецкий монастырь, к сосланным “иосифлянину” Гурию Заболоцкому и “нестяжателям” Кассиану и Гурию Коровиным направлял в середине XVI века свои “утешительные” послания известный борец с еретиками Зиновий Отенский. Здесь в конце XVI века был некий чернец “гишпанская” земли Николай.

В Соловецком монастыре жил ослепленный Годуновым и постриженный Дмитрием Самозванцем инок Стефан – бывший касимовский, а затем “всея Руси” царь Симеон Бекбулатович. В 1611 году из боязни нападения на Соловки он был переведен в Кирилло-Белозерский монастырь. С 1620 по 1626 годы здесь провел в иночестве опальный келарь Троице-Сергиева монастыря, автор известного “Сказания” о событиях Смуты Авраамий Палицын. Сюда сослан был ученый старец Арсений Грек по подозрению в отступлении от православия. В 1652 году он был вызван с Соловков патриархом Никоном для работы по исправлению книг.

После подавления Соловецкого восстания воеводой Мещериновым последний сам оказался узником Соловков по обвинению в присвоении части монастырских богатств.

В 1691 году по указу Петра I в соловецкую “земляную тюрьму” был посажен самозванец Ивашка Салтыков. При Петре в 1701 году в Соловки был отправлен книгописец Григорий Галицкий, составивший “воровское письмо” о том, что Петр – антихрист. В том же году сюда был прислан его единомышленник, тамбовский епископ Игнатий, сидевший в каземате Головленковской башни.

В правление Петра в Соловецком монастыре были заточены два графа Толстых. Один из них, П. А. Толстой, автор известных записок о путешествии в Италию, был дипломатом, министром и любимцем Петра. Он в свое время по поручению Петра сумел хитростью вывезти из Италии царевича Алексея. Соперник П. А. Толстого – временщик князь В. Л. Долгорукий – также в свою очередь попал в заключение на Соловки.

Здесь, на Соловках, сидел в заключении последний атаман Запорожской Сечи – Петр Кальнишевский. Освобожденный в 1801 году после двадцатипятилетнего заключения, он остался на Соловках и умер через два года в возрасте 112 лет. По преданию, Кальнишевский просидел шестнадцать лет в каземате рядом с сушилом²³.

Из наиболее значительных заключенных XIX века упомянем игумена сибирского Саленгинского монастыря Израиля – основателя секты и друга

²³ См.: Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.: Исторический очерк. М., 1908. С. 10.

сосланного в Сибирь декабриста А. Н. Муравьева, членов тайного общества – М. Критского и Н. Попова, декабриста А. Горожанского, члена Кирилло-Мефодиевского братства Г. Андрузского, участников известной демонстрации 6 декабря 1876 года на площади у Казанского собора Я. Потапова и М. Григорьева.

Среди соловецких узников XIX века хотелось бы отметить особо одного – дядю Пушкина – Павла Исааковича Ганнибала, родного внука “арапа Петра Великого”.

Судьба его в какой-то мере типична для судьбы соловецких узников и поможет нам яснее представить себе, при каких обстоятельствах отправляли на Соловки в XIX веке. Он был офицером флота, потом служил в казачьем полку, затем в гусарах и отличился во время Отечественной войны 1812–1814 годов. Он был дружен с Пушкиным-лицеистом и однажды, поссорившись с ним в Царском Селе на балу из-за девицы, был вызван Пушкиным на дуэль. Вызов благополучно закончился шутивными ответными стихами Ганнибала:

*Хоть ты, Сашиа, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал.*

Как человек искренний, открытый и вспыльчивый, Ганнибал постоянно попадал в разные зловключения. 1826 год оказался для него роковым. В этом году в июне в одной петербургской “ресторации” Ганнибал в разговоре вступился за казненных декабристов. Он напомнил своему случайному собеседнику, подполковнику Краковскому, бранившему декабристов, царский указ, запрещающий “упреки потерпевшим наказание”, а затем в пылу спора сказал, что “нещастныя” были наказаны слишком строго.

Последовал донос, и через два месяца Ганнибал был арестован, отправлен в каземат Петропавловской крепости, а затем в ссылку в Сольвычегодск.

В Сольвычегодске Ганнибал, то “впадавший в ипохондрию”, то необузданно веселый, продолжал бедокурить. Он приобрел медную пушечку и стрелял из окна, наводя ужас на жителей городка; набирал в долг денег у обывателей и даже у самого городничего умудрился занять в долг 165 рублей. Приходил в гости без приглашения. Так, явившись в гости к купцу Мамаеву, он “оказывал некоторые знаки своего отвратительного нерасположения” к тестю Мамаева купцу Пьянкову. Выхватил нож, угрожал им и даже приставил нож к груди протоиерея, показывая, как он расправится со своим “неприятелем”. На рапорте городничего вологодский генерал-губернатор написал резолюцию, распорядившись, чтобы Ганнибал просил извинения у оскорбленных им лиц и никуда не ходил без приглашения, кроме церкви.

Но Ганнибал продолжал куролесить в городе, ездил без приглашения к жителям вместе со своим новым другом экспедитором Воронежским, так

что жителям пришлось от него запираяться и вечерами сидеть без огня. Требование губернатора извиниться привело Ганнибала в ярость. Он кричал: “Как смел генерал-губернатор обо мне так писать! Он мой не начальник; как смел писать, чтобы я просил прощения, и у кого же, у купцов?!” Он трижды заявлял, что убьет городничего, но, “впрочем”, будет кормить его шестерых детей. “Что мне дети! Я их прокормлю, но вы жить не будете!” – заявлял свирепый и добрый Ганнибал.

Начались переговоры между различными должностными лицами и учреждениями о переводе Ганнибала в Соловки. Это и было сделано “с соизволения государя императора”. Ко времени своего отъезда Ганнибал хворал и стих. Он выехал из Сольвычегодска, выдав всем долговые расписки, и при свидетелях подтвердил свой долг городничему. Своему крепостному слуге он оставил 7 рублей денег, очевидно, из последних.

Ехал Ганнибал в сопровождении жандарма и гарнизонного солдата. Через две недели он прибыл на Соловки, где был отдан “под квитанцию” штабс-капитану соловецкой инвалидной команды “под воинский присмотр”. Когда его заперли в тесный чулан, он пришел в бешенство, бился, пытаясь вырваться. Его двери подпирали снаружи. Через две недели он стих и вел себя смирно.

Всюду, куда попадал Ганнибал, благодаря его открытому характеру, у него довольно быстро оказывались друзья. Он заслужил расположение архимандрита Досифея, известного своими трудами по истории Соловецкого монастыря. Досифей лично ходатайствовал о возвращении Ганнибала “к своему семейству”, подарил ему собственную шубу “из-за суровостей соловецкого климата”, перевел в лучшие условия.

Во время пребывания Ганнибала в ссылке его жена, которую он в свое время бросил, проявила изумительную самоотверженность в попытках освободить своего мужа. Она не только писала различные ходатайства, просила Бенкендорфа, но и бросилась в ноги Николаю I на параде перед Михайловским замком. В конце концов Ганнибалу было разрешено жить в Луге, где он пользовался расположением и уважением жителей до конца своих дней²⁴.

На Соловках Ганнибал пробыл с весны 1827 по октябрь 1832 года. Отмечу, что на Соловках был и другой родственник А. С. Пушкина – его двоюродный дед Сергей Пушкин. Он находился здесь с 1781 по 1795 годы по обвинению в подделке бумажных ассигнаций²⁵.

Ссылные и заключенные не только роняли святость места и развращали монастырские власти, превращая их в своего рода тюремщиков (хотя, соб-

²⁴ О П.И. Ганнибале см. подробнее: Блинов И. Павел Исаакович Ганнибал, дядя А.С. Пушкина // *Русская старина*. 1899. Май. Т. ХСVIII. С. 353–364; Модзалевский Б. Л. Дядя Пушкина Павел Исаакович Ганнибал // *Дела и Дни*. Пг., 1920. Кн. 1. С. 260–270; Вересаев В. В. *Спутники Пушкина*. М., 1937. Т. 1. С. 384–386.

²⁵ См.: Блинов И. О бывшем Пушкина // *Русская старина*. 1899. Май. Т. ХСVIII. С. 359–364.

ственно, тюрьма находилась в ведении не монастыря, а светских властей), но и составляли трудно учитываемую культурную силу.

Упразднена соловецкая тюрьма была в 1903 году по представлению печально известного впоследствии по русско-японской войне военного министра А. Н. Куропаткина. Он обследовал тюрьму и пришел к выводу о необходимости ее закрыть. Помещение тюрьмы было отдано монастырю под больницу²⁶.

Что такое “историко-культурное значение” Соловецкого монастыря? Одна-единственная морализующая точка зрения на события далекого прошлого, принимаемая обычно при исследовании истории Соловецкого монастыря, не лишена наивности. Ее можно рассматривать как попытку “в лоб” перевернуть елейное церковное изображение событий монастырской жизни. Между тем расценивать историю монастыря только с этической точки зрения едва ли правильно. Мы должны оценить ее в свете той общеисторической роли, которую сыграло каждое событие, каждый род деятельности монастыря в жизни Русского Севера.

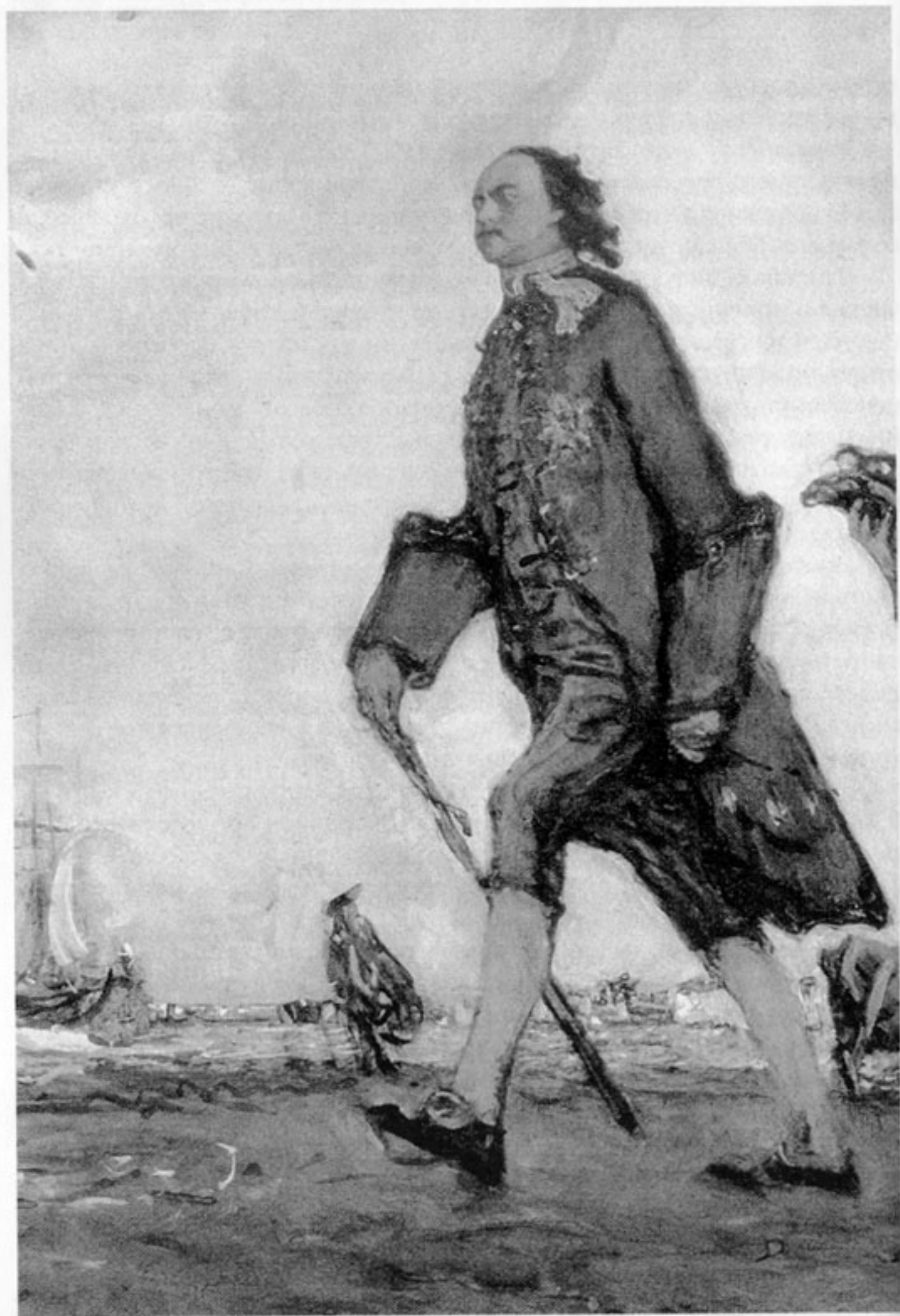
Монастырь – это не только монастырские верхи и официальная церковность. Монастырь – это и рядовые монахи из крестьян, это и его трудники – тоже крестьяне, это и его паломники, приезжавшие сюда со своими жизненными невзгодами, это и его ссыльные, и заключенные, стрельцы и солдаты, ремесленники и мастера. Это кипучее и пестрое сообщество людей, общавшихся между собой и враждовавших друг с другом, вносящее в жизнь малонаселенного Русского Севера движение и развитие.

В жизни Севера монастырь сыграл первенствующую роль, особенно в XVI и XVII веках. Его роль не ограничивалась ускорением процессов феодализации, военной обороной Севера, распространением более совершенных форм хозяйствования, технического прогресса и приобщением жителей Севера к более высокому строю общества.

Его роль заключалась также в развитии оппозиционных настроений по отношению к церкви и государству, в развитии зодчества, иконописания и прикладных искусств. Монастырь явился собирателем и хранителем древнерусского рукописного наследия, произведений живописи и художественных ремесел. Он был своего рода музеем, хранителем древнерусских музыкальных традиций и грандиозным ансамблем памятников древнерусского зодчества, обладавшего большой силой эстетического воздействия.

Будем считать в истории Соловецкого монастыря исторически значительным все, что так или иначе отразилось в русском историческом процессе и что, в свою очередь, восприняло ведущие тенденции этого процесса, выразило собой эпоху и ее культуру.

²⁶ О Соловках как о месте заточения см.: Колчин М. А. Ссыльные и заточенные в острог Соловецкого монастыря; Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVII–XIX вв. Архангельск, 1963.

В. А. Серов. "Петр I". 1907. Фрагмент

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Миф о том, что царствование Петра явилось поворотным пунктом в истории России, при котором ход государственного корабля резко изменил свое направление и при этом исключительно по воле державного властелина, вошел в сознание всего XVIII и XIX века как непреложная истина.

Эта “непреложная истина” признавалась в равной степени как поклонниками Петра, так и его противниками: так называемыми “западниками” (употребляя старую терминологию) и “славянофилами”. Он был распространен в самой царствующей семье (особенно у Елизаветы Петровны, Екатерины II, у Николая I) и в народе. Он вошел в литературу и в фольклор, в официальную историографию и в легенды о царе-антихристе.

Этот миф о царе-кормчем, о царе-скипере был тем прочнее, что он был связан с цельным образом Петра: царя-плотника, царя-труженика, царя-ученого и учащегося, царя-преобразователя.

И. Н. Никитин. Петр I

Сам Петр позаботился о том, чтобы создать о себе именно такие представления.

Петр постоянно подчеркивал, что он труженик. В своей автобиографической записке он пишет, что изучил в Голландии те “художества”, которые надлежит “доброму плотнику знать” (отсюда разившееся впоследствии представление о “царе-плотнике”). Петр подчеркивает в себе все гражданственное служение России, свое бесстрашие в опасностях ради родины, свое народолюбие, свою любовь к наукам и пр.

Петр постоянно чувствовал себя в поле зрения не только своего народа, но и всей Европы. И он умел придать своим преобразовательным начинаниям ярко демонстративный характер. В нем была своего рода артистичность. И гигантская фигура Петра действительно заслонила собой историческую перспективу. Только по мере удаления от Петровской эпохи стали возможны более трезвые оценки: и заслоненной Петром Древней Руси, и всего исторического развития России.

Одна из особенностей всех действий Петра состояла в том, что он умел придать демонстративный характер не только своей собственной фигуре, но и всему тому, что он делал. То, что ему бесспорно принадлежит – это смена всей “знаковой системы” Древней Руси. Он переделал армию, он переделал народ, сменил столицу, демонстративно перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский, он демонстративно нарушил прежние представления о “благочестивейшем” царе и степенном укладе царского двора, не только внеся во дворец рабочие инструменты и станки, но и заведя “всешутейший и всепьянейший собор”, общаясь со шкиперами и плотниками, работая на верфях и выполняя обязанность бомбардира. Он разрушил церемониальность и степенность, заведя иные темпы жизни, создал новые представления и о времени, и о пространстве. Он ходил быстро, ездил скоро и на большие расстояния, решал дела на ходу и в походах.

Петр сознательно стремился к тому, чтобы оборвать все связи со старой Россией. Сохранившемуся он придавал отличные от прежних формы.

Карамзин в речи, произнесенной в 1818 году в Российской академии, говорил: “Петр Великий, могучею рукою своею преобразовав отечество, сделал нас подобными европейцам, жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки”.

“В XVIII столетии русская литература порвала с древними национальными литературными формами. Следовательно, здесь на первый план выступают различия, а не общность”¹.

Действительно ли Петр и его эпоха вырыли пропасть между старой и новой Россией? Действительно ли культура новой России пошла целиком за Западом, оборвав традиции и зачеркнув все наследие старой Руси?

Уже в XIX веке в этой точке зрения стали сомневаться историки русской литературы: А. И. Пыпин, В. М. Истрин, А. И. Соболевский.

Но и эти ученые не сомневались в том, что перерыв был, что он был вызван “западным влиянием”. Речь шла только о том, чтобы перелом этот растянуть на более длительный период времени или перенести его на XVII век.

Между тем изучение закономерностей развития древнерусской культуры приводит нас к совершенно отчетливому представлению о том, что русская культура в течение нескольких веков, а не одного только XVII века, приготавливала собой переход к новой русской литературе со всеми ее обще-европейскими чертами и особенностями.

В древней русской литературе может быть отмечено несколько линий развития, приведших в конечном счете к появлению культуры нового времени со всеми присущими этому новому времени особенностями.

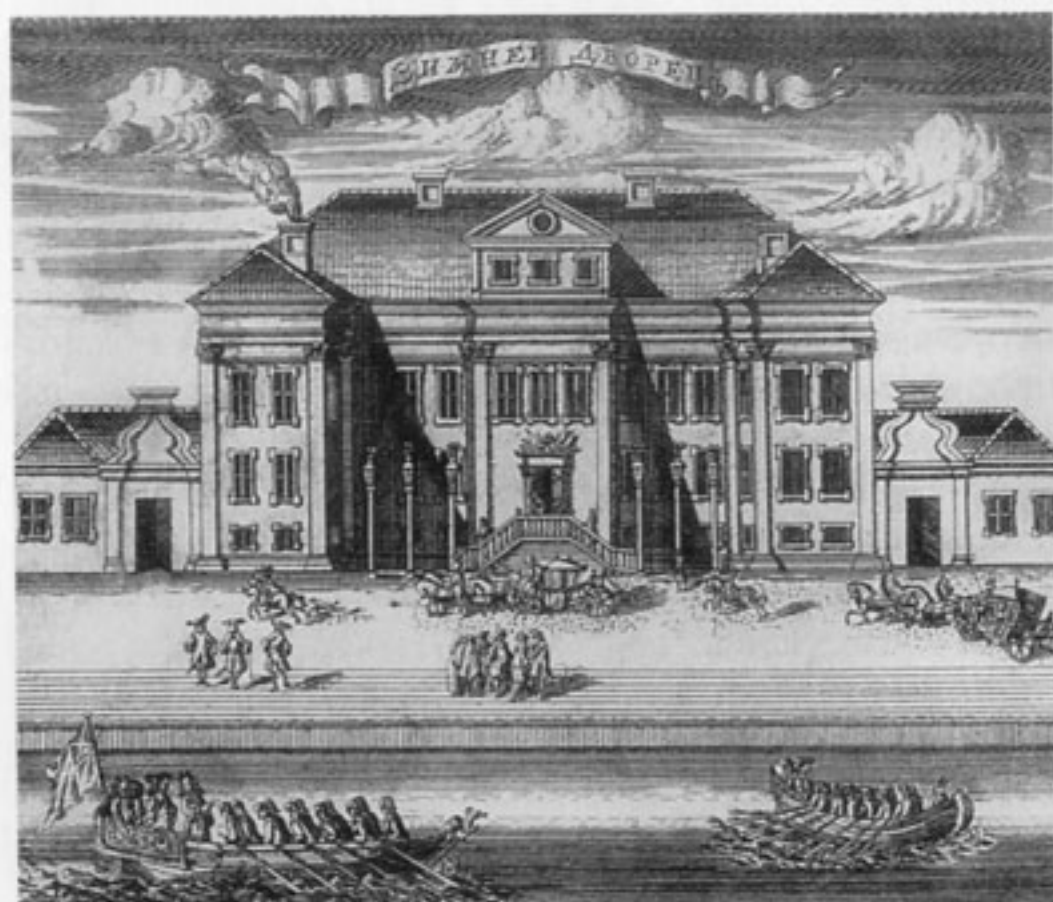
Среди этих линий на первом месте стоит развитие личностного начала во всех видах творчества и в самых разнообразных формах.

Личностное начало, признание ценности человеческой личности, индивидуальные черты в стиле произведений, в убеждениях, в характере творчества, приведшие к появлению гениев и талантов, профессионализация искусства, секуляризация культуры и т. д., и т. п. – все эти ренессансные явления проявлялись на Руси постепенно, в течение нескольких веков, без появления четко выраженной эпохи Ренессанса.

Переход от Средневековья к новому времени всегда совершается через Ренессанс. И хотя в России не было Ренессанса, в ней были заторможенные ренессансные явления в течение очень длительного времени, начиная с конца XIV века.

Среди этих явлений ренессансного характера может быть отмечено и барокко XVII века – оно также приняло на себя некоторые ренессансные

¹ Бурсов Б. И. *Национальное своеобразие русской литературы.*

*Зимний дворец Петра Великого в Петербурге.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1716*

функции, поскольку ему не предшествовал нормальный “Ренессанс”. Западное влияние в русской литературе и культуре в целом, которое казалось ранее причиной перехода русской культуры на новые рельсы, на самом деле было следствием этого перехода.

Развитие индивидуального, личностного начала в творчестве, отход от средневековой традиционности, появление потребности в упорядоченных естественнонаучных знаниях, и в основанной на определенных научных знаниях технике, специализация и профессионализация всех видов творчества, постепенная секуляризация культуры и многое другое: все это и сделало возможным появление западных форм культуры.

В развитии ренессансных начал западное влияние нашло благоприятную почву и основу.

Явившись следствием развития ренессансных явлений, оно в свою очередь ускорило переход от культуры средневекового типа к культуре типа нового времени.

Аналогичным образом следует рассматривать и эпоху петровских реформ. Петровские реформы были подготовлены не только явлениями семнадцатого века. Она явилась закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу нового времени.

Закономерным был разрыв и во всей средневековой знаковой системе культуры, произведенный Петром. Переход до него неосознанный – при Петре стал осознанным. Осознание перехода и заставило сменить систему знаков: одеть европейское платье, “скоблить” бороды, надеть новые мундиры, реформировать всю государственную и военную терминологию на европейский лад, признать европейское искусство.

И эта смена “знаковой системы” ускорила происходящие явления в культуре. Она придала процессам, происходившим до того в полуосознанной форме, сознательное направление.

Вопрос о том, что процессы, происходившие при Петре, могли совершиться и без Петра, – поставил еще в XVIII веке историк Щербатов. Щербатов высчитал, что для эпохи петровских реформ без Петра понадобилось бы семь поколений и что тогда преобразования России закончились бы только в 1892 году.

В известном смысле Щербатов был прав. Исторические процессы без выдающихся исторических личностей не изменили бы своего направления, но были бы сильно замедлены, замедлен бы был процесс перехода русской культуры от средневекового типа к типу культуры нового времени.

Однако сами исторические личности являются порождениями закономерных процессов. В этом смысле сам Петр в качестве своеобразного “ускорителя” процесса перехода русской культуры к культуре типа нового времени был порождением этого процесса.

*Б. К. Растрелли.
Конная статуя Петра I.
1716–1744*

*Б. К. Растрелли.
Конная статуя Петра I.
Фрагмент*

Петр как личность был типичным порождением русской культуры конца XVII века. Это человек барокко со всеми его противоречивыми чертами. Уточняя, мы могли бы сказать, что Петр был порождением русского барокко конца XVII века, в котором особенно сильны были ренессансные явления – с их склонностью к просветительству и реформаторству, к восприятию научного отношения к миру, чувствительность к западным европейским влияниям, со склонностью к известному барочному “демократизму”, к синтезу наук, ремесел и искусств, к типичной для русского барокко энцикло-

педичности образования, к барочному представлению о государственности и долге монарха перед своей державой и ее подданными, к пониманию истории как цепи героических событий и поступков и т. д. Даже само представление Петра о переходе просвещения из одной страны в другую по часовой стрелке, высказанное им в его речи при спуске корабля “Полтава”, – было типично барочным.

Петр – типичная фигура русского барокко с его ренессансной ролью в истории России. В просветительной поэзии Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева мы могли бы встретить многие идеи Петра и образцы его поведения.

Именно потому, что Петр был не исключением, а в известной мере порождением исторического процесса, он мог найти себе достаточное число сподвижников и при этом не в одной Москве.

От барокко в Петре были многие черты его характера: его склонность к учительству, его уверенность в своей правоте, его “богоборчество” и пародирование религии в сочетании с несомненной религиозностью, его доброта и жестокость, и многие другие противоречия его натуры.

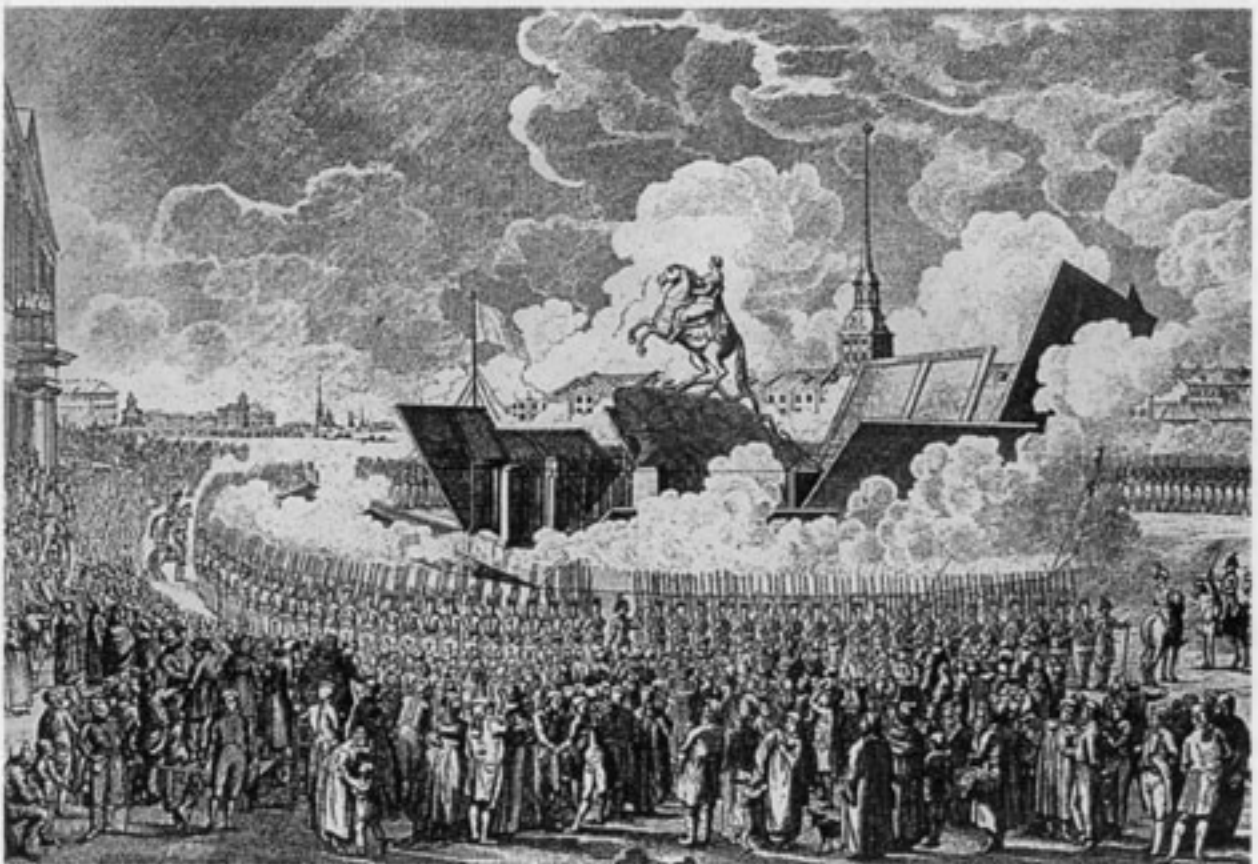
Эпоха петровских реформ была подготовлена всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV веку. Не один XVII век подготовил собой переход к новому времени, но все “естественное” и закономерное развитие русской культуры. Петровская эпоха только потому была воспринята как кульминационный пункт этого перехода, что именно в это время произошла смена “знаковой системы”. Несомненное и очевидное обращение к Западу было не существом процесса, а лишь его естественным порождением.

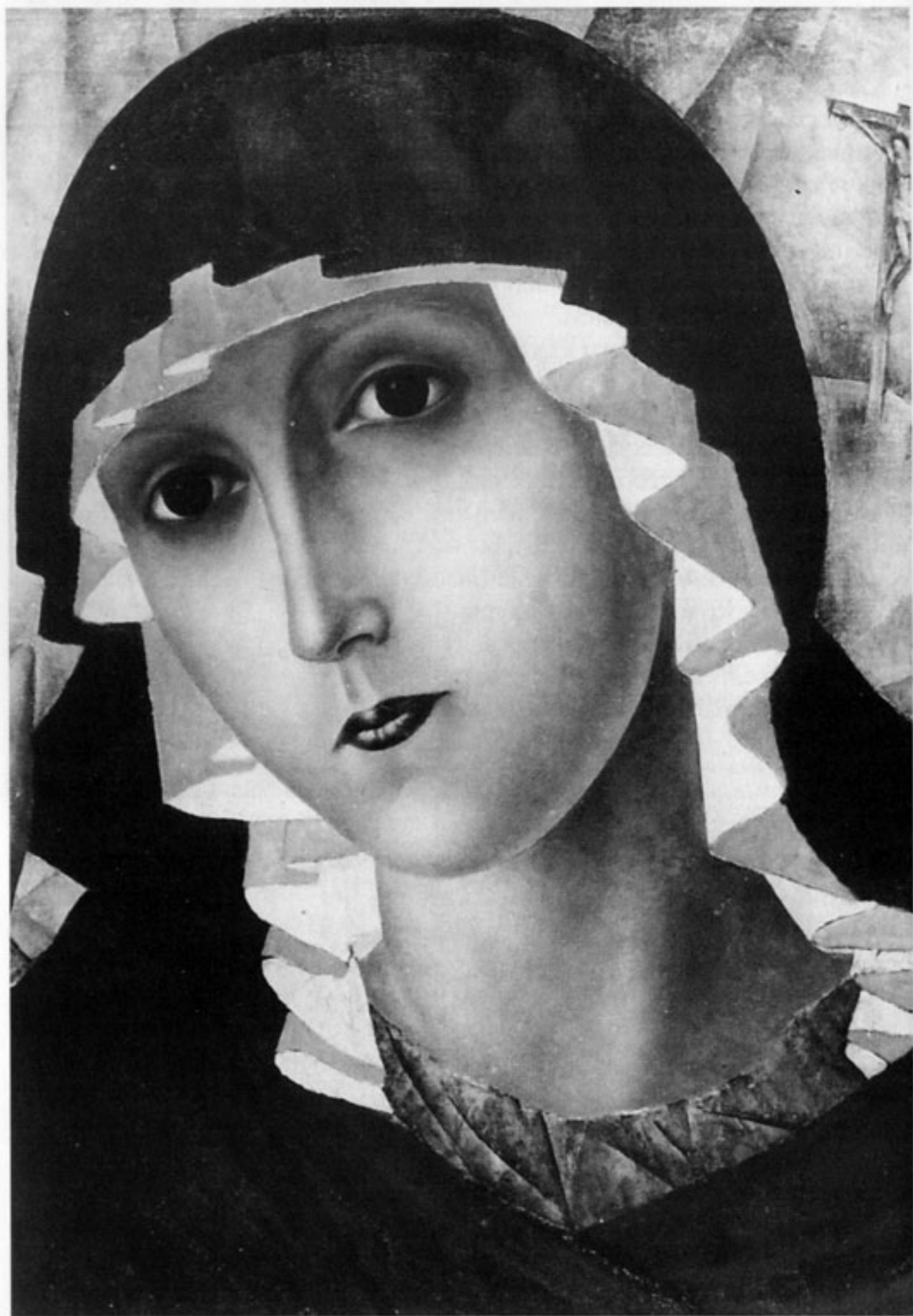
Однако черты старого сохранялись и в XVIII, и в XIX веках. Многие особенности культуры этой эпохи были естественным следствием развития русской культуры XVII и предшествующих веков.

Чем больше мы изучаем изменения и развитие русской культуры в XIV–XVII веках, с одной стороны, и ее судьбу в новое время – в XVIII и в XIX веках – с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом цельном процессе эпоха петровских реформ была эпохой “осознания” совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры.

Дальнейшее изучение этих процессов, подспудно совершившихся в русской культуре, несомненно, укрепит это положение и даст нам настоящее понимание эпохи петровских реформ.

“Открытие монумента государю императору Петру I в 1782 г.”. Гравюра

*К. Петров-Водкин. Богоматерь – Умиление злых сердец, 1915. Фрагмент.
Государственный Русский музей*

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

История культуры движется и развивается не только путем изменений внутри этой культуры, но и путем накопления культурных ценностей. Ценности культуры не столько меняются, сколько создаются, собираются или утрачиваются. Особенное значение имеет отношение одной культуры к другой, формы и типы усвоения предшествующих или иностранных культур.

Великий и классический пример жизни культуры в других культурах представляет собой античность. Ценности античности пережили различные трансформации в европейской культуре и постоянно обогащали ее собой. Первый этап усвоения античности – это период “варварской культуры”, варварского стиля VI–X веков, приведший к “Каролингскому ренессансу”. Второй этап – обращение античности в недрах романского стиля. Новой стороной античность вошла в готическое искусство, которое отнюдь не было ей чуждо. Ренессанс представляет собой, по существу, “четвертое открытие античности”. Пятое открытие античности наступило в конце XVIII века и было особенно

интенсивным в начале XIX века. В этом новом открытии античности, как и во всех предшествовавших, играли роль не только ученые, но и философы, писатели, архитекторы, скульпторы, живописцы и т. д. Сочинения Винкельмана, Гете и Шиллера, живопись Давида и Менгса, а в России – Гнедич, Ф. Толстой, Мартос – были теми ступенями, с помощью которых поднималось наше усвоение античности, а вместе с тем и наша собственная, европейская культура. Для каждого культурного единства характерно свое, своеобразное обращение к прошлому и свой выбор питающих его культур. Для России XVIII–XX веков одним из основных вопросов ее культурного своеобразия был вопрос об отношении русской культуры нового времени к культуре Древней Руси.

Это отношение новой России к древней также прошло несколько этапов, каждый из которых оставил свой след в развитии поэзии, литературы, живописи, архитектуры и философии, в общественной мысли нового времени. Первым этапом отношения к Древней Руси была сама петровская эпоха. Всем своим существом петровская эпоха была выражением отношения новой России к древней. И современники Петра, и последующие поколения ясно ощущали, что политические успехи Петра создали из старой Руси европейское государство. Это уже было высказано канцлером Петра графом Головкиным, и И. И. Неплюевым, и другими. Петр воспринимался как творец современной России, которая казалась полной противоположностью древней. Однако те представления о Древней Руси, которыми в основном живет XIX век и которые до сих пор чрезвычайно распространены, в основном сложились в первой половине XIX века (вернее, в первой четверти XIX века). Это было время начала научной разработки русской истории. Но только начало. Искусство, письменность, быт Древней Руси еще не были изучены. Петровские реформы оставались злобой дня еще и в первой половине XIX века, и оценка Древней Руси в начале XIX века была неразрывно связана с оценкой петровских реформ. Древняя Русь воспринималась через петровские реформы. Больше того, петровские реформы заслоняли собою Древнюю Русь. Люди XIX века повсюду видели вокруг себя то, что было реформировано Петром, и то, что оставалось нетронутым его преобразованиями. Нетронутыми петровскими реформами оказались по преимуществу низшие слои общества – крестьяне. И вот отсюда у людей XIX века сложилось впечатление, что быт крестьян и вообще быт низших слоев населения – это и есть быт Древней Руси; культурный уровень крестьян – это культурный уровень Древней Руси. Далее. Петр был действенным, активным началом в русской жизни; поэтому по контрасту с его деятельностью вся допетровская Русь представлялась неподвижной, косной, замшелой.

Далее. Петр обратил Русь к Западной Европе, поэтому допетровская Русь представлялась отгороженной от Европы китайской стеной.

Далее. Русь конца XVII века, т. е. непосредственно предпетровская, отождествлялась со всей Русью. Как будто бы забывалось, что Древняя Русь имеет

А. М. Васнецов. Московский базар в XVII в.

семивековое развитие. Так возникло частично сохраняющееся еще и сейчас в обывательской среде отождествление быта, нравов, искусства конца XVII века с культурой всей Древней Руси на всем протяжении ее развития. О чем бы и о какой бы эпохе Древней Руси ни писалось (о Киевской Руси, о Москве, о Пскове, о XII, о XIII, о XV веках) – всюду Древняя Русь изображалась предпетровской – XVII века. В развитии этих представлений о Древней Руси существенное значение имела записка Н.М.Карамзина “О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях”. Она была написана им в 1811 году, но стала широко известной с 30-х годов XIX века, после опубликования ее в заграничной печати. Именно в этой записке Н. М. Карамзина было высказано то ошибочное положение, которое стало затем избитым местом во всех суждениях о Древней Руси, – о едином, неизменном и крестьянском характере культуры Древней Руси. Крестьянин XIX века был полностью отождествлен со всеми людьми Древней Руси от верху и донизу. “Петр ограничил свое преобразование дворянством, – писал Карамзин. – Дотоле, от сохи до престола, россияне сходились между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях. Со времен Петровых высшие степени (т. е. высшие слои населения. – Д. Л.)

отделялись от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах”.

Суждения Карамзина отразились и во взглядах славянофилов, и во взглядах их противников. И западники, и славянофилы одинаково выделяли основные признаки культуры Древней Руси, но только у одних эти признаки стояли со знаком минус, а у других – со знаком плюс.

Именно такие представления о Древней Руси мы встретим и у Белинского², и у славянофилов. Славянофилы видели в Руси “земское”, т. е. в их понимании “мужицкое”, царство, земледельческое по преимуществу. Ведь не случайно представитель древнего русского рода – Рюрикович по происхождению, ценивший в себе эту древность рода, – К. С. Аксаков ходил в крестьянской поддевке и по-крестьянски стригся в кружок, полагая, что так делали все в Древней Руси.

На основании наблюдений современного славянофилам крестьянства они создали знаменитую теорию общинного землепользования, объявленную “нравственным союзом людей”³. Идеализировались верования, быт и нравы крестьянства, подражать которым стремились славянофилы. Крестьянский, замкнутый, неподвижный и “бессознательный” характер культуры Древней Руси подчеркивался в их статьях.

Ив. Киреевский писал: “...до сих пор национальность наша была национальность необразованная, грубая, китайски-неподвижная”⁴. Он отрицал существование искусства в Древней Руси⁵. Существование искусства в Древней Руси отрицали и Григорович, и другие славянофилы. Ив. Киреевский почти не расходится с Белинским, говорившим об “азиатской созерцательности” Древней Руси, но только высказывает это другими словами. Он пишет о “естественных, простых и единодушных отношениях”, о законах, вылившихся “из бытового предания и из внутренних убеждений”⁶. Он говорит о “простоте жизненных потребностей” в Древней Руси⁷, о “тяжелом закоснении”, об “оцепенении духовной деятельности”, которое было следствием татаро-монгольского ига⁸. Он отмечает простонародный, крестьянский характер народности: “...у нас искать национального, значит искать необразованного”⁹. То же повторяет Киреевский и в статье “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”. По мне-

² См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. XII. М.–Л., С. 261.

³ Аксаков К. С. Сочинения исторические. М., 1889. С. 58.

⁴ Киреевский И. В. *Торе от ума* – на Московском театре (1832) //

Киреевский И. В. Полн. собр. соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1911. С. 60–61.

⁵ Киреевский И. В. Письмо А. И. Кошелеву (1828) // Там же. С. 215.

⁶ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (1852). // Там же. Т. 1. С. 207.

⁷ Там же. С. 218.

⁸ Киреевский И. В. *Девятнадцатый век* (1832) // Там же. С. 102.

⁹ Там же. С. 105.

нию Киреевского, просвещение России следует искать “в нравах, обычаях и образе мыслей простого народа”¹⁰. “Русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими, еще уцелел, почти неизменно, в низших классах народа”¹¹. Ив. Киреевский в статье “Девятнадцатый век” писал: “Какая-то китайская стена стоит между Россией и Европою, и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой Великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери”¹².

Знаменательно, что это написано Киреевским в 1832 году, а в 1833 году Пушкин создавал “Медного всадника”, где писал об окне в Европу, ссылаясь, впрочем, в примечании не на Киреевского, а на Альгаротти¹³. “У нас также были Новгород и Псков; по внутреннее устройство их (занятое по большей части из сношений с иностранцами) тогда только могло бы содействовать к просвещению нашему, когда бы ему не противоречило все состояние остальной России. Но при том порядке вещей, который существовал тогда в нашем отечестве, не только Новгород и Псков должны были быть задавлены сильнейшими соседями, но даже их просвещение, процветавшее столь долгое время, не оставило почти никаких следов в нашей Истории, – так несогласно оно было с целою совокупностью нашего быта”¹⁴. Мысли Чаадаева о Древней Руси и о России в целом обнаруживают черты сходства с мыслями славянофилов: “...мы заимствовали первые семена нравственного и умственного просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии”¹⁵. Он подчеркивает крестьянский, деревенский характер Древней Руси: “Мир пересоздавался, а мы прозябали в наших лачугах из бревен и гнили”¹⁶. Он отмечает азиатскую созерцательность: “Всегда поражала меня эта немота наших лиц”¹⁷. В письме к Л. И. Тургеневу он подчеркивает стихийность, бессознательность русской истории: “Мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать”¹⁸. Он подчеркивает отъединенность русской истории: “Уединившись в своих пустынях, мы не видали ничего, происходившего в Европе. Мы не вмешиваемся в великое дело мира”¹⁹.

Чаадаев перенес распространенную в его время характеристику Руси на всю Россию, в том числе и на современную ему, и придал ей резко отрица-

¹⁰ Киреевский И. В. *Девятнадцатый век* (1832). С. 174.

¹¹ Там же. С. 203.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Альгаротти где-то сказал: “*Petersbourg est la fenetre par laquelle la Russie regarde l'Europe*” (примечание Пушкина к “Медному всаднику”).

¹⁴ Киреевский И. В. *Девятнадцатый век* // Полн. собр. соч. в 2-х т. Т. 1. С. 99.

¹⁵ Чаадаев П. Я. *Философические письма*. Казань, 1906. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Чаадаев П. Я. *Сочинения и письма*. М., 1913. Т. 1. С. 216.

¹⁹ Чаадаев П. Я. *Философические письма*. Казань, 1906. С. 13.

тельное значение. В этом было одно из существенных отличий его взглядов на Древнюю Русь от взглядов славянофилов.

Мы не обсуждаем сейчас интереснейшей, важной и далеко еще не оцененной по достоинству философской позиции славянофилов и их общественных воззрений, однако в своих воззрениях на Древнюю Русь они были малооригинальны. Более того, они мешали открытию ценностей искусства и литературы Древней Руси и их подлинному пониманию.

Неудивительно, что представления о Древней Руси как о крестьянском царстве, в котором и верхи, и низы общества жили одной и той же малоподвижной и в общем низкой культурой, были широко распространены и за пределами славянофильства. В частности, они проникли и в немецкие истории всеобщих искусств: Куглера, Э. Ферстера, Шназе. Эти истории искусств переводились затем на русский язык, и здесь эти ограниченные представления возвращались на родную почву – в Россию, но уже с ярко выраженной враждебной к русской культуре окраской. С этими взглядами боролся еще Буслаев, но отрицательное отношение к древнерусскому искусству и непонимание древнерусской культуры продолжало чувствоваться долго. Стоит ли говорить о том, что от Загоскина и до Мордовцева русская историческая беллетристика, разрабатывавшая тему Древней Руси (в иных случаях сильнее, а в иных – слабее), находилась под влиянием тех же, выработавшихся еще в начале XIX века представлений об уравнительном, одинаковом для всех сословий характере культуры Древней Руси. Ни по языку, нарочито грубому, мужицкому (*тущай, пошто, дюже, не замай, таперича*), ни по платью (только более богатому), ни по своим привычкам представители высших сословий не отличались в этой дореволюционной беллетристике от крестьян, ремесленников, купцов. Князь и крестьянин, боярин и крестьянин жили одинаково: разница заключалась в обилии яств, в ценности платья, словом, в важности и количестве издержек, и только.

Следует сказать, однако, что эти ошибочные концепции наших философов и публицистов XIX века оказали

В. М. Васнецов.
Нестор-летописец, 1919

только некоторое влияние на исследователей, исторических романистов, поэтов, художников и музыкантов. Подлинное освоение культуры Древней Руси проходило мимо господствующих концепций, поэтому огромное значение имеет пристальное исследование того, как памятники культуры Древней Руси конкретно отражались в новой русской культуре. Подлинное отношение новой русской культуры к Древней Руси лежит в продолжении тем, сюжетов, мотивов Древней Руси, в освоении ее художественных достижений, в художественном проникновении в древнерусскую жизнь, историю и культуру.

Как это ни странно, Древняя Русь жила рядом с той господствующей культурой, которая считала ее как бы несуществующей. Русь жила в огромной массе старообрядчества, создавшей свою письменность, продолжавшую бережно хранимую старую, свое зодчество, свою живопись и прикладное искусство. Оно было близко фольклору, словесному и материальному, но отнюдь им не ограничивалось. Существовали лубочные из-

дания, среди них особенно важные для изобразительных вкусов народа лубочные картинки, лубочные настенные листы с текстами и рисунками, продолжалось иконописание, создавалась и жила, воспитывала детские вкусы народная игрушка, глиняная и деревянная. С конца XIX века наметилось стремление ввести древнерусское искусство в "большое" искусство России. Это стремление шло двумя путями. С одной стороны это было возвращение к древнему искусству иконописи в творчестве Врубеля, Васнецова, Нестерова, Рериха, а с другой – стремление присоединиться к тому потоку русского искусства, которое прямым образом продолжало традиционное русское искусство. Рябушкин, Кустодиев, Петров-Водкин испытывают на себе влияние парсунного письма и провинциальных вывесок, глиняной игрушки – их цвета и их "первозданности". Особенно отчетливо возвращение к народной вывеске у Шагала. Но был и третий путь воссоединения с традиционным искусством – путь, открытый авангардом начала XX века.

А. П. Рябушкин. Московская девушка XVII века. 1903

*Святые жены.
Фрагмент фрески Дмитриевского
собора во Владимире. 1195*

*К. Малевич.
Крестьянки в церкви. 1911*

Авангардисты стремятся продолжить непосредственность лубочных изданий в своих изданиях, перенести в свои произведения экспрессию крестьянской и древнерусской иконы, фресок, лубочных картинок, чистоту и яркость красок, отчетливую ясность композиций, выразительность образов.

Это хорошо видно на подобранных для этой книги моим редактором Л. Р. Мариупольской воспроизведениях картин Малевича, Филонова, гравюр Н. Гончаровой. Наметилась и еще одна тенденция – соединения живой традиции и обращения к древнерусской классике в произведениях Петрова-Водкина. Его “Богоматерь – Умиление злых сердец” не только по форме, но и по содержанию становится своего рода классикой русской иконописи.

Его отношение к Богоматери благоговейно, как у настоящего иконописца, стремящегося не стилизовать, а продолжать традицию, следовать идеалам, а не просто их воспроизводить, выражать себя в стиле, а не стилизовать свои произведения. Впрочем нельзя сказать, что этого же стремления к идеалам, созданным в древнерусском искусстве и искусстве народном, не было и у всех других так называемых “авангардистов”, в большинстве своем пытавшихся выразить в своих произведениях крепкую, хотя порой и наивную веру как в Божество, так и в человека.

Развитие культуры не есть только движение вперед, простое “перемещение в пространстве” – переход культуры на новые, вынесенные вперед позиции. Развитие культуры есть в основном отбор в мировом масштабе всего лучшего, что было создано человечеством.

Формы, в которых культура прошлого участвует в культуре современности, очень разнообразны. Сейчас я хотел бы обратить внимание на одну из сторон этого участия, которое представляется мне особенно важной и интересной. Не только культура прошлого влияет на культуру современности, вливается в нее, участвует в “культурном строительстве”, но и современность, в свою очередь, в известной мере “влияет” на прошлое... на его понимание.

Остановлюсь только на одном вопросе, имеющем общее и принципиальное значение. В истории культуры постоянно наблюдается одно любопытное и очень важное явление, которое может быть определено как своего рода астрономическое “противостояние” культур – старой, авторитетной, с одной стороны, и молодой – с другой, ощущающей либо свое превосходство над старой, либо свою недостаточность. Обе культуры – древняя и новая – при этом вступают между собой в своеобразный диалог. Новая культура очень часто развивается в этих противопоставлениях и сопоставлениях со второй.

Так, в европейских культурах очень многих эпох огромное значение имела культура античности, по-разному понимаемая и по-разному воспринимаемая. Главное такое “противостояние” совершилось в эпоху Ренессанса. Новая европейская культура оказалась в этот период, как некое небесное тело, на наиболее коротком расстоянии от античности. Это “короткое расстояние” позволило новой европейской культуре лучше познать античность и многое усвоить из старого, классического наследия. В сопоставлениях с античностью совершился один из

Феофан Грек. Серафим.
Фреска церкви Спаса
Преображения на Ильине.
1378

Н. Гончарова.
Шестикрылый херувим.
1915.
Музей им. А. А. Бахрушина

“Символы и эмблемата”.
Титульный лист. 1719

самых важных культурных переворотов в Европе.

Однако и до этого наиболее классического противостояния европейской культуры античности в эпоху итальянского Ренессанса было несколько меньших противостояний, из которых наиболее очевидное – так называемый Каролингский ренессанс VII–IX веков²⁰.

Византия также знает в своей истории несколько попыток возрождения культуры античной Греции. Известный византолог П. Лемерль насчитывает в истории византийской культуры пять обращений к античности, которые он называет, как и Итальянский ренессанс, – ренессансами.

Для истории новой русской культуры одно из ее наиболее характеристических состояний – это ее противостояние древней русской культуре, в котором, однако, силы отталкивания значительно преобладали на первых порах над силами освоения, над попытками к возрождению некоторых старых сторон русской культуры.

История русской культуры XVIII–XX столетий – это, по существу, постоянный и чрезвычайно интересный диалог русской современности с Древней Русью, диалог иногда далеко не мирный. В ходе этого диалога культура Древней Руси как бы росла, становилась все значительнее и значительнее. Древняя Русь приобретала все большее значение благодаря тому, что росла культура новой России, для которой она становилась все нужнее. Необходимость культуры Древней Руси для современности выростала вместе с ростом мирового значения новой русской культуры и увеличением ее весомости в современной мировой цивилизации. Схематически представим себе этот свое-

²⁰ Отношу прежде всего к наиболее обстоятельному исследованию: Hubert J., Parcher J., Volbach W. E. *The Carolingian Renaissance*. New York, 1970; Panofsky E. *Renaissance and Renascences in Western Art*. L., 1970.

образный диалог двух культур, длившийся и длящийся почти три века. Противопоставление старой, традиционной культуры новой началось еще в XVII веке, до Петра и его реформ. Оно выразилось в обращениях к польской и голландской эстетической культуре, в приглашениях голландских мастеров “перспективного письма” и парсунного дела, в новых эстетических принципах и в живописи, и в архитектуре, в новых принципах церковности и т. д. Аввакум живо подхватил этот вызов, брошенный старой традиционной культуре, хотя и не заметил всех сфер, к которым этот вызов был обращен. Таким образом, Петр I не был первым, кто поднял спор новой России со старой Русью. Но Петр всячески пытался этот спор сделать демонстративным. Он стремился не только к тому, чтобы расширить разрыв между Русью и Россией, но и утвердить в сознании современников глубину совершающегося переворота. Петр упорно создавал решительную смену всей “знаковой системы”: изобретение нового русского знамени (перевернутого голландского флага), перенос столицы, вынос ее за пределы исконно русских земель, демонстративное название ее по-голландски – Санкт-Петербургом, создание новых и, кстати, неудобных в русском климате мундиров войска, насильственное изменение облика высших классов, их одежды, обычаев, внесение в язык иностранной терминологии для всей системы государственной и социальной жизни, изменение характера увеселений, различных “символов и эмблем” и т. д., и т. п.

Все перемены облекались в демонстративные формы. Петр сам первый заботился о создании своего нового образа царя. Вместо малоподвижного, церемониально недоступного государя всея Руси с его пышными титулованиями и пышным образом жизни Петр творил образ царя-труженика, царя-плотника, царя – простого бомбардира, царя-учителя и ученика, просветителя и исследователя. Однако многие из идей Петра зрели еще в царских хоромаш Алексея Михайловича. Петр получил свое воспитание еще в XVII веке Петр был типичным представителем барокко XVII века – “человеком барокко”. Он преобразовывал то, что в силу внутренних закономерностей всего длительного предшествующего развития Руси нуждалось в его преобразованиях. Его реформы и ломки всего старого были теми грозными разрядами, энергия которых копилась в течение длительного времени. В иных случаях государственный корабль, управляемый Петром, шел галсами под косым углом к ветру истории, но он все же набирал силу от этого ветра – и никакого другого.

В свете быстрых и “гневных” петровских реформ Древняя Русь стала по контрасту казаться малоподвижной и косной. Так как петровские реформы не коснулись крестьянства и купечества, то быт Древней Руси стал представляться в облики того, что оставалось от нее нетронутым, – крестьянско-купеческим, своего рода “Замоскворечьем” русской культуры, и Замоскворечьем по преимуществу XVII века – последнего века Древней Руси. В формах

Успенский собор в Звенигороде. 1400

этого XVII века постоянно изображалась вся Русь от X и до XVII века: в горлатных высоких шапках и неудобных долгополых одеждах, с затворничеством для женщин и с нелепым местничеством для мужчин на пирах и приемах, с недоверием ко всему иностранному и “домостроевскими” нравами в тяжелом семейном быте.

Так представляли себе Русь в течение всего XVIII и XIX веков и славянофилы, и так называемые “западники”. Одни только в положительном аспекте, другие – в отрицательном, но те и другие, в сущности, сходно. Основа и того и другого направления была заложена Н. М. Карамзиным в “Записке о древней и новой России”. Диалог с древней русской культурой в XIX веке приобрел, таким образом, сложную и ложную форму: в нем была изрядная доля непонимания Древней Руси, непонимания – и у тех, кто были “славянофилами”, и у их противников. Русские художники, русские архитекторы, писатели и просто культурные люди XIX века, ездившие за границу, чтобы приобщиться к эстетическим ценностям западноевропейского Средневековья, десятилетиями не замечали у себя на родине те древнерусские памятники зодчества, живописи, прикладного искусства, которыми восхищаемся сейчас мы и которые кажутся нам такими “несомненными” в своей красоте.

Мимо этой “своей красоты” проходили Тургенев, Чехов, Толстой и многие другие. Чехов жил в Звенигороде, жил на Истре, но ни разу не упомянул в письмах о тех памятниках древнерусского зодчества, которые его окружали.

Достоевский восхищался красотой церкви Успения на Покровке (той самой, которой восхищался и Наполеон, приставив к ней особый караул во время пожара Москвы), но никак не определил – в чем же эта красота состоит. И было бы крайне интересно исследовать досконально: кто же открыл древнерусское зодчество для современников?

Во второй половине XIX века целый ряд архитекторов вносили элементы старомосковской архитектуры в свои безвкусные строения: Ропет, Парланд и прочие. Они создали мрачный и тяжелый стиль “Александра III”. Они хотели угодить националистическим вкусам своих заказчиков, а заказчикам хотелось увидеть в Древней Руси то, чего в ней было как раз очень мало: великодержавную помпезность. Неудивительно, что попытки архитекторов времени Александра III резко отталкивали эстетически тонких людей от Древней Руси, а вовсе не привлекали к ней.

Древнерусская архитектура – это целый огромный и чрезвычайно разнообразный мир, но то, что объединяет все памятники, – это их человеческий и даже интимный характер. Я бы назвал древнерусские постройки “подарками” окружающему ландшафту. Украсить строением высокий холм, крутой берег реки на ее изгибе, повторить свой облик в зеркальной поверхности воды, радостно возвыситься над рядовой застройкой и завершить уличную перспективу – в этом нет, казалось бы, ничего необычного для любой национальной архитектуры. Однако делалось это в Древней Руси с какой-то особой легкостью и беззаботностью, “просто так”. Словно бабушка дарит игрушку любимому внуку: поярче раскрасила, позолотила маковки, внесла затейливость в узоры и поставила повиднее: смотри-любуйся! Приласкала горюшку или берег реки. Так выглядят и новгородские церкви, в которых напрасно ищут иногда и старики-архитекторы особую суровость и тяжеловесность, так выглядят и церквушки XVII века, да и целые ансамбли, особенно кремли, не предназначавшиеся для войны, – как Ростовский или Вологодский. Существовала такая народная игрушка: из чистеньких деревяшечек собрать все строения Троице-Сергиева монастыря.

На таких игрушках воспитывалось особое чувство архитектуры, “игрушечности” архитектуры. Не случайно также, что излюбленным материалом русской народной архитектуры было всегда дерево, хотя камня на Севере не меньше, чем лесов. Дерево обладает особой “совместимостью” с человеческим телом, оно “встречает” руку не холодом, а теплом. О дерево не ушибешься так, как о камень. Дерево приветливо, по-своему регулирует температуру в жилище, роднит избу с окружающей природой. Оно “живое” даже срубленное и обструганное; и вовсе не случайно, что жить в деревянных домах в Древней Руси считалось здоровее, чем в каменных. А деревянная резьба, которой каждый русский человек так разнообразно украшал свое жилище, делала дом похожим на принарядившуюся в кружево хозяйку. Я думаю, что открытие древнерусского зодчества было сделано великолепными фотографиями в “Истории русского искусства” Игоря Грабаря. Фотографии эти были переворотом в фотографировании памятников архитектуры в целом. Фотографы “взглянули” на памятники не с далеких и очень “официальных” точек съемки, которые были приняты в XIX веке, а с более корот-

*Храм Вознесения
в селе Коломенском
под Москвой. 1532*

*Церковь Рождества
Богородицы в Путинках
в Москве. 1649–1652*

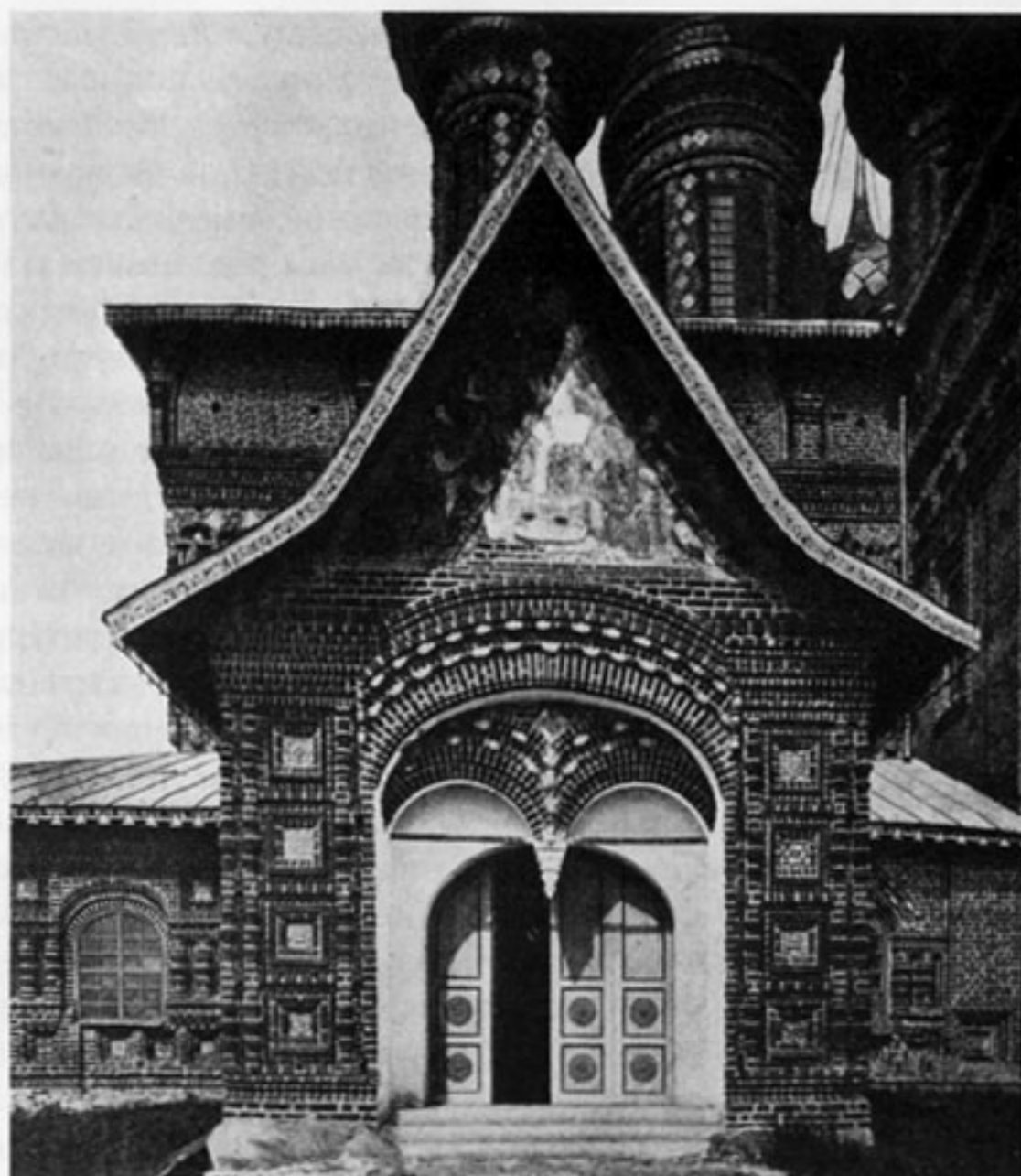
ких и, я бы сказал, “интимных” расстояний, – с тех, с которых смотрит прохожий. Вот это-то и оказалось чрезвычайно важным. Именно этого настоятельно требовала древнерусская архитектура. Подобно тому как древнерусская архитектура была открыта фотографами “Истории русского искусства” И. Грабаря с помощью “укорочения расстояния”, так и древняя русская литература и живопись открыта сейчас нам в своих “интимных ракурсах”.

Как было открыто древнерусское искусство слова? История этого открытия, если им заняться внимательно, чрезвычайно интересна и дает кое-что важное для понимания эстетических ценностей Древней Руси.

Древнерусская письменность изучалась и читалась всегда. Еще Петр указывал собирать летописи. По его приказанию была снята копия с Радзивилловской летописи. Интерес к памятникам древнерусской письменности существовал в течение всего XVIII века, когда было издано множество памятников. Но ими интересовались как историческими источниками и в книговедческом аспекте по преимуществу.

Открыло древнерусскую литературу как искусство только “Слово о полку Игореве”. И это произошло настолько рано сравнительно с другими видами искусства, что хотя изучавшие и переводившие “Слово о полку Игореве” и понимали, что перед ними прежде всего памятник искусства, но многие эстетические стороны “Слова” не были еще оценены в полной мере. Красота “Слова” во всей своей многогранности оставалась долгое время нераскрытой (например, фольклорность “Слова” стала ясной только благодаря работам М. А. Максимовича).

Эстетическое открытие древнерусской литературы, как это ни странно, стало

Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове в Ярославле. 1687

возможным благодаря появлению в XIX веке литературного направления, казалось бы, прямо противоположного эстетическим принципам древнерусской литературы, – реализма. Первостепенная заслуга в этом принадлежала Ф. И. Буслаеву: по своим эстетическим представлениям Ф. И. Буслаев был реалистом. И все же он только приоткрыл дверь в древнерусское искусство. Реализм обострил личностное начало в литературном творчестве. Индивидуальные стили получили полную свободу выражения в реализме. Это сделало понятными различные стили древнерусской литературы. Умение воспринимать индивидуальные стили облегчило понимание отнюдь не индивидуальных, но все же очень разнообразных исторических стилей древней русской литературы. Реализм был тесно связан с появлением исторической восприимчивости, с сознанием изменчивости мира и, следовательно, изме-

няемости эстетических принципов. Развитие исторической науки в России середины и второй половины XIX века не случайно совпало с развитием реализма. Все это облегчило понимание древней русской литературы не только как “письменности”, но и как искусства.

Другая черта реализма – это появление в искусстве коротких расстояний²¹, близость автора к изображаемым им персонажам, гуманизм в самом широком и глубоком смысле этого слова, взгляд на мир почти вплотную, взгляд на мир не со стороны, а изнутри человека – пусть даже воображаемого, но близкого читателю и автору. Точка зрения автора из холодно-внешней стала теплой, конкретно-человеческой, индивидуальной.

Автор пишет как бы в интерьере своего произведения, не с позиций всезнающего судьи, а с позиций участника. Благодаря этому своему удивительному свойству реализм второй половины XIX и первой половины XX века “впустил” современного ему читателя в древнерусскую литературу. Читатель привык “вживаться” в авторскую точку зрения – он смог легче понимать и точку зрения древнерусского автора... Гуманизм и реалистичность – вечная сущность искусства. Во всяком большом направлении искусства получают развитие какие-то исконно присущие искусству стороны. Все великие направления в искусстве не изобретали все заново, а развивали отдельные или многие черты, присущие искусству как таковому. И это прежде всего касается реализма. Реализм – направление, начавшееся в XIX веке, но реализм – и вечно присущее искусству свойство. Открытие этой реалистической сущности искусства в древней русской литературе было характерно для многих работ А. С. Орлова, И. П. Еремина, В. П. Адриановой-Перетц. В писателе всегда трогают проявления заботы о других, близких, проявления преданности – преданности людям и идеям, родной стране. Именно это – наиболее действенное нравственное начало в древнерусской литературе. Не прямые проповеднические наставления, поучения и обличения, на которые так щедры были древнерусские авторы, а бесхитростные примеры, конкретные деяния, невольные выражения чувств, когда автор как бы “проговаривается”, – именно они производят наиболее сильное впечатление. А. С. Орлов “открыл” приписки на псковских рукописях, где авторы их проявляют свою заботу о других, жалуются на мелкие тяготы жизни, шутят с читателем. И. П. Еремин “открыл” в “Житии Бориса и Глеба” место, которое благодаря ему стало уже “знаменитым”: юноша Глеб по-детски просит убийц не убивать его: “не деите мене, братия моя милая и драгая! Не деите мене... Не брезете мене, братие и господье, не брезете!.. Помилуйте уности моее, помилуйте, господье мои!.. Не пожьнете мене, от жития не съзьрела! Не пожьнете класа, не уже съзьревъша, нъ млеко безълюбия носяща!..” И т. д.

²¹ Отсюда понятно, почему эстетическое открытие древнерусского зодчества было связано с появлением “короткой” реалистической точки зрения в фотографии (см. об этом выше).

Когда внимательно вчитываешься в письмо Владимира Мономаха к его постоянному противнику Олегу Святославичу (Олегу Гориславичу – так он назван в “Слове о полку Игореве”), испытываешь почти что чувство удивления перед силой выраженного в нем нравственного начала. Мономах прощает убийцу своего сына Изяслава, – прощает после того, как он его победил и изгнал из Русской земли. Мономах просит его вернуться на Русь и занять по праву наследования принадлежащий ему удел. И одновременно он просит вернуть ему молодую вдову Изяслава: “...потому что нет в ней ни зла, ни добра, – чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, по грехам моим. Так, ради бога, отпусти ее ко мне поскорее с первым послем, чтобы, поплакав с нею, я поселил ее у себя, и она села бы, как горлица, на сухом дереве, горюя...”. Такие места, раз открытые, не забываются.

В Ипатьевской летописи под 1287 годом сохранились замечательные слова, обращенные князем Владимиром Васильевичем Волынским перед смертью к его жене. Он называет ее “княгиня моя милая Олго”, а в завещании пишет о ней: “А княгини моя, по моему животе, оже восхочеть в чернице пойти, пойдеть; аже не восхочеть ити, а како ей любо, – мне не воставши (из гроба. – *Д.Л.*) смотреть что кто иметь чинити по моему животе” (т. е. после моей смерти. – *Д.Л.*). В “Истории о Казанском царстве” поражает уважение к врагам русского войска и даже восхищение мужеством татар – защитников Казани. В произведениях Аввакума трогает не только его самозабвенная идейная борьба, но и добрый юмор, которым, в частности, он порой смягчает и “возвышает” свое отношение к своим мучителям. Он их жалеет, над ними подшучивает, называет “горюнами”, “дурачками”, “бедными”.

Благодаря нравственному началу, которое заключено в древней русской литературе, ее значение чрезвычайно велико именно сейчас. Любовь к родине, патриотизм также воспитывается на этом “укорочении расстояний”, на представлениях о конкретных живых людях, конкретном родном пейзаже, близком ощущении прошлого как своего прошлого, своей старины.

И замечательно то, что литературное направление реализма, возникшее в XIX веке, в результате своей эстетической гибкости и многообразия сыграло первостепенную роль в “открытии” эстетической ценности древнерусской литературы – даже и тех ее сторон, которые не могут быть названы реалистическими. Но история “открытия” художественных ценностей древнерусской культуры должна стать предметом особого исследования. Задача данного – обратить внимание только на некоторые аспекты этого “диалога” с Древней Русью, который является своеобразной чертой русской культуры нового времени и который так важен сейчас, когда с особой силой проявляется стремление к изучению самых корней родной нам всем культуры Древней Руси.

ПЕТЕРБУРГ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обычно говорят, что Петербург по своему внешнему облику самый европейский из русских городов. И из этого исходят, характеризуя русскую культуру. Да, это так, но и не так!

Европейские города в основном восходят к Средневековью и в древнейшей своей части характер этих городов совершенно иной. Это очень узкие улицы, это концентрическая планировка городов, которая кружит, как будто вокруг своего центра. С этой точки зрения более европейскими кажутся и Таллинн, и Вильнюс, и другие подобные им города.

Таким был и Париж до его перестройки Османом. Но Петербург не похож ни на один из европейских городов. Мне приходилось писать, что для Петербурга характерно совсем другое. Главное в облике нашего города – это четко выраженные горизонтали. Первая горизонталь – это линия соприкосновения воды и земли на колоссальных пространствах разветвленного устья

Вид с Невы на Петропавловскую крепость

Невы. Благодаря отвесным набережным, которые имеются только в Петербурге, это идеально прочерченные линии. И эта линия соприкосновения воды и земли – самая важная линия в Петербурге.

Другая горизонталь – это ровный, всегда одинаковый уровень набережных. И третья горизонталь – это четкая линия домов, линия соприкосновения крыш домов и неба, которая регулировалась специальными постановлениями: не выше Зимнего дворца.

К этим горизонталям восходят вертикали: перпендикуляры Петропавловского, Михайловского и Адмиралтейского шпилей как бы подчеркивают основные горизонталы города.

Между тем в Петербурге можно найти и довольно много архитектурных традиций Москвы XVII века, которые продолжены здесь, минуя петровские преобразования. Их можно обнаружить в планировке зданий Двенадцати коллегий. Двенадцать коллегий – это сеть, анфилада зданий, примыкающих друг к другу по тому типу, как примыкали приказы в Москве. Адмиралтейство с въездной башней и со шпилем над въездной башней, напоминающее части древнерусского кремля. Старые традиции можно найти даже в сводах меншиковского дворца: там и псковские, и новгородские своды.

Еще одна особенность русских городов, ярко выраженная в Петербурге. Это – гостиные дворы, характерные для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги и многих других русских городов. Все эти города имели солидные торговые центры в виде гостиных дворов.

В Петербурге их сразу несколько: это большой Гостиный двор (угол Невского пр. и Садовой), Апраксин двор, Никольский двор, Андреевский рынок и т. д. Наличие гостиных дворов в Петербурге придавало последнему и вид, и характер торговли, типичные для русских городов.

Русский характер придавался Санкт-Петербургу и русскими церквами, которые в том же XIX веке стали строиться, в так называемом русском стиле, архитекторами К. А. Тоном, А. И. Штакеншнейдером и др. Особенно много

Тонем, но именно тоновские церкви в Петербурге почти все уничтожены. Стилъ этот не был подражательным, он в какой-то мере отвечал потребностям церкви. Подражание обычно как-то отрывает содержание от формы. Здесь этого не было. Например, колокольни. Они требовались по законам церковного богослужения. Это пятиглавия, которые тоже требовались по законам русского религиозного сознания. Наконец, это обильное золочение, которое не имеет ни один крупный храм на Западе. Золото куполов – это очень характерное, русское явление, русское с XII века, и оно ярко выражено в Петербурге.

Замечательным продолжением русских традиций в истории русского Петербурга является, скажем, Благовещенская церковь на Васильевском острове близ Смоленского кладбища, созданная в середине XVIII века. Кто был строителем этой церкви – неизвестно. Но здесь сказались архитектурные традиции Москвы XVII века, которых в самой Москве уже не было. Церковь эта своими русскими традициями отмечалась неоднократно в литературе. И я обращаю ваше внимание на нее потому, что это изумительное чудо. Чудо соединения Петербурга с остальной Русью. Таким образом, нельзя говорить о псевдорусском стиле во второй половине XIX века.

Древнерусские культурные традиции живут в Петербурге и в письменности, преимущественно в старообрядческой, и в музыке, преимущественно церковной, и в русском деревянном зодчестве, потому что в Петербурге строились даже деревянные церкви с шатровым покрытием, восьмигранным в плане.

Как свидетельством особой русскости Петербурга – могу поделиться и своими детскими впечатлениями.

В Петербург часто приезжали крестьяне, главным образом Олонецкой губернии, Ярославской, Новгородской, Архангельской и прочих. Лодки с северной глиняной посудой и игрушками въезжали в Лебяжью канавку, в Мойку, Фонтанку и здесь торговали привезенным. Крестьяне, приходившие в город

*Одна из скульптурных групп
П. Клодта на Анничковом мосту*

на заработки, приводившие барки с кирпичом и дровами, создавали особый колорит Петербурга, связанного со всеми другими частями России водным транспортом. Одним словом, Петербург, как город не просто европейский, он явным образом русско-европейский город. Петербург и чрезвычайно европейский, и чрезвычайно русский. Поэтому он отличается и от Европы, и от России.

Что действительно отличает Петербург от других русских городов – это то, чего не было в других русских городах, в русских тради-

циях XVII и предшествующих веков – это обилие монументов, к тому же властно подчиняющих себе остальное пространство. Не просто расставленных по городу, а как бы сгруппировавших вокруг себя строительством все архитектурное пространство кругом. Это и Медный всадник, и памятник Петру I у Инженерного замка, кстати сказать, мне кажется, что это самый лучший архитектурный памятник Петру, в нашем городе во всяком случае. Памятники А. В. Суворову, М. И. Кутузову и Барклаю-де-Толли у Казанского собора, Александровская колонна, Румянцевский обелиск и др.

Роль монументов в Петербурге действительно совершенно новая для России. Русь знала только один вид монументального увенчания событий и людей. Это церкви и часовни. Здесь, в Петербурге появилась новая традиция, связанная с европейскими традициями. Ибо это не только русский, но и европейский город.

Важной особенностью Петербурга была его научная, экспедиционная связь со всем миром, не только с Европой. Это центр арктических и антарктических исследований.

Стоит обратить внимание на особую роль Петербурга в освоении Дальнего Востока, Аляски и запада Америки, вплоть до Сан-Франциско.

Рядом с Большим и Мариинским театрами (Большого театра сейчас в Петербурге нет, а Мариинский остался) помещалось здание Российско-Американской компании, недавно, к сожалению, перестроенное. Вблизи Исаакиевского собора помещалось императорское русское географическое общество (оно и сейчас существует), чей ученый престиж равнялся престижу Российской академии наук. А в самой Академии наук самой важной, как мне представляется, областью исследований были восточные языки и этнография. Этнография восточных народов и исследования восточных религий. Упомяну здесь Ф. И. Щербатского, С. Ф. Ольденбурга, Б. А. Тураева, П. К. Коковцова – специалиста по древнееврейскому языку, арабиста И. Ю. Крачковского, и можно было бы назвать многих других.

Петербургская академия, очень небольшая, была первой в мире академией по своему престижу филологическому, гуманитарному и, главным образом, по изучению восточных языков. Это делает Петербург не просто европейским городом, а городом, соединившим в себе и градостроительные, и культурные принципы различных европейских стран и допетровской России в частности.

Город общемировых культурных интересов – это отразилось и во внешнем облике Петербурга, в котором на берегу Большой Невы стоят египетские сфинксы, китайские ши-цзы и античные вазы. Кстати сказать, это характерная черта не только Петербурга, но и Рима, и Парижа, и Лондона – городов, которые связывали свое существование с мировой культурой. И это очень важная черта нашего города – наличие в Петербурге этих памятников, этих монументов мировой культуры.

Вторая черта, связывающая Петербург, как и первая, и отразившаяся в различных сферах культуры, это то, что можно было бы сказать – академизм. Склонность к классическому искусству, классическим формам. Как во внешнем выраже-

*Скульптор Э.-М. Фальконе.
Памятник Петру I*

Вид с Невы на Академию художеств

нии – в зодчестве, во внешнем облике Петербурга и его окрестностей, так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д. Я могу упомянуть, хотя бы и такое обстоятельство. В Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали этот классический характер. Скажем, модерн начала XX века в Петербурге резко отличается от модерна московского и тем, что этот модерн приобретает вскоре классические формы. И создаются классические здания.

Петербургский академизм был объявлен в свое время реакционным направлением. Причем забывалось, что те течения, которые с академизмом порвали, как, например, передвижники, проходили довольно неплохую, именно академическую школу. За первыми передвижниками легко увидеть учение в Академии художеств. И в композиции, и в решении цветовых задач, и т. д. И гражданский пафос передвижников в конечном итоге восходит к гражданскому пафосу академистов, создававших картины на широкие академические, исторические темы.

Другая черта, связанная с этим академизмом, – это профессионализм. Профессионализм в науке, искусстве, даже в технических специальностях – во всем является следующей очень важной особенностью петербургской культуры.

Характерная деталь, определяющая этот профессионализм, – это тесная связь наук и искусств с обучением. Научные школы были даже формально связаны с учебными заведениями в Петербурге. Научная школа всегда связывалась с учебной и наоборот. Эту черту петербургской культуры особенно

важно вспомнить сейчас, ибо она тщательно уничтожалась в годы советской власти путем закрытия отдельных научных, учебных заведений или путем запрещения ученым совместительства. Совмещать научную работу с учебной. Это на моей памяти дважды было запрещено и дважды имело губительные последствия и для учебных, и для научных заведений. Это указы Никиты Хрущева и других, которые продолжали ту же линию запрета для ученых зарабатывать деньги в нескольких учреждениях. И тем самым убивалось совмещение науки и преподавания.

Позволю себе напомнить об ученых учебных заведениях, сыгравших огромную роль в создании профессионалов и прославивших русскую науку техническими изобретениями, научными открытиями, созданием высокохудожественных произведений и т. д. Это Петербургский университет, который всегда являлся не только учебным заведением, но и научным, с которым связан целый ряд научных открытий. Это Военно-медицинская академия, которая одновременно была и практическим, лечащим учреждением, и учебным, и научным. Это очень важно. И Академия художеств, которая одновременно была и учебным заведением, и ученым учреждением, и музеем. Музея сейчас там почти нет. Некоторые ученые, творческие учреждения как бы раздваиваются в Петербурге, имея при себе учебные заведения. Это очень характерная черта именно петербургской культуры. Мариинский балет, балет Мариинского театра, а до того балет петербургского Большого театра, имеет при себе балетное училище с начала XIX века. Теперь это Академия русского балета. Консерватория имеет в своих недрах оперную сцену. И она имела большое значение, уже хотя бы потому, что там была поставлена "Кармен", и блоковское увлечение Карменситой Дельмас там родилось, в театре Консерватории. Императорская певческая капелла была не только исполнительской организацией, но и творческой, и учебной в какой-то мере. И там создавали свои произведения выдающиеся русские композиторы.

*Университетская набережная.
Кунсткамера*

Многие специальные учебные заведения давали очень широкое и глубокое общее образование. Поэтому профессионализм отнюдь не следует смешивать с узкой специализацией. Напомню, что русские инженеры благодаря своему широкому образованию и очень широкому профессионализму чрезвычайно ценились во всем мире. И что начало многих современных явлений инженерной культуры связано именно с русскими учеными, как, например, И. И. Сикорский, – изобретший вертолеты-геликоптеры, это В. К. Звонимов, который изобрел телевидение, это русские ученые, создавшие самые современные корабли и так далее в Европе. Все они получили высшее образование в Петербурге. Именно благодаря своему широкому образованию и одновременно профессионально точному им удалось этого достигнуть. То есть петербургское образование было самым высоким в мире. И особенно хорошо поставлено было в петербургских учебных заведениях преподавание языков.

Не так давно я просматривал программы и отчеты об учебных занятиях немецких школ в Петербурге. Немцы, которые играли в Петербурге очень большую роль, – это не приезжие, это коренные немцы, предки которых приехавшие при Екатерине (затем они приобрели здесь совершенно особый характер благодаря Васильевскому острову), жили тесной немецкой колонией благодаря своим, немецким, организациям. Я был поражен программами немецких школ. Там преподавался немецкий язык, естественно, как родной; русский язык как полуродной; кроме того, церковнославянский язык, греческий, латынь и факультативно – английский язык. Английский язык тогда еще не имел того мирового значения, как сейчас, и во всех петербургских школах преподавался факультативно. Основные языки были немецкий и французский, а, кроме того, греческий и латынь.

Знание иностранных языков позволяло строже относиться и к русскому языку. Я должен сказать, что замечательный язык произведений, скажем, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова и многих других, да и А. С. Пушкина в том числе, Пушкина-француза, как его называли в лицее, объясняется именно тем, что было с чем сравнивать. Было лингвистическое чутье языка. Изучение иностранного языка не только практически нужно для переводов и самостоятельных чтений. Оно чрезвычайно важно для общего умственного развития. И преподавание иностранных языков в русских, немецких или французских школах Петербурга было чрезвычайно важной чертой петербургской культуры.

Сочетание ученой и учебной статей мы видим в первых годах института П. А. Лесгафта. Он по-разному назывался в своей начальной стадии. Здесь преподавались, и на очень высоком уровне, общеобразовательные предметы. В том числе философия и история искусств. Здесь издавались научные труды на курсах Лесгафта. И большое участие принимали репрессирован-

ные впоследствии русский ученый Александр Александрович Мейер, Ксения Анатольевна Половцева и многие другие.

Любопытной и поучительной чертой Петербурга и его высших учебных заведений было чтение первых лекций, непременно посвященных общим мировоззренческим темам. Я отлично помню, как сходилась вся интеллигенция Петербурга еще в начале 20-х годов на первые лекции академика И. П. Павлова. У нас прерывались занятия в школе, потому что учителя, извиняясь, говорили, что они должны пойти на эту первую лекцию Павлова, которую он читал в Военно-медицинской академии. Эти первые лекции Павлова были всегда событием в петербургской жизни. Так же, как и чтение первых лекций Л. П. Карсавиным и многими другими. Павлов же тогда, как я помню, говорил о религии. И это в пору, когда как раз начиналось страшное гонение на религию в начале 20-х годов. Тогда только что прошел процесс над митрополитом Вениамином в Петербурге. Однако И. П. Павлов совершенно смело отстаивал религиозное мировоззрение как необходимое в человеческой жизни.

Еще одна черта характеризует петербургскую культуру. Я думаю, впрочем, что это черта русской интеллигенции в целом. Она характерна и для Москвы, и для провинции. Но она настолько важна, особенно для нашего грядущего возрождения, в которое я верю, что обойти ее, говоря о культуре Петербурга, никак нельзя. Это обилие общественных и полуообщественных, полугосударственных объединений, в которых собиралась мыслящая часть общества. Ученые, художники, артисты, музыканты и т. д. Благодаря этим неофициальным обществам люди, получившие высшее образование, не чувствовали себя по окончании вузов оторванными от культурной, научной и художественной жизни. Где бы, на какой бы работе, в какой бы местности они не находились, они всегда объединялись в различные общества. О значении этих объединений можно судить хотя бы по тому факту, что именно с ними, с этими обществами, кружками, журфиксами и так далее, собиравшимися зачастую на частных квартирах и в помещениях школ, не предусмотренных для таких собраний, с первых месяцев захвата власти большевиками началась усиленная борьба, потому что в них, этих обществах и кружках, большевики видели главного соперника и опасность для себя.

Я предлагаю вспомнить такие наиболее крупные организации в Петербурге, как общество врачей, кстати сказать, построившее на собственные средства несколько больниц в Петербурге с бесплатным лечением. Общество архитекторов, художников, основанное в 1903 году. Вольное экономическое общество, существовавшее с XVIII века и до 1917 года, когда было закрыто. Общество имени А. И. Куинджи в 1909–1910 годы. Общество камерной музыки с 1872 по 1915 год (до 1878 года оно называлось обществом квартетной музыки), одно время оно возглавлялось Н. А. Римским-Корсаковым. Общество петербургских художников с 1893 по 1916 год. Общество поощрения худо-

жеств (с 1821 года). Музыкальные вечера у Михаила Юрьевича Виельгорского, у его брата Матвея Юрьевича. Эти музыкальные вечера не имели никакого названия, но по существу это тоже были сообщества. Вольные общества любителей российской словесности, наук и художеств и другие общества. Многие собрания группировались вокруг восточного факультета Петербургского университета. Там существовали кружки арабистов; занимавшиеся индийскими учениями, религиозными, и кружки на основе знаний языков, конечно. Огромную роль в русской культуре сыграла Вольфила. Это вольная философская ассоциация, в которую входили виднейшие русские философы, там участвовали А. А. Блок, Н. О. Лосский, С. А. Франк, А. А. Мейер и многие другие.

Были и частные кружки, собиравшиеся на частных квартирах. Вроде кружка вторничан, потом названного – воскресения, собиравшегося у Александра Александровича Мейера и Ксении Анатольевны Половцевой.

Невозможно перечислить все общественные формирования, где собирались люди, объединенные специальностью, умственными или мировоззренческими интересами. Скажу только, что эти общественные объединения играли колоссальную роль, прежде всего в формировании общественного мнения. Общественное мнение в Петербурге формировалось не в государственных учреждениях, а главным образом в этих частных, личных кружках, объединениях, на журфиксах, на встречах ученых и т. д... Именно здесь формировалась и репутация людей, впоследствии замененная характеристиками “треугольников”.

Но когда-то репутация была у каждого специалиста, у каждого ученого, и эта репутация создавалась именно в этих кружках, общественных объединениях.

Кроме того, эти общественные формирования, в первую очередь по специальностям, поддерживали в участниках осведомленность по их профессиональным знаниям и способствовали росту петербургского профессионализма.

Скажем так, Петербургский политехнический институт с самого своего основания сразу же стал во главе технической мысли, потому что главным образом из политехнического института вышли наши физики-ядерщики и другие. Этот политехнический институт, с его высоким профессионализмом, объединял в себе, скажем, землячества польские, финские и т. д. Еще в 60-х годах в Варшаве существовало объединение польских инженеров, окончивших политехнический институт. Настолько важной была эта аура, эта среда, вся атмосфера политехнического института, что даже спустя много лет после его окончания выпускники продолжали ее поддерживать в Варшаве.

Эти кружки, эти объединения поддерживали и профессионализм, и репутацию среди людей. И делали невозможным то казенное отношение к своим специальностям, которое развилось впоследствии.

Без преувеличения можно сказать, что в Петербурге сконцентрировались самые лучшие черты русской культуры, потому что все то, что я говорю сейчас, в какой-то мере было свойственно и нашим провинциям. Так, в наших провинциальных городах было очень много краеведческих объединений. И в Москве было очень много таких же обществ, как в Петербурге – полуофициальных, полугосударственных или государственных, в которых создавались частные кружки, организации, общества. Поэтому в Петербурге, где этих кружков и организаций было особенно много, как бы сконцентрировались лучшие черты русской культуры. Культуры очень высокой, но как бы зашлощенной мифическими представлениями, внедрившимися в наше сознание.

Это особая тема для разговора, но мне хочется подчеркнуть, что мы иногда живем мифическими представлениями о самих себе. Например, о том, что русские – это плохие организаторы. Это полностью опровергнуто эмиграцией, которая сумела организовать целый ряд научных обществ в Болгарии, Сербии, Чехословакии, где были созданы медицинские факультеты, даже пожарные команды. И они поражали именно своими организаторскими способностями, и своей глубокой интеллигентностью и т. д.

Между тем у живущих в Петербурге совершенно другое представление о русской культуре, по нашей, я бы сказал, традиционной консервативности. Внушили нам мысль, что русские плохие организаторы, и мы забываем о том, что мы сами из себя представляем.

Выделение петербургской русской культуры в отдельное явление имеет под собой основание, обусловленное, в первую очередь, концентрацией здесь во второй половине XVIII века, в XIX веке и в начале XX века интеллектуальных сил страны. Поэтому здесь, в Петербурге, по существу, сконцентрировались именно все лучшие стороны русской культуры.

Не просто близость и схожесть с Европой, как это часто трактуют, а именно концентрация особенностей русской культуры. Эта концентрация сделала Петербург одним из самых русских среди русских городов. Он самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов!

Поэтому Петербург и не похож ни на один русский и ни на один европейский город.

Потому что в обоих смыслах он самый, самый!

Петербург с высоты птичьего полета. Гравюра на дереве. XIX в.

“НЕБЕСНАЯ ЛИНИЯ” ГОРОДА НА НЕБЕ

Архитектор в городе – градостроитель. Любое архитектурное сооружение в городе так или иначе его изменяет: либо углубляет, дописывает, – когда оно рождено самим городом, его духом, обликом, либо разрушает, если оно – инородное тело.

Поэтому архитектор обязан знать не только его существенные внешние или исторические черты, но и образ города, чтобы правильно соотносить свое творение с тем, что создано в городе до него. Если сегодня искусствовед столь тщательно изучает картину, ее построение, композицию, красочный слой, то тем более следует изучать такой сложный конгломерат, как город. Но это и ответственнее, и сложнее.

Образ города предстает перед нами в двух аспектах: в аспекте синхронии – его внешний облик как наглядная данность, и в аспекте диахронии – восприятие его как истории, как становления культуры и т. д.

Важность изучения образа города в этих двух аспектах для архитектора-градостроителя особенно удобно показать на примере Ленинграда.

Канал Грибоедова. Каменный мост

Самая, может быть, характерная градостроительная черта в облике Ленинграда – преобладание горизонталей над вертикалями. Горизонталю создают основу, на которой рисуются все остальные линии. Преобладание горизонталей определяется наличием многочисленных водных пространств: Большой Невы, Малой Невы, Большой Невки, Малой Невки, Фонтанки, Мойки, канала Грибоедова, Крюкова канала и т.д. Соприкосновение воды и суши создает идеальные горизонтальные линии, особенно если суша обрамлена плотным строем набережных. Набережные создают вторую линию, может быть, несколько неровную, но столь же решительную. Ленинград подчеркнут как бы двойной линией. При этом следует учесть, что Нева почти всегда (за исключением редких осенних наводнений) стоит в своих берегах на одном уровне, при этом очень высоком. Вода в Ленинграде наполняет город как бы до самых краев. Это всегда удивляет приезжих, привыкших к городам, стоящим на реках с “нормальным” речным режимом (более высокий уровень весной в разливы и осенью, более низкий – летом). Следовательно, черта, которой “подчеркнут” город, очень заметна, занимает почти центральное положение, проходит почти по центру общей панорамы города.

Над двумя горизонтальными линиями – энергичной и абсолютно правильной линией стыка воды и суши и второй, менее резкой, верха набережных – возвышается более слабая, размытая полоса приставленных друг к другу домов, созданных по многократно возобновлявшимся требованиям строить “не выше Зимнего”. Полоса стыка домов и неба – расплывающаяся, но, тем не менее, достаточно определенно выраженная в своей горизонтальности, словно противостоит нижней линии стыка строений и воды. В английском языке есть понятие *skyline* (небесная линия). Это не линия горизонта в нашем смысле слова. Значение *skyline* более широкое: оно включает линию соединения гор и неба (где горизонта с нашей точки зрения нет), линии домов и неба и пр. Зубчатая, как бы дрожащая линия домов на фоне неба создает впечатление призрачности, эфемерности городской застройки. Это прекрасно передано Достоевским в “Подростке”: “Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото?..»”

Ленинград не исключение в ряду городов, имеющих большую береговую линию. Первым среди этих городов должен быть назван Хельсинки. Однако в Хельсинки береговая линия чрезвычайно изрезана, волниста, и сочетается она не с линией регулярных набережных, а с неровной скалистой поверхностью берега. Строение на берегу не входит в сколько-нибудь стройные системы, и главный собор первой половины XIX века, проектировавшийся в основном замечательным архитектором Энгелем, построен поэтому на возвышении. Он как бы выделен этим возвышением из городской застройки, вознесен над ней. Линия, разделяющая воду и берег, не играет той роли, что в Петербурге-Ленинграде. Она незаметна, скрывается за пристанями, кораблями, то перекрываясь, то появляясь вновь.

Ближе по своему характеру к Ленинграду Копенгаген, особенно благодаря плоскому характеру почвы, но опять-таки отсутствие протяженных набережных и наличие портовых сооружений заставляет город сочетаться с водой площадями, но не линиями. Любопытно к тому же, что наличествующие в Копенгагене шпили не производят впечатления перпендикуляров, воздвигнутых к горизонталям водных пространств. Шпили недостаточно остры и ровны. Один из них вздымается, закручиваясь винтом от самого

Вид на Зимний дворец и Дворцовую площадь

низа и до самого верха. Все шпили имеют неправильную барочную форму.

Любопытно, что и skyline обоих городов – Хельсинки и Копенгагена, вырисовывающаяся на фоне неба крышами домов и верхней частью различных других сооружений, – не имеет более или менее четких очертаний.

“Низкие, топкие берега” – как будто бы единственная реальность Петербурга и у Пушкина, и у Достоевского.

Но и удаляясь от водных пространств, мы видим те же горизонтальные линии, определяемые почти совершенно плоским рельефом почвы, на которой стоит город. Сплошная застройка улиц – чрезвычайно типичная черта Петербурга-Ленинграда. Благодаря отсутствию подъемов и спусков улицы становятся интерьером города. Именно как интерьер трактует Достоевский жизнь улиц и площадей (особенно в “Преступлении и наказании”). Сады и бульвары “встраиваются” в эту плотную застройку улиц, что служит еще одним выражением горизонтальности города. Особенно типичен в этом отношении Васильевский остров, где пропадает даже само название “улица”. Есть только три проспекта (три “перспективы”) и “линии”, линии домов.

Характерные элементы города – три шпиля: Петропавловской крепости, Адмиралтейства и Михайловского замка. Они представляют собой как бы перпендикуляры к горизонтальным линиям и тем самым не противоречат им, а как бы подчеркивают их существование. Шпилям вторят высокие колокольни – Чевакинского на Крюковом канале и церкви на Сенной площади (снесена).

*Вид с Невы
на Петропавловскую крепость*

Мост лейтенанта Шмидта

Мощная громада Исаакиевского собора с золотым (а потому “неархитектурным”) куполом должна была бы создать второй центр Ленинграда, по своим градостроительным целям сходный с ролью собора Святого Петра в Риме. Отметим все же, что ни шпили, ни купола, равномерно расставленные по городу, не создают еще каких-то линий – купола не прямые, сферические, а потому не могут задавить горизонтали.

Главные площади города – Дворцовая и Марсово поле – хотя и находятся у Невы, но отгорожены от нее рядом домов. Единственная обращенная к Неве площадь – “Петрова” (Сенатская) с “Медным всадником” – раскрыта к Неве, пропуская в широкое водное пространство Петра на жарко дышащем коне. Как бы вторя ей, на противоположном берегу Невы, но ближе к истокам, находится площадь Финляндского вокзала с Лениным на броневике. Властный жест “Медного всадника” противостоит ораторскому жесту Ленина. Площадь в целом удачна (если, конечно, исключить громоздкое мрачное административное здание, углом вторгающееся в нее).

Доминирующее значение горизонталей в городе сильно нарушено гостиницей “Ленинград”, выстроенной в безнациональном “коробочном стиле”. Ее горизонтали совершенно не согласуются с горизонталями Большой Невы. Легко можно было бы включить в горизонтали города постройки набережных Большой Невки, но здесь нарушен принцип сплошной, “ленточной” застройки. Существенным нарушением образа города является гостиница “Советская” в старом районе Коломны. Здания резко разновысотные, поставленные изолированно, нарушают типичную для Ленинграда “небесную линию”, создают мрачную хаотичность.

Конечно, внешний облик Петербурга-Ленинграда был бы бедным, если бы он своей единственной чертой имел горизонтали. На самом деле очень важной и обогащающей чертой Ленинграда являются многочисленные и своеобразные нарушения этих горизонталей – “богатые нарушения”, придающие своеобразие горизонталям.

Из других особенностей Ленинграда считаю главными две: красочную гамму города и гармоничное сочетание в нем больших стилей.

Окраска домов играет в Ленинграде очень важную роль. Едва ли какой-либо крупный город Европы может сравниться с Ленинградом в этом отношении. Ленинград нуждается в цвете: туманы и дожди заслоняют его больше, чем какой-либо другой город. Поэтому кирпич не оставлялся неоштукатуренным, а штукатурка требовала окраски. Тона в городе по преимуществу акварельные.

Было бы чрезвычайно важно исследовать, как в Ленинграде сочетается барокко (в его разных формах) с рококо и екатерининским классицизмом. И как ампир оказался доминирующим стилем. Своеобразным и “умным” дополнением к этим стилям сделалось окружение этих стилей эклектикой, а еще дальше – модерном. В последнем стиле особенно удачным оказался поздний модерн с его возвращением к классике.

Последнее замечание обращено к будущим исследователям образа Ленинграда. Внешний облик города сочетается с удивительной стройностью его исторического образа. Историческое прошлое города, сравнительно короткое – всего три столетия, – воспринимается как своеобразное драматургическое действие, при этом завершившееся, ибо совершенно ясно, что, каково бы ни было его будущее значение в нашей стране, внутренняя драматургия города закончилась.

*Фонтанка.
Мост Ломоносова*

Градостроительные заветы Петра Великого

Выступление на юбилейном вечере литературно-мемуарного цикла Санкт-Петербургского фонда культуры «Былое и думы» 26 октября 1993 г.

Я никогда не думал, что, родившись в Петербурге, я снова окажусь в нем.

Городу не просто возвращено его прежнее название. Он снова возвращается к своей исконной сущности, хотя до полного возрождения его европейского характера еще далеко.

Каким гениальным градостроителем был Петр! О том, что он был гениален в других областях, всем хорошо известно. Но никто не обращал внимания на то, что он был гениален градостроительно.

Почему наш Петербург расположился в неудобном, казалось бы, для города месте — в устье Невы, где, для того чтобы пройти по побережью, надо пересечь несколько рек и каналов — Большую Неву, Малую Неву, Большую Невку, Малую Невку, Фонтанку, Мойку? Почему Петр не построил этот город где-нибудь около Финляндского вокзала или Смольного, где традиционно и ставились города — Ниеншанц, например? Там переезд с одного берега на другой был бы значительно короче. Традиционно все города ставились тут, в течение более чем тысячелетия, — на этой одной только реке, а не на десятках рек, которые впадают в Финский залив.

Почему это было сделано Петром? Потому что Петр думал о столице, о столице торговой. Ему нужны были набережные. Поэтому если вы сравните Петербург с любой другой столицей Европы, да и не только Европы, почти все они расположены на реках. Но река не занимает там доминирующего положения. Лондон — на Темзе, Париж — на Сене...

Понятно, почему города возникали на реках. Реки — торговые пути.

Но в отличие от всех других столиц Петербург расположен на нескольких десятках рек, тогда существовавших и после частично засыпанных.

Если вы взглянете на то, как устроены реки в столицах Европы, то увидите, что по большей части вначале, в средние века, они были устроены без набережных. Дома уходили прямо в воду — так, как сейчас в Венеции, частично — в Лондоне, где только богатая парадная часть города имеет набережную, набережные проезды.

В Петербурге, в отличие от всех этих городов, набережные проезды идут по всем рекам. Это — десятки верст набережных. Поэтому все пристани — военные, торговые и т.д. — могли свободно размещаться на огромном пространстве. Петр изменил традициям этой местности и не стал строить Петербург около Ниеншанца, а расположил этот город на таком, казалось бы, неуместном месте, но на самом деле на очень удобном для будущего развития. Это было сделано с расчетом на столетия вперед.

Есть еще одна особенность Петербурга — то, что он расположен на абсолютно плоской местности. Когда я первый раз юношей приехал в Москву, меня поразило, что нужно идти то вверх, то вниз. Я не привык чувствовать под ногами почву. Для меня в Петербурге мостовые и тротуары были как бы полом, незаметным в движении. Ни вверх, ни вниз ходить не приходилось.

И Нева так же точно не является рекой. Это — проток от Ладожского озера к Финскому заливу, к Балтийскому морю. И проток этот ясно отмечен еще в «Повести временных лет».

Там сказано, что Ладожское озеро *впадает* в море Балтийское. Значит, Нева не рассматривается как река. Действительно, в ней нет речного режима. Когда я спросил академика Берга, почему произошла такая ошибка в «Повести временных лет» (академик Греков считал, что летописцы не знали севера, не знали, что существует Нева), Берг ответил: они знали лучше, чем академик Греков, — это действительно не река, а впадение озера; на Неве нет речного режима воды, нет разливов весной, осенью, вода держится

всегда на одном уровне, кроме двух месяцев сентября и октября, когда могут быть нагонные волны со стороны моря. Но это не обычные речные подъемы воды.

В Петербурге все основные линии горизонтальные из-за плоскости земли и из-за плоскости и постоянства уровня воды. Первый горизонт абсолютно точный — это горизонт соединения набережных с водой. Второй горизонт — это верх набережных, которые все идут на одном уровне, не поднимаясь и не опускаясь, причем довольно низко. Третья горизонтальная линия — это горизонтальная линия крыш домов, слегка неровная. Одним словом, Петербург подчинен горизонтальным линиям. Если в нем есть вертикали, то это — перпендикуляры, возведенные к горизонтальным линиям. Это — три шпиля: Адмиралтейский, Петропавловский и Инженерного замка. Они подчеркивают горизонтальность Петербурга.

Этим же объясняется и прямизна петербургских улиц, потому что в гористой, неровной местности нельзя сделать таких прямых улиц, какие существуют в Петербурге. Прямизна всей планировки связана с этим же. Это единая система Петербурга, которой не имеет ни один город.

И вот возникает вопрос. В течение двухсот лет действовал закон, установленный еще Петром: строить все не выше Зимнего дворца. Это подчеркивало третью линию горизонта, волнистую, но все-таки никогда не превышавшую уровень Зимнего дворца, во всяком случае в центре. Поэтому появление куполов — скажем, Исаакиевского собора — тоже должно быть оправдано. Но это характерная черта столиц. Это характерно так же, как для Рима — купол св. Петра, как для Лондона — купол собора Павла. Это характерно и для тех городов, где высятся готические здания с двойными башнями — как в Париже Нотр-Дам.

И вот первым в европейской науке, кто обратил внимание на необходимость этого правила горизонтальных линий, был принц Уэльский Чарльз. У него, между прочим, было прекрасное выступление о красоте Праги. Он приехал в Прагу после войны один только раз для получения степени почетного доктора Карлова университета и лекцию свою посвятил Праге, красоте этого города, анализу этой красоты.

Принц Чарльз выпустил книгу «A Vision of Britain», которую я бы мечтал видеть изданной у нас. Издать ее сейчас нелегко — она вся в цвете. Кстати сказать, принц Чарльз — акварелист. Он изобразил акварелью и воображаемые планировки городов, и существующие. Он подобрал фотографии со своими исключительно интересными замечаниями и сделал снимки старого Лондона и Лондона, испорченного высотными зданиями. Эти снимки расположены в книге параллельно: вот — старый Лондон, вот — Лондон, в котором уже купол собора святого Павла потерян и из-за высотных зданий представляет собой бесформенную массу.

После этого англичане, у которых нет склонности устанавливать какие-либо законы или ограничивать свободу владельцев участков, перестали строить высотные здания в Лондоне. Там, где есть потребность в многоэтажных зданиях, их прячут под землю.

Правда, Лондон уже испорчен. Испорчен уже Париж, особенно Монпарнас, этими безобразными зданиями, которые нависли над городом больше, чем Эйфелева башня. Дело в том, что Эйфелева башня не так портит Париж благодаря своей неархитектурности. Ведь и в Петербурге мы не обращаем внимание на трубы, которые иногда высятся над зданиями. Это не архитектура. Любуясь нашим городом, мы как бы исключаем эти трубы, телевизионную мачту и так далее. И Эйфелева башня поэтому не царапает наше чувство красоты в той мере, в какой царапают высотные здания, потому что эта ажурная башня не воспринимается как архитектурное сооружение.

В упомянутой книге принца Чарльза изложены десять принципов градостроительства, очень важных, особенно для нашего города.

Между прочим, эти принципы актуальны сейчас еще вот почему. Это — принципы «демократической архитектуры». Отдельные принципы говорят, что архитектор, берясь за

черчение нового здания, за его планировку, должен прежде всего представлять себе, понравится или не понравится это здание тем, кто будет в нем жить, Он должен уважать мнение простых горожан. Он строит здание не для архитекторов, а для жильцов и для горожан. Этот принцип у нас совершенно отвергается. У нас в градостроительстве принцип тиранический, то есть архитектор строит свои здания потому, что он — специалист и знает, как лучше сделать. Он знает, как будет красиво. Принц Чарльз считает такой принцип недопустимым, неправильным. Кроме того, у него еще есть целый ряд других соображений, например такое: очень полезными в архитектуре бывают дилетанты. В качестве дилетанта он приводит самого себя, поскольку не имеет, в отличие от других английских королей, архитектурного образования. Дело в том, что король Георг III и другие английские короли имели в своем учебном плане такой предмет, как архитектура. Принц Чарльз обучался уже по новой программе, и вкусу его учила королева-мать, не Елизавета II, а его бабушка, которой он, кстати сказать, и посвятил свою книгу. Вчера в «Вечернем Ленинграде» опубликована статья о том, чтобы украсить город еще одним «чудом» — высотным зданием на реке Смоленке. Это полное непонимание того города, в котором живешь, тех ощущений, которые он вызывает. Что, собственно, нужно в Петербурге? В Петербурге не нужно никакой специально новой архитектуры. В Петербурге нужна «дополнительная архитектура», то есть та, которая в какой-то мере была бы согласована с традиционной архитектурой нашего центра, с исторической архитектурой. Петербург не нужно переделывать. Его идеи не нужно переделывать. Они заложены Петром, и заложены гениально. Как же быть с увеличением населения в городе? По этому поводу я уже высказывался в печати. Я считал и считаю, что нужно перестать расширять Москву, Петербург, потому что окраины тогда задавят центр, что все строительство должно быть направлено из Москвы в сторону Петербурга, а из Петербурга — в сторону Москвы по скоростной линии, которая и заложена. Мэрия города пригласила меня на закладку этой скоростной линии, которая сможет разгрузить город, потому что жители городов и станций, расположенных по скоростной линии, смогут приезжать сюда в музеи, в театры и не чувствовать себя провинциалами. Идея скоростной линии, которая была предложена мной лет десять назад, постепенно была принята. И теперь скоростная линия строится. Таким образом, отпадает необходимость в еще дополнительных линиях вокруг города.

В заключение хочу вернуться к Петру. Основывая Петербург и закладывая его градостроительные принципы, Петр сделал одну гениальную вещь, которую мы тоже должны помнить. Приблизительно в 15—20-ти верстах от города, одновременно с закладкой самого города, он закладывает Петергоф, Стрельну, Ораниенбаум. Он закладывает кольцо пригородов. Если во всех больших городах пригороды обычно фабричные и въезд в города всегда представлял собой хаотическую, безобразную картину, то Петербург закладывался с кольцом дворцов и парков. Петр не был во всем новатор. Многие его принципы, которые считаются новаторскими, были уже в Древней Руси. В частности, если проследить градостроительные принципы, заложенные Петром в Петербурге, они воспроизводят принципы Новгорода. Ведь все русские города строятся на одной стороне реки, на высокой стороне. Так заложены Киев, Москва, Путивль, Кострома, Ярославль и т.д. На двух сторонах реки одновременно заложен только Новгород в Древней Руси. И он в какой-то мере был предшественником Петербурга, потому что он тоже, как Петербург, стоял на великом торговом пути «из Варяг в Греки». И вокруг Новгорода существует кольцо монастырей. Это уже древнерусский градостроительный принцип, Так построен Псков и любой другой древнерусский город: приблизительно в 10—15-ти верстах от него идет кольцо монастырей. В Новгороде это кольцо частично сохранилось. Этому кольцу монастырей в петровском Петербурге соответствовало кольцо дворцов и парков. Поэтому сейчас очень важно сохранить город в тех размерах хотя бы, в которых он существует на сегодняшний день. Защищать пространство между

Петербургом и Петергофом, между Петербургом и Царским Селом ни в коем случае нельзя. Это нарушение градостроительного принципа, заложенного Петром.

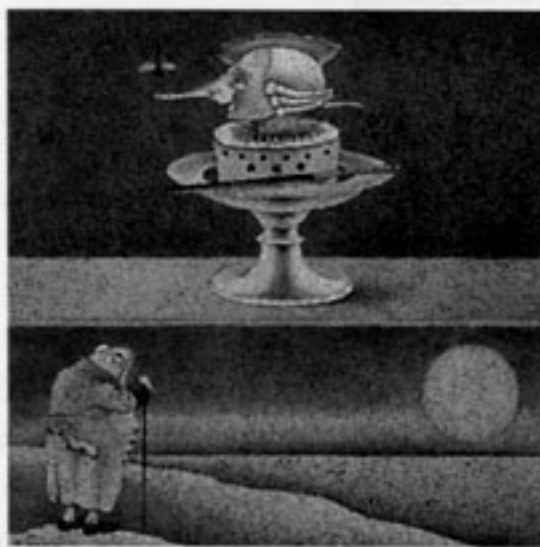
Если мы любим свой город, мы должны сохранять облик города, созданный в значительной мере при его закладке великим Петром. В первую очередь мы не должны строить высотные здания, от которых уже отказались многие градостроители в Европе. Будем следовать заветам Петра Великого.

Перехожу к заключению и возвращаюсь к тому, с чего я начал.

Нашему городу возвращено его историческое название — Петербург. А вместе с этим историческим названием мы можем надеяться на полное возвращение его культуре его европейского характера со всеми европейскими ценностями: личностным характером, универсализмом, восприимчивостью к другим культурам, терпимостью к чужим убеждениям, свободой, открытым выходом в Европу и свободным входом к нам.

М. Шемякин. Петр I с карликом. Фрагмент. 1995

МИХАИЛ ШЕМЯКИН И ПЕТЕРБУРГ ПЕТРА ПЕРВОГО

Творчество Михаила Шемякина овеяно духом Петровского Петербурга. Что такое Петровский Петербург? Почему он способен послужить начальным толчком для произведений талантливого художника?

Дело в том, что эпоха Петра обладает особой энергией, способной действовать даже через два с половиной века. Солнечная активность, пробегающая огромные расстояния, воздействует на каждого из нас. Активность Петровской эпохи воздействует избирательно. В данном случае она избрала творчество Шемякина.

Не удивляйтесь моей точке зрения. Она состоит в том, что Петр довел до государственных высот древнерусскую народную стихию смеховой культуры. В Древней Руси, и особенно в XVII веке, процветало карнавальное высмеивание всего на свете. Высмеивались формы различных документов, официальные церемонии, духовные завещания, государственные распоряжения, обряды, даже молитвы и церковные богослужения.

*М. Шемякин.
Карнавал Петербурга.
1994*

В свое время смеховым, кромешным бунтом был для известной части населения самозванец Дмитрий, а его польское окружение – скоморошьей артелью. Шайки бунтовщиков за сто лет до Петра на скоморошный лад “гуляли” по всей Руси, доходя до ее окраин на Севере, Востоке и Юге. Крик и крайности в русской культуре вообще играют большую роль. вспомните казаков, уходивших на окраины русского царства, или крайности русского характера, поведения, мировоззрения.

Петр Великий был типичным русским человеком XVII еще века. Для

него кромешная культура скоморошества была крайне (тоже “крайность”) характерна. Он перенес столицу государства на самую границу Русского государства – на берега беспокойного Балтийского моря. Он переделал народ в короткое, казавшееся скоморошным, иноземное платье, обрил бороды, вековечно считавшиеся на Руси основным атрибутом – достоинством мужчин, заставлял почетных людей собираться и танцевать на иноземный лад на “ассамблеях”, переделал армию в форму своих детских потешных полков, учредил “всешутейный и всепьянейший” церковный собор и т. д. Из всего этого смешения он создал новую полудемократическую-полубюрократическую культуру, внешне европейскую, а по существу глубоко русскую. Древнерусская культура в своих крайних, петровских, формах уничтожила сама себя. Явление трагическое, но парадоксальным образом вдохнувшее в конечном счете новое творческое начало в русскую культуру.

Что взял Михаил Шемякин от любимого им Петра и его главного детища – трагически-прекрасного Санкт-Петербурга? Прежде всего, он обратился к народному лубку Петровского времени с его всешутейшим характером, яркой трансформацией европейской нарядности. Лубок развешивался по бревенчатым стенам крестьянских изб и постоялых дворов и был способен своими яркими красками осветить их полутьму. Изображаемые Шемякиным люди живут в тесных, как избы, пространствах его картин, пляшут как лицедействующие скоморохи, извиваются в смеховых позах.

Авангард начала XX века сомкнулся с народной культурой России допетровского времени, но лишь в творчестве Шемякина искусство обратилось к истокам трагического петровского разлома, когда соки живого дерева потешного скоморошьего искусства брызнули на народное искусство, способствуя появлению совсем новых ростков.

М. Шемякин не остановился на темах, близких Петровской эпохе. В его творчестве высокий профессионализм поднимается значительно выше импровизированного народного искусства. Его изощренный рисунок и яркие краски несут в себе подлинный артистизм большого мастера, остро ощущающего трагизм современной русской действительности: не просто в темах, а в значительно более сложных художественных преломлениях.

Искусство Шемякина – это искусство обнажения. Обнажение – метафизическое обнажение – суть нашей русской действительности. Обнажились язвы, нанесенные себе самобичеванием. Обнажилась нагота юродивого – одновременно святого и скомороха. Мы увидели себя святыми и предателями, мучениками и шутами, как их изобразил Достоевский.

В последнее время у Михаила Шемякина обнаружился интерес к скульптуре. Скульптура – самая слабая отрасль нашего искусства. И снова в творчестве Шемякина появляется грозная фигура Петра. На этот раз в виде впечатляющей “восковой персоны”, чем-то напоминающей гениальные скульптурные образы Генри Мура. Выдавая творческую тайну Шемякина, скажу,

*М. Шемякин.
Петр I с карликом.
1995*

что в Шемякине обнаруживается талант, без которого не может существовать скульптура – талант ощущения весомости, полноты, силы материала и формы. Его Петр “держит” окружающее пространство. К нему будет боязно подойти, как было боязно подойти к Петру живому.

Дай-то Бог! Счастливого пути постоянно путешествующему страннику-художнику – пути познания в творчестве.

Статуя Петра Великого Михаила Шемякина в Петропавловской крепости

Когда-то в Петербурге было довольно много скульптурных изображений Петра. Против Адмиралтейства на набережной стояла скульптура, изображавшая Петра строящим лодку. Рядом была другая: “Петр спасает рыбаков на Лахте”. Всего в Петербурге было более десяти скульптур Петра, которые отнюдь не представляли собой памятники Петру, а больше подходили к типу садовых скульптур. Как будто в жанре этих садовых скульптур поставлен и шемякинский “Петр” в Петропавловской крепости. Но озелененный двор Петропавловской крепости не сад. Здесь, в Петропавловской крепости, кругом здания тюрем – казематы, камеры, казармы. Здесь когда-то Петр собственноручно пытал тех, кого считал изменниками и злодеями. “Петр”, созданный Михаилом Шемякиным, не может стоять здесь как триумфатор или садовое украшение. Он не стоит на месте, достойном памятника, и здесь нет места для садовой скульптуры.

“Петр” Шемякина не похож ни на “Петра” Растрелли-отца, стоящего против Михайловского замка, ни на “Петра” Фальконе на Сенатской площади. “Петр”, гордо восседающий на коне против Михайловского замка – торжествующий триумфатор, похожий на Марка Аврелия на capitoлийской площади в Риме. “Петр”, вздыбивший своего коня на Сенатской площади, – властный преобразователь гигантской страны, властитель, вздернувший Россию на дыбы. “Петр” Шемякина – без пьедестала, он не вздергивает Россию на дыбы – он отправляет изменников на дыбу.

Он не может стоять памятником, он увековечен как бы присевшим в кресле, чтобы судить, выносить приговоры. Он занят черной государственной работой. Поэтому он без парика, и его бритая голова кажется непривычно маленькой, а ноги в стоптанных башмаках – непривычно большими. Так и представляешь его быстро шагающим по недостроенной набережной с не поспевающими за ним приближенными, как на картине Серова.

“Петр” не на троне. “Петр” в кресле. Он присел на короткое время. Его большие нервные руки вот-вот вцепятся в подлокотники кресла, а может быть, в рукоять топора. Сам он в гневе или в ожидании ответа. Глаза “Петра”

М. Шемякин. Петр I

чуть-чуть навывкате. И вместе с тем он достоверен, он копия “восковой персоны”, которая стоит на том берегу Невы, в Старом Зимнем дворце, где он умер. Вокруг “Петра” как бы магнетическое поле: он притягивает и отталкивает. Он смотрит в нашу эпоху. Ему не до восхвалений и не до осуждений. Он выше похвал и брани. Он допрашивает нас. Поэтому он вблизи нас. До него легко дотянуться, но кто осмелится переступить магнетическое поле, отделяющее его, судьбу, от нас, изменивших его заветам.

Недаром питерцы во время блокады несли цветы на его могилу, которая тут же, рядом; не случайно создавалась и легенда о том, что, когда вскрыли его могилу, при изъятии ценностей из императорских могил он так грозно взглянул на осквернителей и пригрозил им, что они уже больше не решались подступить к нему.

Встречи с “Петром” боялся не один Евгений в “Медном всаднике” Пушкина. И не одного Евгения преследовал “Петр” в своем городе. Легенда говорит, что “Петр” встретил императора Павла на улицах пустого Петербурга в белую ночь и предрек ему скорую смерть. Оживший “Медный всадник”, громыхая, поднимается по лестнице к террористу – революционеру в романе Андрея Белого “Петербург”. Блокадная легенда рассказывает о “Петре” на ленинском броневике (ему куда способнее было овладеть ленинским броневиком, чем Ленину петровским конем!), защищающим свой город от врагов.

Поза Петра, с пальцами, готовыми впиться не то в подлокотники кресла, на котором сидит, не то в горло провинившегося, которого допрашивают, более экспрессивна, чем начальственная, вельможная поза Петра на картине Ге “Петр и царевич Алексей”. У Ге Петр – сановник в гневе. У Шемякина “Петр” всем телом устремлен к нам и всем телом требует ответа. Какого ответа? На что? За Россию, за погубленный город, за оскорбленные храмы (Петр бывал и богомолен, пел на клиросе), за разграбленные сокровища, за флот и добытые им порты, за выход к морю.

О нет! “Петр” не судит с высоты царского трона. Он требует от нас с того уровня, на котором находимся рядом с ним мы. Он такой же. Он не на постаменте. Его чулки кажутся заштопанными (Екатериной I). Каблуки, наверное, сбиты на башмаках. Парика не просто нет на голове, вероятно, валяется недалеко в траве.

Случайно ли он сидит здесь, как нищий, недалеко от паперти храма и от могилы, где лежит? Здесь, недалеко у выхода из Петровских ворот, его бедный дом, там стояла его лодка.

Я знаю, что Шемякин долго искал место для своего “Петра”. Его не пустили в Летний сад, ни в сад величественных преемников Петра у Зимнего дворца. Он сидит у паперти в нищем зраке, и у каждого проходящего требует как милостыню ответа. На Веселом острове в “веселое” время русской истории...

Михаил Шемякин и Петербург

“А в Петербурге кто не бледен”, – так говорит Нина в лермонтовском “Маскараде”. Но в Петербурге бледны не только люди. По-своему бледен воздух, бледны водные пространства, небо, столь широко раскинувшееся

М. Шемякин. Две крысы. 1995

над городом. Были бы бледны и здания, если бы в исторической части Петербурга они не красились столь щедро. Окраска зданиям нужна, чтобы пробиться сквозь туман, через моросящий дождь, через пространства обширных площадей и прямых улиц, через просторы рек и каналов, а кое-где и через врезающееся в город море, когда перед тем как

быть скованным зимним льдом оно бунтует наводнениями, заливаяющими город серыми красками. Здания защищаются от наступающей на них бледности яркой окраской своих стен в желтый, красный, синий, зеленый, белый. Эти же цвета нужны были в старом Петербурге для форменных мундиров и сюртуков чиновников и гвардии.

Петербург – красивейший город потому, что он выстроен на некрасивейших болотах, мокрых низинах, в объятиях серого пресноводья.

Красота и яркость нужны, чтобы люди не сталкивались лбами, чтобы корабли не наезжали друг на друга, чтобы кареты не валились с мостов, и... чтобы прежние владельцы этих мест не узнали в них своих земель, но это как бы “по секрету”.

Выстроенный на чужой земле, вне сферы крестьянского быта, Петербург нуждался в веселье ассамблей и маскарадов и всяческого шутовства. Повзрослев, он стал городом балетов, опер, парадов и выставок. Петербург утверждает настоящее, чтобы подчеркнуть значимость своего прошлого, своих побед на суше и море. Пушечный выстрел в 12 часов со стен Петропавловской крепости ежедневно будит Петровскую эпоху.

Петр любил смех и хохот; хохот, может быть, сильнее смеха. Многие в его начинаниях проходило вначале через смех и хохот. Он купил арапа, чтобы смеяться, но пробудил в нем инженера. Петр устроил из России грандиозный карнавал: передел всех в кургузые одежды, казавшиеся смешными, постриг бороды, завел непривычные маскарады и действия, завел кунсткамеру, где выставял уродов и всякие необычности, многое пере-

именовал и перефасонил на иностранный лад, всегда казавшийся русским смешным и несерьезным. И местности он стал называть на немецкий и голландский манер: Ораниенбаум, Петергоф, Дудергоф, Анненгоф, Шлиссельбург и т. д. Россию, как сценическую площадку, он придвинул к самому краю своего государства: смотрите, любуйтесь через огромную оркестровую яму Балтийского моря. И сам он выглядел как маскарадная фигура: огромного роста, преображавшийся в простых людей: плотника, бомбардира, но и в императора...

Все это я пишу, чтобы был понятен и сам Михаил Шемякин с его любовью к Петру и Петербургу в целом, ибо “Серебряный век” (самый короткий из всех “веков” – всего 25 лет), отсветы которого падают на Михаила Шемякина, тоже жил в значительной степени памятью о Петре: вспомните “Поэму без горя” Ахматовой, маскарадные дурачества Михаила Ремизова, да и многое другое.

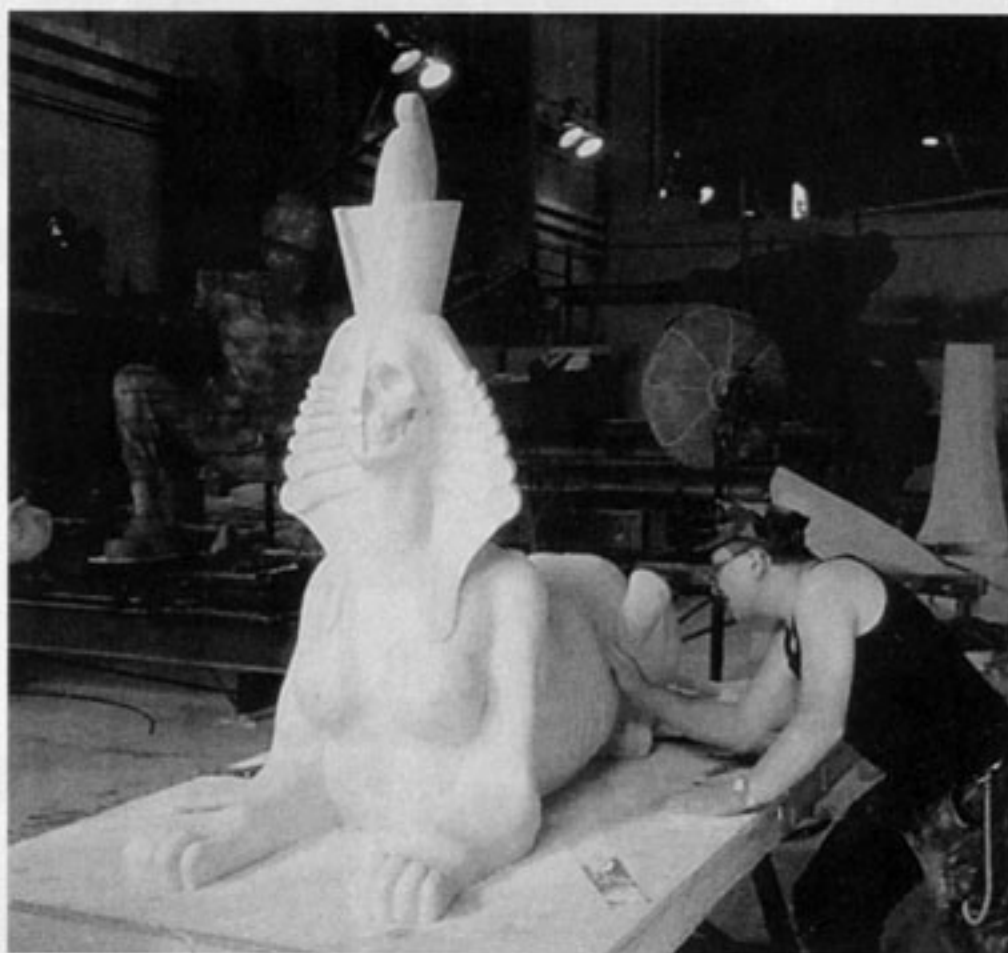
Петр, подобно византийским императорам, возил с собой книги, нужные в его царской работе. М. Шемякин возит с собой воспоминания виденного им в Эрмитаже, в Петербурге, в России, чтобы совсем по-новому взглянуть на знакомое, подготовиться к битвам. Его произведения – поля сражений. Он не просто создает произведение, он идет в атаку, приступом берет заповолившее безвкусие и отправляет его в плен, выставляя на позорище...

*Египетский сфинкс
на Университетской набережной*

М. Шемякин продолжил серию скульптурных изображений Петра. Петр – триумфатор перед Михайловским замком: император Третьего Рима, чем-то похожий на капитолийского Марка Аврелия в Первом Риме. Петр – победитель перед зданиями Синода и Сената, чем-то похожий на Георгия Победоносца на коне: Цезаря Второго и Третьего Рима. Но Петра жестокого и деспотичного еще не было в Петербурге, и М. Шемякин поставил его около тюрьмы, в которой томился и погиб сын Петра Алексей... Его Петр напоминает “восковую персону” Петра, царствующего по сей день на противоположном берегу Невы в остатках первого, петровского Зимнего дворца у Зимней канавки.

М. Шемякин продолжил на берегах Невы шествие сфинксов. Первая

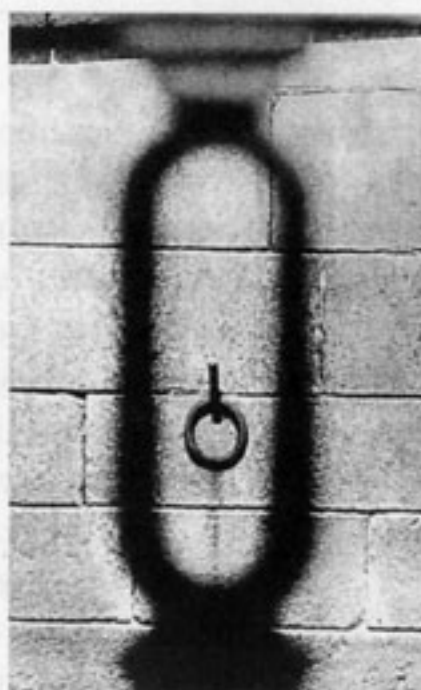
Михаил Шемякин и его "Метафизический сфинкс"

пара египетских сфинксов стоит у Академии художеств как раз против того места, где произошла трагедия декабристского восстания. Они и были поставлены после декабристского восстания, в 1832 году, в ознаменование грядущих несчастий самой большой из существующих в мире империй. Вторая пара "сфинксов" поставлена выше по Неве после поражения в Японской войне и первой русской революции – это знаменитые "ши-цзы" и дворца великого князя Николая Николаевича и тоже на Неве. Третья пара сфинксов стоит на Большой Невке против здания обкомовских банкетов Ленинграда и знаменует трагедию России. Еще выше по Большой Неве как раз против самой страшной тюрьмы "Красного террора" оставил свою пару сфинксов М. Шемякин. Петербург обрёл свою "дорогу сфинксов".

Парность сфинксов символизирует как бы внутренний характер происходящих трагедий. Гибель происходит от раздвоения народа, от "междоусобных браней", от разделения Руси на "опричную" и обычную. Но перемена наметилась и в самих сфинксах. В них ясно обозначились черты смерти. Одна половина лица – череп, другая еще жива. Победит ли жизнь смерть? Вопрос этот более жесток, чем у Пушкина в "Медном всаднике": "И где опустишь ты копыта?" Чем кончится "санкт-петербургский карнавал"? И только ли это "карнавал"?

Архитектор А. Н. Воронихин. Ограда сквера у Казанского собора

“...СОЛНЦЕ МЫ ПОХОРОНИЛИ В НЕМ”

*Беседа об исторической судьбе и культурной топографии Петербурга
академика Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА
и искусствоведа Льва Михайловича СМИРНОВА
(опубликовано: *Connaissance des Arts*. № 492. Fevrier. 1993)*

Д. С. Лихачев

С чего вы предлагаете начать беседу?

Л. М. Смирнов

Естественнее всего начать разговор с имени города – ведь недавно он был снова переименован. Представить переименованными, например, Рим, Париж, Лондон невозможно. А равновеликий им во всем город переименовывался четыре раза! [...]

Петербург, Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург. Дмитрий Сергеевич, вам выпала уникальная судьба прожить в городе при всех его названиях – вы коренной житель города. Как вы себя сами называете – петербуржцем, петроградцем, ленинградцем? Может быть, санктпетербуржцем? Каково ваше отношение к переименованию города?

Д. С. Лихачев

Чувства, которые вызывает последнее переименование, сложные. Новое “старое” название вызвало проблему, я бы даже сказал, не столько культурного, сколько политического самоопределения горожан, это сейчас одна из самых обсуждаемых в городе тем. Санктпетербуржцем я назвать себя не могу, это уже счастливая привилегия наших новорожденных. Я, конечно, просто петербуржец, ведь мое детство проходило, когда город назывался Петербург, а именно детские годы навсегда определяют в человеке его принадлежность к стране, городу, жизненной среде. Но как горожанин, переживший блокаду Ленинграда в 1941–43 годах, я отношусь и к этому особому городскому меньшинству ленинградцев. Имя “Ленинград” будет уходить медленно, долго, даже с болью, ведь им обозначен равновеликий всем остальным периодам кусок жизни города, несомненно, самый трагичный.

Л. М. Смирнов

Я представитель поколения, которое о блокаде только слышало, не житель этого города, но с названием “Ленинград” мне тоже расстаться непросто. Для моего поколения это прежде всего имя опального города, образовавшее его имя для меня почти не прослушивается в слове “Ленинград”. Мы всегда знали, что, славословя “колыбель революции”, власти одновременно молча и тихо ненавидели его, как город, олицетворяющий подлинную русскую культуру. Для нас он всегда был местом культурной альтернативы идеологическому обскурантизму советского режима. При первой же возможности мы ехали в Ленинград, часто всего на одни сутки, чтобы просто побыть в его петербургском прошлом. Мне непривычно называть его теперь Петербургом, а тем более Санкт-Петербургом, для меня “Петербург” всегда содержался в “Ленинграде”, как его поруганное имя, как его сердцевина. Произносился “Ленинград”, я и “Петербург” произносил тоже. А теперь его имя для меня даже как-то обеднилось. Может быть, лучше было бы и оставить советское название города?

Д. С. Лихачев

Все, что вы говорите о Ленинграде, я полностью разделяю. И тем не менее считаю, что город переименовать нужно было обязательно. Я только не уверен, что следовало возвращать городу его начальное название. Ведь опять назвав город Санкт-Петербургом, его не сделали вновь столицей. А “Санкт-Петербург” – это из всех имен города самое столичное. Круг культурно-символических ассоциаций, связанных с этим названием, уже слишком диссонирует с сегодняшним положением города, пусть крупного, но все-таки “областного центра”. Это похоже на возвращение себе нашими гражданами, вчерашними вольноотпущенниками, княжеских и графских титу-

лов. Между прочим, обиходное название города “Петербург”, в котором в свое время выразилось стремление населения приглушить неудобопроизносимую столичность, демонстративную официальность начального имени города, как мне кажется, подошло бы больше.

Подошло бы более в культурно-историческом смысле промежуточное название “Петроград”, с которым город вошел в новую, послереволюционную эпоху.

Л. М. Смирнов

Но почему переименовывать город все же было необходимо?

Д. С. Лихачев

Потому что оскорбительно для города носить имя человека, который нанес ему такой вред. Который не любил этот город, не понимал его, да практически и не жил в нем, а прятался.

Не с того имени мы начали беседу о городе, но это имеет свою печальную логику. Обычно разговор о Петербурге начинают с упоминания имени его основателя императора-реформатора Петра I, который заложил город в дельте Невы в 1703 году. Мы начали с имени человека, который тоже сыграл в судьбе города ключевую роль, но только разрушительную. Но ведь мы и говорить будем о городе-трагедии, а не городе-развлечении для туристов. Нет человека, который принес городу больше зла, чем это сделал Ленин, имя которого город обречен был носить как проклятье более пятидесяти лет. Он обрек его на долгое медленное умирание, он подорвал его духовные силы. Он это сделал, лишив Петербург–Петроград самого для него главного – статуса столицы.

Дело в том – и это особая российская традиция, – что столица в России всегда определяла собой всю жизненную меру государства, сам его характер, включая господствующий архитектурный стиль его городов. Город, облеченный этим званием, жил только тем, что он – столица. Никакая другая функция – торговая, промышленная, транспортная, демографическая – не была способна сравниться в своем значении с функцией столицы. Лишенный статуса столицы, город как бы терял смысл своего существования. Так, Москва потеряла свое величие и значение с основанием Санкт-Петербурга и безуспешно пыталась с ним соперничать, хотя все святыни российской государственности продолжали оставаться в ней. В период кризиса своей власти в 1918 году Ленин понял, что спасти большевистский режим, построить новое государство можно, только умертвив столицу прежней России. Это он и сделал. Революцию спасло бегство правительства из Петрограда в Москву. Перенос столицы в Москву спас большевиков. И обрек Петроград на медленное умирание. С тех пор, за прошедшие 75 лет, город втрое расширился

и вдвое выросло его население, но одновременно в неизмеримо большей степени в нем умирал и разрушался Петербург, прежняя столица.

Л. М. Смирнов

Получается, что над городом довлеет какой-то рок произвола? Прихотью одного властелина он был воздвигнут вопреки всякой жизненной логике, а злой волей другого, также в одночасье, был вычеркнут из мировой политической и культурной жизни?

Д. С. Лихачев

Что касается лишения города статуса столицы, то это действительно был акт злой воли, слепой, панический, разрушительный, умертвивший великолепную столицу и отбросивший страну далеко вспять. Но что касается возникновения города, то тут все несколько иначе. И чтобы вполне понять природу города, то, чем он был для России (как и то, что от него осталось), надо знать, на каком месте и как он возник.

Л. М. Смирнов

А разве это недостаточно известно из поэмы Пушкина “Медный всадник”, целиком посвященной Петербургу, которую все мы знаем со школьной скамьи – “Здесь будет город заложен *назло* (курсив мой. – Л. С.) надменному соседу?”

Д. С. Лихачев

В “Медном всаднике” гениально описана лишь одна из очень эффектных легенд, согласно которой город был заложен одним величественным жестом все сильного деспота вопреки здравому смыслу, природным и климатическим условиям, государственным традициям и политическим перспективам. Эта легенда вышла из культа Петра I как державного гения, который получил к началу XIX века (времени написания “Медного всадника”) широкое распространение. Французский эссеист Де Кюстин в своей книге о России, написанной позже, в середине прошлого века, очень красочно описывает Петербург в духе этой легенды как противоестественный город-декорацию, существующий напоказ вопреки всем законам природы.

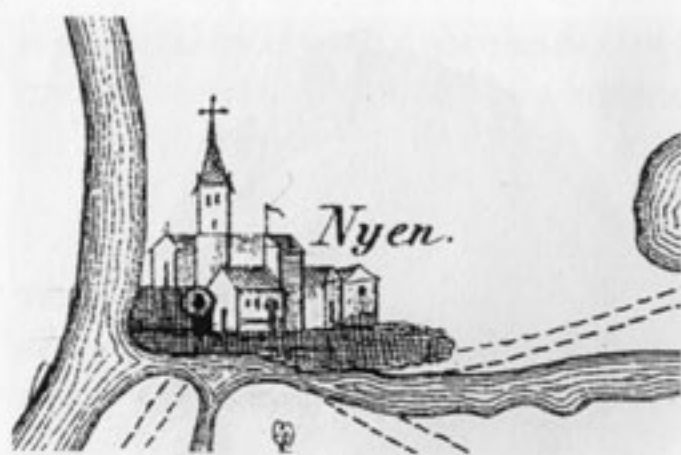
Согласно этому легендарному представлению, столь же распространенному, как и неточному, до основания города Петром I в устье Невы были только болота: не могу не процитировать великолепные строки поэмы – “чернели избы здесь и там”, “приют убогого чухонца”. Между тем, историческая наука говорит о другом. Начиная уже с VIII века, а, может быть, и раньше, через эти места пролегла главная европейская торгово-культурная магистраль, так называемый “путь из Варяг в Греки”; культурная ось

Скульптор Э.-М. Фальконе. Памятник Петру I. Фрагмент

“Север–Юг”, осуществлявшая связь между мощной военной цивилизацией норманнов-викингов на севере Европы – этих морских кочевников, монголов Западной Европы – и Византийской христианской империей, сохранявшей традиции средиземноморской античной цивилизации. Трудно переоценить культурно-историческое значение этого “пути”. Это была ось мировой цивилизации, через которую осуществлялось становление русской государственности. Вначале варяги из Скандинавии спустились на юг и помогли основать государственность Киевской Руси, при этом варяжские конунги сами перешли на русский язык, а позднее христианство с юга, из Византии, по этому же пути поднималось на север, поэтому Новгород, лежащий гораздо севернее, был крещен почти одновременно с Киевом. В определенном смысле можно сказать: идея Петербурга потенциально существовала уже в эпоху Киевской Руси, как другая полярная конечность культурной оси “Юг–Север”, не византийская, а европейская. С прошлого века существует расхожая культурно-идеологическая формула России как некоего промежутка между Западом и Востоком, нанизанной на ось “Запад–Восток”. На самом деле в русской культуре Петербургом осуществила себя другая ось цивилизации, культурная ось “Юг–Север”.

За эти места постоянно шла борьба – в XI, XII веках за дельту Невы боролись новгородцы со шведами. Здесь было много крепостей, сначала

Город Ниен
на шведской карте XVII в.

Поселение в устье Невы
на шведской карте 1701 г.

русских, потом шведских и снова русских. Позже это была сфера ганзейского торгового союза. Ганзейские купцы проплывали по Неве к Новгороду, который был ганзейским городом. Устье Невы всегда было международным перекрестком, оно было заселенным, оживленным, связанным с крупнейшими центрами того времени, а отнюдь не “пустынным”. Здесь традиционно было многоязычное население, привычное к международным связям, это место знали в различных концах Европы. Здесь жили народности ижора, воль, чудь, новгородцы, здесь жило много лоцманов, проводивших торговые суда. Русское население, жившее на Васильевском острове, было издавна смешано с финским.

Таким образом, новая столица новой Российской империи возникла не по произволу одержимого властителя, а была веками подготовлена совместной жизнью, культурой, хозяйством многих народов. Петербург лишь наследовал международность этого места, использовал его, развил. Коридор в Европу существовал здесь всегда, не Петр его открыл, он лишь гениально оценил его возможности. В поэме “Медный всадник” есть ставшее крылатым выражение, что основанием Петербурга Петр I “В Европу прорубил окно”. Историк бы сказал, что он его распахнул настежь, окно в Европу здесь уже было. Рано или поздно город здесь все равно бы возник. Он возник, когда Россия созрела для открытости миру. И то, что этот город сразу стал столицей, говорит о том, как сильно стремилась Россия, говоря современным языком, к “европейскому дому”.

Гениальность Петра проявилась в том, что он прозрел в этом месте именно столицу. Он провидчески понял, что здесь должно быть не какое-то торговое предместье России, а именно столица новой империи, то есть город, символизирующий собой государство, город-эталон его масштаба, город, олицетворяющий самосознание государства.

Приступая к созданию новой Российской империи, Петр не случайно начал с возведения столицы – города, уникального для мировой градостроительной теории и практики. Ведь то, что мы видим в Петербурге – это не результат стихийного, почти уже трехсотлетнего саморазвития города, а последовательное трехсотлетнее воплощение замысла, который изначально подразумевал именно такой город. Петр не просто указал на карте точку, где должен быть заложен город, а уже сразу практически заложил его градостроительную концепцию, которая в дальнейшем лишь последовательно осуществлялась.

Л. М. Смирнов

В чем же состоял замысел Петра?

Д. С. Лихачев

По преданию город был основан на ста островах. Сейчас их уже гораздо меньше, кажется, около сорока, потому что многие каналы, реки и протоки были позднее засыпаны. Необычайно разветвленный, островной характер дельты Невы predetermined характер города. В дельте Невы огромная протяженность прибрежной зоны и сама она – уникальная по разветвленности водная транспортная система. В XVIII веке это открывало уникальные

• План Санкт-Петербурга. Фрагмент

перспективы для развития города как порта – и внешнего морского, и внутри-городского. Огромное количество набережных – это пристани без конца. И первоначально главные транспортные пути на Васильевском острове, где в основном развивался город в первой половине XVIII века, были водные. Весь остров вместо улиц был разделен каналами, их было больше десятка, они служили как транспортные пути. Сейчас они все уже засыпаны и на их месте пролегают улицы, которые называются “линиями” в память о береговых линиях каналов.

Но Петром прежде всего, как я уже сказал, был задуман город-столица. Не морской порт, не военная крепость, не транспортно-торговый узел, не город ремесла и промышленности – был задуман город, в котором все эти функции присутствуют и при этом подразумеваются подчиненными одному, главному призванию города – представлять своим обликом, стилем своей жизни, своей величиной и величием огромное государство, претендующее быть мировой державой. Империю, для которой внешняя репрезентативность имела колоссальное значение. Репрезентативность, т. е. художественная идея была положена в основу градостроительного принципа.

*Ф. Я. Алексеев. Вид на стрелку Васильевского острова
от Петропавловской крепости. 1810*

*Вид на Большой дворец,
Петергоф*

Дельта Невы как нельзя лучше соответствовала осуществлению этого замысла. Широкие переплетающиеся русла невских рукавов и протоков образуют между островами огромные открытые пространства, водное зеркало, обрамленное необычайно длинной и разноплановой береговой линией. Дельта Невы словно специально спроектирована природой, чтобы стать основой города-зрелища.

Л. М. Смирнов

Вы хотите подчеркнуть, что петровский замысел не ограничивался уже с самого начала только ближними окрестностями Петропавловской крепости, откуда принято вести начало города, что город рос, не расширяясь из точки, а уже изначально имел масштабную пространственную идею?

Д. С. Лихачев

Я бы сказал, просто грандиозную пространственную идею. Уже в 1704 году, одновременно с городом, Петр начинает строить в радиусе нескольких десятков километров от его ядра целое кольцо загородных резиденций, фортов, крепостей – Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум, Кронштадт и кронштадтские форты, позднее к ним прибавились Гатчина, Царское Село, Павловск. Это была удивительная идея окружить столицу ожерельем дворцов-крепостей. Обычно крупные города окружены архитектурным хаосом трущоб и фабричных пригородов. Петербург же, согласно замыслу Петра, окружен кольцом дворцов и парков. По своему архитектурно-стилевому решению Кронштадт – не только город-крепость, но и город-дворец. Форты Кронштадта были и своеобразными дворцами.

Осень в Летнем саду

Эти дворцово-парковые ансамбли обычно называют пригородами Петербурга. Это неверно. Это не пригороды, а сам город Петербург, важнейшая составляющая часть его уникальной градостроительной структуры и его архитектурно-стилевого облика. Эти императорские и великокняжеские резиденции строили те же архитекторы, что и дворцы внутри столицы, они решены в том же столично-имперском духе. Они – пригороды с точки зрения бытовой, если оценивать их с позиции горожанина, из центра города. А их место в замысле Петра становится ясным, если “прочесть” город в обратном направлении: они не “окраина”, а дворцово-парковое преддверье города, въезд в город. Это въездные ворота города в виде дворцов, городские стены столицы в виде садов и парков. Морской фасад столицы был задуман как грандиозный парк. На старинных, первой трети XVIII века, планах и картах побережья Финского залива, подковой изгибающегося к дельте Невы, четко обозначено это огромное полукольцо дворцов и резиденций по всей линии побережья – морской парковый фасад Петербурга. Аптекарский остров, Елагин остров, Петровский ост-

ров, Крестовский остров – все это острова-парки, которые встречали въезжавшего в Петербург со стороны Финляндии. К середине XVIII века граница жилой застройки Петербурга, проходившая по реке Фонтанке, также представляла собой пунктир из дворцов и усадеб с садами и парками: Летний дворец и сад Петра I, Летний дворец императрицы Елизаветы, Аничков дворец, Воронцовский дворец, Юсуповский дворец.

Петербург часто сравнивают с Венецией – из-за обилия воды и островов. Но в Венеции нет зелени в пределах города, а Петербург – одна из самых зеленых столиц мира. Ни в одном другом городе нет такого количества зелени, выходящей к воде.

Л. М. Смирнов

Получается, что художественный образ этого большого ансамбля Петербурга, согласно замыслу Петра, – это не “окно в Европу”, как написал, а точнее приписал Петру Пушкин, имея в виду окно, через которое русские смотрят за границу, а ВОРОТА РОССИИ?

Д. С. Лихачев

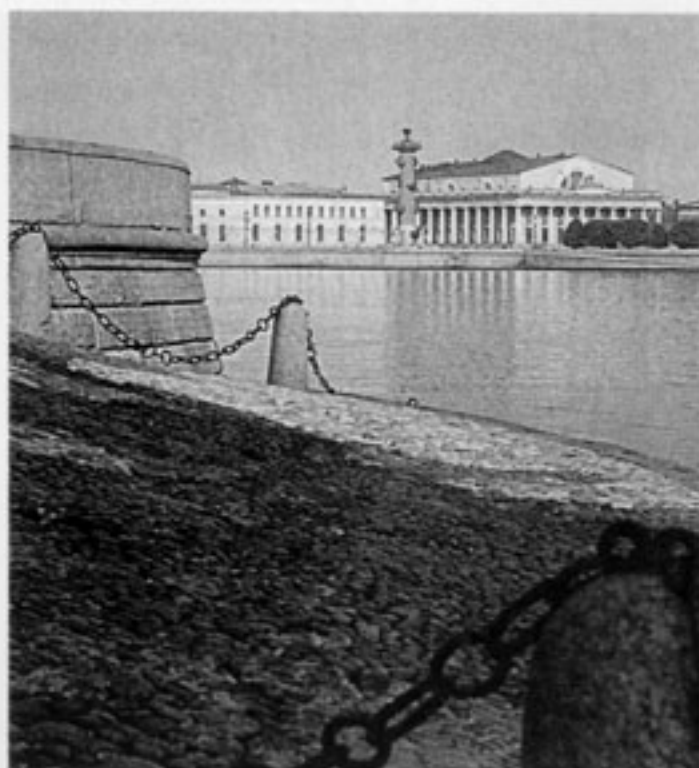
Да, я думаю, эта метафора точнее. Россия своей столицей раскрывает себя Европе, всему миру – ведь за городом-то действительно сразу начиналась “заграница” – всему миру, который вступает в пределы государства через Балтику и Неву.

Прибывавшие морским или сухопутным путем (из Швеции) иностранцы видели, что Петербург – это и военная, и морская, и торговая, и интеллектуальная столица Российской империи. Но раньше им бросалось в глаза, что это город-дворец, город-парк, город-зрелище.

Миссия, роль, призвание – назовите, как хотите – быть столицей всегда составляла главное в исторической судьбе и облике города. Не учитывая этого, нельзя понять ни внутренней природы, ни внешнего облика этого города, ни “души Петербурга”, ни “судьбы Петербурга”. Не прочтя этой темы в образах города, мы не уловим самого главного в Петербурге. По сути дела, только об этом и надо говорить, ибо этот мотив охватывает все.

Набережная реки Мойки

*Вид на стрелку
Васильевского острова*

Л. М. Смирнов

Это очень важная мысль, и я позволю себе несколько ее раскрыть. Столичность как особая градостроительная репрезентативность в Петербурге выражалась в разные эпохи по-разному. Она принимала и отвлеченно знаковый, и аллегорический, и внутренне-структурный, и открыто демонстративный характер. Она выражалась и отдельными

сооружениями, и градостроительно-планировочными приемами, и специфическим архитектурным декором.

Вот несколько примеров.

Всю первую половину XVIII века первоначальное ядро города, в полном соответствии с господствующим стилем, строилось в эмблематических традициях культуры барокко. Застройка центральных набережных Большой Невы – стрелки Васильевского острова, Дворцовой, Адмиралтейской, Университетской набережных с самого начала формировалась как своего рода архитектурная аллегория Империи. Так, Петропавловская крепость, заложенная Петром I как военно-стратегический объект раньше всех других сооружений, в системе этой эмблематики стала символизировать **ВОЕННУЮ МОЩЬ РОССИИ**; расположенный на противоположном берегу Зимний дворец – **ИМПЕРСКУЮ ВЛАСТЬ**; Галерная верфь и Адмиралтейство, находившиеся рядом, – **МОРСКОЕ МОГУЩЕСТВО**; располагавшийся на стрелке Васильевского острова Гостиный двор с пристанями и складами для иностранных судов и товаров – **ТОРГОВЛЮ И ПРОЦВЕТАНИЕ ГОСУДАРСТВА**; петровская Кунсткамера, как сказали бы сегодня, **ИНСТИТУТ БАРОККО**: знак приверженности государственной идеологии новой империи европейскому кредо “знание – сила”; здание Двенадцати коллегий – принципиально новую, европейскую (а не какие-то азиатские “приказы”) **ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ**. Все эти здания-аллегии, с разных берегов обрамляя огромное водное зеркало, вместе с Невой (в этом контексте тоже рекой-аллегорией) составляли сложную эмблематическую систему, своего рода градостроительный геральдический герб Империи. Ученый, поэт и художник Михаил Ломоносов (сам проектировавший фейерверки и эмблематические компо-

зиции) в ораторском сочинении, посвященном открытию Академии художеств в Петербурге в 1764 году, воспекает эту центральную часть города именно как эмблему российской державы, символизирующую величие Российской государственности. Цикл гравюр с видами Петербурга, выполненный в гравюрной мастерской Академии наук в середине XVIII века по рисункам Махаева, также акцентирует этот репрезентативно-эмблематический характер застройки центральных невских набережных.

Д. С. Лихачев

Это как раз характерный пример, показывающий, что в основе знаменитых архитектурных красот Петербурга всегда лежит глубокое смысловое обоснование. Красота Петербурга – это красота, выросшая из идеи. Образы города по своей природе и по своей структуре сложнее образности произведений живописи или литературы – у них больше авторов. Авторство здесь, в отличие от картины или романа, не всегда принадлежит только архитектору, сама образная система города с течением времени переосмысливает образ архитектурного сооружения по несколько раз.

Петербург можно уподобить книге, текст которой постоянно порождает все новое и новое прочтение.

Л. М. Смирнов

Эту вашу мысль хорошо иллюстрирует дальнейшая судьба ансамбля центральных невских набережных. Уже несколько десятилетий спустя, следуя закону эволюции символической формы в эстетическую, застройка центральных невских набережных осуществляется как художественная кульминация облика Петербурга. Уже к концу XVIII века на основе этого эмблематического фасада столицы складывается один из самых величественных архитектурно-художественных ансамблей, какие вообще знает мировое градостроительство.

*Архитектор А. И. Захаров.
Адмиралтейство*

К этому времени как главенствующее в Петербурге утверждается новое архитектурное направление и иные градостроительные принципы. Импульсивность и динамизм, которые вносил в архитектурный облик города стиль барокко, и особенно позднее барокко сооружений Растрелли, уравновешивается ясным величием и строгим спокойствием грандиозных сооружений архитектурной эпохи классицизма. Если барокко символизирует в искусстве, можно сказать, стихийность Страсти и произвол Воли, то архитектурный стиль, распространившийся в правление императрицы Екатерины II, манифестирует в архитектуре Разум и Просветленную Силу – идеологию Просвещения, провозглашавшуюся в это время официальной

А. Тозелли. Панорама Петербурга, снятая с башни Кунсткамеры. Фрагмент. 1817–1820

политикой России. Соразмерность, простота и конструктивная ясность архитектуры классицизма успокаивают напряженную гармонию барочного Петербурга. И прежде всего это осуществляется в его столичной сердцевине.

Береговая линия Невы облицовывается величественными гранитными набережными. Эмблематическое содержание застройки постепенно замещается блистательным архитектурным парадом. Петропавловская крепость (к тому времени уже не фортификация, а гротескное сочетание главной политической тюрьмы России и усыпальницы российских императоров) из барочной крепости облагораживается в классицистический замок; возводится целая набережная дворцов, заключающих в классический контекст барочный Зимний дворец; стрелку Васильевского острова венчает великолепная градостроительная композиция здания Биржи и Ростральных колонн; на Адмиралтейской набережной возводится здание Главного Адмиралтейства, дальше по набережной складывается Сенатская площадь, обрамленная Исаакиевским собором и зданиями Сената и Синода, в центре которой высится обращенный к Неве знаменитый монумент Петру I; на противоположной Университетской набережной Васильевского острова

*Скульптор И. Терещенков.
Аллегорическая фигура Славы
на восточном павильоне
Адмиралтейства*

вновь построенные здания Академии наук и Академии художеств с великолепной, украшенной сфинксами пристанью, завершают этот уже классический по духу ансамбль.

“Кто не был двадцать лет в Петербурге, тот, конечно, его не узнает, – восклицает поэт и эссеист К. Батюшков в статье “Присутствие в Академию художеств”, одном из первых опытов эстетического описания Петербурга, написанной в 1814 году. – Тот

увидит новый город... Какой город! Какая река! Смотрите – какое единство! Как все части отвечают целому, какая красота зданий, какой вкус и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями. Взгляните... на набережную, на сии огромные дворцы – один другого величественнее! На сии дома – один другого красивее!.. С каким удовольствием взор мой следует вдоль берегов и теряется в туманном отдалении между двух набережных, единственных в мире!”

Д. С. Лихачев

Батюшков был едва ли не первым, кто любовался самым пространственным ансамблем Петербурга так, как любимы им сегодня мы – как блестящим художественным творением, объединившим в единое эстетическое целое все архитектурные направления и градостроительные эпохи. Свое окончательное завершение этот стилистически многослойный и исторически многоплановый ансамбль получает уже к концу XIX века, с постройкой через Неву четырех металлических разводящихся мостов, которые внесли в традиционно-классический облик архитектурно-художественного ансамбля Большой Невы ту же смелую ноту инженерной эстетики, что и Эйфелева башня, примерно в то же время, в бидермейер османовского Парижа. Но, пожалуйста, продолжите.

Л. М. Смирнов

Мотив столичности в облике города к 30-м годам XIX века меняет свой характер, он как бы растекается по городу и оседает на его наиболее значимых местах в виде особой архитектурно-стилевой знаковости.

Он уже однозначно связывается с определенным стилем и конкретными архитектурными мотивами. К этому времени уже доминировавший в облике города екатерининский классицизм, с победоносным для России окончанием наполеоновских войн в александровскую эпоху, получает мощный импульс новой образности. Из олицетворения величия, покоя и соразмерности он преобразуется в манифестацию бурного военного триумфа, парадной пышности и воспринимается как стиль победы.

Это направление, получившее определение “ампир”, буквально за какое-то десятилетие становится всеобъемлющим архитектурным мотивом столицы, фактически архитектурным знаком столичности. Воинственный декор “ампира” с его боевыми колесницами, трубящими Славами, воинской атрибутикой эпохи Римской империи довольно быстро придает Петербургу ярко выраженный облик “военной столицы”, как назвал его Пушкин. Казармы, которыми город был буквально окружен, дворцы, соборы, важнейшие административные здания строятся в этом стиле. Для “ампира” характерен

К. П. Беггров. Арка Главного штаба. 1812

Здания Сената и Синода

тотально-обобщающий характер, он мыслит не отдельными постройками, а целыми градостроительными измерениями. Если барокко или классицизм оформляют отдельное сооружение, подчеркивают его пластическую обособленность, то ампиризм единым решением стремится охватить целую улицу, квартал, набережную, площадь, а то и все их вместе. Многоликость и разнообразие отдельных сооружений города “ампир” скрадывает в “однообразную красоту” единого городского фасада. Отдельные дома как бы исчезают в ампирических одеждах, драпируясь в единый фасад улицы, фасад площади, фасад квартала. Такова знаменитая, и столь же уникальная, ампирическая улица зодчего Росси, по обеим сторонам которой вместо отдельных домов тянется лишь одна непрерывная колоннада-фасад, причем это лишь средняя часть грандиозного ампирического ансамбля, который начинается площадью Ломоносова на Фонтанке, включает площадь Островского, а завершается Михайловской улицей и Михайловской площадью с Михайловским дворцом (теперь площадь Искусств и улица Бродского). Таков гигантский полуовальный фасад Генерального штаба на Дворцовой площади, выходящий еще на Невский проспект, к Адмиралтейскому саду и на набережную Мойки. Два здания Сената и Синода на одноименной площади также решены как единый градостроительный фасад, охватывающий Английскую набережную, Галерную улицу, площадь и Конногвардейский бульвар.

Д. С. Лихачев

Хочу добавить: архитектурный ампир имел и свой отличительный цвет – желтый. В цветовой эмблематике желтый цвет символизирует золото. Штандарт Российского императора также имел одним из своих цветов желтый, т. е. золотой, перешедший в него из герба Византийской империи (черный двуглавый орел был изображен на золотом поле). Таким образом, соотносясь с цветом императорского штандарта, желтый цвет архитектурных построек “ампира” обозначал “имперскость” архитектуры, ее столичную характеристику.

Л. М. Смирнов

Ключевым архитектурным мотивом стиля “ампир” выступает арка, у нее двойная символика: и военная – как триумфальная арка победы, и градостроительная – как образ городских ворот столицы (городские ворота всегда выступали знаком фасада города). Ампириная концепция Петербурга, выдающимся архитектором которой был К. Росси, – это столица, торжествующая победу всем своим пространством. В системе ампириных значений такие главные площади города (окончательно сформированные в первые десятилетия XIX века творениями Росси), как Дворцовая и Сенатская, предстают как ансамбли-метафоры столичности – столица-триумфатор как бы выходит своими городскими воротами к наиболее значимым местам Империи: Зимнему дворцу – резиденции царствующего императора и к монументу Петра I – основателя столицы и Империи, столица как бы провозглашает им победу и подносит свои военные трофеи.

Еще один уникальный ансамбль столичности, уже не военного, а скорее “международно-дипломатического” содержания, сформировался в начале XIX века на Невском проспекте, который к этому времени уже играет роль главной, парадной улицы города. В отличие от “военных”, этот ансамбль не был специально спроектирован, он самосложился.

К. П. Беггров. Михайловский дворец, 1832

*Скульптор Б. А. Орловский.
Памятник фельдмаршалу М. И. Кутузову
на фоне Казанского собора*

Храмы различных конфессий и “иностранческих” вероисповеданий, как их тогда называли: голландская церковь, католический костел св. Екатерины, лютеранская кирха св. Петра, армянская церковь, в разное время возведенные по левой стороне проспекта, и православный Казанский собор (своего рода петербургский аналог собора св. Петра в Риме), как бы охватывающий их своей грандиозной дугообразной колоннадой с противоположной стороны проспекта, предстают как определенное архитектурно-смысловое целое. Казанский собор как главная православная церковь Петербурга (на торжественных службах в нем присутствовал императорский двор и правительство), а после Отечественной войны 1812 года обретший и значение пантеона российской воинской славы, как бы принимает парад и верительные грамоты иных народов и вероисповеданий, представленных словно посольствами и дипломатическими миссиями архитектурой своих храмов,

которые в прошлом, действительно, больше представляли в чужих столицах за свои народы, чем посольства и миссии. Это, если хотите, архитектурная метафора Венского конгресса, Священного Союза, когда Российская империя после Парижского мира выступила как спаситель Европы.

Это только наиболее масштабные выражения архитектурного образа столичности, который для Петербурга, несомненно, был доминирующей градообразующей темой.

Как мне представляется, подобной победной символикой столичности в Париже предстает та цепь триумфальных арок, воздвигнутых в разные исторические периоды и в различных архитектурных стилях, что протянулась от Лувра вдоль Елисейских полей и Авеню Шарль де Голь к району Дефанс. Только в отличие от петербургских ампирных, парижские сооружения решены в более традиционной римской форме отдельно стоящей арки.

Д. С. Лихачев

Я бы добавил еще вот что. Тема столичности присутствует в городе не только отдельными ансамблями или особыми стилистическими приемами в архитектуре. Она более широкая и всеобъемлющая. Она отпечатавалась на городе в целом.

Тему столичности дворянско-аристократической продолжил уже в начале нашего столетия буржуазный Петербург – целым архитектурным направлением, которое получило название “модерн”, точнее, особым стилевым мотивом в этом направлении, в котором акцентировалось классическое начало, так называемый неоклассицистский модерн.

Целый район города – Петроградская сторона – застроен архитектурой этого направления. Уникальный по градостроительному замыслу Каменно-островский проспект Петроградской стороны – это Невский проспект Петербурга XX века, он застроен 6–7-этажными доходными домами с пышными сложными ордерными фасадами с очень качественной отделкой камнем или под камень. Архитектура петербургских банков эпохи модерна – одна из самых интересных в городе. Прощальный взлет его архитектуры.

Но в мотиве столичности в облике Петербурга присутствует и еще один аспект. Петербург императорских резиденций и великокняжеских дворцов, огромных площадей и грандиозных военных парадов, дворянско-аристократический Петербург – это только одна сторона его столичности.

Но у него с самого начала была и другая, противоположная парадной сторона, которая в XIX веке постепенно сформировалась в своеобразный образ города. Это как бы двойник аристократического “регулярного” Петербурга, во всем ему противоположный. Это Петербург бедный, не дворцовых ансамблей, а сплошной лентой тянувшихся бесконечными кварталами однообразных доходных домов. Не проспектов, а невзрачных переулков, не

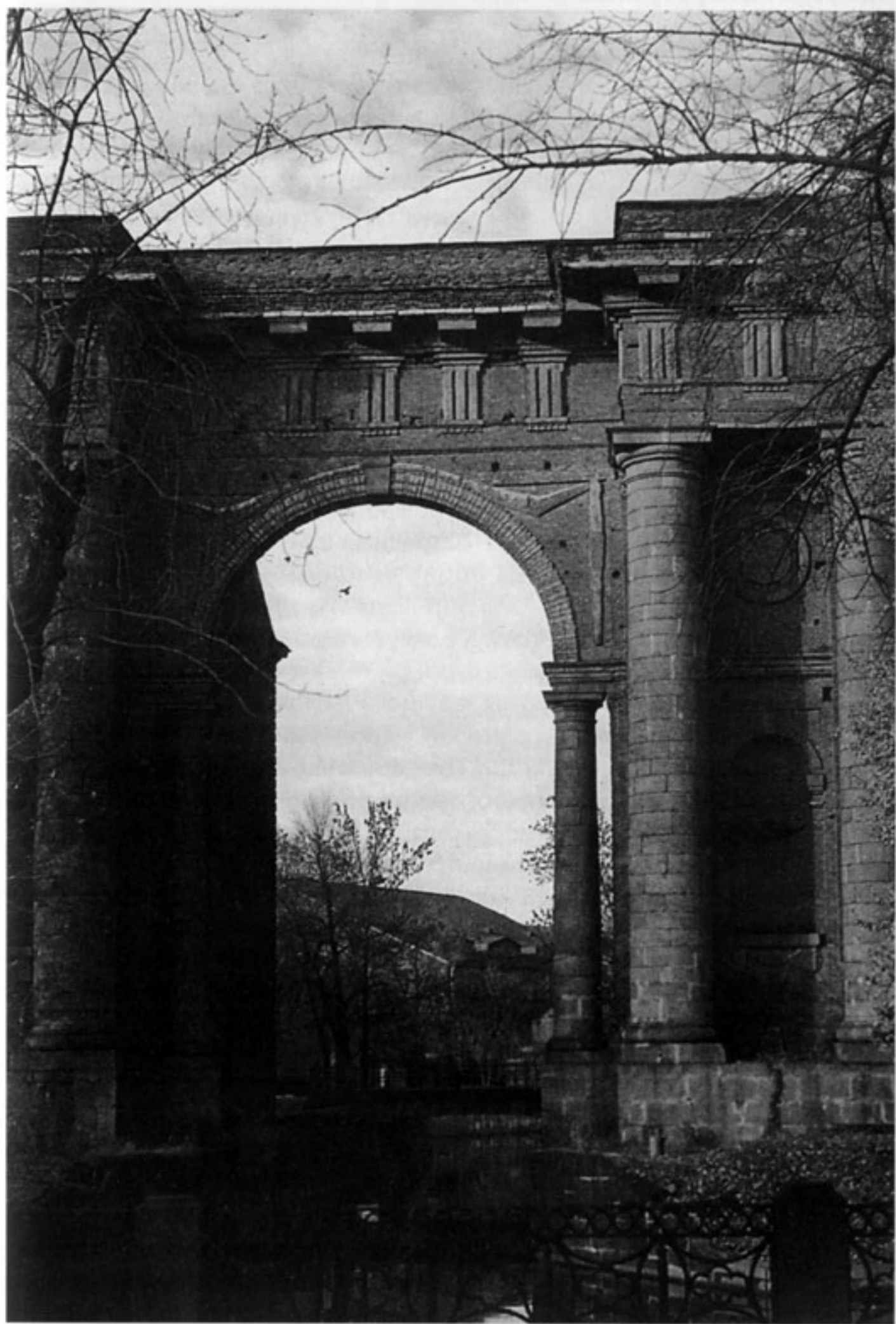
Коломна. Крюков канал

парков, а глухих дворов и световых колодцев. Этот Петербург ярче всего представляет район Коломны, хотя он присутствует практически во всех частях города. Здесь даже городской ландшафт контрастно противоположен аристократическому Петербургу, который за его стройность и торжественность Ломоносов уподобил воинским полкам, застывшим в парадном строю. Вместо геометрической ясности и стройности дворцовых кварталов, площадей и садов здесь – змеей извивающиеся на-

бережные узких рек и каналов, короткие, словно обрубленные улицы, переулки и тупики. Пространство Коломны сформировано пешеходами – здесь жили мелкие чиновники, которые ходили в свои департаменты пешком. И вы сразу чувствуете эту разницу в пространственном масштабе буквально своими ногами, как только переходите из одного района в другой. Из района Пушкина в район Достоевского – выражаясь реалиями литературными.

Эти две части города, две стороны его столичной медали не только контрастировали между собой сословным составом населения, образом жизни, обликом домов и улиц, они породили и отразили собой два отношения к городу. Если аристократический Петербург воспела русская литература александровской поры и прежде всего Пушкин, то другая, столь же великая литература, неистового в своем обличительстве реализма, во главе которой стоит Достоевский, этот город столь же неистово прокляла. Два гения русской литературы стоят по разные стороны образа Петербурга. Оба его создали. И оба им сотворены. Тема Петербурга у Пушкина и Достоевского полярны. И тот и другой сделали его стержнем своего творчества, посвятили ему центральные свои произведения. Но один видел в нем гениальное творение великого духа, другой – апокалиптическую блудницу, исчадь порока и преступности.

Русская литература, как и всегда, отразила этим саму жизнь – блеск и нищета Петербурга соседствовали и одновременно взаимоотрицали друг

Колонна. Новая Голландия

Народный (бывший Полицейский) мост

друга. Петербургское дворянство самолюбленно кичилось городом как “европейской столицей в азиатской стране”, своей близостью к императорскому двору, военная и придворная аристократия задавала тот оскорбительно безрасудный тон шика и блеска, которыми отличалась жизнь “северной Пальмиры”, как прозвали журналисты Петербург в 30-х годах XIX века. А в это время безродный и бедный Петербург, Петербург “Коломны” – пестрого, люмпенизированного приезжего люда, копил

ненависть и зависть к аристократическому Петербургу, ненависть и зависть лакея к господину (русского лакея к русскому господину), и вынашивал самые крайние и бесчеловечные формы мщения – революционный террор так называемых “народовольцев”, революционеров-убийц, идеологов самоуничтожения. Вся вторая половина XIX века прошла в Петербурге под знаком вражды этих двух частей, в атмосфере террора. Его кульминацией стало убийство “народовольцами” императора Александра II.

И революция ведь не случайно произошла в Петербурге. Она – часть истории города. Торжество ненависти одного Петербурга к другому. Петербурга подпольного к тому Петербургу, который “вознесся пышно, горделиво”. И с тех пор победившие “униженные и оскорбленные” лакеи (духовные лакеи) все семьдесят лет по-барски унижали город не в силах смириться с его аристократической природой.

Л. М. Смирнов

Скажите, пожалуйста, какие еще факторы предопределили формирование Петербурга?

Д. С. Лихачев

Уникальная особенность города – размах и стремительность его развития, Петербург – одна из самых молодых столиц мира и, при этом, одна из самых масштабных. Он строился всего каких-нибудь два неполных столетия. В начале нашего века он уже имел тот вид, каким он предстает сегодня. Я, конечно, не включаю в Петербург те окраинные части города, которые

были построены в советское время, – это уже какой-то другой город. Правильнее было бы даже сказать, что Петербург стал гораздо меньше – больше стал “Ленинград”, но это разговор особый.

В Петербурге нет скученности и затесненности европейских столиц, потому что он строился сразу целыми районами и на свободных пространствах, что позволяло сразу на весь город заложить ту меру пространства, которая обеспечивает зрелищность города. Город всегда представлял собой гигантскую строительную площадку. Причем даже за эти неполные два столетия большая часть города успела обновить свой облик дважды, а то и трижды. Слова Батюшкова – “вы не узнаете города, если не были в нем двадцать лет” – не преувеличение. Каждое новое стилевое веяние буквально обновляло город. Такими тотально обновляющими для города были архитектурные стили барокко – сначала петровское, затем елизаветинское, классицизм – екатерининско-павловский, затем александровский. Позднее заметную ноту в архитектурную гамму города внес так называемый “национальный” стиль с его “византийской” и “древнерусской” модификациями. Практически последним мощным аккордом для архитектурной симфонии города стало архитектурное направление “модерн” со всеми его многочисленными мотивами – от романо-готического, египетского до классицистского. В этом стиле почти целиком выстроена Петроградская сторона, залитейная часть города. После нашествия очередного архитектурного направления от предыдущего нередко оставались лишь отдельные постройки.

Л. М. Смирнов

Поэтому сооружения петровского времени так же редки в Петербурге, как в Париже памятники романского зодчества или ранней готики.

Д. С. Лихачев

Конечно. Но бурное развитие города никогда не было стихийным, бесконтрольным, оно всегда было подчинено той программе, той градостроительной идее – сплаву природных условий места с замыслом города-столицы, которую можно назвать петербургской градостроительной идеей. Петербургская идея была, наверное, самой

*Архитектор М. Розенштейн.
Дом на Каменноостровском
проспекте*

масштабной из культурных программ России. Развитие Петербурга было в числе самых важных стратегических задач Империи. Петербургская идея – это уникальный культурный процесс, где отдельные дарования нескольких поколений действовали как единая творческая воля. Ни одна европейская столица не знала такой масштабной символично-эстетической осмысленности своего развития. Эта петербургская идея привлекала в город наиболее творчески смелых и предприимчивых архитекторов, инженеров и строителей – не только невиданным строительным размахом, но и возможностью участвовать в смелых архитектурных начинаниях, сделать крупную карьеру архитектора. Но в той же степени эта петербургская идея и подчиняла (что не значит принижала или уравнивала) себе всех архитекторов, съезжавшихся в Петербург со всех стран Европы. Известно, что Петербург строили в основном архитекторы-итальянцы. Но сравните итальянские города с Петербургом – ничего похожего, это говорит о том, что петербургская идея заставила итальянскую зодческую школу работать на свой замысел. Я сказал, что Петербург строили в основном архитекторы-итальянцы, но сейчас подумал: правильнее сказать – петербургская идея создала плеяду русских архитекторов-итальянцев. Ведь не все же из них родились гениями – они становились гениями, работая в Петербурге, вдохновленные грандиозным градостроительным замыслом. Не гением Трезини, Ринальди, Тома де Томона, Вален-Деламота, Росси, Растрелли, Кваренги создан Петербург, как приходится иногда слышать. Петербургская идея создала гений Растрелли, Росси, Кваренги. Идея города-зрелища давала возможность дарованиям раскрыться в полной мере, его архитекторов и его ансамбли сформировала градостроительная идея города-зрелища.

Надо сказать, до революции за строительством был высочайший надзор. Во главе развития города стоял сам император или великий князь. Они принимали решения и давали указания, сообразуясь не со своим личным вкусом – ведь никто из них не был архитектором, – а исходя из единой идеи города, которой подчинялись все петербургские архитекторы. Например, вплоть до революции существовало (и выполнялось) традиционное правило – строить дома не выше Зимнего дворца – резиденции императора, иерархически самого главного из домов Петербурга. Поэтому весь Петербург и сейчас не выше шести этажей, даже застройка предреволюционной эпохи, всячески стремившаяся увеличить высотность, по-парижски прячет ее в мансардах.

Петербург исключительно ровный по высоте город. Отсюда и доминирование горизонтальных линий в облике города. Линия крыш в городе строго параллельна линии земли и воды. Поэтому прямые и длинные улицы и проспекты города имеют идеально правильную геометрическую перспективу, придающую облику города особую стилистическую чистоту, специфическую миражность облика.

Панорама Петербурга с видом на Никольский собор

Шпиль Адмиралтейства

Л. М. Смирнов

Да, впечатление такое, что в Петербурге вы как бы постоянно смотрите в бинокль, в его удаляющую оптику – так все протяженно и удалено.

Д. С. Лихачев

Обычно выразительный облик обретают города, которые строились на холмах, крутых берегах рек. Таковы Рим, Киев и многие другие прекрасные города. Но вот Петербург, строившийся на абсолютно ровной местности, тем не менее, сумел извлечь из равнинности ландшафта совершенно особые эстетические свойства, сумел построить на них один из самых уникальных городских пейзажей.

Как только вы оказываетесь в Петербурге, вас сразу охватывает удивительное ощущение ровности, гладкости почвы, на которой стоит город. Сначала вы даже не понимаете, что именно рождает это ощущение. А дело вот в чем. В городе необычайное обилие воды в виде рек, каналов, протоков. Большая Нева, Малая Нева, Большая Невка, Средняя Невка, Малая Невка, Фонтанка, Мойка, Смоленка, Монастырка, Карповка, Пряжка, Екатерининский канал, Крюков канал, Лебяжий канал, Адмиралтейский канал, Обводный канал... Вода видна практически отовсюду, и при этом вы видите, что ее уровень очень высок. Создается впечатление, что город как бы полузатоплен. Похожее, наверное, ощущение испытывают жители низинной Голландии. В дождливую погоду, когда улицы и площади покрыты водой, или зимой, когда поверхность воды скрыта льдом и снегом, реки кажутся площадями города, а городские площади – реками; так высоко подходит вода к поверхности земли. Высокий уровень воды в Неве и ее рукавах,

поднимающийся очень близко к уровню площадей и улиц, и создает ощущение особой ровности городского пространства. Сближенность плоскости воды и плоскости суши рождает у городского пространства идеально ровные линии. Почти соприкасающиеся плоскости воды и суши создают очень невысокую и очень ровную вертикальную полосу набережных, над которой высится менее ровная и как бы размытая непрерывная полоса городской застройки. Зубчатая, как бы дрожащая линия крыш домов на фоне неба создает впечатление призрачности города. Даже удаляясь от набережных вглубь городской застройки, мы продолжаем находиться среди той же системы горизонталей, теперь уже образуемых геометрической прямизной улиц, образующих столь же призрачные, уходящие к горизонту перспективы. Дело в том, что обилие площадей, садов, рек и каналов, своими пространствами сильно расширяющих городское пространство, создает в городе очень низкий горизонт, а точнее то, что англичане, имея в виду линию стыка неба и, например, крыши домов, называют skyline – “небесную линию”. Небесная линия Петербурга очень низка, и это еще дополнительно как бы удлиняет перспективы и без того протяженных проспектов и улиц.

Многочисленные парки, сады, скверы всегда аккуратно встроены в лицевую линию уличной застройки, так что в перспективе улицы они практически не видны – это тоже усиливает доминирование горизонтали в облике города.

Л. М. Смирнов

Между прочим, художники-перспективисты, как их тогда называли, начавшие изображать виды Петербурга уже с середины XVIII века, сразу же уловили и очень точно выразили этот мотив “полузатопленности” города,

В. Ф. Перро. Фонтанка. 1840-е гг.

Шпиль Петропавловского собора

теряющуюся вдали узкую полосу домов на его набережных, как бы зажатую между мощными массивами воды и неба [...].

В то же время при всем доминировании горизонтальности в облике города его эмблемой всегда выступали вертикали, уникальные шпили Петербурга – шпиль колокольни собора Петропавловской крепости и шпиль башни Главного Адмиралтейства...

Д. С. Лихачев

Шпили – это проявление морской стати города. Это самая старая, изначальная часть силуэта Петербурга. Шпили собора Петропавловской крепости, Адмиралтейства и колокольни Александро-Невской лавры (не сохранился) обозначали ядро города для прибывавших в Петербург морем. Это была часть морского фасада города. Морской фасад города формировался как система вертикалей. За десятки километров, уже от Кронштадта, путешественник видел на горизонте поднимающиеся из воды тонкие, как иглы, шпили башен и колоколен и по ним ориентировался в местонахождении города. Сейчас они уже все в центральной части города, и из самого города их значение как морского фасада не прочитывается. Шпили выступают в силуэте города как тема его ранней истории, в них – Петербург эпохи раннего барокко. Здание Адмиралтейства хотя и было кардинально перестроено в начале XIX века в духе классицизма, но шпиль башни был оставлен практически без изменения и сохранил свой барочный рисунок – это своего рода архитектурная цитата петровской эпохи на классицистской колоннаде башни, что тонко чувствовали все поэты, обращавшиеся к образу адмиралтейской башни, начиная с Пушкина. Золотой шпиль капеллы Михайловского (Инженерного) замка, построенный в конце XVIII века, тоже воспроизводит раннюю барочную форму. Он как бы заменил в тройке главных фасадных шпилей шпиль колокольни собора Александро-Невской лавры, перестроенного во второй половине XVIII века.

Кроме этих трех основных фасадных шпилей, вертикали города образуют и многочисленные колокольни храмов, среди них наиболее внушительные – колокольня Никольского Морского собора на Крюковом канале, Владимирской церкви на Владимирском проспекте, колокольня Князь-Владимирского собора на Петроградской стороне.

И, наконец, саму городскую застройку некогда отличало необыкновенное обилие разнообразных башенок, наверший и шпилей, флашгоков, особенно на угловых зданиях, что издалика акцентировало перекрестки. Эти иглы вертикалей как бы систематизируют, упорядочивают горизонтали города. Правда, во время последней войны очень многие башни и шпили на угловых домах были разрушены, чтобы лишить немецкую авиацию ориентиров при бомбовых налетах. Большинство из них так и не было восстановлено.

Л. М. Смирнов

Силуэт Петербурга – это в неменьшей степени и купола. Купола в силуэте города – это тема классического Петербурга. Золотой купол Исаакиевского собора господствует над городом и имеет для города то же значение, что и купол собора св. Павла для Лондона или купол церкви Инвалидов

Панорама Петербурга с видом на Исаакиевский собор

для Парижа. В каждой части города есть один, а то и несколько, купольных храмов, активно формирующих силуэт города. Громадный темно-синий купол Троицкого (Измайловского) собора эффектно замыкает перспективы, образуемые набережными Фонтанки и окраины Коломны, акцентом выступает многокупольный силуэт Преображенского собора в центральной части Литейного проспекта, купола костела св. Екатерины и Казанского собора – на Невском проспекте, величественный купол Екатерининской церкви – для набережных Малой Невы и Петроградской стороны.

Храмовые сооружения имеют ключевое градоформирующее значение в городском пейзаже Петербурга. Храмы формируют площади, замыкают перспективы улиц. По петербургским храмам можно читать историю и судьбу города; смену и борьбу в нем различных стилевых направлений, этапы хозяйственно-экономического развития города, в архитектуре храмов культурно-стилевые манифестации выражены подчас категоричнее, чем в особняках и дворцовых ансамблях. В облике храма отражено культурно-сословное содержание той или иной части города, будь то портовая или фабричная окраина, или район респектабельной буржуазии. По храмам можно судить о расселении национальных общин в тех или иных районах – греческой, немецкой, еврейской, татарской, финской и т. д. Даже такая важнейшая в облике города тема, как “военная столица”, заметнее выражена не ампириной монотонностью бесчисленных казарм по окраинам города, а великолепными полковыми храмами – Измайловским (Троицким), Преображенским, Сергиевским, Захарьевским, Введенским, Благовещенским, Мироновским (последние пять снесены), без которых невозможно себе представить облик Петербурга. Значительное число петербургских храмов в советское время было снесено или обезображено до неузнаваемости. Причем многие из них были уникальными для городского пейзажа. Пустоты и выломы, которые остались на площадях и улицах в тех местах, где они стояли, до сих пор красноречиво свидетельствуют об их важной градоформирующей роли. После сноса храмов неузнаваемо изменились и потеряли главное в своем облике Сенная площадь, Знаменская, Покровская (теперь пл. Тургенева) и многие другие. Очень многие храмы были уничтожены на кладбищах Петербурга, как, впрочем, и сами кладбища, но это отдельная тема.

Д. С. Лихачев

Я подумал вот о чем. Может быть, самый сильный из уронов, нанесенных городу советской властью, – это то, что у города была отнята его история, его память. Все семьдесят с лишним лет нас приучали воспринимать Ленинград как “выдающийся памятник архитектуры и градостроительства”, смотреть на один из самых близких для всех россиян город так, как смотрят на город посещающие его случайные туристы. Город как История, как Судьба

России был сведен до плоской идеологической схемы, отвечавшей интересам партийного руководства. Это один из самых страшных ударов, нанесенных городу советским режимом.

Все содержание города, по сути, свелось к его архитектурной наглядности, к истории и смене архитектурных стилей на его площадях и улицах. Даже городские храмы мы, сами того уже не замечая, привыкли рассматривать только как архитектурные сооружения, как градостроительные акценты. Нас приучили быть туристами в родном городе. Я говорю это, конечно, не в укор нашей беседе, ведь наша цель и состоит в том, чтобы рассказать прежде всего об облике города и его архитектуре, дать ключ к прочтению образа города и его архитектурных сооружений, ведь прежде всего это интересует читателей журнала, посвященного вопросам искусства и художественной культуры. Конечно, подлинная история города теперь, хотя и медленно, возвращается в город. Возвращаются исторические названия площадей и улиц. Историческая память возвращается домам, особнякам, дворцам. Должны вернуться в город и его храмы – не как “образцы архитектуры”, а как средоточие духовной жизни города.

Л. М. Смирнов

Среди храмов Петербурга один выделяется особо. По своему виду это самый непетербургский из храмов города, но без него немыслимо представить Петербург.

На Екатерининском канале, при слиянии его с Мойкой, гармония и размеренность имперской столицы, классический строй ее пространства словно взорваны всей своей громадой устремленным в небо, ослепляющим неземной экзотикой сооружением.

Построек в “русском стиле” в Петербурге много, сам стиль и возник в середине прошлого века в этом городе, хорошо вписался в его классическую меру, исторически ее наследовал и, надо сказать, не особенно бросается в глаза. Сказать об этом храме, что он “в русском стиле”, значит ничего не сказать о впечатлении, которое он оставляет. Скорее сам “русский стиль” в этом сооружении освобожден от своей казенно-самодержавной повинности и свидетельствует о чем-то не своем, не архитектурном. Петербургские храмы всегда обращены к городу, своими архитектурными массами планируют, формируют город. Этот храм, напротив, как бы стремится оторваться от города. Огромными размерами, резким нарушением строгой линии набережной канала, он поначалу кажется неуместным. Но затем начинаешь смутно чувствовать его особое право быть таким, начинаешь понимать, что он-то и есть здесь главное сооружение. Он словно изливает на окружающее и на весь город какую-то большую мысль, словно о чем-то свидетельствует. О чем?

*Канал Грибоедова. Вид с колокольни церкви
Воскресения Христова*

Д. С. Лихачев

Храм стоит на месте убийства императора Александра II – одного из самых значительных людей в истории России. Но обратите внимание: в облике храма нет черт трагизма и печали. Он скорее светится радостью. Его сияющая громада напоминает ларец из самоцветов, а не знак скорби.

Л. М. Смирнов

Этим он походит скорее на древнерусские иконы с их светом и радостью, чем на затейливую пестроту церковной архитектуры XVII века, лежащей в основе “русского стиля” конца прошлого столетия. Почему же памятник о столь трагическом событии выглядит так неожиданно? Мы привыкли к тому, что мемориалы жертвам насыщены драматизмом, скорбью, взывают к памяти-ненависти. Почему так нарушена им пропорциональность в одном из самых совершенных мест Петербурга, где и дворцы, и парки, и площади, и каналы, и дома сошлись в единое гармоничное целое?

Д. С. Лихачев

Чтобы понять смысл и содержание храма, нужно обратиться к тем событиям, с которыми он связан.

Период царствования Александра II российские историки справедливо назвали Эпохой великих реформ. Эти два десятилетия – с 1861 по 1881 год – может быть, как никакие другие в истории России близки и актуальны сегодня, ведь тогда, как и сегодня, шла полная драматизма борьба России за свою внутреннюю свободу.

Александр II был одним из самых выдающихся императоров России, а период его правления – переломным для последующей истории страны. Он сделал для России не меньше, чем Петр I. Тот тоже был великим реформатором России. Только Петр хотел сделать Россию великой и цивилизованной с помощью насилия и рабства, а Александр II с помощью свободы. Его справедливо называли императором-освободителем. Его крестьянская реформа освободила крестьян от крепостного рабства, военная реформа сделала более человечной воинскую повинность, судебная реформа ввела в России

*Церковь Воскресения Христова
("Спас-на-крови")*

цивилизированное судопроизводство – суд присяжных. Он осуществил реформу в системе образования, положил начало местному самоуправлению – земствам, при нем была ослаблена цензура печати. В царствование Александра II Россия значительно укрепила свое международное положение, пошатнувшееся после Крымской войны. И все это за каких-то пять-шесть лет!

Л. М. Смирнов

Но ведь вслед за этим последовал длительный период замедления и приостановки реформ, в результате реформ страна оказалась расколотой, каждое сословие, все социальные группы разделились надвое: одной части реформы казались полумерами, другой – слишком революционными. Помещики-крепостники не хотели расставаться с землей и властью над крестьянами, а прогрессивное дворянство стремилось добиться более активного участия в управлении страной...

Д. С. Лихачев

Замедление реформ и вызвало раскол в стране, но оно не было вызвано позицией императора. Все сословия, все группы населения так или иначе получали в результате реформ новые стимулы саморазвития. Кроме высшей бюрократии, почти весь XIX век практически правившей от имени императора. Высшая бюрократия, номенклатура, как мы сейчас говорим, была против реформ, против ограничения самодержавия по самой своей природе, потому что это означало, прежде всего, потерю ее привилегий. Поначалу Александр II сумел сплотить вокруг идеи реформ узкий круг лиц верхушки государственного аппарата. Однако опомнившись от шока реформаторской “оттепели” (слово это тогда и родилось), реакционная бюрократия сумела остановить реформы, удалить министров-реформаторов, изолировать императора от прогрессивно настроенного общества. Слепой и бездарной антиреформаторской политикой высшая номенклатура спровоцировала в обществе противостояние, разбудила в наиболее экстремистских слоях инстинкты насилия и разрушения. В революционном подполье сформировались террористические группы “Народной воли”, устроившие настоящую охоту на императора. На него было организовано пять покушений, устроен взрыв в Зимнем дворце, в собственном доме.

Правительство ответило на террор жестокими карательными мерами, за короткий срок было казнено 30 террористов. Словно сговорившись (известное “взаимопонимание” между ними не исключают историки), реакционная верхушка власти и “Народная воля” отвечали ударом на удар, террором на террор, все более накаляя обстановку в стране. В этой атмосфере всеобщего ужаса и ненависти мужественный император нашел силы и мудрость продолжить реформы, по его распоряжению был подготовлен документ,

Вид на церковь Воскресения Христова. Фотография нач. XX в.

открывавший путь конституции и Учредительному собранию. Но этому, последнему шагу к свободе и общественному примирению, который сразу же сделал бы ненужным и бессмысленным существование сил, персонифицировавших противостояние в стране – и революционеров-нигилистов с их призывом “Русь к топору!”, и реакционной бюрократии с ее идеей “сильной власти” – этому последнему шагу не суждено было осуществиться. 1 марта 1881 года по пути с развода в Михайловском замке, на набережной Екатерининского канала Александр II был убит террористами. В очередной раз в истории России номенклатура показала свою изворотливость и силу, свою страшную живучесть. Спровоцированные ею действия достигли цели.

Убийство императора потрясло Россию. Власть ответила на него казнями и жесткими контрреформами. Но граждански и духовно зрелая Россия ответила иным. Во многих городах России были установлены памятники Александру II в виде статуй, часовен, памятных знаков. Памятник императору был установлен и в Кремле, проект его создал П. Жуковский, сын поэта В. Жуковского, который был воспитателем юного Александра. Этот памятник царю-освободителю, как и все другие, уничтожен в советское время. Но, несомненно, с наибольшей глубиной и полнотой выразил роль и значение для России императора Александра II памятник-храм, сооруженный на месте его гибели.

Л. М. Смирнов

Впечатление от него такое, что будто какие-то высшие силы, из мира других измерений, внесли огромный драгоценный ларец на планшет города

Фрагмент фасада церкви Воскресения Христова

и поставили на нужном месте, не считаясь с мерой и логикой городского пространства...

Д. С. Лихачев

Да, его очертания, скорее, не архитектурные, а пластические, он как бы не “архитектура”, а вещь: сокровищница, дарохранильница; он принесен как дар светлой памяти императора-освободителя. Храм строился на народные пожертвования, его наружные стены унизаны изразцами с гербами российских городов – тех, что внесли жертвования святынями, драгоценной утварью, дорогими отделочными материалами. Алтарь храма и место гибели императора украшены редкими минералами. Храм – дарохранильница и в другом смысле, он хранит в себе жертвенный подвиг императора. Поэтому храм и имеет такой радостный вид. Православная церковь увидела в трагической гибели Александра II светлый духовный подвиг. Современников поражало его бесстрашие перед террористами, он продолжал игнорировать их угрозы даже после того, как на него были совершены покушения. Он пренебрегал предупреждениями об опасности, передвигался почти без охраны. Он осознавал опасность, но не боялся. Церковь мудро увидела в этом нечто большее, чем солдатское бесстрашие и гражданское мужество. Гибель Александра II в свете русской православной святоотеческой традиции – это подвиг добровольной жертвы. Император принял ради свободы добровольную мученическую смерть. Этот удивительный вид духовного подвижничества открывают в русской святости ее первые святые, князья-братья Борис и Глеб. Александр II совершил

этот подвиг в самое переломное для России время как последний человеческий жест умиротворения.

В радостном облике храма выражена глубоко русская православная традиция расценивать смерть человека, совершившего духовный подвиг,

как праздник, как признак святости, ведь смерть святого – это указание на явление людям высшей, вечной жизни. Император не погиб, а воскрес – вот в чем смысл праздничного облика храма, вот в чем смысл его названия: Храм Воскресения на Крови.

Л. М. Смирнов

Надо сказать, что образ храма далеко не всеми был принят и понят. Поначалу его архитектура вызвала волну критики, негодование петербургских эстетов как сооружение, “испортившее” своим видом лучшую часть города. Культурные и художественные лидеры возмущались “нелепой громоздкостью” и “безвкусицей” этого сооружения. И только со временем отношение к храму стало меняться, начало приходить его понимание.

Д. С. Лихачев

Сами эти нарушения храмом градостроительных пропорций и масштабов места имеют глубокую значимость в исторической и культурной топографии Петербурга.

Екатерининский канал, пересекая город, как бы отражал собой полярную природу пространств двух Петербургов; линейно-строгий в дворцово-аристократической части, он теряет свою классическую осанку в разночинной коломенской, змеей извивается среди тупиковых, обрывистых, бесперспективных улиц, отражая в себе безродный, бедный, деклассированный Петербург.

В культурной топографии Петербурга эти две части города, два образа столицы также полярно противостоят друг другу, как “Народная воля” из дворового подполья Петербурга противостояла дворцово-бюрократическому Петербургу Мильонной и невских набережных. Храм встал как

Канал Грибоедова

указание встречи этих двух Петербургов, как градостроительный символ искупления их противостояния.

В западной части храма находится его святыня. Под колокольной место, где произошло покушение на императора, оформлено в виде отдельной часовни, здесь сохранена в первоначальном виде часть мостовой со следами взрыва, которым был сражен император.

Храм был закрыт еще до войны. Но мне пришлось бывать в нем и позже. Это было во время блокады, зимой 1943-го. Были сильные морозы, в храм свозили тела умерших из окружающих домов и улиц. Помню, трупы, как дрова, штабелями были уложены в помещении храма. Посреди храма люди, свозившие их, – сами еле живые от истощения – жгли костер, чтобы согреться. Не так давно, летом, я оказался неподалеку от храма и решил посмотреть, что с ним происходит. Он уже много лет реставрировался и был обнесен глухим забором. Я заглянул в полуоткрытые ворота, на которых висело объявление, что посторонним вход воспрещен. Сторож начал было запирасть их, но узнал меня и провел в храм.

Меня удивило, как хорошо он сохранился, уникальные мозаики практически не пострадали. На плинтусах столбов из темного мрамора были

*В. М. Васнецов. Несение креста.
Фрагмент фасада церкви Воскресения Христова*

*В. М. Васнецов. Богоматерь с Младенцем.
Фрагмент иконостаса церкви
Воскресения Христова*

отчетливо видны и следы огня от тех блокадных костров, мрамор был выжжен. Я тогда подумал, что эти следы – тоже святыня и их следовало бы сохранить как память о тех сотнях или тысячах жертв, лежавших здесь тогда. Не знаю, сделали ли это.

Л. М. Смирнов

Петербург един и множественен одновременно. Есть Петербург, который сравнивают с Венецией, есть Петербург, который сравнивают с Римом, есть Петербург, который сравнивают с Парижем, это все разные петербурги. Васильевский остров, Петроградская сторона, Коломна, Выборгская сторона, Острова, Охта – все это тоже петербурги, каждый со своим историческим и пространственно-архитектурным настроением. “Ленинград” – это тоже один из петербургов, о нем мы говорить не будем.

Но об одном из петербургов не сказать нельзя. Углубитесь в городские кварталы, загляните во дворы, в пространственные разрывы и пустоты его сплошной застройки, и вы сразу почувствуете, что оказались в другом мире. Вокруг возвышаются облезлые глухие торцы домов, обрамляющие безлюдные пустыри. Поднимите голову: над крышами окружающих домов нависают задние стены примыкающих к ним доходных громад – тоже безоконные, с наростами дымоходов, на которых копоть прошлого столетия. Это заличье, а, вернее, другой, внутренний лик города, петербургский брандмауэр.

Все, что лицевая сторона прячет: дворовые окна без наличников, крыши без карнизов, вытяжные трубы и отдушины – санитарно-коммунальное выражение столичной нищеты жизни – брандмауэр беспощадно поднимает над его крышами, это самая видимая и бросающаяся в глаза деталь облика Петербурга.

Самодовольной телесности фасадов брандмауэр противостоит как болезненная двухмерная тень ее отрицания, он как бы обнажает безобразные разрывы и выломы холеной фасадности города, разоблачает блефующую роскошь его лицевой стороны. Можно сказать, брандмауэром манифестирует о себе вся антистоличная жизнь столицы, та подпольная “душа Петербурга”, которая со времен Пушкина открылась русской литературе в подворотнях, на черных лестницах, в каморках под крышами, ночных площадях-пустынях,

На Петроградской стороне

зловонных каналах, азиатских рынках. Петербургский брандмауэр – это адекватная альтернатива его гениальной фасадности.

Брандмауэр неизбежно рос вместе с фасадами города – все выше и выше – ведь он их обратная, дворовая сторона. Каждое новое усилие обновить и украсить город, с той же активностью, оборачивалось вздыманием над четырехэтажными домами глухих стен и торцов выстроенных рядом пяти- и шестиэтажных, а затем, над ними – семиэтажных домов. Архитектурная эпоха начала XX века, давшая городу роскошные громады домов-кварталов, внесла в его облик и самые мрачные и подавляющие брандмауэры.

Брандмауэр, однажды обозначившись, не только не устраним из облика города, но как будто со временем все больше становится доминирующей его

темой, противопоставляя себя “первоначальному” фасадно-лицевому началу. Сейчас, когда вследствие всеобщей разрухи весь город становится брандмауэром, его трагическая символика предсмертного профиля Петербурга улетучивается. Может быть потому, что ПЕТЕРБУРГ уже действительно умер, и не о чем пророчествовать.

Дмитрий Сергеевич! Вы знаете много петербургов – и реальных, и литературных, и исторических, и мифических, о некоторых мы уже с вами говорили. Вы видели петербурги, которых уже нет. Скажите пожалуйста, какой из петербургов вам наиболее близок?

Д. С. Лихачев

Мне всего ближе Петербург моего детства. Город, которого уже нет. И никогда не будет. Он почти во всем противоположен сегодняшнему. Сейчас Мойка, Фонтанка, каналы, сама Нева совершенно пусты, лишь иногда по ним проплывают прогулочные катера с туристами. А самые первые впечатления детства – барки, буксиры, лодки, ялики. Ими заполнено все: рукава Невы, реки, каналы, кажется, что даже и улицы, повсюду мачты, целый лес мачт.

Барки с дровами, кирпичом. Во многих местах решетки каналов раскрыты или сняты. Кирпичи увозят сразу, а дрова лежат сложенными на набережных. На Лебяжьей канавке у Летнего сада пристают большие лодки с глиняной посудой – горшками, тарелками, кружками, а бывает, и с глиняными игрушками-свистульками. Иногда из района Онеги привозят деревянные ложки. Лодки и барки качаются и кажется, что и сам город чуть-чуть покачивается.

Архитектура не бросается в глаза, как сейчас. Фасады заслонены вывесками. Только на площадях нет вывесок и от этого они кажутся особенно большими. Невский проспект не просматривается из-за трамвайных столбов и вывесок. На Литейном, на Владимирском, на Морских вывески карабаются по этажам, достигая третьего. А в небольших и узких улицах вместо вывесок над тротуарами висят крендели, головы быков, ножницы, сапог, пенсне – все они огромные.

По краю тротуара нестройные ряды тумб и наполовину вкопанных старинных пушек, они оберегают прохожих от наезда телег и пролетов. Асфальт – это теперь, а тогда – тротуары из известняка, а мостовые – булыжные. Известняковые плиты выглядели очень красиво. Еще красивее огромные, во всю ширину тротуара, гранитные плиты на Невском. Они остались только на Аничковом мосту, немногие сохранившиеся перенесены сейчас к Исаакиевскому собору. На окраинах бывали тротуары из досок. Булыжные мостовые из разноцветных обкатанных гранитных камней тоже были красивы после дождя или поливки.

Тщательно ухожены первые этажи главных улиц. Парадные двери зеркально чисты, их полируют. Сверкают медные ручки.

Весь первый этаж Невского проспекта был зеркальным, очень многие витрины и на других главных улицах были зеркальными. Витрины магазинов были оформлены богато и изобретательно, помню витрину магазина игрушек и магазина цветов на Невском. Тогда было принято в полдень совершать прогулки по Невскому, по Большой и Малой Морским, где были самые дорогие рестораны и магазины, цветочные, ювелирные, антикварные, мебельные. Публика была одета очень красиво и нарядно, выделялась очень эффектная военная форма, – особенно гвардейская и морская. Культура военной формы была необычайно высокой. Военные украшали город.

Звуки Петербурга. Они тоже были совершенно другими. Цоканье копыт по булыжной мостовой, треньканье трамваев.

Очень часто были слышны на улицах звуки военных оркестров. То полк шел в церковь (по праздникам и воскресным дням), то хоронили генерала: по возвращении с кладбища полагалось играть бодрую музыку. С оркестром ежедневно шли на развод караула к Зимнему преображенцы или семеновцы. Были и “тихие” звуки: звенели шпоры военных. За звоном своих шпор офицеры следили. Шпоры часто были серебряными.

По утрам с окраин города, особенно с Выборгской стороны, доносились фабричные гудки. Каждый завод можно было узнать по гудку. Эти гудки были тревожными, призывными.

У города был совершенно другой цвет. Казенные дома в основном темно-красного цвета. Темно-красный Зимний, темно-красный Генеральный штаб. Сенат и Синод тоже красные. Остальные дома тоже добротны выкрашены в темные цвета, только Адмиралтейство – желтое с белым.

Л. М. Смирнов

Сейчас часто можно слышать, что теперешний Петербург своей неухоженностью и запущенностью напоминает Петроград 20-х годов, сразу после Гражданской войны. Тогда поэты и писатели – Ходасевич, Мандельштам, Вагинов – восхищались его красотой ветшания, красотой умирания. Они сравнивали его с Римом после нашествия варваров. Действительно ли это так?

Д. С. Лихачев

Нет. Сравнить тот Петроград с сегодняшним Петербургом, по-моему, нельзя. Тогда разруха носила другой характер.

Прежде всего другие были люди. Еще оставалась в городе старая петербургская интеллигенция, те, кто не эмигрировал и не был репрессирован в годы революции. Тогда по улицам в лаптях и рваных валенках, в старой одежде ходили профессора с мировым именем, вчерашняя “публика”. Сегодня улицы переполнены, я бы сказал, разодетыми беспризорниками. Город уже давно населен приезжими, с той поры население города обновилось полностью

уже, наверное, раза три – в основном за счет деревенских жителей окрестных областей. Тогда у горожан был еще в крови особый петербургский уклад жизни, столичный стиль быта. Что это такое, в двух словах не объяснишь, как не объяснишь в двух словах, что такое культурный или воспитанный человек. А теперешнее население в основе своей уже не знает, не понимает, да и не любит свой город, а все больше и больше его разрушает, даже когда “благоустраивает”. Ведь лицо города, в конечном счете, определяет не архитектура, а жители. Петербург – это уже глубоко периферийный, “областной” город.

Конечно, разрушение города началось сразу после революции, прежде всего в результате мародерства, разграбления, которое коснулось всего, что было в городе дорогого и ценного, – интерьеров, мебели, антиквариата, скульптуры, живописи. Разворовывались особняки, дорогие элементы декора дворцов и административных зданий, магазины, витрины. Но архитектура тогда практически не пострадала, были целы ограды, решетки, уличные фонари и светильники, скамейки, малая городская архитектура, тротуары.

Все началось позже. И это не было саморазрушением – город строился на века. Петербург был подвергнут планомерному, организованному разрушению, масштабы которого с каждым десятилетием нарастали. В 30-е годы у города была изъята медная фурнитура: дверные ручки, оконные шпингалеты – металл понадобился для одной из строек 1-й пятилетки. Позднее настала очередь садовым решеткам, парковым оградам – чугун, из которого они когда-то были отлиты, оказался исключительно высокого качества и приглянулся военной промышленности. Постепенно когда-то благоустроенные улицы и площади обретали теперешний ободранный и оголенный вид. Так “открывалась” архитектура города.

Но настоящим крупномасштабным и необратимым разрушениям город был подвергнут, как это не звучит парадоксально, бездарной и безответственной программой его расширения и строительства. Строительство, которое развернулось в послевоенные годы, по периферии города принесло историческому Петербургу больше вреда, чем немецкие бомбежки. Ведь взорванные дома и дворцы оказалось возможным восстановить, а город, погребенный под монотонными микрорайонами, уже не восстановишь.

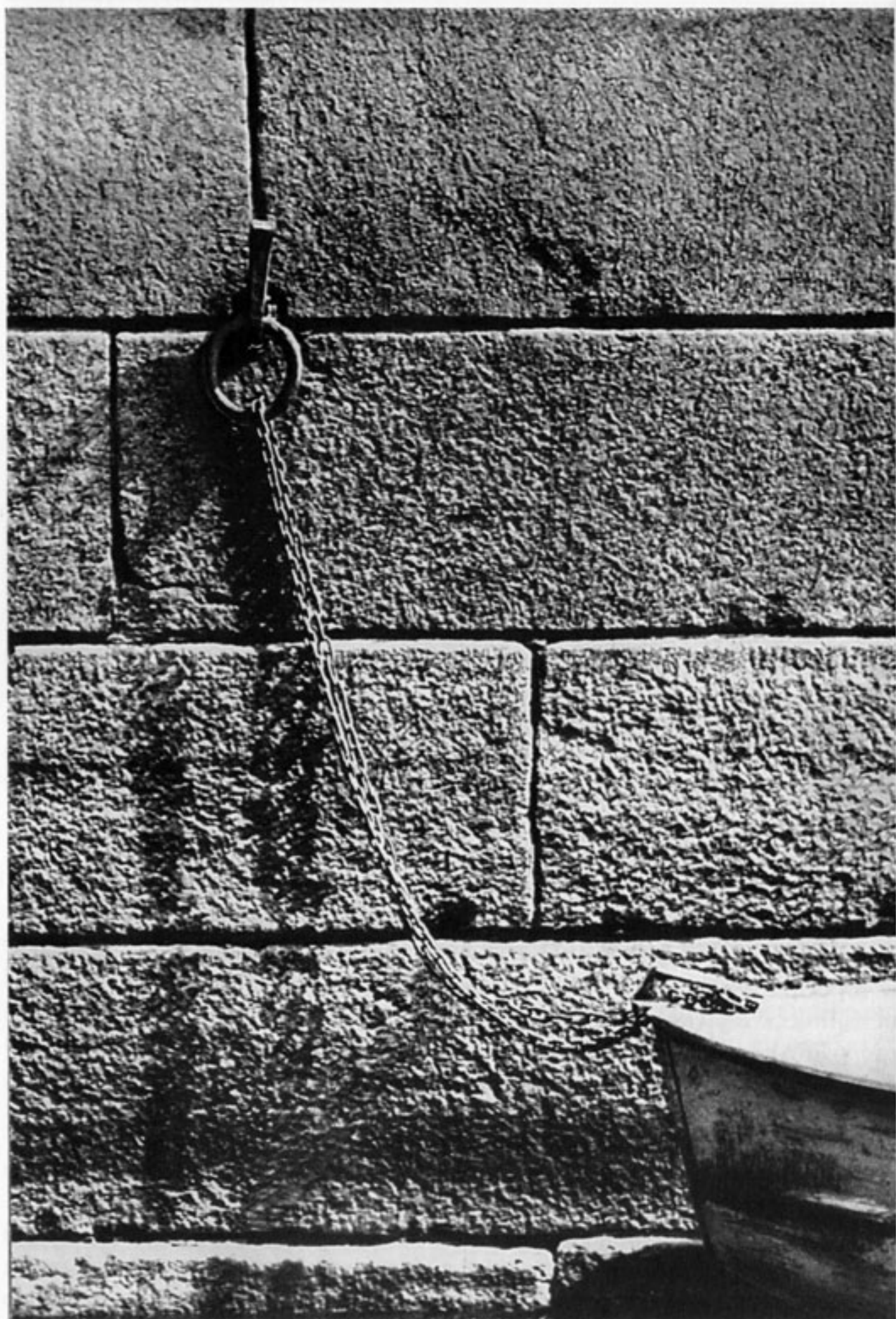
Л. М. Смирнов

Какие части города полностью утратили свой облик, по сравнению с тем городом, который сохранила ваша память?

Д. С. Лихачев

Скажу откровенно, не знаю с чего и начать длинное перечисление.

В катастрофическом состоянии морской фасад Петербурга. Тот грандиозный замысел Петра – “ворота в Россию”, который возводился более ста лет,

На причале

за последние десятилетия, усилиями наших градостроителей, практически уничтожен. Парковые кулисы, тянувшиеся на многие километры по обеим берегам Невской губы, обрамлявшие захватывающую панораму Петербурга, которая открывалась взору с залива сразу после Кронштадта, постепенно поглощаются новыми жилыми районами, складами, гаражами и прочими хозяйственными постройками. А сама уникальная панорама города, открывавшаяся с залива за десятки километров, уже не существует: раньше открытое побережье уже сплошь застроено микрорайонами панельных домов, т. е. самой безликой архитектурой в истории градостроительства. Создан антифасад города. Нашим безграмотным градостроителям и хозяевам города, наверное, казалось, что они делают благородное дело, застраивая пустынные берега Невской губы. А они тем самым уничтожили один из величайших градостроительных ансамблей, которые знает мировое градостроительство.

Довершает это беспрецедентное градостроительное варварство строительство поперек Невской губы уродливой дамбы, которая бесповоротно обезобразила зеркало залива, окончательно лишила его какой-либо естественности. Я уж не буду говорить об экологической стороне дела – дамбой Невская губа превращена в помойную яму.

Для города – это настоящая трагедия. Ведь морской фасад был и единственным фасадом города. Со стороны Московской железной дороги никакого фасада у города нет и никогда не было. Это всегда были задворки, Лиговка всегда была районом извозчичьих стоянок, ночлежных домов, притонов, кабаков. Так что по железной дороге мы въезжаем в город как бы через черный ход.

А по Московскому шоссе вы въезжаете в какой-то гнетуще-тяжелый, помпезно-мрачный проспект сталинской архитектуры, претендующей быть фасадом города. Но это не Петербург. Это продолжение Москвы, ее Ленинградского проспекта. Это тот самый “ленинград”, город, не имеющий к Петербургу никакого отношения, о котором мы договорились не заговаривать.

Мы начали разговор с невеселой ноты, невеселой нотой его и заканчиваем. Но я не слышу сегодня другой ноты в трагически длинном имени города. Санкт-Петербург–Петербург–Петроград–Ленинград–Санкт-Петербург... “Самый красивый город мира” – это и город-трагедия. Это было всегда. При всех названиях города. Он с этим родился. Но сегодня, похоже наступает пятый – последний – акт этой трагедии.

Л. М. Смирнов

Спасибо за беседу.

Санкт-Петербург

Июнь–июль 1992

О ПАМЯТИ

Память – одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого...

Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нем останутся складки, и если вы сожмете его вторично – часть складок ляжет по прежним складкам: бумага “обладает памятью”...

Памятью обладают отдельные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения и движения в ледниковый период, стекло, вода и т. д. На памяти древесины основана точнейшая специальная археологическая дисциплина, произведшая в последнее время переворот в археологических исследованиях, – дендрохронология.

*Крытое крыльцо.
Деревня Сергиевская
Тарногского района*

Сложнейшими формами родовой памяти обладают птицы, позволяющими новым поколениям птиц совершать перелеты в нужном направлении к нужному месту. В объяснении этих перелетов недостаточно изучать только “навигационные приемы и способы”, кото-

рыми пользуются птицы. Важнее всего память, заставляющая их искать зимовья и летовья – всегда одни и те же.

А что и говорить о “генетической памяти” – памяти, заложенной в веках, памяти, переходящей от одного поколения живых существ к следующим.

При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно; путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, семейные навыки, трудовые навыки, общественные институты...

Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно.

Принято примитивно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим.

Память – преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти. “Беспамятный” – это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания того, что ничто не проходит бесследно. Человек, совершающий недобрый поступок, думает, что поступок этот не сохранится в памяти его личной и в памяти окружающих. Он сам, очевидно, не привык беречь память о прошлом, испытывать чувство благодарности к предкам, к их труду, их заботам и поэтому думает, что и о нем все будет позабыто.

Совесть – это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Семейные фотографии – это одно из важнейших “наглядных пособий” морального воспитания детей, да и взрослых. Уважение к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям, к их песням и развлечениям. Все это дорого нам. Да и просто уважение к могилам предков. Вспомните у Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.*

Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово в его стихах требует раздумий. Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля была бы мертва без любви к отеческим гробам, без любви к родному пепелищу. Два символа смерти и вдруг – “животворящая святыня”! Слишком часто мы остаемся равнодушными или даже почти враждебными к исчезающим кладбищам и пепелищам – двум источникам наших не слишком мудрых мрачных дум и поверхностно тяжелых настроений. Подобно тому, как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким – родным и друзьям, старым друзьям, т. е. наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, – так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ. Может быть, можно было бы подумать, не строить ли нравственность на чем-либо другом: полностью игнорировать прошлое с его, порой, ошибками

Солигалич

и тяжелыми воспоминаниями и быть устремленным целиком в будущее, строить это будущее на “разумных основаниях” самих по себе, забыть о прошлом с его темными и светлыми сторонами.

Это не только не нужно, но и невозможно. Память о прошлом прежде всего “светла” (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически.

Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества – это активная память человечества, активно же введенная в современность.

В истории каждый культурный подъем был в той или иной мере связан с обращением к прошлому. Сколько раз человечество, например, обращалось к античности? По крайней мере, больших, эпохальных обращений было четыре: при Карле Великом, при династии Палеологов в Византии, в эпоху Ренессанса и вновь в конце XVIII – начале XIX века. А сколько было “малых” обращений культуры к античности – в те же Средние века, долгое время считавшиеся “темными” (англичане до сих пор говорят о Средневековье – “dark age”). Каждое обращение к прошлому было “революционным”, т. е. оно обогащало современность, и каждое обращение по-своему понимало

это прошлое, брало из прошлого нужное ей для движения вперед. Это я говорю об обращении к античности, а что давало для каждого народа обращение к его собственному национальному прошлому? Если оно не было продиктовано национализмом, узким стремлением отгородиться от других народов и их культурного опыта, оно было плодотворным, ибо обогащало, разнообразило, расширяло культуру народа, его эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым.

Каролингский Ренессанс в VI–VII веках не был похож на Ренессанс XV века. Ренессанс итальянский не похож на североевропейский. Обращение конца XVIII – начала XIX века, возникшее под влиянием открытий в Помпее и трудов Винкельмана, отличается от нашего понимания античности и т. д.

Знала несколько обращений к Древней Руси и послепетровская Россия. Были разные стороны в этом обращении. Открытие русской архитектуры и иконы в начале XX века было в основном лишено узкого национализма и очень плодотворно для нового искусства.

Хотелось бы мне продемонстрировать эстетическую и нравственную роль памяти на примере поэзии Пушкина.

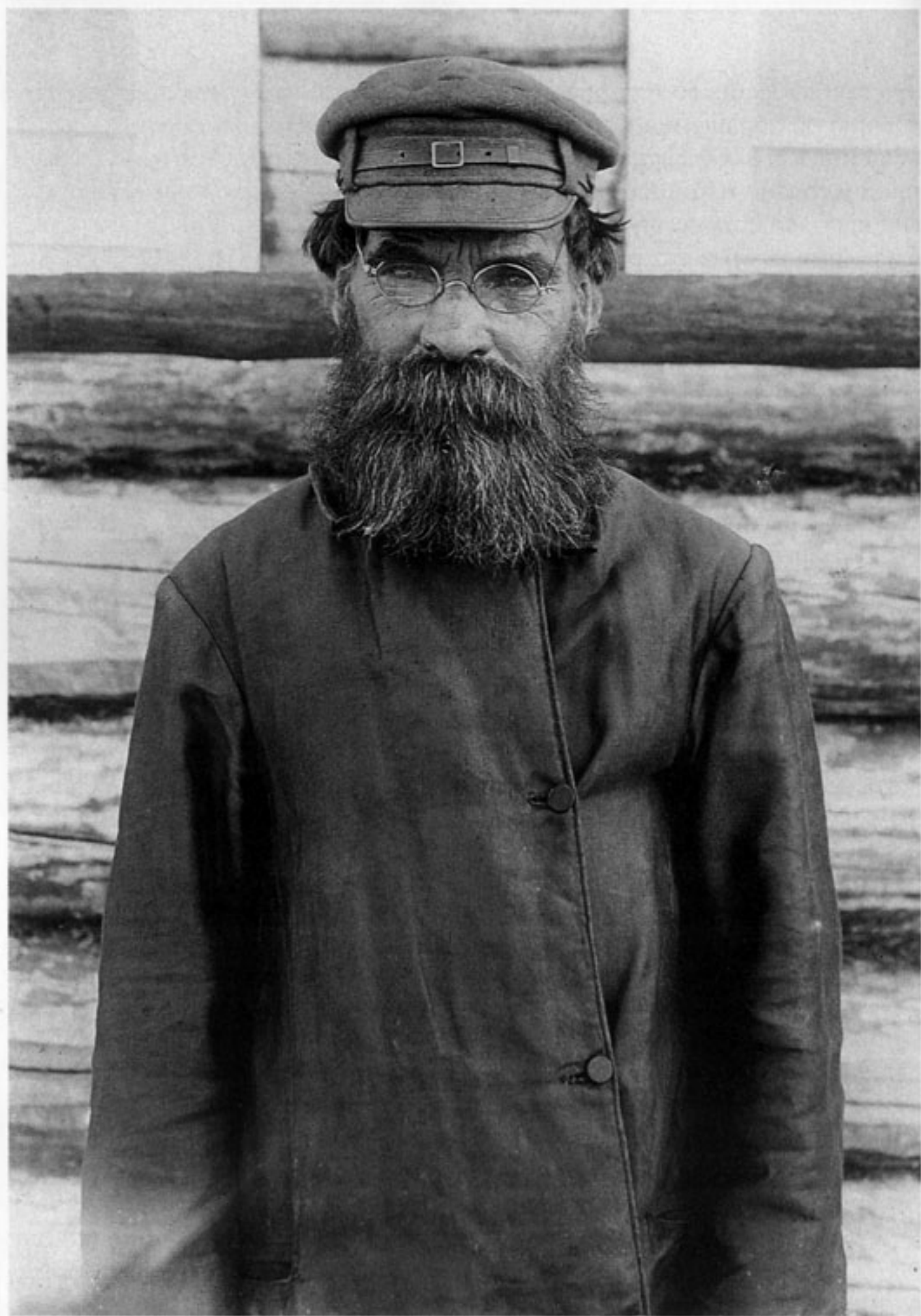
У Пушкина память в поэзии играет огромную роль. Поэтическая роль воспоминаний прослеживается с детских, юношеских стихотворений Пушкина, из которых важнейшее “Воспоминания в Царском Селе”, но в дальнейшем роль воспоминаний очень велика не только в лирике Пушкина, но и даже в поэме “Евгений Онегин”.

Когда Пушкину необходимо внесение лирического начала, он часто прибегает к воспоминаниям. Как известно, Пушкина не было в Петербурге в наводнение 1824 года, но все же в “Медном всаднике” наводнение окрашено воспоминанием:

*Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...*

Свои исторические произведения Пушкин также окрашивает долей личной, родовой памяти. Вспомните: в “Борисе Годунове” действует его предок Пушкин, в “Арапе Петра Великого” – тоже предок, Ганнибал.

Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры, “накоплений” культуры, память – одна из основ поэзии – эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память – наше богатство.

*Сказитель К. Л. Фофанов из деревни Карпова Гора. 1927
Фотография из альбома "Северная экспедиция 1926–1929 гг."
(из Рукописного отдела Пушкинского Дома)*

РУССКИЙ СЕВЕР

Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем.

Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песни и сказки, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось, что только так и можно жить по-настоящему: размеренно и легко, трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения. В каком крепко слаженном карбасе мне довелось плыть (“идти”, сказали бы поморы), каким волшебным мне показалось рыболовство, охота! А какой необыкновенный язык, песни, рассказы!.. А ведь я был совсем еще мальчиком, и пребывание на Севере было совсем коротким – всего месяц, месяц

*Невеста. Усть-Цильма. 1927
Фотография из альбома
“Северная экспедиция 1926–1929 гг.”*

летний, дни длинные, закаты сразу переходили в восходы, краски менялись на воде и в небе каждые пять минут, но волшебство оставалось все тем же. И вот сейчас, спустя столько лет, я готов поклясться, что лучшего края я не видел. Я зачарован им до конца моих дней.

Почему же? В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории – русской! – самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха.

О Русском Севере много пишут наши писатели-северяне. Но ведь они – северяне, многие из них вышли из деревни (вышли, но в какой-то мере и остались), им стеснительно писать о своем. Им самим иногда кажется, что, похвалили они свое, и это будет воспринято как бахвальство. Но я родился в Петербурге, Петрограде, Ленинграде, может быть, еще и в Питере – это особый, рабочий город, выделившийся из Петербурга. Мне-то писать о своей бесконечной любви к Русскому Северу вовсе не стеснительно...

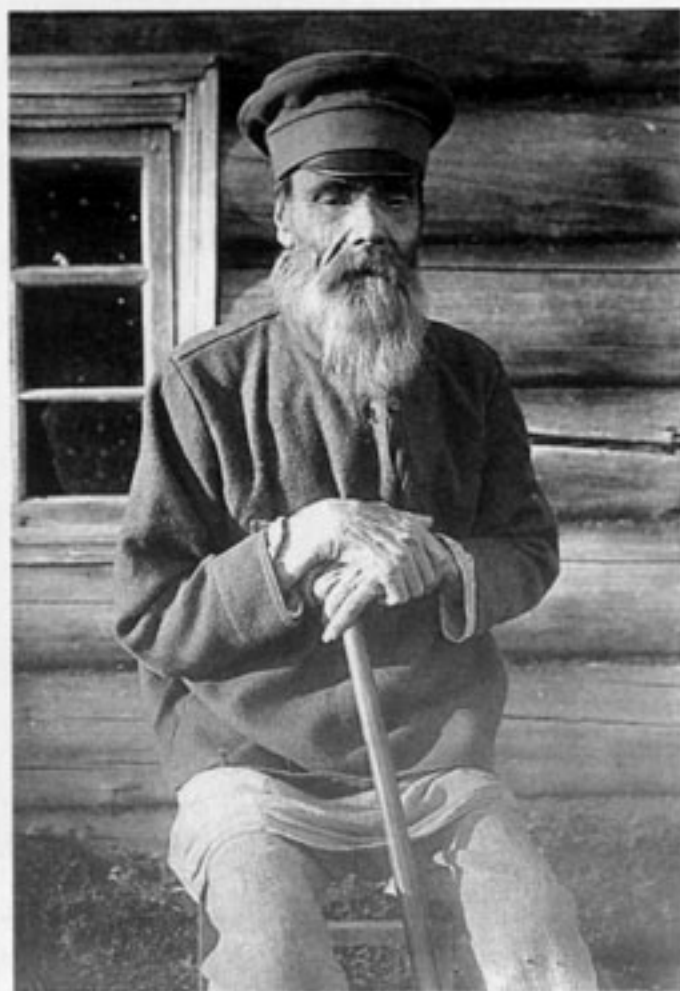

*Кижы. Церковь Покрова. 1926
Фотография из альбома "Северная экспедиция 1926-1929 гг."*

Фотографии из альбома "Северная экспедиция 1926–1929 гг.":
Заонежье. Великая Губа. Деревня Тарасы. 1926

Н. В. Лохновский. Покишеньга. Деревня Холм (слева). 1927
А. Е. Мерзлый. Деревня Засурье (справа). 1927

Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжелые времена русской истории – эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию – песенную, словесную, русские трудовые традиции – крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины. Да разве расскажешь обо всем, чем богат и славен наш Север, чем он нам дорог и почему мы его должны хранить как зеницу ока, не допуская ни массовых переселений, ни утрат трудовых традиций, ни опустения деревень! Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера, как в Италию, чтобы испытать целительную силу европейского Юга.

*Сказитель М. Г. Антонов
с внуками. Деревня
Усть-Низема. 1928*

Пинега. 1927

Феофан Грек. Ной с ковчегом.
Фрагмент фрески церкви Спаса Преображения на Ильине в Новгороде. 1378

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Экология как наука. Экология, если судить по названию, – это наука, между тем способ употребления этого названия совсем иной; говорят: “в данном районе хорошая или плохая экология”, “экологическая катастрофа”, “экологическая обстановка” и пр. Экологи похожи по характеру своей деятельности на пожарных: они призываются, чтобы спасти, выручить, устанавливать и т. д.

На самом деле экология должна быть наукой не только по названию. Ей следует изучать обстановку до того, как она стала плохой или осталась благополучной.

В чем состоят задачи экологии как науки? Экология изучает мир как целое. Цель такого изучения – возможность помощи миру, его “лечения” и выяснения безопасности вносимых человеком изменений в мир.

Автограф Д. С. Лихачева

Я говорю "мир", ибо речь может идти и о природе, и о человеке. Понятие цельности и целесообразности мира воплощено в слове – *oikos* (греч. "дом"). Домом может служить как природа – живая и "мертвая", так и та часть мира, которой человек окружает себя. Понятие последнего требует пояснений. Человек строит свой дом – культуру. Сюда входят привычки, обыкновения, занятия, все им создаваемое вокруг себя – в чем он живет и что следует называть культурой в широком смысле этого слова, включая науку, технику, религию

и пр. Легко нарушена может быть природа как органическое целое и культура как органическое целое.

Казалось бы, предмет изучения в том и другом случае, т. е. в изучении цельности природы, природных связей всего со всем, связей во всем, что создано человеком, чем человек сам по своему желанию окружил себя (окрыжил себя по результатам своей деятельности), бесконечен и заранее предполагает бесконечность своего изучения.

Однако экология, вместе с тем, основывается на определенных представлениях о природе.

Мир создан как целое с многообразными внутренними связями, которые нельзя нарушать. Все биологические, физические, космологические связи, весь план мира существуют для того, чтобы мир мог существовать в своих связях, сохраняя в себе существование человека.

Тем не менее в мире не все совершенно (абсолютно) благополучно и идеально. Неблагополучно многое и в самом человеке.

Следовательно, цели экологии как науки, основанной на определенной философии, состоят в том, чтобы внести очень ограниченные поправки в различные частные редкие случаи, когда природа "ошиблась".

С этим связано не только сохранение Вселенной как органического целого, но и профилактическая помощь природе со стороны человека как единственного существа в природе, которое может говорить и защищать права природы на достойное существование: права растений, животных, рыб, даже ландшафтов с горами, лесами и всей красотой, которая тоже нуждается в защите.

Итак, главная моя мысль состоит в том, что экология есть наука (а не практическая деятельность только), основанная на определенных представлениях о мире как органическом целом. В свое время В. И. Вернадский предложил понятие “ноосфера”, имея в виду, что сфера человеческого влияния есть сфера влияния разума (от греч. *noos* – “разум”). История, однако, демонстрирует в большей степени неразумное и разрушительное влияние человека, чем разумное. Поэтому я предложил более скромный термин – “гомосфера” – сфера влияния и воздействия на окружающий мир человеческой деятельности – как разумной, так и неразумной. Примеры неразумной деятельности по истреблению природы, природных запасов и культурных ценностей не стоит перечислять. Можно даже сказать, что эта деятельность все увеличивается, и если не будут приняты разумные меры, то миру грозит полное уничтожение. Исходя из всего этого, я в свое время предложил осторожный термин для защиты человеческой культуры – экология культуры, встретивший первоначально некоторые возражения, но впоследствии принятый и распространившийся широко в мировой научной и публицистической прессе.

Экология представляет собой взгляд на мир как на дом. Природа – дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком. Сюда входят самые разнообразные явления – материально воплощенные и воплощенные в виде идей и различного рода духовных ценностей.

Культурная экология – это и произведения архитектуры, различных искусств, литературы в том числе, это и язык, это и все культурное наследие человечества. Выбросите что-либо из сферы экологии культуры – и человек лишится части своего “дома”. Поэтому заботы экологов должны распространяться

*Сотворение Адама.
Златые врата собора
Рождества Богородицы
в Суздале. XIII в.*

*Адам нарицает имена зверям.
Златые врата собора
Рождества Богородицы
в Суздале. XIII в.*

не только на условия, в которых живет человек в природе, но и на условия, в которых человек существует в создаваемой им культуре. Культура может быть более высокой и менее высокой, культура может быть более удобной для жизни и менее удобной. То и другое не совпадает, хотя и соприкасается. Но соприкасаются между собой и экология природы и экология культуры, ибо человек не противостоит

природе, а составляет собой часть природы. Поэтому экология культуры вместе с экологией природы составляют собой единое целое, лишь условно различаемое в целях удобства изучения.

Органическое, очень сложное единство свойственно не только природе, но и человеческой культуре в целом. Единство часто нарушается и в природе, и в культуре, однако как некая идеальная форма существования природы человека оно есть, и от человека зависит установить единство еще и обоих целых – природного и человеческого.

Но сперва о единстве культуры. В отличие от целостности природы целостность культуры изучается в различного рода историях культуры. Давно установлено, что отдельные культуры, взаимовлияя и соотносясь не только в географическом пространстве, но и в историческом времени, стремятся к некоему, не всегда достигаемому единству. Прогресс в разного рода средствах сообщения увеличивает возможности объединения культур (не всегда, впрочем, без значительных потерь, от которых так или иначе спасают музеи, библиотеки, архивы, да просто бережное отношение к памятникам, свойственное уважающим свое прошлое нациям и людям образованным).

Необходимо, впрочем, сказать, что так называемые истории культуры, изучающие культуру одного народа, одного континента или целого человечества, упускают многие связи, которые выходят за рамки наших узких современных представлений о культуре. Особенно это следует сказать о явлениях общечеловеческого характера, вообще всего того, что выходит за рамки одной национальности или группы национальностей.

Изучая экологию культуры, необходимо обратить внимание, что экологические катастрофы захватывают собой чрезвычайно широкие сферы

*Жертвоприношение Авеля.
Златые врата собора
Рождества Богородицы
в Суздале. XIII в.*

культуры. Некоторые примеры: вывоз культурных ценностей и выведение их из сферы, доступной для той или иной группы людей (простейшие примеры: высокая плата за вход в музеи, библиотеки и пр.). К экологическим бедствиям, происходящим в наше время, следует отнести обеднение лексики русского языка, замену русских слов однозначными иностранного происхождения, исчезновение склонения сложных числительных, экспансию предлога “о” (“намерение о...”, “идея о...”, “рассмотрение о...” и т. п.). Исчезновение поговорок и пословиц в устной речи одних и отдельных выражений из басен Крылова или “Горя от ума” Грибоедова у других. Зоной экологического бедствия может оказаться кино, классический репертуар театров, частично музыка и т. д., и т. п.

Изучению экологии культуры подлежат взаимоотношения между отдельными областями культуры, например, между искусством и наукой – зависимости их друг от друга, равномерности их развития в обществе. В пределах науки изучению подлежат взаимоотношения гуманитарных наук и “естественных”, “точных” (к которым принадлежат и некоторые гуманитарные – например, лингвистика) и “неточных” (к которым частично принадлежат и “естественные”, вроде географии). Особый интерес имеет изучение органического единства в пределах человеческого поведения: падение сексуальной стыдливости и стыдливости отправлениями человеческого тела; уменьшение общей стыдливости и снижение интереса к личной репутации в человеческом обществе, в результате чего исчезает чувство чести, честность, наступает хаос в науке, в экономической области и т. д., и т. п.

Нет необходимости говорить о том, в какой мере “экология культуры”, изучающая органическое единство и равновесие всех сторон человеческой культуры, представляет интерес для нормального развития человеческого общества, для создания определенной системы воспитания, правильного распределения средних и высших учебных заведений в стране и более или менее продуманного распределения разных образовательных дисциплин и дисциплин специальных.

Экология культуры – это не просто “забота о сохранении памятников культуры”, как это в большинстве случаев сейчас воспринимается, – это сложнейшая и ответственнойшая дисциплина, призванная играть первенствующую роль в культурной политике государства и в понимании взаимосвязанности всех частей культуры и возможных срывов в этой области.

Экология – проблема нравственная.

Казалось бы, связь между экологией и нравственностью понятна сама собой. Это так, но в то же время она требует раскрытия.

Человек остается один в лесу, в поле. Он может натворить бед, и единственное, что сдерживает его (если сдерживает!), его нравственное сознание, чувство ответственности, совесть.

Но и человечество в целом, в нынешнем его осознании, также существует “наедине с природой”. Не означает ли это, что только от нравственности человечества зависит отношение человечества к окружающему его миру, к природе в частности? Но ведь совесть одного человека – нечто реальное при всей ее неопределенности, но совесть всего человечества как единого целого – это абстракция.

Дело, следовательно, не так просто.

В XX столетии роль этики, самые этические принципы усложнились чрезвычайно. Сейчас вообще требуется не просто чувство моральной ответственности, но крайне необходима научно-прикладная разработка проблем этики в различных областях.

Например, требует внимательного изучения, определения и выводов в виде точно сформулированных правил научная этика. Не только этика взаимоотношений между учеными, между руководителями и учениками, но и этика отношения к предшественникам, нравственное понимание того, что такое “предшественник” в той или иной научной деятельности, в том или ином научном открытии. Например, в очень сложном вопросе об авторстве научной идеи, научного подхода. Требуют своего этического рассмотрения цели и способы ряда научных экспериментов: например, в области “генной инженерии” (вспоминается печально знаменитый термин “инженеры человеческих душ”). Допустимо ли создание удобрений, вредно отражающихся на природе и на человеке – потребителе?

Без высокой нравственности и культуры не может существовать современное общество, подчеркиваю, – современное особенно. Ибо благодаря существованию сложнейшей техники и ответственной науки наш мир стал более подвержен возможному воздействию со стороны человека.

Во все времена, в любом обществе без культуры и нравственности не могут действовать законы экономики, юриспруденции, законы исторические (ведь любое появление тиранов тормозит развитие общества, хотя может показаться, что “добрая тирания” может загнать общество в счастливое

*Десница Вседержителя.
Фрагмент росписи купола
Рождественского собора
Ферапонтова монастыря.
1502*

будущее). Нравственность – это то, что превращает “население” в упорядоченное общество, смирят национальную вражду, заставляет “большие” нации учитывать и уважать интересы “малых” (а вернее, малочисленных). Нравственность в стране – самое могучее объединяющее начало. Необходима наука о нравственности современного человека!

Невозможно помыслить нормальное общество без сострадания, жалости, милосердия, доброты, благотворительности, без ответственного отношения к детям, старикам, больным, в чем-то ущербным, просто бедным. Общество не может существовать без бескорыстия состоятельных, ученых, художников...

Чем движется доброта и бескорыстие? Желанием прославиться? Но тогда уже нет или очень мало бескорыстия, ибо слава – это тоже корысть...

Я думаю, что мы плохо представляем себе, что такое доброта. Мы думаем, что доброта только дает, но доброта и получает! Когда человек совершает акт милосердия, он становится счастливее сам, становится духовно богаче. Это и есть “духовная отдача” доброты, “духовная корысть”. А кроме того, добрый поступок служит умиротворению общества, семьи. Товарищество

сменяет собою просто коллектив. Появляется товарищество (рабочих, служащих) вместо “кадров предприятия”.

Можно много распространяться на эту тему, жаль, что над ней мало думают.

Я хочу вернуться к тому, с чего начал: нравственность нужна особенно в современном обществе. Почему? А ведь мы не замечаем, что живем в последние десятилетия в совершенно особом мире. Мы с вами сейчас инопланетяне, и не заметили, как ими стали! Изменились не мы, изменилась планета, на которой мы живем: стала маленькой, перенаселенной и чрезвычайно зависимой от нас.

В самом деле, мир науки невероятно усложнился по сравнению с тем, каким он был десятки лет назад. От каждого ученого требуется нравственность в “тысячи вольт напряжения”. Стоит совершить ошибку в опыте, который стоит иногда сотни тысяч и миллионы рублей, и скрыть эту ошибку, подтасовать факты, нарушить товарищество ученых, как “полетят” выводы целой отрасли науки или затормозятся надолго. Мы знаем это на примерах Лысенко, Марра, Вышинского. Вспомните войну против кибернетики, генетики, космополитизма, формализма... В науке сейчас нужны не только честь, честность вместо честолюбия, лести, подхалимства, но и осторожность, скромность: полное осознание масштабов себя и всего своего.

А в промышленности? Все большее значение приобретает качество, а не количество: будет ли это качество бетона, металла, готовых изделий всех “кругов жизни”, которые легко из кругов мечтаемого рая могут стать кругами ада.

А в истории? В медицине? В армии? Сколько нравственных проблем решает сейчас водитель транспорта, строитель плотины, нефтепровода, АЭС...

Совсем особая область – дипломатия государств, нравственная ответственность “высоких договаривающихся сторон” и отдельных дипломатов.

В последнее время со всей остротой проявилась нравственная сторона национальных взаимоотношений, отношений к культуре и культурным памятникам других народов, в том числе и исчезнувших на данной территории. Важнейшая область “усложнившейся этики” – работа чиновников, правдивость их информации, недопустимость так называемого “административного вранья”, т. е. лжи, с помощью которой начальники отделяются от обращающихся к ним за помощью, продвигают свои планы, проекты, финансирование своих замыслов и т. д., и т. д.

Наибольшей сложностью, ответственностью и драматизмом отличаются отношения человека к природе в силу “немоты” последней. И опять-таки не все здесь так просто, как кажется. Мало того, разработка проблемы нравственного отношения к живой и “мертвой” природе даже не начиналась. Здесь необходима ясная и всеми признаваемая философия экологии, исходя из которой будет строиться и этика экологии.

*Давид Псалмопевец.
Церковь Покрова на Нерли.
XII в.*

Мы говорим “человек и природа”, “отношение человека к природе”, т. е. мы разделяем человека и природу. С моей точки зрения, это глубоко ошибочно. Человек не противостоит природе: он сам – неотделимая часть природы. Но если “часть”, то какая? Здесь мы сталкиваемся с проблемами чисто мировоззренческого порядка и необходимостью

признания того положения, что мир, за исключением какой-то неясной части, основан на разумных основаниях. То есть мы должны признать разумное начало в мире. Наука в различных дисциплинах все ближе подходит к этому признанию.

Мир представляет собой органическое целое. Одна из важнейших философских книг золотого века русской культуры конца XIX – начала XX века философа Н. О. Лосского так и называлась – “Мир как органическое целое” (1916). Сейчас, чтобы основать философию экологии, а на ней – этику экологии, мировоззренческая сторона этой книги при всех ее достоинствах, к сожалению, уже недостаточна. Необходимо привлечение более широких, а главное, современных данных, чтобы сделать наглядной взаимосвязь всего существующего в мире.

Прежде всего необходимо, как мне представляется, обратить внимание на следующее: при миллионах разновидностей живых существ – зверей, птиц, насекомых, растений – человек единственное существо, обладающее речью и разумом. Это призывает человека к тому, что он должен говорить и отвечать за все живое в мире, за все существа, за растительный мир, даже за так называемый “мертвый”, в отношении которого мы не можем быть до конца уверенными, что он “мертвый”.

Человек не только нравственно отвечает за всех живых и за все мертвое, лишённое осмысленной, “умной” речи (не только эмоциональных возгласов), но и морально обязан за них говорить, защищать их права, их интересы.

*Царь Давид. Фрагмент рельефа
Дмитриевского собора во Владимире. XII в.*

Человек – носитель самосознания Вселенной.

Я давно уже говорю о том, что наш “дом”, в котором живет человечество, состоит не только из природного комплекса (в который входит и человек как часть природы), но и из комплекса культуры.

Мы живем в среде исторических памятников, произведений искусств, результатов научных исследований, технических достижений и т. д. Поэтому экология, с моей точки зрения, состоит из двух частей: части охранения природы и части охранения культуры. Последняя тем более важна, что она касается самой сущности человека. Человек есть часть природы, но он есть и часть созданной тысячелетиями культуры.

Погибнуть человечество и природа в целом могут не только биологически вместе с уничтожением всего живого, но и духовно, вследствие гибели культуры. И тут и там может действовать право неразумного сильного, которое создает опаснейшую ситуацию.

Такое сочетание бездуховного человечества и бескультурной природы вполне возможно с помощью бездуховной “техники переустройства”. Больше того, мы уже идем по этому пути, не замечая этого.

Человек – часть природы, и отсутствие в природе духовного человека, представляющего как бы “самосознание вселенной”, лишает смысла существования не только человека, но и все сущее, все мироздание... Такую обезглавленную природу не будет смысла сохранять.

Объединение под одним названием “экология” двух ее частей – экологии природы (с человеком) и экологии культуры (тоже с человеком) тем более разумно, что очень часто природа и культура страдают от общих причин. Приведу элементарный пример. Кислые дожди в Петербурге разрушают одновременно в Летнем саду и мраморные статуи XVII–XVIII веков, и окружающие деревья. В результате одно следствие: может погибнуть и фактически уже медленно погибает в Петербурге Летний сад.

И отношение к природе, и отношение к культуре требуют общих правил нравственности, общего осознания человеком себя как части природы и части культуры.

В истории существуют три этапа подхода к проблеме природы и культуры. Первый этап, который мы прошли, – насильственного изъятия у природы всего насущно необходимого. Второй этап, к которому мы переходим, – разумного изъятия, изъятия с “оглядкой”, но также насильственного, и третий этап – может быть, отдаленного будущего, – полного прекращения насилия над природой и культурой и сосуществования общего, союзного.

Эти три этапа были очень кратко, но достаточно четко намечены в большом труде Владимира Соловьева “Оправдание добра”. Им посвящена там всего страничка. Позволю себе привести полностью это место из труда Соловьева. Его положения не совпадают с тем, что пишу я, только в начальной части, зато очень важна заключительная часть.

Царь Давид в окружении зверей. Рельеф Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

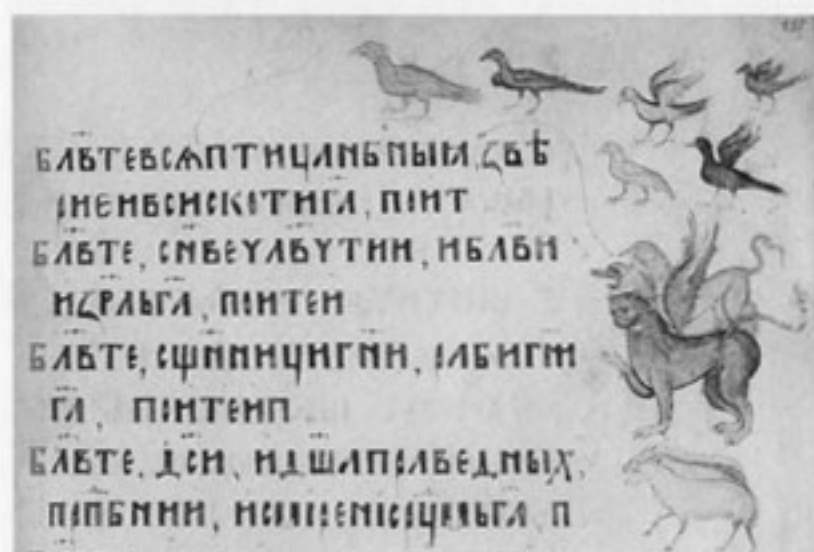

Деревня Скородум Великоустюжского района

*Возделывание земли.
Фотография нач. XX в.*

“..Два условия, при которых общественные отношения в области материального труда становятся нравственными. Первое, общее условие, состоит в том, чтобы область экономической деятельности не обособлялась и не утверждалась как самостоятельная, себе довлеющая. Второе условие, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не за счет человеческого достоинства производителей, чтобы ни один из них не становился только орудием производства, чтобы каждому были обеспечены материальные средства к достойному существованию и развитию. Первое требование имеет характер религиозный: не ставить Маммона на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной; второе есть требование человеколюбия: жалеть труждающихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей. К этим двум присоединяется необходимо еще третье условие, на которое, насколько мне известно, еще никто не обращал серьезного внимания в этом порядке идей. Разумею обязанности человека как хозяйственного деятеля относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере обрабатывать. Эта обязанность прямо указана в заповеди труда: *возделывать* землю, т. е. служить земле (выделено мною. – Д. Л.). Возделывать землю не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит улучшать ее, вводить ее в большую силу и полноту бытия. Итак, не только наши ближние, но и материальная природа не должна быть лишь страдательным и безразличным орудием экономического производства или эксплуатации. Она не есть сама по себе, или отдельно взятая цель нашей деятельности, но она входит как особый самостоятельный член в эту цель. Ее подчиненное положение относительно Божества и человечества не делает ее бесправною: она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения. Вещи не имеют прав, но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее

Миниатюра Киевской псалтыри. 1397

одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой – оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного. *Способы* (выделено здесь и дальше В. С. Соловьевым) не могут быть здесь указаны, они составляют задачу *искусства* (в широком смысле греческой *techné*). Но прежде всего важно отношение к са-

мому предмету, внутреннее настроение и вытекающее из него направление деятельности. *Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни*¹.

Далее В. С. Соловьев еще раз подчеркивает необходимость того, чтобы “человек пользовался своим превосходством над природой не для своего только, но и для ее собственного возвышения”.

Признавая, что мир составляет органическое единство, нельзя утверждать, что это единство настолько совершенно, что его нельзя улучшать. И в этом отношении, с моей точки зрения, на помощь человеку должна прийти не только любовь к земле как таковой, но и наука – настоящая наука, а не наукообразие и наукообразные решения на основе подогнанных умозаключений и фактов “под ответ”. Итак:

Отношение к Земле, к Почве – то, которое существовало у потомственных крестьян и которое было основой не только их благополучия, но и их праздничных радостей.

Отношение к деревьям, эксплуатация которых (продуманная рубка лесов) должна обязательно сопровождаться не только “восполняющими” посадками, но и значительно расширяющими лесные массивы с учетом красоты восстанавливаемых и создаваемых вновь пейзажей.

Отношение к рекам, озерам, к источникам, к воде вообще, при котором учитываются интересы и всего живого, обитающего в них, а также красота природы.

Отношение к памятникам культуры (историческим, архитектурным, музейным, библиотечным, архивным и т. д.) как к величайшей ценности, оправдывающей существование мира, вселенной. Отношение к собственному дому...

¹ Соловьев В. С. *Собрание сочинений*. СПб., 1903. Т. 7. С. 359–360.

Вологда. Дом Вахромеевых. Кон. XIX в.

И так далее.

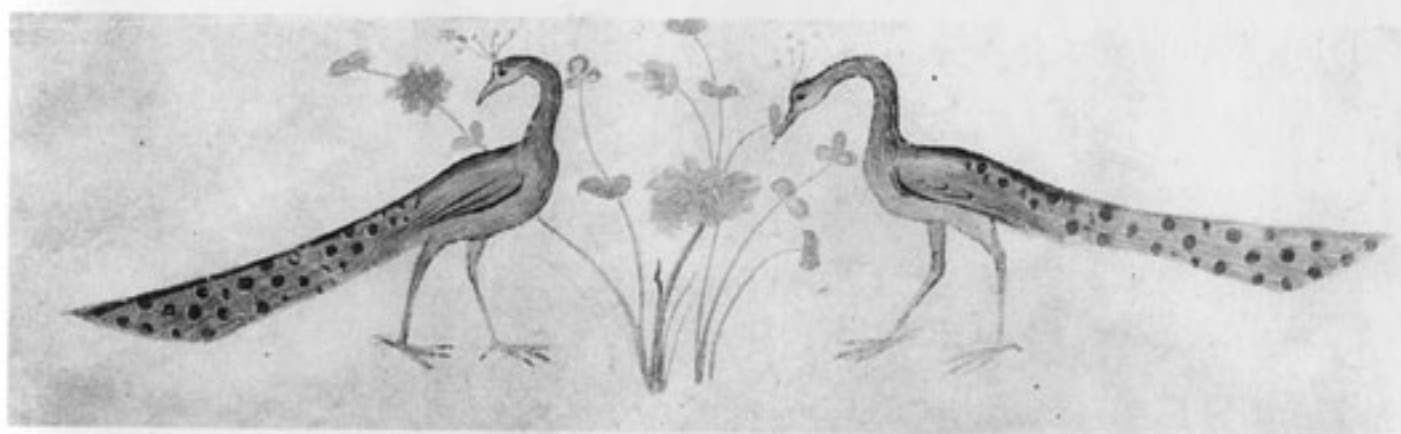
Все это должно строиться на нравственной основе, на основе определенной философии экологии, научного изучения целостности мироздания, мира как органического и разумного целого.

Перед нами опыт древних культур, среди них и древнерусской. Она вся была пронизана нравственным началом. Человек ощущал себя частью мира. В красном – восточном углу избы крестьянин вешал иконы – навстречу солнцу. Изба была и храмом. Церковная служба напоминала человеку об истории в ее тогдашнем понимании. Его жизнь обладала высшим смыслом. Отношение к земле-кормилице было религиозным: крестьянин исповедо-

*Лев с трилистником.
Деталь декора Георгиевского собора
в Юрьеве Польском. 1230–1234*

вался земле. “Мать сыра земля!” Она была для человека святыней. Он почитал колодцы и родники. На берегах рек происходили стоворы жениха и невесты. Реке доверяли старые иконы: пускали их плыть вниз по течению. Существовали чтимые рощи и деревья. Служба на Троицу была службой всему живому: церковь украшали березками, пол устилали травой.

Миниатюра Киевской псалтыри. 1397

Литература была посвящена исключительно вопросам морали и мировоззрения. Любимой книгой был Шестоднев, в котором воспевалась разумность всего происходящего в природе. Природа в Шестодневе описывалась как органическое целое. Это гимн разумности мироустройства.

Конечная цель человеческой деятельности – преобразование мира. Преобразование это следует понимать не в смысле изменения его лица – внешней переделки мира, а в смысле выявления в мире всего заложенного в нем разумного начала и освобождения этого разумного начала от мешающего ему зла, противоречащего этому разумному началу, его самовыявлению.

Разумное начало камня – быть строительным материалом для прекрасных архитектурных творений. Разумное начало земли – в растительности, на ней произрастающей. Разумное начало растительности – служить для превращения Земли в один цветущий сад, прообразом которого служил рай. И так далее.

Прообраз этой деятельности человека – художественное творчество. Само слово “техника” не случайно происходит от греческого слова, означающего искусство. Мир в результате деятельности техники-искусства или искусства-техники должен стать полностью совершенным и совершенно полным с сохранением всего лучшего, что в нем было, т. е. всего того, что входит в “кристалл единства”.

Таков должен быть идеал человеческой деятельности и такова конечная большая (настоящая) цель техники.

Человечество не может жить сиюминутными заботами, без ясной цели впереди.

Солигалич. Нач. XX в.

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НАУКА И КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Краеведение принадлежит к типу комплексных наук. Оно соединяет в себе сведения природоведческие (в свою очередь комплексные), исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т. д. Объединяющее начало состоит в том, что все эти сведения относятся к одной местности. Последних может быть огромное множество. Ближе всего по своему типу краеведение к географии. Сведения в обеих науках объединяются по территориальному признаку. Но география, в отличие от краеведения, не придает такого большого значения отдельным замечательным людям, истории науки, истории литературы, истории искусства (в частности, архитектуры). Краеведение ближе к истории вообще и ближе к изучению отдельных людей, разумеется в местной обстановке, чем география. В этом замечательная особенность и сила краеведения.

Вид на Старую Ладугу

В самом деле, география обходится без оценок. География как наука “спокойнее”, строже и бесстрастнее. Но это и является своего рода ее “общественным недостатком”. Краеведение оценивает значительность происшедших на изучаемой территории событий, значительность связанных с этой территорией людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей, редкость и важность природных данных (животных, рыб, насекомых, растений, даже климата и т. д., и т. п.). С этой точки зрения “моральная отдача” краеведения как науки, воспитательная роль краеведения исключительно велика. И при всей необходимости географии как науки краеведение гораздо более “воспитывающая наука”, наука, требующая от человека неравнодушного отношения к предмету и выводам своего изучения.

Есть еще одна чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения как науки. В ней нет “двух уровней”. Одного уровня – для ученых-специалистов и другого – для “широкой публики”. Краеведение само по себе популярно. Оно существует постольку, поскольку в его создании и его восприятии участвуют широкие массы. В этом отношении краеведение в системе наук занимает исключительное место. Оно учит людей не только любить свои места, но и любить знание о своих (и не только “своих”) местах. Занятие краеведением не только требует знаний в области истории, искусствоведения, литературоведения, природоведения и пр., но приучает людей всем этим интересоваться и повышать свой культурный уровень, создавать новые и пополнять старые музейные и архивные хранилища, связываться со специалистами, читать научную литературу.

В собирании материалов для краеведения могут участвовать как высококвалифицированные ученые разных специальностей (науки, участвующие в создании краеведения, перечислены мною выше), так и ученики средних школ, собирающие различные данные по заданию более опытных исследователей, например, ведущие опрос населения, устанавливающие наличие тех или иных старинных предметов, валяющихся по чердакам или хранящихся в “бабушкиных сундуках”, а также просматривающие старые газеты, регистрирующие мемориальные деревья и пр., и пр. Всего не перечислишь. Участие людей всех возрастов в такого рода собирании краеведческого материала имеет само по себе огромное воспитательное значение. Оно есть уже одна из акций патриотического характера, создающая в своем крае более высокий уровень духовной культуры.

Краеведение может стать в той или иной местности самым массовым видом науки. Это основа для развития добровольных обществ друзей того или иного памятника, той или иной темы, для объединения молодежи вокруг определенных тем или занятий, возрождения кустарных производств, разведения местных редких растений, животных и пр., создания заповедников, вообще – “добрососедства” с историей, культурой или природой...

Краеведение – научная дисциплина, облагораживающая предмет своего изучения единственно своим изучением. Биолог, исследующий любые явления жизни, не вносит никакого нового начала в самый объект исследования. Можно применить открытия биолога для изменения тех или иных форм жизни, но само по себе одно только исследование не изменяет предмет изучения. Литературоведение и искусствоведение любых объектов открывает в них что-то новое для читателя, зрителя, слушателя. Но это “новое”, если оно, конечно, верно, не вносит в предмет ничего сверх замысла творца, автора. Предмет искусства благороден сам по себе.

Иное дело – краеведение. Краеведение придает местности, не имеющей “авторского происхождения”, историзм, открывает в ее прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное. Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, какая жизнь протекала в нем, что в нем было создано, дом этот для нас уже особый. Он наполняется духовным содержанием, преобразуется. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Преобразуется ландшафт, если мы знаем, какие события в нем происходили, какие битвы тут разыгрывались, чьи судьбы решались. Природа Плеса приобретает особую красоту от сознания того, что именно ее изображал И. Левитан. Мы по-особому ценим места, связанные с творчеством Гоголя или Шевченко, Пушкина или Баратынского.

И ведь в сущности происходит то же самое, когда мы узнаем сведения по растительности местности, по ее животному миру, геологии, климату и т. д., и т. п.

Краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать.

Существует экология биологическая, т. е. экология, необходимая для элементарной жизни, но есть и экология культуры, без которой невозможна для человека культурная, духовная жизнь – жизнь, воспитывающая в нем нравственность, уважение к окружающему, к прошлому, заботу о будущем. [...]

Мы не храним старину не потому, что ее много, не потому, что среди нас мало ценителей красоты прошлого, мало патриотов, любящих родную историю и родное искусство, а потому, что слишком спешим, слишком ждем немедленной “отдачи”, не верим в медленные целители души. А ведь памятники старины воспитывают, как ухоженные леса воспитывают заботливое отношение к окружающей природе.

Особенное воспитательное значение имеют мемориальные места – места боев, усадьбы писателей, художников, ученых, их квартиры, их любимые пейзажи (должны быть зоны охраняемых пейзажей, зоны охраняемых городских ландшафтов). Их совсем не так много, как иногда кажется. [...]

В 1967 году я был в Шотландии. Там исторические места, красивые пейзажи на особых условиях принадлежат “Национальному тресту”. Ни одна новая постройка не может быть построена без “Национального треста”. Трест ведет все восстановительные и ремонтные работы, превращает, не нарушая наружного вида, сельские домики XVIII и других веков в удобные жилища внутри, убирает телеграфные столбы, заменяя наружную проводку незаметной подземной, заботясь о сохранении животного мира, растительного покрова и пр.: все комплексно.

Это мудрое устройство следовало бы во многом учесть и нам.

Надо быть крайне осторожным со всякого рода “декоративно-театральными” проектами восстановлений. Следует помнить, что самый последний, один подлинный камень дороже всякой декоративной мишуры.

Подлинное народное искусство не должно быть подменено производством сувениров по плановой системе, без свободного творчества. Предоставьте народным мастерам большую свободу работать над чем они хотят, по своему вкусу, вечерами, в свободное время. Я, например, всегда предпочитал за границей покупать народные вещи на базаре, а не в сувенирных киосках. Если народное творчество мы подменим производством однотипных сувениров по разработанным профессионалами-художниками образцам, – мы убьем настоящее народное искусство. [...]

Мало у нас мемориальных квартир-музеев и домов-музеев. Я помню – с каким трудом в Петербурге удалось добиться установки доски на доме, где родился А. А. Блок. С неменьшим трудом шло устройство в Саратове домов-музеев художников-саратовцев В. Э. Борисова-Мусатова и П. В. Куз-

*Скульптор В. Трискорни.
Надгробие В. Веннинга.
(1781–1821)
Смоленское кладбище
в Петербурге*

нецова. В Астрахани – Велимира Хлебникова, значение которого в русской поэзии все более и более осознается сейчас исследователями и рядовыми читателями. Сколько лет длилось восстановление в непосредственной близости от Москвы усадьбы Мураново, связанной с именами Тютчева, Аксаковых, Гоголя? Можно было

бы перечислять сотнями места русской культуры, восстановление которых так необходимо для нравственного возрождения нашего общества. [...]

Город без художественного музея – ущербный город еще в большей мере, чем город без театра или кинематографа. Это город – слепой к эстетическим ценностям, глухой к прошлому.

На музеях лежит ответственнейшая задача нравственного воспитания людей, развития у них эстетического вкуса и поднятия культурного уровня.

И еще одно: состояние наших кладбищ. Разве оно не вызывает у нас чувство возмущения отношением к нашему прошлому? Почему мы боимся мертвых? Почему так плохо храним родные могилы? Что мы, суеверны? Верим в привидения, в вурдалаков? Ведь кладбища в маленьких городах, селениях всегда были любимыми местами прогулок. Посмотреть на близкие могилы, прочесть чью-то фамилию, имя и отчество, даты жизни – почему все это стало нас страшить и пугать? Неужели мы думаем, что никогда не умрем? Во все века и во всех странах сознание собственной смертности воспитывало и приучало думать о том, какую память мы по себе оставим.

*Церковь Вознесения
на Смоленском кладбище*

Но если мы верим, что не оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живи мгновением или, как говорят разные пошляки, “лови момент”. А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, даже если она “частная”, небольшая, но все же добрая для окружающих. Каждый может сделать что-то доброе в жизни и оставить по себе добрую память. Хранить память о других – это оставлять добрую память о себе.

Вот в Петербурге, в центре Васильевского острова, находится поразительное по составу надгробий Смоленское кладбище. Там похоронены многие замечательные люди. И идет настоящее наступление на это кладбище. [...]

А меж тем это кладбище – прекрасный парк. Причем парк поучительный: идя по нему, можно переноситься в разные эпохи, видеть памятники XVIII, XIX, начала XX века, вспоминать людей, покоящихся здесь, чьи имена не чужды русскому слуху, – писателей, инженеров, издателей, ученых; они достойны того, чтобы память о них сохранилась и могилы их остались неприкосновенны. Должны быть все-таки святыни. [...]

В свое время “Литературная газета” рассказывала, как интенсивно ведется восстановление Даниловского монастыря в Москве. Очень хорошо. А рядом, в той же Москве, есть Симонов монастырь и неподалеку остатки церкви, в которой были похоронены герои Куликовской битвы, Пересвет и Ослябя. В течение скольких уже лет приводится в порядок это святое для каждого русского человека место! Сколько было решений, постановлений, выступлений общественности по этой проблеме! Но до сих пор попасть в этот мемориал невозможно. Я уж не говорю о самом Симоновом монастыре – древнейшем, замечательном памятнике истории и архитектуры, монастыре-воине. Ему действенного внимания вообще не уделяется. [...]

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией. И экология начинает уже сейчас преподаваться в университетах.

Но экология не должна ограничиваться задачами сохранения окружающей нас биологической среды. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, следования заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. Между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но и не поставлен. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды в ее целом, ее воздействующая сила.

А ведь факт воспитательного воздействия на человека окружающей культурной среды не подлежит ни малейшему сомнению.

Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков. Прошлое и будущее становятся своими для человека. Он начинает учиться ответственности – нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране.

Вспоминаю, как был я на Бородинском поле вместе с замечательнейшим энтузиастом своего дела реставратором Николаем Ивановичем Ивановым. Удивительные люди встречаются именно

*Надгробие Н. С. Пименова
(1812–1864)
Смоленское кладбище в Петербурге*

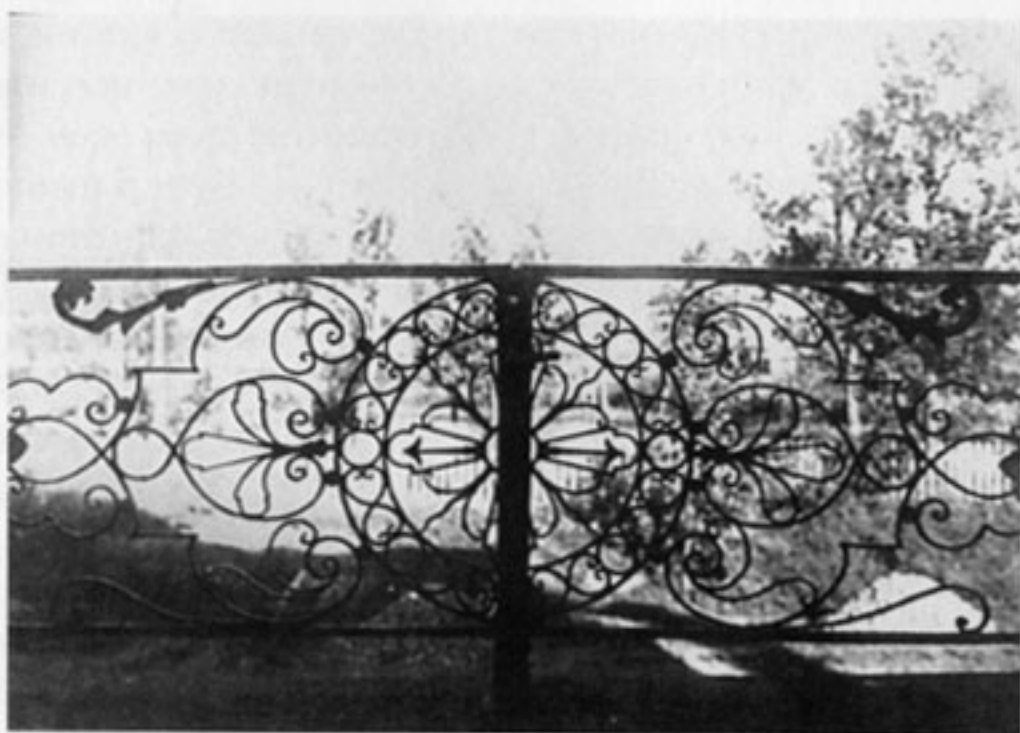
среди реставраторов и музейных работников. Именно такой внутренне богатый человек и был со мной на Бородинском поле. Он многие годы живет несколькими днями Бородинской битвы и днями, которые предшествовали битве.

Я ненавижу войну, я перенес ленинградскую блокаду, нацистские обстрелы мирных жителей, я был очевидцем героизма, с каким защищали советские люди свою Родину, с какой непостижимой стойкостью сопротивлялись врагу. Может быть, поэтому Бородинская битва, всегда поражавшая меня своей нравственной силой, обрела здесь для меня новый смысл. Нравственная сила русских была удесятерена необходимостью защитить Москву. И мы обнажили головы перед памятниками, что были воздвигнуты на Бородинском поле благодарными потомками.

И здесь, на этой национальной святыне, политой кровью защитников Родины, в 1932 году был взорван чугунный памятник на могиле Багратиона. Те, кто это сделал, совершили преступление против самого благородного из чувств – признательности герою, защитнику национальной свободы России, признательности русских брату-грузину, командовавшему с необыкновенным мужеством и искусством русскими войсками в самом опасном месте битвы. Как расценить тех, кто в те же годы намалевал гигантскую

Путевой дворец Растрелли. XVIII в.

Путевой дворец Растрелли. Решетка балкона

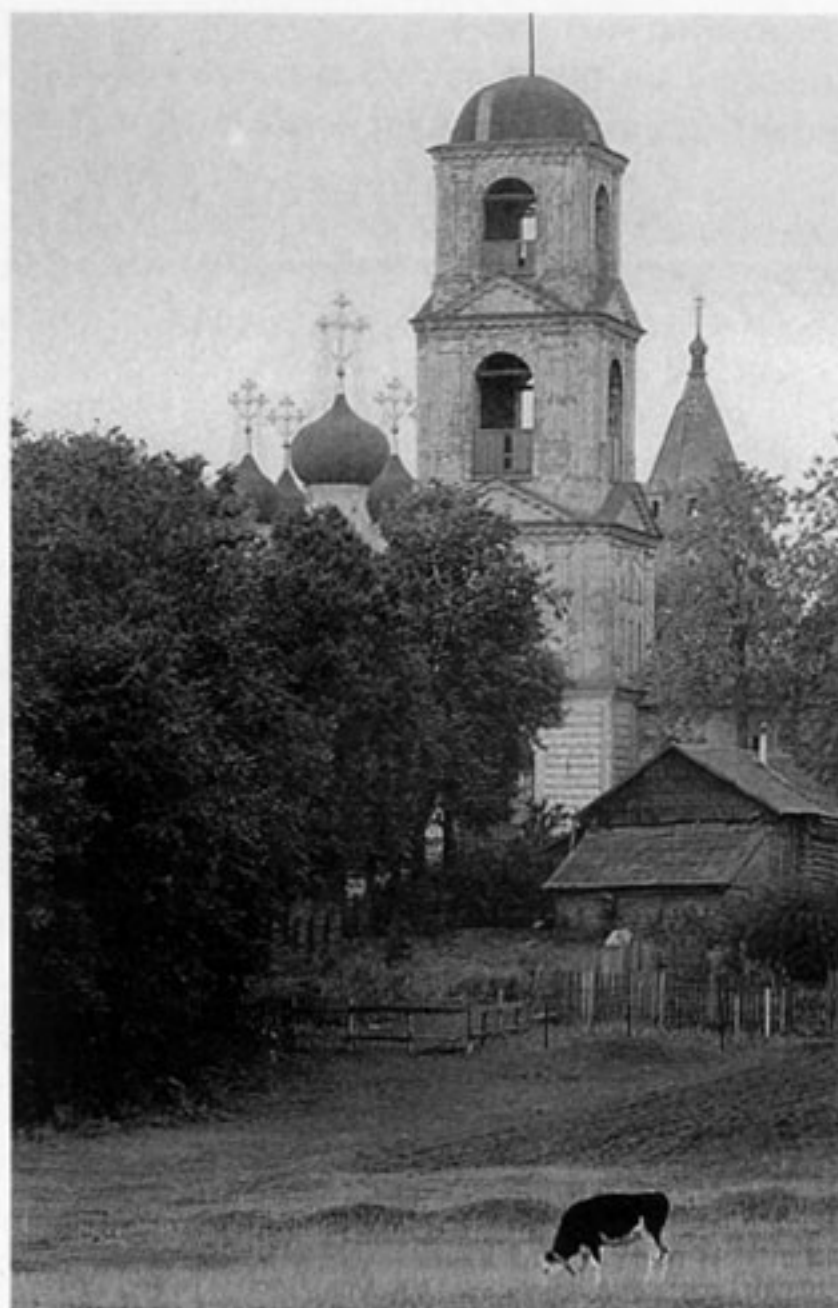
надпись на стене монастыря, построенного на месте гибели генерала Тучкова его вдовой: "Довольно хранить остатки рабского прошлого!" Понадобилось вмешательство газеты "Правда" в 1938 году, чтобы надпись эта была уничтожена.

Или пример уже более близкий к нам по времени. Петербург в своем архитектурном облике связан прежде всего с именами Растрелли, Росси, Кваренги, Захарова, Воронихина. По дороге с главного аэродрома стоял Путевой дворец Растрелли. Первое большое здание Петербурга – и Растрелли! Оно было в очень плохом состоянии – стояло близко от линии фронта, но советские бойцы сделали все, чтобы сохранить его. И если бы его реставрировать, какой праздничной была бы эта увертюра к Петербургу. Снесли! И пусто в душе, когда это место проезжаешь. [...]

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов первой, убить человека нравственно может несоблюдение законов второй. Да и нет между ними пропасти. Где точная граница между природой и культурой? Разве нет в среднерусской природе присутствия человеческого труда?

Но есть большое различие между экологией природы и экологией культуры. Это различие не только велико – оно принципиально существенно.

До известных пределов утраты в природе восстановимы. Можно очистить загрязненные реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань.

*Переяславль-Залесский.
Никитский монастырь.
XVI в.*

Совсем иначе с памятниками культуры. Их утраты невосполнимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой в прошлом, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно беззащитен, он не восстановит самого себя.

Можно создать макеты разрушенных зданий, как это было, например, в Варшаве; но нельзя восстановить здание как "документ", как "свидетеля" эпохи своего

создания. Всякий заново отстроенный памятник старины будет лишен документальности. Это будет только "видимость". От умерших остаются только портреты. Но портреты не говорят, они не живут. В известных обстоятельствах "новоделы" имеют смысл, и со временем они сами становятся "документами" эпохи, той эпохи, когда они были созданы. Старо Место или улица Новый Свет в Варшаве навсегда останутся документами патриотизма польского народа в послевоенные годы.

"Запас" памятников культуры, "запас" культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению жизни культуры. Бульдозеры, экскаваторы, строительные краны, управляемые людьми бездумными, неосведомленными, равнодушными, могут нанести вред тому, что в земле еще не открыто, и тому, что есть на земле, уже служившему людям. Даже сами рестав-

раторы, работающие иногда согласно своим собственным, недостаточно проверенным теориям или современным нам представлениям о красоте, становятся в большей мере разрушителями памятников прошлого, чем их охранителями. Типичный и грустный пример тому – случившееся в Муранове. Уничтожают памятники и градостроители. Особенно если они не имеют четких и полных исторических знаний. На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые, вот и кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроителей. И начинают сносить без боли душевной, не задумываясь.

Градостроителям, как никому больше, нужны знания в области экологии культуры. Поэтому краеведение должно развиваться, оно должно распространяться и преподаваться, чтобы на основе его решать местные экологические проблемы. В первые годы после революции краеведение переживало бурный расцвет, но позднее ослабло. Многие краеведческие музеи были закрыты. Однако сейчас интерес к краеведению вспыхнул с особой силой. Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах. И здесь роль школы, новой школы, должна быть значительно расширена.

Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. Он не должен быть самоуверен и нагл в отвержении культуры прошлого без разбора и “суда”. Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры.

Ответственны за все мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении.

В заключение я бы хотел сказать следующее. Памятники культуры не могут просто храниться – вне людских знаний о них, людской о них заботы, людского “делания” рядом с ними. Музеи – это не кладовые. То же самое следует сказать и о культурных ценностях той или иной местности. Традиции, обряды, народное творчество требуют в известной мере своего воспроизведения, исполнения, повторения в жизни. Записанные, но хранящиеся только в записях, собранные, но только зарегистрированные и лежащие без движения – они перестают существовать, разрушаются, утрачивают какие-то (хотя бы маленькие) связи с жизнью. Краеведение как явление культуры замечательно тем, что оно теснейшим образом позволяет связать культуру со строительством музеев, собраний, архивов, педагогической деятельностью, объединением молодежи в кружки и общества, развитием туризма, созданием хоров и кустарных артелей.

Культура из лежащей втуне становится действенной и “работающей”.

Краеведение не только наука, но и деятельность!

Успенский собор Московского Кремля

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИТЕКТУРЕ

В современной архитектуре утомительно отсутствие значимости. Значимость придается ей временем, событиями, которые связаны с тем или иным архитектурным сооружением, людскими судьбами, внесенными литературными темами и т. д. Но значимость вносится и самим строителем. Мы должны “узнавать” назначение здания по его архитектурным формам. Мы должны сразу видеть, что перед нами вокзал, а не больница, не гостиница, не школа, не жилой дом. Назначение здания должно быть выделено в нем. Но помимо назначения здания мы должны ясно ощущать вход, подъезд, лестничную клетку. Вместе с тем фасад не должен быть однообразным. Однообразие окон (особенно “ленточных”) утомляет не менее, чем однообразие улицы, дороги (на отчетливо прямых магистралях водители засыпают). Районы должны быть разные, разнообразные, разноэтажные.

Проектировать надо фасад не с отдаленной и срединной точки зрения, а с точки зрения прохожего, идущего по тротуару или переходящего улицу. Макеты тоже не годятся, они дают “вертолетный” взгляд на будущие строения. И особенно важны первые, цокольные этажи, мимо которых мы проходим и которые видим “в упор” и чаще всего сбоку. Первые этажи улицы воспринимаются с комнатной точки зрения, они должны быть чистыми, прибранными и... интересными (витрины с чистыми стеклами и интересной экспозицией; подъезды с лакированными и полированными дверями, дорогими ручками, за которые можно “поздороваться” с домом и пр.).

Архитектура первых этажей находится сейчас в полном небрежении. Ее не понимают архитекторы. И это связано с другим непониманием – непониманием значения в архитектуре деталей. Все, что не умещается на генеральном общем плане здания, которое чертежник видит с уровня среднего этажа, – все это современному зодчему кажется неважным. А между тем на дом смотрит прежде всего прохожий, и на своем уровне – уровне своих глаз. Он может пройти мимо дома, даже не взглянув на второй, третий и следующие этажи. Но прохожий видит витрины магазинов, входные двери, подъезды и пр. Эркеры очень украшают вид на дома сбоку, с тротуаров.

В начале 20-х годов был объявлен в Петрограде сбор меди. Медную посуду сдавали в обязательном порядке. Комбеды или управхозы, домхозы (не помню – кто тогда был) снимали изящные медные ручки с парадных подъездов и заменяли их деревянными палками с какими-то прикреплениями из белого металла. Они и до сих пор стоят на большинстве старых петербургских домов. Входные двери, которые полагалось полировать, и перила лестниц стали красить масляной краской, иногда грубой – половой. Это сразу изменило вид первых этажей. А в блокаду вылетело во время обстрелов большинство зеркальных витрин в магазинах. А какие были до войны в Петербурге “Елисейев”, “Александр” и многие другие магазины, которыми славился когда-то Невский.

Принято называть современные дома “коробками”. Это неправильно – они чемоданы; старинного скучного фасона, все одинаковые. Около них есть и краны, чтобы их поднимать и переставлять на другое место, – переставлять, заставлять, расставлять, выставлять, просто “влять”. Понятно и так. Большие носильщики – архитекторы. Они в любой город готовы перенести их. Только надо “привязать к местности”: это так, кажется, называется на языке этих “чудо-носильщиков”.

Высунешься на вокзале из тамбура вагона и крикнешь: “Эй, носильщик, вези мой чемодан в чемодан вашего города”. – “В какой?” – “Да в любой – они все одинаковые”. А чемоданы входят в них, как куклы в матрешку, только без всякой экономии места.

А то построят для библиотеки в самом центре Москвы огромный книжный шкаф. И он стоит на улице – точно хозяева переезжают. Но шкаф разваливается, потому что улица не место для мебели.

“А это что? Крытый рынок?” – “Нет, это Курский вокзал”. – “Тот самый, на который приезжал в Москву Лев Толстой, Тургенев, Бунин? Вся русская литература?” – “Нет, тот сломали”. – “А почему построили такой скучный?” – “Да, знаете, некому теперь из писателей приезжать: писатели изволят прибывать в Москву самолетами и больше из-за границы”.

Архитектура сейчас онемела, не имеет своего языка. Вокзал может быть выстроен как крытый рынок, крытый рынок как цирк, дворец как один из корпусов завода Форда и т. д. А вот что писал в XVIII веке М. Е. Головин: “Выбор ордена зависит от намерения, с коим здание сооружается. Тосканской орденом служит для городских ворот, Арсеналов и проч. Дорической орденом пригоден наипаче для храмов и церквей. Ионической посвящен миролюбию и правосудию и употребляется при судебных зданиях, увеселительных домах, внутри покоев и извне строения. Коринфской орденом служит украшением дворцов, словом там, где красота и великолепие предпочитаются твердости и простоте. Наконец, римской орденом украшает здания, богатство изъявляющие”¹. А что говорить о знаковой системе цветов, деревьев, скульптур, павильонов, планировки садов? – здесь мы совершенно неграмотны. Попытка моя намекнуть на существование и такой стороны в книге “Поэзия садов” среди садовых реставраторов успеха не имела.

Дизайн? Говорят, хороший дизайн соответствует хорошим качествам прибора, машины, орудия труда. С машиной хорошего дизайна и работаете легче. Поэтому дизайн – полезное дело. Но беда в том, что дизайн приобрел агрессивность и начинает вытеснять собой другие виды искусства. Дизайн вторгается в живопись, и тогда живопись становится бездушной, лишенной эмоциональности, настроения и пр. Дизайн явно вторгается сейчас в садово-парковое искусство. Реставраторы в старых садах ищут лишь интересного дизайна (поэтому-то, кстати, такая любовь современных реставраторов садов к регулярному садоводству).

Старые дома обладают эмоциональной выразительностью. Современные хорошие дома – это удачный дизайн, и только.

Дело не только в том, что Александровская колонна на Дворцовой площади – самый большой монолитный монумент в мире: не перестаю удивляться ее красоте – красоте пропорций ее самой и соотношению размеров

¹ Цит. по: Евсина Н. А. *Архитектурная теория в России второй половины XVIII – начала XIX в. М., 1985. С. 43.*

статуи, постамента, колонны и площади и т. д. Монферран – великий архитектор.

Интересна идея колонны. Мне кажется (не знаю, писал ли уже об этом кто-нибудь раньше), что памятник Александру противостоит памятнику Наполеону – Вандомской колонне в Париже. Но там Наполеон поставлен на чужую колонну, статуя Наполеона в соотношении с колонной мала и вряд ли стоило на такую “неразглядимую” высоту ставить натуралистическое изображение Наполеона. Монферран умно поставил на Александровской колонне лишь символ Александра, понятный для своего времени.

Удивительно, что Монферран, воздвигший такой великолепный памятник Александру, был в юности короткое время (но все же...) солдатом в армии Наполеона (не то в Италии, не то в Испании).

Кстати, раз речь зашла о Вандомской колонне, то для размышлений совсем другого порядка интересно было бы вспомнить о стихах какого-то англичанина за, написанных на постаменте после свержения Наполеона:

*Tyran, juché sur cette échasse,
Si le sang que tu fis verser
Puovait tenir en cette place,
Tu le boirais sans te baissér.*

(“Тиран, поднятый на эту ходулю! Если бы пролитая тобою кровь могла устоять здесь, ты мог бы пить ее не наклоняясь”). Большинство бы сказало – “ты бы в ней захлебнулся”, но неизвестный англичанин написал лучше – “мог бы пить не наклоняясь” – куда более сильный образ. Наполеон действительно любил кровь, считал “великолепным” поле сражения “под Можайском” – Бородинское,

*Архитектор О. Монферран.
Александровская колонна*

*Г. Г. Чернецов. Парад по случаю открытия памятника
Александрю I в Санкт-Петербурге 30 августа 1834 г.*

усеянное убитыми и умирающими. И Наполеон не склонял головы (“мог бы пить ее не наклоняясь”).

Самое трудное для архитекторов создать площадь. В мире не так уж много хороших площадей. Какие я знаю? Конечно, Дворцовая площадь в Петербурге. Конечно, площадь на Капитолии с конной статуей Марка Аврелия. Конечно, площадь Навона с фонтанами в том же Риме, площадь святого Марка в Венеции. Но самая поразительная площадь, которую я знаю, – это Соборная площадь в Московском Кремле. Она удивительна. Все здания стоят как бы отдельно и совершенно свободно, но человек чувствует себя в замкнутом пространстве. Пространство замкнуто, но вместе с тем и раскрыто – главным образом в сторону Москвы-реки. На Москву-реку через площадь смотрит умиротворенным и торжественным взглядом Успенский собор – главный властитель площади, хотя далеко не самый большой и высокий.

А ведь здания площадей все разновременные, но, очевидно, у архитекторов было самое драгоценное для архитекторов чувство – чувство ансамбля. И еще одно свойство было у архитекторов – умение понять, как ощутит себя человек среди зданий. Последнее в Соборной площади Московского Кремля удивительно. Человек на этой площади не принижен, он возвышен и окружен историей. Повсюду здания обращены к нему. Ни одно здание не отвернулось от человека, не пропускает его мимо себя. Торжественность площади

*Вид Успенской церкви и Соборной площади Московского Кремля.
Гравюра И. А. Соколова. 1740*

не надменна. Русская история, с которой связана площадь, не подавляет человека, а включает его в себя, делает пришедшего на площадь участником истории. Он становится как бы даже выше ростом.

Понятие реставрации следует соединить с понятием integrity – нетронутость, цельность. “Нетронутость” истории, всей жизни объекта реставрации (по возможности) должна быть правилом реставрации. Если жизнь тронула объект (именно жизнь, а не случайность), то и это следует оставить.

Реставраторы часто задаются вопросом “на какое время реставрировать” то или иное здание? Например, такой вопрос стоял перед Меншиковским дворцом в Петербурге в 70-е годы. И сами искусственно создали проблему – Меншиковский дворец или размещавшийся там впоследствии Кадетский корпус? Но и то и другое ценно во многих отношениях, а единого времени и тут найти нельзя: Меншиков постоянно перестраивал и так и не достроил свой дворец, а Кадетский корпус существовал до самой Октябрьской революции, и с ним связано много событий, театральная жизнь, музыкальная жизнь; он описан у Лескова. В нем учились многие выдающиеся полководцы. Надо было найти способ не утратить памяти ни об одном из значительных

периодов в жизни этих зданий, а также его связи с городом (при Меншикове дворец не был окружен зданиями, как сейчас).

До чего трудна профессия реставратора. “Выгодные” памятники получают для работы с бою, интриги – больше, чем в театре. Приемка – только при условии “своих” в комиссии и без проверки качества по существу.

До чего противоположных результатов достигает иногда реставрация, вместо подлинника сооружая или выписывая “новодел”.

Реставратор настоящий творец только тогда, когда держит себя в строгой узде допустимого и не позволяет себе “творить” красотостей. Но как только ему хочется самому создать в реставрируемой вещи что-то “красивое”, вступить в конкуренцию с подлинным творцом, он создает – “новодел”, который, хотя и может обмануть некоторую часть широкой публики, на самом же деле является “надгробной плитой” памятника.

Джон Рёскин где-то якобы сказал: “Реставрация есть наиболее полный вид разрушения, которое памятник может претерпеть”. Хорошо бы выяснить, в какой из своих работ Д. Рёскин это сказал. Но мысль важна настолько, что даже неважно – кем и где она была произнесена. В мысли этой есть своя правда, но хороший реставратор и хорошие принципы реставрации всегда очень скромны. Чем меньше реставратор вкладывает своего, тем лучше для памятника.

В “Международной хартии по консервации и реставрации исторических памятников и достопримечательных мест”, называемой еще иногда коротко “Венецианской хартией”, говорится: “Где начинается гипотеза, там кончается

*Архангельский собор в Московском Кремле.
1505–1509*

реставрация”². К сожалению, аналогичное приходится сказать во многих случаях и о науке: “Где начинается предположение, там кончается наука”.

Архитектурные мечтания

Сидя в летнем плетеном кресле на башне Пушкинского Дома (именно одну из этих башен имел в виду Пушкин, когда в “Медном всаднике” написал “дворцов и башен” – башен тогда было только две – Кунсткамеры и нашей Таможни, отведенной потом под Пушкинский Дом), я думал часто: каким мог бы быть красивым Петербург – и сочинял в воображении свои “градостроительные” проекты. Это “сочинительство” время от времени нарушалось звуком “мессершмиттов”. Помню: один из них пролетел настолько низко, что я успел даже увидеть фигуру летчика. “Кто вам теперь целует пальцы?..”

И вот грандиозный проект, пришедший мне в голову. Снести все безобразные склады на Ватном острове напротив, кроме, разумеется, самого Тучкова буяна, который можно великолепно приспособить под дворец спорта, – лучше всего под дворец водного спорта. “Почистить” от лишних зданий Петровский остров и, в частности, от бедного еще тогда стадиона. Тогда будет создана превосходная цепь парков для больших воскресных прогулок петербуржцев. У Финляндского вокзала зеленые массивы Военно-медицинской академии, затем через мост зеленый парк мимо китайских шидз и дворца Николая Николаевича, Кронверкский парк с двойным охватом – одним по задней стороне Петропавловской крепости мимо Артиллерийского музея (эта часть моего проекта осуществлена, и даже лучше, чем мне мечталось), – другим – по Кронверкскому проспекту. Потом со сносом трех-четырёх доходных домов зеленый переход против Биржевого моста (“Моста строителей”). Затем снова парк на Ватном острове, парк Петровского острова, парк Крестовского острова и парки Каменного и Елагина островов с выходом на Стрелку, чтобы вечерами смотреть закаты, гулять белыми ночами. А начавшееся к тому времени строительство Крестовского стадиона – да ведь это великолепно! Все ложилось в мою схему большого прогулочного парка, доступного без утомительного транспорта всем петербуржцам. Детали: велосипедные дорожки, различные зоологические садики, выставочные помещения, вольеры, спортивные площадки! Все было хорошо: город приобретал фантастическую красоту.

Более спорными и более дорогими были мои проекты преобразования и выявления красоты южного берега Невы. С некоторыми деталями я не мог справиться в воображении. Надо было сносить надстройки над старыми

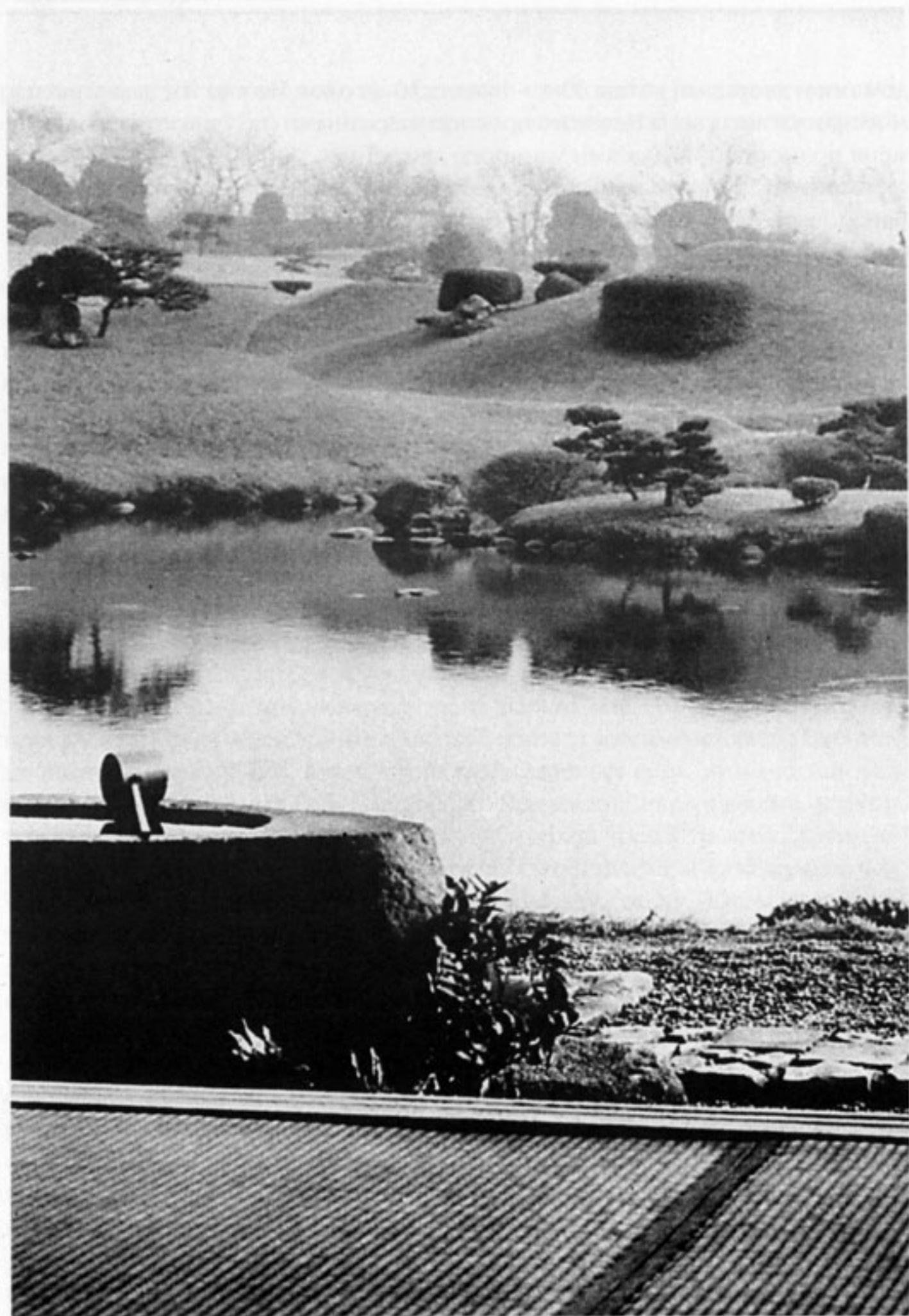
² См. сб.: *Методика и практика сохранения памятников архитектуры*. М., 1974.

домами и дворцами конца 20-х – начала 30-х годов. Но уже тогда мечталась мне прогулочная зона Невского проспекта с разными (не удовлетворявшими меня полностью) выносами уличного движения.

Как-то в 70-е годы я встретился с бывшим главным архитектором города Барановым: оказывается, и у него были уже такие проекты. Значит, проект был органичным для Петербурга!

Как было бы легко и дешево осуществить хотя бы мой проект большой парковой зоны. Каждый петербуржец мог бы совершать большие пешеходные (самые полезные для здоровья) прогулки из любой части города к морю – на Стрелку, любоваться закатом. Мог бы идти туда зимой на лыжах, не пользуясь никакими выматывающими силы и нервы видами транспорта. Можно было бы даже проложить велосипедные и пешеходные проходы под тремя-четырьмя трассами (у трех-четырех мостов – в зависимости от деталей проекта).

И теперь еще я думаю: а почему не строить новые города по схеме круга с внедряющимся в центр длинным прогулочным парком, ведущим обратной стороной к реке, морю, озеру или, еще лучше, в лес и луга? Не пользоваться транспортом для того, чтобы доезжать до прогулочной зоны, а просто доходить и продолжать прогулку.

Вид на сад с искусственными холмами и каменным колодцем в Кумамото

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ЯПОНИИ

Я пишу о своих первых впечатлениях от Японии. Они неполны и могут быть неверными. В первых впечатлениях есть всегда много поверхностного, неточного, но, вместе с тем, – в них всегда что-то неожиданное, что впоследствии сглаживается.

Я люблю смотреть из “движущегося” окна на проносящийся ландшафт и часто думаю: кто здесь живет, жил, кто был в этих местах – сто, двести, тысячу лет назад. Прносящиеся картины говорят мне не менее, чем лица людей, об индивидуальности страны, народа.

Сперва я увидел Японию из окна самолета. Мы подлетали к Токио. Земля, изрытая морем, и море, в которое врезались острова и горы. Море, прочерченное мостами и покоренное большими судами. Такое впечатление, что нет природы, а есть пространство, созданное человеком, невидимо дирижирующим движение судов, поездов, машин.

Сейчас я вижу Японию ^{поверхностно} другой, Еленка ^{собратье} ~~далко~~ ^{соприкоснувшись}
 с ее мартовскими, ее горней, ^{абстрактно} ~~судившаяся~~ ^{обстоятельств и в мире}
 с тем ^{охотнее} ~~сходство~~ с русским восприятием мира, Япония представляется
 мне как бы другой стороной единого земного шара.
 Я ^{продолжаю} ~~судить~~ о ней и поражаюсь — как мало мы о ней знаем.
~~судить~~ и как много мы знаем об этом.

Заметки Д. С. Лихачева о Японии

Но я ошибался, а ошибка произошла потому, что я — русский, человек, привыкший к огромным пространствам, воспринимающий природу и мир как волю и свободу. Японец (и это стало для меня особенно ясным, когда я вышел из самолета и пересел в машину — стал ближе к японской земле) слушает советы природы, помогает природе в ее неустанной работе — растить, живить, целить, порождать жизнь и красоту.

Японец не мечтает, как русский, пронестись по бескрайним полям на быстром скакуне навстречу ветру. Его чувство красоты природы другое: в поддержании всего сущего, согласовании всего того, что важно, — засадить склоны гор лесами, каждый клочок земли — рисом, украсить садом, провести ручей, устроить вносящий умиротворение водопад.

Я вспоминаю о том, что писал в своей маленькой книжке “Заметки о русском”, — о стремлении русских расселиться на возможно большем пространстве, раздвинуться, почувствовать себя вольными. В сущности — о том же самом, о чем писал Гоголь в конце “Мертвых душ”, отождествляя Русь с несущейся тройкой. Мне показалось, что у японцев иное стремление: собраться вместе, освоить каждый клочок земли. Не покорять природу, а как бы дружить с ней, учиться у нее, подражать ей в лучшем.

Японцу не до бешеной гоньбы. Он сосредоточен на своей деятельности и поэтому достигает более прочных и устойчивых результатов. В отличие от русского японец придает огромное значение частностям и деталям, а потому детали играют во всем им сделанном первенствующую роль. Оттого японцы — лучшие копиисты в мире.

Японец любит землю во всех ее размерах и стремится в небольшом увидеть большое — Вселенную, космос или свою страну. В своем саду он устраивает уголки, напоминающие ему о тех или иных местностях его страны, как бы создает свою страну в миниатюре: растит для этого карликовые деревья, любит маленькое не потому, что оно — маленькое, а чтобы увидеть за крошечным — большое, настоящее.

Эта тенденция прямо противоположна русской, но одновременно – и сходна, ибо и те и другие стремятся к большой Вселенной.

Отражение космоса в малой капле или желание в быстром движении охватить весь мир – оба эти устремления говорят, в сущности, о религиозном восприятии мира. Первое свойственно японцам, второе – русским. У японцев оно является причиной внимания к любой мелочи, к любой детали, к подчеркнутой точности во всем. У русских это религиозное отношение к миру создает стремление к созданию больших гипотез, новых парадоксальных идей.

Одна из характернейших русских идей принадлежит философу Н. Федорову – заселить космос воскрешенными людьми. Именно этой идеей вдохновлялся Циолковский, создавая проекты своих космических аппаратов.

Японец стремится почтить мир церемониями, ибо церемония близка к богослужению. Одна из характернейших и ценнейших – чайная церемония, в которой, как мне кажется, изящество и многовековая отточенность всех движений создают особое молитвенное настроение.

Праздник для японца – это церемония. Труд – и праздник, и церемония. Все вместе – это уважительное отношение к жизни, это восхищение миром, улыбка, обращенная к окружающему. Не случайно японцы так часто улыбаются.

Наш поезд прибывает в Киото. Мне отводят номер в гостинице, и под моим гостиничным окном я вижу водопад в небольшом, но чрезвычайно густо заросшем саду. Говорят, этот крошечный сад много старше гостиницы: ему несколько сот лет. Я спускаюсь в сад и обнаруживаю крохотное озерко, в которое впадает водопад и в котором плавают большие красивейшие карпы: черные, ярко-красные, белые, желтые, совсем золотые. Они с важностью показывают себя гуляющим.

Я не представлял даже, что сады Японии так разнообразны и различны по размерам. Есть сады не больше цветочной клумбы. И есть Императорские

Японский садик в Киото

Пруд с каменным мостиком и водопадом в Киото

сады, которые имеют огромные площади для церемоний, окружая дворцы и даже являясь их частью.

Поразительны не только дворцовые сады в Киото, но и Императорские сады в центре Токио. В этих садах, пространственно превосходящих Московский Кремль, доминируют редко посаженные сосны, широко раскинувшие строго горизонтальные ветви. Сосны создают впечатление гигантского орнамента почти космического характера; сосны кружатся вокруг центра подобно планетам Солнечной системы. Японские сады выражают философские мысли.

Усадебные сады и парки, принадлежавшие русскому дворянству, велики и окружены обычно большим природным пространством. Одна из эстетических задач русских усадебных садов – раскрывать перед гуляющими разнообразные виды в даль, “уводить глаза к горизонту”. Японские сады, хотя сами по себе и велики, но являются большими “для себя”, приковывают взор к частностям, создают чувство огромности при помощи разнообразия.

И европейские сады, и японские несут в себе религиозно-созерцательное начало. Вглядываясь в японские сады, яснее осознаешь своеобразие европейских садов и парков. Находясь в них, учишься понимать выраженные через них богословские и мировоззренческие системы. Действительно, сады – это книги (мысль, безусловно, общая и для Запада, и для Востока), адресованные всем пяти чувствам человека. Но при изменении стилей садового искусства (даже если учитывать расцвет в европейском парковом искусстве романтического стиля во второй половине XVIII – начале XIX века, наиболее близкого к природе) необходимо признать большую близость к природе японских садов и парков.

Прощаясь с Японией, я вспоминаю свои прежние представления о ней. Япония до поездки, когда я знакомился с ней по отдельным произведениям искусства, казалась мне единой, декоративной, не меняющейся во времени и единой на всем пространстве.

Сейчас я вижу Японию другой. Только слегка, поверхностно соприкоснувшись с ее историей, удивительным своеобразием и вместе с тем схожестью с русским восприятием мира, я представляю Японию как бы другой стороной единого земного шара.

Я продолжаю читать о ней и поражаюсь – как мало мы о ней знаем и как много мы теряем от этого!

Кембридж. Колледж св. Иоанна. Фотография Д. С. Лихачева. 1967

АНГЛИЧАНЕ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ

У меня сохранилась цветная фотография. На ней я разговариваю в красной мантии с вице-канцлером Оксфордского университета, – он тоже в мантии. В руках чашечки кофе. Мы стоим. Это было сразу после моей илчестерской лекции, которую я читал в том же зале, где перед этим я был награжден почетной степенью доктора Оксфордского университета. С тех пор я имел право позади своей фамилии ставить Охон, что значит Охоніан.

После любезного разговора кто-то из англичан подошел ко мне и спросил – как я нахожу их вице-канцлера? Я ответил: он удивительно просто держится; в нем нет никаких следов важности – важности занимаемого им поста. Конечно, – ответил англичанин, – он ведь хорошо воспитан.

После церемонии награждения в Оксфорде. 1967

И в этом все правила английской воспитанности: надо быть простым, непринужденным, внимательным к собеседнику, делать все так, как это удобно другому. Поэтому нельзя быть умнее¹ в разговоре, чем собеседник, лучше одетым, чем гости, неуступчивым к соседу, снисходительным к другим или торжествовать победу над соперником, показывать свое превосходство, радоваться своей победе или чужому поражению. Надо быть простым и “тихим” во всех смыслах.

Костюм не должен быть слишком модным, галстук слишком ярким, манеры манерными, смех слишком громким и т. д., и т. п. Надо говорить медленно; именно медленная речь уважительна. Она должна быть спокойной. Нельзя “выходить из себя”, замечать оплошность другого. Нельзя подчеркивать свою вежливость и воспитанность, нельзя хвастаться своими знаниями, эрудицией, талантом в какой-либо области. Нельзя произносить длинных речей, ораторствовать. Лекции лучше читать по писаному тексту, чтобы из уважения к слушателям полностью отвечать за свои слова. Нельзя подозревать в собеседниках любителей слушать анекдоты и остроты; поэтому достаточно ограничиться одной остротой или анекдотом. Нельзя писать много научных работ. Настоящий ученый должен быть автором одной знаменитой книги – книги, которая была бы плодом многолетних и уважительных к читателям больших разысканий.

Оратор, ученый-журналист, бесконечно мозолящий глаза и уши публике, – невоспитанный человек. И при всем том воспитанный англичанин

¹ т. е. показывать, что ты умнее.

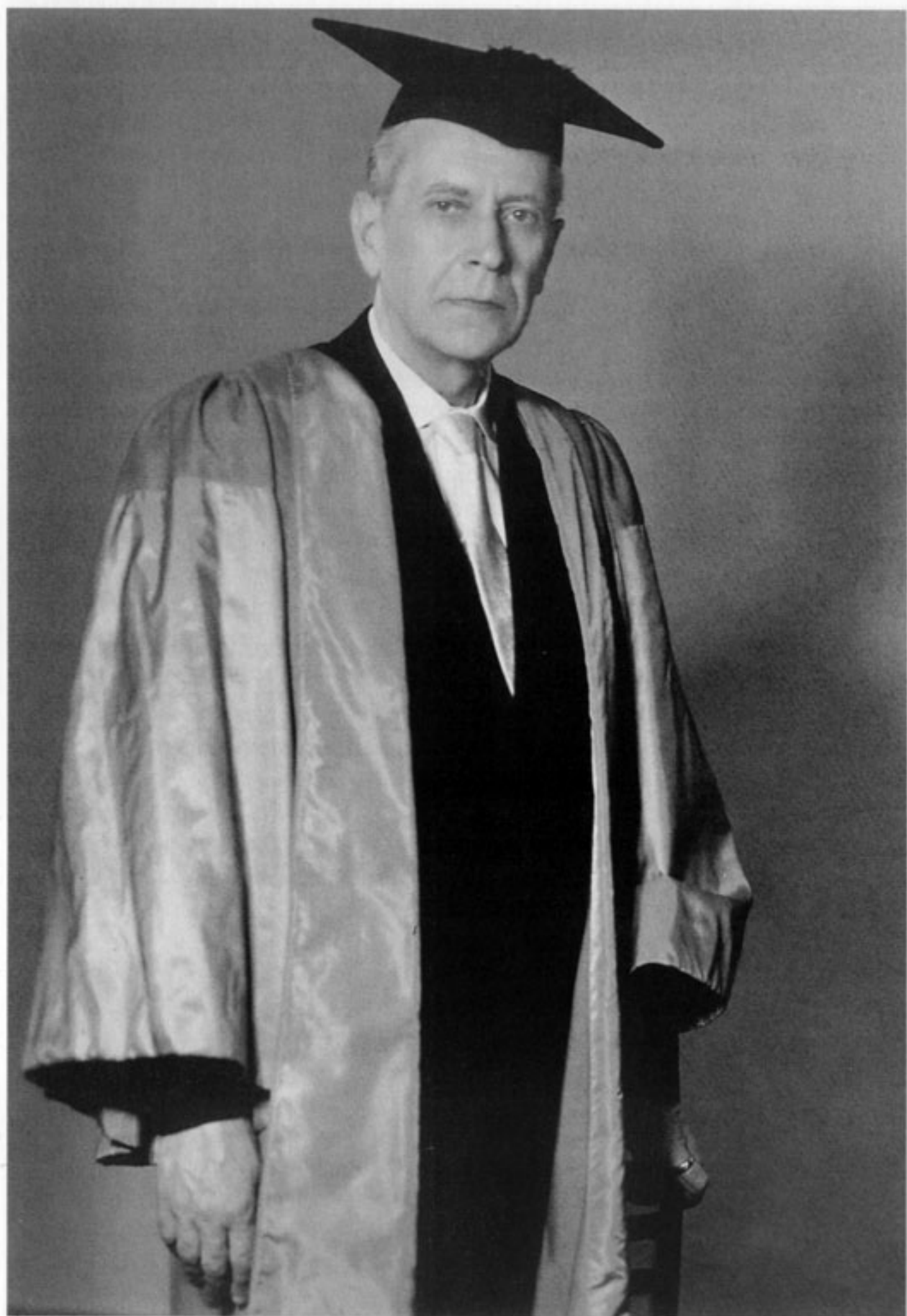
правдив. Он не станет льстить, расхваливать и перехваливать – это лакейство. Рядом с уважением к другим должно существовать уважение к себе.

Надо держаться с достоинством, но без важности. А что уважать в другом? Прежде всего его свободу и покой. Поэтому младший не должен первым здороваться со старшим (старшим по возрасту, старшим по полу – с женщиной и только в редких случаях старшим по общественному положению). Старший может поздороваться с младшим первым и протянуть ему руку, но может этого и не сделать и тогда в этом нет ничего обидного, так как причин, по которым старший не здоровается, может быть много. Он может не поздороваться, чтобы не прервать завязавшийся разговор, не нарушить настроение собравшихся, не смутить молодого человека и пр. Если приходится уходить раньше, то чтобы не нарушить компанию следует это сделать “по-английски” – не прощаясь. Последнее знают все, но первое – войти, не здороваясь “по-английски” знают немногие.

В вагоне поезда или метро нельзя смотреть пристально на соседей, особенно на дам и девушек. Женщина, войдя в ресторан и занимая место за столом, должна сесть спиной к остальной публике, чтобы самой не глядеть и чтобы на нее не смотрели. Даже в компании нельзя разглядывать

Фотография из Оксфордского альбома Д. С. Лихачева. 1967

*Д. С. Лихачев в мантии почетного доктора
Оксфордского университета. 1967*

картины, висящие на стенах, так как это может быть знаком того, что вам скучно. Боже упаси сесть в отдалении, погрузиться в свои мысли: это вы можете сделать и дома. В обществе следует быть внимательным ко всем. И первый признак внимательности – слушать других!

Кембридж. Колледж св. Иоанна.
Фотография Д. С. Лихачева. 1967

Чувствую, что кто-то скажет: но ведь это трудно, это через силу, это лицемерие, не искренно, не просто. Лучше вести себя естественно... Нет! Именно это поведение и *естественно* для человека деликатного, внимательного к другим, интеллигентного. И трудно такое поведение только для человека с несоциальным характером: грубого, эгоистичного, шумного, стремящегося все собой вокруг заполнить, вызывать всеобщее внимание и даже, как ему может показаться, восторг... Поэтому лучше уж не признаваться, что эти правила воспитанности вызывают какие-то трудности и лишают человека естественности.

А теперь о некоторых отличиях английских правил хорошего тона от «континентальных». То, о чем я говорил выше, было в высшей степени свойственно и русским воспитанным людям. Многие английские правила – чисто формальные и среди этих правил есть и хорошие, и те, что мне лично не очень нравятся.

Прежде всего, если вас приглашают к чаю, к обеду, на champagne party, cocktail party и т. д., то приходить нужно вовремя, совершенно точно. Можно прийти раньше, но не больше, чем на 10 минут. Иначе это может принести неудобство хозяевам. Чтобы прийти вовремя, если приходится ехать издалека, за город и пр., то надо приехать раньше и прогуливаться перед домом. Однажды мы были приглашены в Комарове к пяти часам к одному академику. Когда мы подходили к даче, то заметили двух англичан, которые прогуливались перед его домом. Они тоже были приглашены и приехали из Ленинграда заранее, так как думали, что приглашены к чаю (в пять часов – вся

Англия пьет чай, даже в театрах в антракте дневных спектаклей разносят подносики с чаем и молочничками – англичане пьют чай с молоком). Мы тоже пришли немного раньше пяти. Нам показалось, что англичане ищут дачу. Нет, они посматривали на часы, чтобы прийти ровно в пять. Когда же мы вошли в дом, оказалось, что чай не готов и надо было ждать час! Ужас!

За английским столом скучно. Общего разговора не бывает, так как надо говорить тихо (и, как я сказал, медленно). Разговаривают только с соседом, при чем с переменной блюда следует сразу менять и собеседника. Разговор даже не стремятся при перемене блюда как-то завершить. Все отворачиваются от соседа справа к соседу слева или наоборот. И надо уметь заводить новый разговор сразу, непринужденно и с вниманием к собеседнику.

О чем же говорят англичане за едой? Прежде всего о погоде. Погода в Англии капризная и говорить о ней можно без конца. Каждый англичанин по-своему метеоролог, метеоролог-любитель во всяком случае. На официальных обедах в мою честь в Лондонском университете, в Оксфорде и Кембридже со мною говорили о погоде так интересно, как у нас не говорят. Дамы говорят еще о прислуге – жалуются. Говорят о летних путешествиях. Я даже думаю, что англичане и путешествуют летом для того, чтобы иметь возможность об этом поговорить зимой. Кто не путешествовал – говорит о том, куда он собирается поехать.

Безусловно запрещено говорить за столом о политике, о спорте, о религии: вы можете быть разных убеждений с соседом и это может взволновать собеседника. Если вы и начнете разговор на эти темы, – вас вежливо, внимательно выслушают, не перебивая, но разговор не поддержат. Вообще слушать собеседника со вниманием и интересом – обязательно. Перебивать недопустимо даже извинившись.

После стола, отправившись в другую комнату, надо переменить собеседника. Нельзя снова продолжать разговор с соседом по столу слева или с соседом справа. Вы должны подойти к третьей даме. Слишком много внимания одному собеседнику – будь то дама или мужчина – это shocking. На официальных обедах всегда бывает самый почетный гость, для которого и дается обед. Особенно он должен следить за тем, чтобы менять собеседников, стараясь поговорить со всеми.

Черный или темно-синий (реже темно-коричневый) костюм равняется фрак. Чем светлее костюм, тем он неофициальнее и наоборот. Когда вас приглашают, надо узнать стороной или прямо – насколько этот прием

*Эдинбург. Замок сэра
Стивена Рансимана.
XVI в.*

*Сэр Стивен Рансиман.
Фотография
Д. С. Лихачева. 1967*

официален. Нельзя быть одетым темнее, чем полагается: хозяева могут подумать, что вы ожидали не то. Но и светлее быть одетым худо: неуважение. И положение хозяев не из легких: нельзя быть одетым более темно, чем гости, и нельзя быть одетым лучше, чем они. Особенно хозяйка не должна затмевать гостей своими нарядами. При всех обстоятельствах незамужние девушки не должны носить золото и бриллианты.

Для загородной поездки нельзя быть в костюме. Одежда должна быть полуспортивной или, по крайней мере, следует одеть пиджак и брюки от разных костюмов.

В Эдинбурге мы поехали в Хайланд в замок сэра Стивена Рансимана (византолога). Мы были в обычных костюмах. Хорошо бы быть в полуспортивном. Нас встретил к завтраку сам сэр Стивен в совершенно затрапезном костюме с пузырящимися брюками: это, чтобы не быть одетым лучше гостей и не смутить их (тем более, что один – советский). У сэра Стивена работал садовник, работал и столяр, делая книжные полки в башне XVI века, превращая эту башню в библиотеку, но кофе заваривал и на стол накрывал – хозяин. В знак того, что он без прислуги, он надел белый кружевной фартучек. После все гости стали убирать посуду со стола и мыть ее. Так принято.

В домашних обстоятельствах мужчины заваривают кофе, готовят мясо, режут мясо и хлеб и имеют дело со всем, что связано с механикой:

стиральными машинами, сушилками, посудомойками, полотерами и пылесосами. Работу с ними ведут мужчины. Это их часть домашней работы. Неуважение к жене – заставлять ее целиком вести домашнее хозяйство. В наше время у мужской и женской половины семьи четко разделены домашние обязанности. Гораздо обязательнее иметь садовника, чем прислужку-кухарку. Но есть, конечно, мужчины, которые с увлечением подстригают зелень (проф. Власто в Кембридже), сажают цветы (особенно “дафодилз” – махровые нарциссы желтого цвета). Кстати, их сажают не в клумбах, а среди газона. Они должны казаться естественным полевым цветком. Делается это так. Мешок с луковицами приносит с собой владелец и высыпает на газон (луковиц 10–12 не меньше). В том месте, где луковица упала там ее и закапывают. Весной на газоне то тут, то там появляются как бы цветочные “стусщения” (иначе их не назовешь).

Гостю, который впервые в доме, хозяин показывает свой дом, но не хвастается (Боже избави): просто так – другу надо знать как живет его друг. Но гость должен делать комплименты хозяину, его дому, его саду. Лицемерие? Нет! Гость не должен хвалить все подряд, однообразно и скучно. Он должен найти что-то, что его заинтересует, что ему понравилось, по поводу чего он может обратиться с вопросом к хозяину. Интеллигентному гостю это не трудно. Поэтому все образованные англичане скромные знатоки мебели, скромные знатоки живописи и прикладного искусства разных видов.

Д. Д. Оболенский.

Фотография Д. С. Лихачева. Февраль 1967 г.

“Скажите: это викторианская ваза? Вам она досталась от родителей или вы интересуетесь викторианской эпохой? Я викторианство тоже очень люблю”: такой разговор постоянен. Надо проявлять интерес к хозяину и ко всему, чем интересуется он. Скучающий вид у гостя – оскорбителен, если только может оскорбить человек невежливый по воспитанию.

*Супруга Д. Д. Оболенского.
Фотография Д. С. Лихачева.
Февраль 1967 г.*

Дело в том, что у англичан существует золотое правило: можно обижаться только тогда, когда вас хотят обидеть. На простую невоспитанность обижаться нельзя: вас просто не пригласят вторично – вы “не того общества”. Нельзя обидеться на неравного, или на незнающего правил приличия: например, на иностранца или на художника. Это также в крови у воспитанных людей, как, скажем, обычай есть мясо вилкой, а не ложкой.

Очень твердые и разумные правила существуют у англичан о том, кто кому уступает место в машине или дорогу в дверях. Сцены в дверях, как у Чичикова с Маниловым, в Англии были бы просто непонятны: ведь дорога принадлежит старшему (разумеется по возрасту), даме, хозяину. Она как бы его собственность и он вправе ее уступить, “подарить”. Младшему дорога не принадлежит, и переуступать ее старшему он не имеет права. Двое подходят к дверям. Старший молча делает жест, предлагая пройти младшему. Обязанность младшего слегка поклониться и побыстрее воспользоваться “подарком”. От подарка не отказываются. Если младший по каким-либо обстоятельствам оказался первым у двери, – он не делает приглашающего жеста. Он просто чуть отходит и ждет пока пройдет старший. Чаще всего старший, а особенно дама, пользуется своим правом. Но если младший гость в доме, хозяин почти всегда уступает ему дорогу. Все происходит быстро и почти незаметно. Ну, а если оба равны и не один не хочет взять на себя роль старшего? Это просто: после минуты замешательства один из двух делает необходимый жест. Спорить тут неприлично. Также поступают тогда, когда садятся в машину (наиболее почетное место в машине левое, хотя это и неудобно).

Говорят, что русские (а особенно старые петербуржцы) любят друг другу подавать пальто. В старом Петербурге у себя на квартире старый профессор

всегда снимал с вешалки и подавал студенту его шинель. Тот ёрзал, но все же принимал этот подарок (если он, конечно, был хорошо воспитан, так как отказаться от этой чести, оказываемой хозяином, было превратить эту честь себе – в унижительный поступок для хозяина).

У англичан есть на этот счет свои правила. Снимать пальто с вешалки – это дело только лакея или самого обладателя пальто. Хозяин пальто не снимает с вешалки, но когда гость его снял, он берет у него пальто из рук и помогает гостю одеться. Это настолько просто и естественно, что иногда гость, сняв пальто сам подает хозяину свое пальто, чтобы тот помог ему одеться. Это даже хорошо: это знак того, что гость не сомневается в добрых к нему чувствах хозяина. Жест этот дружественный. Воспитанный человек уверен в дружественности окружающих.

При входе в ресторан, при выходе из вагона мужчина или младший идут первыми: для того, чтобы помочь даме, подать ей руку, поддержать ее или для того, чтобы, встретив метрдотеля, попросить его указать места в зале, заказать ужин и т. д.

Но помните одно: когда вы с дамой, нельзя уступать очередь другим (это вы сделали бы и за свою даму). Если ваш друг с дамой и вы его встретили в театре или на улице, – нельзя здороваться первым: это означало бы, что ваш друг должен вас представить своей даме. А если он не хочет представлять?

Дама идет рядом с мужчиной с наименее опасной стороны: со стороны мостовой всегда идет мужчина. Нельзя брать даму под руку. Под руку берет вас дама, а ваша обязанность предложить ей руку при переходе через улицу, в трудном месте или тогда, когда все гости направляются из гостиной к столу. Так было и в царской России. Я помню, как возмущался мой отец, когда во время первой мировой войны какой-то офицер (сколько их тогда “напекли”) тащил под руку женщину в фетровых ботиках. Ботики тогда были красные, но неудобные. Их надевали на туфли с высокими каблуками, подметки у ботишков были кожаные и они скользили по снегу: как ходили дамы – не пойму! Брать даму под руку все-таки не следовало: надо было предложить ей руку. И вести с достоинством. С достоинством! Соблюдать его не впадая в важность – это искусство. Dignity! Это далеко не просто. Любезность не должна была превращаться в лакейство, а чувство достоинства в чванство, в чувство своей значительности.

Есть английская манера снимать шляпу перед знакомыми. Протягивая правую руку (хотя в Англии рукопожатия редки), снять левой рукой шляпу

с головы и не опускать, а подержать над головой, т. е. приподнять шляпу. И только. Не кланяться. Лицо должно быть дружественным, но без особой улыбки. Dignity больше всего выражается в этой английской манере здороваться. Простота и достоинство без важности. Важность, как я уже сказал в начале, – признак дурного воспитания. И никто за эту невоспитанность не несет ответственности, кроме самого невоспитанного господина. Ибо манеры человека – это сам человек. И дело не в умении или в неумении, а во внутреннем благородстве, которое у человека должно быть в первую очередь и проявляться в его манерах.

Человек – не лакей и не вельможа, не бесправный подчиненный и не сатрап. Он друг всех окружающих его людей. Он не мешает им, не навязывается, не замечает чужие ошибки и не придает особого значения своим, если они не наделали больших бед. Он уверен и в том, что окружающие его – его друзья, которые не “обрадуются” его ошибкам.

В “Идиоте” у Достоевского есть рассуждение о светских манерах (в том месте романа, где в Павловске у англomана Епанчина Мышкин разбивает вазу). Он говорит о них с ненавистью и презрением. Ох, многого не испытал Достоевский, хотя и был в “Мертвом доме”!

Но в англomанстве есть и действительно плохое. Очень часто оно возникает под влиянием снобизма. Снобизм в английском смысле – это стремление заводить знакомство с аристократами и знаменитыми людьми, хвастаться этими знакомствами, хвастаться своей знатностью, своим положением – прежним или настоящим.

Существовал особый эмигрантский снобизм. Каждый эмигрант первого потока (сразу после революции) стремился подчеркнуть, а то и преувеличить свое бывшее положение в России, знатность своего рода и пр.

Владимир Набоков – сноб до мозга костей. Его отец был англomан, и это тоже своего рода снобизм (высшая аристократия имела домашним языком английский, следовала английским манерам; средняя аристократия говорила по-французски; особой изысканностью считалось говорить по-французски с английским акцентом). Набоков сноб в своих воспоминаниях, сноб в своих спортивных вкусах, сноб в своих убеждениях, сноб в стиле (усложненном) своих писаний, сноб в своем преклонении перед Прустом, Толстым и Джойсом, сноб в своем увлечении бабочками. Но снобизм – это разновидность высшего лакейства. И снобизм также безвкусен, как и любое важничание, надутость, чванство, – только выше рангом.

Впрочем, несколько слов об увлечении Набокова бабочками. Это то, что называется “хобби”. И в самом хобби нет ничего дурного. Напротив, каждый воспитанный англичанин должен иметь хобби. Почему? Чтобы легко и с достоинством переносить любые неудачи и удары судьбы. Неприлично, например, придавать большое значение тому, что человеку не удалась карьера, лишился места, провалился на экзамене, обойден награждением. Человек в этом случае не должен печалиться, иметь удрученный вид. Это неоправимо роняет его *dignity*. Во всех этих случаях помогает “хобби”: тут всегда можно найти утешение, пополнить коллекцию, выиграть партию в крикет, регату, съездить в какую-нибудь самую экзотическую страну, совершить пешую прогулку. Удовольствия хобби всегда к вашим услугам и надо только уметь выбрать для себя это хобби – такое, в котором могут быть только удачи и приобретения и никаких потерь!

Хобби нужно для *dignity*. Вот почему увлечение футболом или хоккеем или другим видом спорта не может быть хобби. Тут может быть и выигрыш и проигрыш. Хобби же – это только приобретение. Никаких разочарований, крупных во всяком случае, в хобби не должно быть.

Из рассказов Елизаветы Федоровны Хилл

Е. Ф. Хилл, которая недавно получила от королевы титул *damе*, равняющийся рыцарскому “сэр”, родилась в Петербурге. Отец англичанин, мать русская. На международном конгрессе славистов в Москве в 1958 году во время поездки в Троице-Сергиеву лавру вот что она рассказывала о дореформенных обычаях Оксфорда, когда еще студенты обязаны были носить “гаун” и за их поведением строжайше следили. Рассказы эти передают не только дух Оксфорда, но и характеризуют английское спортивное и правовое сознание в целом, а заодно и манеры поведения англичан.

Студенты в Оксфорде обязаны были носить гаун. Гаун – это черная тонкая мантия. Выезжая из Оксфорда в Лондон, гаун можно сложить в несколько раз и запихнуть в портфель, но портфель не всегда удобно брать с собой – в театр, в ресторан, в кафе, даже в паб – это не совсем прилично.

Поэтому гаун лучше всего оставить в колледже в той комнате, которая над входной дверью. Возвратившись из Лондона надо постучать по водосточной трубе или подать другой знак, и студент, занимающий комнату над входной дверью, выкинет ему гаун. Он его оденет и войдет в колледж в гауне; швейцар не имеет права его не впустить, а без гауна не впустит.

– Но, – говорю я, – швейцар легко заметит эту проделку, попадет обоим студентам?

– Нет, в обязанности швейцара не входит доносить. Он только не должен студента впускать без гауна. А где он его оденет, где оставляет, кто ему выкидывает гаун из окна – это не его дело.

– Но, – говорю я, – разве каждый студент, занимающий комнату над входом, станет выкидывать гаун? Может быть он рано ложится спать?

– О, тогда он не должен занимать комнату над входом! Если уж он в ней живет – это его обязанность.

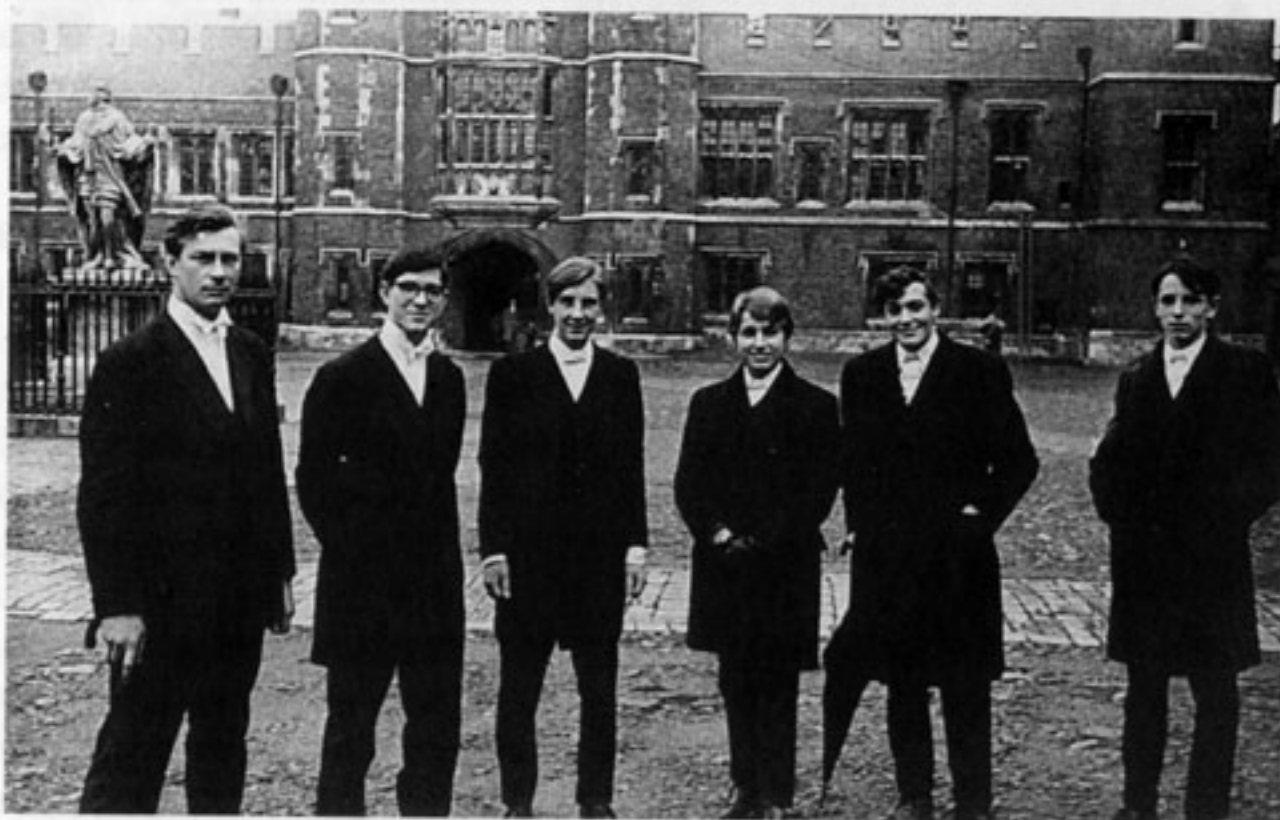
Последний поезд из Лондона в Оксфорд приходит без десяти двенадцать. А в колледж впускают только до двенадцати. Если студент опоздает, ему записывают замечание. Три замечания в книге колледжа и студента исключают. Хорошо, если колледж студента недалеко от вокзала, а если далеко? Тогда студент бежит и каждый владелец машины, видя бегущего студента, стремится подхватить и довезти его до колледжа.

– И часто так бывает? – спрашиваю я.

– Всегда! Ведь студент может провиниться.

Примечание: англичане всегда болеют за слабейшего, за спортсмена, который слабее, за проигрывающую команду. Сочувствие англичан (а тем более жителей Оксфорда!) всегда на стороне студента, провинившегося или могущего провиниться.

*Студенты Итона со своим преподавателем.
Фотография Д. С. Лихачева. 1967*

Три замечания, записанные в книгу! Если замечание не записано в книгу, – оно не считается. Но записать в книгу можно только тогда, когда он пойман, спрошен и ответил признанием. Иначе в книгу записать нельзя.

– А если видели и есть свидетели?

– Все равно такое замечание не может быть записано.

– Как же записываются замечания?

– Педель идет по городу с двумя “догами” и несет книгу на цепи. Если они увидели студента без гауна или в ресторанчике и пр., то “доги” стремятся захватить студента, а студент пытается от них убежать.

– Кто же такие доги?

– Доги – это студенты, которые по очереди должны ходить с наставником и ловить провинившихся.

– И как же это происходит?

– Студент, заметив, что его застали на месте преступления, пускается

бежать. Если он успевает добежать до колледжа, то доги входить в колледж не имеют права и он спасен. Доги могут знать студента, но записать его в книгу без собственного признания не имеют права. Когда студент бежит от догов, прохожие все на стороне студента и стараются ему помочь.

– А как же доги? Как они после встречаются с тем студентом, за которым гнались? Ссора на веки?

– Что вы? Это же спорт! Когда студент добежал до колледжа и успел в него войти, он часто выходит к ним и они распивают по стаканчику вина в ближайшем ресторанчике: студент и доги. Все всегда кончается мирно.

Правовое сознание англичан

Перед моим приездом в Кембридж был следующий случай. Однажды к повару колледжа явился студент и сказал: “На основании установления университета от такого-то года (XV век, – Д. Л.)

*Виндзорский замок.
Фотография Д. С. Лихачева*

всякий студент, испытывающий жажду, имеет право попросить у вас стакан вина". Повар покосился, но ничего не сказал и выдал ему стакан вина. Об этом случае повар запросил главу колледжа. Долго думали – как быть? Если все начнут приходить и просить вино, начнется озорство и пьянство. И действительно, на следующий день к повару явились с тем же требованием уже трое или четверо. Повар ответил: "Однако на

Отъезд из Оксфорда. Провожаящие: чета Коноваловых, Д. Д. Оболенский, Дж. Симмонс (крайний справа). Фотография Д. С. Лихачева. 1967

основании установления того же года студенты обязаны носить определенную одежду и являться в колледж не только в гауне, но в чулках и башмаках с пряжками. Вы одеты не как студенты и вина вам не полагается". Опасность была предотвращена.

Случай этот объясняет известный эпизод в Кембриджском периоде жизни Байрона. Байрон поселился в колледже с собакой. Ему объявили, что по установлению такому-то собак в колледжах держать запрещено. Байрон уехал и через некоторое время возвратился в Кембридж с медведем и жил с ним беспрепятственно: установления, запрещающего заводить медведей, в Кембридже не было.

Обычаи в колледжах

В Оксфорде в Ньюколледже существует обычай: во время еды не глядеть на портреты, которые висят в холле в колледжах. Если студент заметит, что другой студент смотрит на портрет за столом, он может встать и, громко обвинив студента, потребовать от него, чтобы он всем поставил выпить пиво. Это как бы штраф. Но... обвинительную речь он должен произнести только на латыни. Только тогда она действительна.

Англия – страна мужчин

Надежда Городецкая рассказывала мне в Ливерпуле. Когда она подала заявление на должность профессора в Ливерпульском университете, женщин-преподавателей там не было. Главный вопрос для коллегии, решавшей вопрос о ее приеме, был не в том – достаточна ли ее квалификация, а как

быть с клубом! Ведь она будет иметь право быть членом профессионального клуба, а клуб состоит пока только из мужчин. Как будут в ее присутствии курить? Как будут рассказывать анекдоты? Ее приняли, но все ждали: явится ли она в клуб после обеда? Не знала как быть и Городецкая. По правде сказать – ей очень не хотелось являться в этот клуб, но она подумала: если она не придет, то это создаст прецедент для всех женщин-профессоров в дальнейшем. Вход в клуб будет для них закрыт. И она пошла. Молчание, минуты стеснения. Наконец канцлер или вице-канцлер (во всяком случае старший из присутствовавших) развалился в кресле и закурил, положив руку на спинку стула Городецкой. Тем самым был дан знак она принята на правах мужчины и никаких различий для нее делать не следует. Вздых облегчения (негромкий, подавленный).

В Оксфорде я был приглашен в женский колледж на обед. Перед обедом все собрались в кабинете Анны Пеннингтон. Преподавательницы пили аперитив, курили и громко смеялись, подражая мужчинам: обычаи мужских

колледжей были обязательны и для женских.

*Оксфорд. Студент с гауном в руке.
Фотография Д. С. Лихачева. 1967*

Стоит прибавить к этому, что Англия и страна моряков тоже. Двухэтажные автобусы называются у них двухпалубными (double-decker), а время указывается и то, что принято для моряков (различий я точно не знаю).

Англия – страна сквозняков

Графиня Соллогуб, поселившись в Ливерпуле, всегда говорила, что Англия вся в сквозняках, и недовольно куталась в шарф, выходя на улицу. Англичане ее очень уважали за русский патриотизм: проходя в Ливерпуле мимо памятника Севастопольской компании, состоявшему из русских пушек, захваченных в Крыму, она всегда заслонялась от него шарфом, поднося его к глазам, и отворачивалась. Так рассказывают о ней англичане.

Английский патриотизм

В 1923–24 годах я занимался в университете английским языком с мистером Клером. Мистер Клер любил упрекать нас в отсутствии патриотизма. Мы горячо возражали. Однажды он сказал: “Я вам это докажу. В Англии каждый школьник знает сколько букв в английском алфавите; скажите – сколько букв в русском?” Мы стали называть разные цифры. Мистер Клер взялся за живот и от души смеялся.

Мы возразили: “У нас была реформа орфографии и поэтому мы сбились”. “Хорошо. – ответил мистер Клер. – В Англии каждый англичанин знает в честь чего воздвигнута Трафальгарская колонна. Ваша Александровская колонна значительно больше. В честь чего она воздвигнута?” Посыпались разные ответы: взятие Парижа, кампания 1812 года, Александр I и пр. Клер брался за живот и смеялся, жмурясь от удовольствия.

Затем пришел черед смеяться нам. Мистер Клер рассказывал короткие эпизоды из своей биографии, которые заставлял нас потом пересказывать. Он долго жил в Африке – вывозил оттуда зверей для Лондонского зоопарка и был даже женат на негритянской принцессе. Он хорошо говорил на некоторых африканских и европейских языках. Однажды, – рассказывает он, – наш пароход подъехал к Берегу Слоновой Кости. Пристать было нельзя, и пассажиров высаживали в лодки, которые потом приставали к песчаному берегу. В одну из лодок сел мистер Клер. Гребцы были негры. И вот он слышит, что негры говорят между собой о нем: “Кто этот человек? Он португалец – он хорошо говорит по-португальски”. Затем он слышит: “Нет, он француз. Он еще лучше говорит по-французски”. Так негры перебрали несколько национальностей и не могли решить – кто же он. Наконец, лодка уткнулась носом в песок. Выскакивать надо было из лодки в набегающие на берег волны. Первым выскочил француз, затем, португалец, немец... Остался в лодке мистер Клер и женщина с ребенком на руках. Мистер Клер соскочил в воду и перенес женщину на руках. И он услышал, как негры сказали о нем: “Нет, он не португалец и не француз, и не немец. Он – англичанин!”

О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Э

Письмо в редакцию журнала "Новый мир"

то – не статья, это именно письмо, в котором автор говорит пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт.

Итак – что такое интеллигенция? Как я ее вижу и понимаю? Понятие это чисто русское, и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное.

Итак, что такое "интеллигенция"? Большой толковый словарь русского языка 1998 года дает следующее определение: "Социальная группа, состоящая из образованных людей, обладающих большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом". Это определение явно неточно. В самом деле, "социальная группа" интеллигенции настолько разнородна, что не может считаться чем-то единым. Кроме того, интеллигент вполне может не заниматься "умственным трудом" "профессионально".

Самая характерная ^{особенность} ~~черта~~ русской интеллигенции — независимость мысли, внутренняя свобода. Это ее сильнейшая ее особенность ~~черта~~ ^{суть}. Они ~~не~~ ^{не} подчиняются никому по существу, не с друзьями

Автограф Д. С. Лихачева

Поэтому, не давая определения “интеллигенции”, отметим некоторые ее характерные черты. Прежде всего — это внутренне свободные люди, живущие своими представлениями о жизни, о мире, своими нравственными убеждениями. Люди, подчиняющиеся в своей деятельности и оценках другим людям, системам или партийным требованиям, интеллигентами, как мне кажется, не являются: они отказываются от умственной самостоятельности (а, следовательно, от какой-то части своей духовной жизни), убивают в себе возможность руководствоваться только независимыми от “обстоятельств”, партийных пристрастий, политической целесообразности убеждениями.

Следовательно, строго партийный человек — не интеллигент, он лишь профессионально работает в области идеологии.

Обратим внимание на еще одно обстоятельство. Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше (или она минимальна).

Русской интеллигенции присуща “тайная” свобода, о которой писали и Пушкин, и Блок.

К тому же по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям.

Я пережил много исторических событий, посмотрелся чересчур много удивительного и поэтому могу говорить о русской интеллигенции, не давая ей точного определения, а лишь размышляя о тех ее лучших представителях, которые, с моей точки зрения, могут быть отнесены к разряду интеллигентов. В иностранных языках и в словарях слово “интеллигенция” переводится, как правило, не само по себе, а в купе с прилагательным “русская”.

Безусловно, прав А. И. Солженицын: интеллигент – это не только образованный человек, тем более не тот, которому он дал такое обозначение, как “образованец” (что-то вроде “самозванец” или “оборванец”). Это, может быть, и несколько резко, но Александр Исаевич понимает под этим обозначением слой людей образованных, однако продажных, просто слабых духом.

Интеллигент же – это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью. Меня лично смущает распространенное выражение “творческая интеллигенция”, точно какая-то часть интеллигенции вообще может быть “нетворческой”. Все интеллигенты в той или иной мере “творяют”, а с другой стороны, человек, пишущий, преподающий, творящий произведения искусства, но делающий это по заказу, по заданию, в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с “идеологическим уклоном”, с моей точки зрения, никак не интеллигент, а наемник.

Повторяю – к интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам.

Основной принцип интеллигентности – интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Я убежден, впрочем, что можно быть и несвободным от раз и навсегда принятых принципов. Это касается людей “с лобной психикой”, отстаивающих свои старые, когда-то ими высказанные или даже проведенные в жизнь мысли, которые сами для себя сковывают свободу. Достоевский называл такие убеждения “мундирами”, а людей с “убеждениями по должности” – людьми в мундирах.

Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка. Если он меняет убеждения по соображениям выгоды – это высшая безнравственность. Если интеллигентный человек по размышлению приходит к другим мыслям, чувствуя свою неправоту, особенно в вопросах, связанных с моралью, – это его не может уронить.

Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести – это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной.

Вопрос о нравственных основах интеллигентности настолько важен, что я хочу остановиться на нем еще.

Прежде всего я хотел бы сказать, что ученые не всегда бывают интеллигентны (в высшем смысле, конечно). Неинтеллигентны они тогда, когда, слишком замыкаясь в своей специальности, забывают о том, кто и как

может воспользоваться плодами их труда. И тогда, подчиняя все интересам своей специальности, они жертвуют интересами людей или культурными ценностями.

Самый несложный случай – это когда люди работают на войну или производят опыты, связанные с опасностью для человека и страданиями животных.

В целом забота о специальности и ее углублении – совсем неплохое правило жизни. Тем более что в России слишком много непрофессионалов берутся не за свое дело. Это касается не только науки, но также искусства и политики, в которой также должен быть свой профессионализм.

Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью.

Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России – это прежде всего независимость мысли при европейском образовании. (Почему европейском – скажу ниже.) А независимость эта должна быть от всего того, что ее ограничивает, будь то, повторяю, партийность, деспотически властвующая над поведением человека и его совестью, экономические и карьерные соображения и даже интересы специальности, если они выходят за пределы допустимого совестью.

Вспоминаю кружок русской интеллигенции, собиравшийся в Петрограде в 20-е годы вокруг замечательного русского философа Александра Александровича Мейера, – кружок “вторничан”, потом получивший название “Воскресение” (мейеровцы переменили день своих собраний со вторника на воскресенье). Главным для “вторничан” была интеллектуальная свобода – свобода от требований властей, времени, выгоды материальной, от сторонних взглядов (от того, что скажет княгиня Марья Алексевна). Интеллектуальная свобода определяла собой мировоззренческое поведение таких людей, как сам А. А. Мейер и окружавшие его: К. А. Половцева, С. А. Аскольдов-Алексеев, Г. Федотов, Н. П. Анциферов, М. В. Юдина, Н. И. Конрад, К. С. Петров-Водкин, Л. А. Орбели, Н. В. Пигулевская и многие другие.

Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим “смутным временем”, и мой долг человека – свидетеля века – восстановить справедливое к ней отношение. Мы слишком часто употребляем выражение “гнилая интеллигенция”, представляем ее себе слабой и нестойкой, потому что привыкли верить следовательскому освещению дел, прессе и марксистской идеологии, считавшей только рабочих “классом-гегемоном”. Но в следственных делах оставались лишь те документы, которые играли на руку следовательской версии, выбитой из подследственных иногда пытками, и не только физическими. Самым страшным было положение семейных. Ничем не ограниченный произвол следователей угрожал пытками членам семьи, и мы не вправе строго судить тех, кто, не вникая даже в суть подписываемого,

подтверждал версии следователей (так было, например, в знаменитом “Академическом деле” 1929–1930 годов).

Какими высокими и мужественными интеллигентами были интеллигенты из потомственных дворян! Я часто вспоминаю Георгия Михайловича Осоргина, расстрелянного 28 октября 1929 года на Соловках. Он уже находился в камере смертников, когда к нему неожиданно для соловецких властей приехала жена (урожденная Голицына). Неожиданность произошла от полного беспорядка в тогдашних лагерях: власти на материке не знали, что по своему произволу предпринимали начальники на острове. Так или иначе, но под честное слово дворянина Осоргина выпустили из камеры смертников на свидание с женой, обязав не говорить ей, что его ожидает. И он выполнил свое обещание, данное палачам. Через год после краткого свидания Голицына уехала в Париж, не зная, что на следующий же день Георгий Михайлович был зверски расстрелян.

Или одноногий профессор баллистики Покровский, который сопротивлялся в Святых воротах (увы, снесенных сейчас реставраторами) и бил своей деревянной ногой конвоиров только для того, чтобы не быть “послушным стадом”.

Или Г. Г. Тайбалин. Рискуя жизнью, он приютил в своем медпункте старика-мусульманина, “лучшего певца Старой Бухары”, совершенно беззащитного, ни слова не знавшего по-русски и уже по одному этому обреченного на гибель.

Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936 или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков.

Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разгонялся Петроградский университет; какая чистка происходила в студенчестве, сколько ученых были отстранены от преподавания, как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политграмота и каким испытаниям подвергались желающие поступить в высшие школы. Детей интеллигенции вообще не принимали в вузы, а для рабочих были созданы рабфаки. И тем не менее в университетских городах возникали кружки самообразования: петербургские профессора А. И. Введенский и С. И. Поварнин читали лекции на дому, вели занятия по логике, а А. Ф. Лосев издавал свои философские работы за собственный счет.

Русская интеллигенция вступила в эпоху Красного Октября закаленная в своем сопротивлении царскому правительству. Не один только А. А. Мейер собирал вокруг себя интеллигенцию, используя свой опыт объединения, полученный еще в ссылках и тюрьмах при царском правительстве.

Два парохода понадобились осенью 1922 года (“Пруссия” и “Бургомистр Хаген”), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности.

Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору – в исторической науке, литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полузнаек, полунинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Смею утверждать, что они не были интеллигентами в старинном смысле этого слова. Нет ничего опаснее полужнаинства. Полужнайки уверены, что они знают все или, по крайней мере, самое важное, и действуют нагло и бескомпромиссно. Сколько людей были выброшены этими полужнаиками на улицу! Остальным приходилось подкармливать не только А. А. Ахматову, но и Б. М. Эйхенбаума, Д. Е. Максимова, В. Л. Комаровича, даже и академика Л. А. Орбели, пока ему не дали отдельную лабораторию. Академик И. Ю. Крачковский из собственных средств платил заработную плату своим сотрудникам, когда занятия древними восточными языками были объявлены реакционными.

Ну, а кто были первыми русскими интеллигентами? Если бы Владимир Мономах не писал свое “Поучение” преимущественно для князей, то совесть его и знание пяти языков могли бы стать основанием для причисления его к первым русским интеллигентам. Но поведение его не всегда соответствовало вечным и всеобщим правилам морали. Совесть его была ограничена княжескими заботами.

В сущности, первым интеллигентом на Руси был в конце XV – начале XVI века Максим Грек – человек итальянской и греческой образованности, до своего монашества носивший имя Михаила Триволиса и принадлежавший к ученому кругу Альда Мануция. В России он подвергался гонениям, находился в заключении и был причислен к лику преподобных только после своей смерти. Своею жизнью на Руси он прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов.

Князь Андрей Курбский был бы интеллигентом, если бы он, будучи военачальником, не “отъехал” от Ивана Грозного. Как князь он имел право выбирать своего сюзерена, но как воин, командующий войсками, он бежал не по совести.

Не было на Руси подлинных интеллигентов и в XVII веке. Были люди образованные и по европейским меркам. Но высокой русской интеллигенции нового времени в Древней Руси еще не было.

Бессмысленно задаваться вопросом – была ли культура Руси до Петра “отсталой” или не отсталой, высокой или невысокой. Нелепо сравнивать культуры “по росту” – кто выше, а кто ниже. Русь, создавшая замечательное зодчество (к тому же чрезвычайно разнообразное по своим стилевым особенностям), высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившую ценнейшие реликты религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой.

Неправильно думать, что интеллигенция появилась непосредственно после перехода России на позиции западноевропейской (европейской она была всегда) культуры.

При Петре не было интеллигенции. Для ее образования нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением.

Петр опасался появления независимых людей. Он как бы предчувствовал их опасность для государства, избегал встреч с западноевропейскими мыслителями. Во время поездок и пребывания в Западной Европе его интересовали прежде всего “профессионалы”: государственные деятели, военные, строители, моряки и рабочий люд – шкиперы, плотники, корабельщики, т. е. все те, кто мог осуществлять его идеи, а не создавать их. Поэтому, может быть, у Петра лучше всех отношения складывались с архитекторами среднего таланта и не сложились они с Леблонем, предложившим свой план строительства Петербурга. Может быть, Петр был и прав. Изучая его указания, сопровождавшиеся иногда мелкими набросками, нельзя не удивляться самостоятельности его градостроительной концепции. Среди талантливых и энергичных практиков Петр чувствовал себя свободнее, чем среди теоретиков и мыслителей.

Европа торжествовала при Петре в России, потому что в какой-то мере Петру удалось восстановить тот путь “из Варяг в Греки”, который был прерван в России татаро-монгольским игом, и построить у его начала Петербург. Именно это иго установило непроходимую стену с Западом, но не установило прочных культурных связей с Востоком, хотя русский государь принял под свой скипетр на равных основаниях Казанское и Астраханское царства, признав их князей и вельмож.

Петр восстановил связи с Европой, но попутно лишил ее земских соборов, упразднил патриаршество и еще более закрепостил крестьян.

Для России всегда была основной проблема Севера и Юга, а не Запада и Востока, даже в ее Балканских, Кавказских или Туркестанских войнах.

Защита христианства была для России и защитой европейских принципов культуры: личностной, персонифицированной, интеллектуально свободной. Поэтому-то русская интеллигенция с таким восторгом воспринимала освобождение христианских народов на Балканах и сама подвергалась гонениям за эти же самые европейские принципы.

Первые настоящие, типично русские интеллигенты появились в конце XVIII – начале XIX века: Сумароков, Княжнин, Новиков, Радищев, Карамзин. К ним нельзя отнести даже Державина – слишком он зависел от власти. Пушкин – несомненный интеллигент. Он не получал золотых табакерок и хотя жил в основном от гонораров, но в своем творчестве не зависел от них. Он шел свободной дорогой и “жил один”.

Как некое духовное сообщество интеллигенция заявила о себе 14 декабря 1825 года на площади Петровой. Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей. Декабристы выступили против своих сословных интересов и интересов профессиональных (военных в том числе). Они действовали по велению совести, а их тайные союзы не обязывали их следовать какой-то “партийной линии”.

В то же время терроризм, зародившийся в России, и “профессиональные революционеры”, все эти Ткачевы и Нечаевы (а может быть, и Чернышевские?), были глубоко антиинтеллигентными личностями. Не интеллигенты были и те, кто становился на колени перед народом или рабочим классом, не принадлежа ни к тому, ни к другому. Напротив, сам рабочий, обладая достаточно высоким профессиональным и непрофессиональным кругозором и природной совестью (а таких было немало до той поры, пока именем рабочего класса не стали твориться преступления), мог приближаться к тому, что мы называем общей интеллигентностью.

Но вернемся к нашему времени.

Усиленная духовная активность интеллигенции пришлась на первое десятилетие советской власти. Именно в это десятилетие репрессии были в первую очередь направлены против интеллигенции. В последующие, тридцатые, годы репрессии были не только против интеллигенции (против нее они были всегда), но и против крестьянства, ибо крестьянство, которое и сейчас принято называть “безграмотным”, обладало своей тысячелетней культурой. Духовенство, городское и сельское, отдельные представители которого еще до революции проявляли себя как интеллигенты (отец Павел Флоренский), снова выделило из своей среды ряд замечательных представителей интеллигенции (Сергий Булгаков, Викторин Добронравов, Александр Ельчанинов и др.).

Итак, большинство русской интеллигенции не запятнало себя отступничеством. Я мог бы назвать десятки имен людей, которые честно прожили свою жизнь и не нуждаются в оправдании себя тем, что “мы так верили”, “мы

так считали”, “такое было время”, “все так делали”, “мы тогда еще не понимали”, “мы были под наркозом” и пр. Эти люди исключают себя из числа интеллигентных, обязанностью которых всегда было и остается: знать, понимать, сопротивляться, сохранять свою духовную самостоятельность и не участвовать во лжи. Не буду приводить фамилии всех тех самозванных интеллигентов, участие которых в различного рода кампаниях и проработках с самого начала не было случайностью. Их было много, но винить из-за них всю русскую интеллигенцию, против которой все семьдесят лет были направлены репрессии, никак нельзя. К тому же, не будь старой интеллигенции, не было бы и диссидентов помоложе. Интеллигенция все это время была главным врагом советской власти, так как была независима.

Годы борьбы государства с интеллигенцией были одновременно годами, когда в официальном языке исчезли понятия чести, совести, человеческого достоинства, верности своим принципам, правдивости, беспристрастности, порядочности, благородства. Репутация человека была подменена характеристиками “треугольников”, в которых все эти понятия и представления начисто отсутствовали, а понятие же интеллигентности было сведено к понятию профессии умственного труда.

Неуважение к интеллигенции – это и нынче неуважение к памяти тысяч и тысяч людей, которые мужественно вели себя на допросах и под пытками, остававшихся честными в лагерях и ссылках, во время гонений на те или иные направления в науке.

В будущем, когда станут публиковаться отдельные дела ЧК, ОГПУ или КГБ, опять-таки следует иметь в виду, что в протоколы следствий заносились только те материалы, которые подтверждали заранее составленную следователем версию. Бесследно исчезали из дел те, кто “помог следствию” или давал предварительные материалы для ареста – агентурные данные. Из дел исчезли все факты проявления мужества подследственных. Арестованных не освобождали: “Органы зря не берут!” Эта мысль укреплялась с годами все сильнее. Поэтому и нынче публиковать “дела” следует только с комментариями – на научной основе¹.

Интересно, как выслушивали интеллигентные люди свои приговоры. Позволю себе привести еще некоторые воспоминания.

Это было в 1928 году, примерно в начале октября. Нас всех по делу студенческого кружка “Космическая Академия наук” и “Братство Серафима Саровского” вызвали к начальнику тюрьмы (ДПЗ – Дом предварительного заключения на Шпалерной улице в Ленинграде). Начальник с важным и крайне мрачным видом сидел насупившись, а мы все стояли. Впереди стоял

¹ К сожалению, в настоящее время БАН публикует документы “Академического дела” именно в том виде, которого добивались следователи, это дело создавшие.

Игорь Евгеньевич Аничков, получивший воспитание за границей и бывший типичным представителем старой русской интеллигенции. Загробным голосом начальник объявил: “Выслушайте приговор”. Отлично помню, что слово “приговор” он произнес с правильным ударением на последнем слоге. Затем медленно и важно он стал читать этот самый приговор – неизвестно чей, ибо суда не было. Все это время Игорь Евгеньевич стоял со скучающим видом. Едва начальник закончил чтение, Игорь Евгеньевич небрежно спросил: “Это все? Мы можем идти?” И, не дожидаясь ответа, двинулся к выходу. Мы все тронулись за ним мимо растерявшихся конвоиров. Это было великолепно. Черта, определявшая характер русской интеллигенции, – отвращение к деспотизму – воспитала в ней стойкость и чувство собственного достоинства.

Ну, а что же: интеллигенция – это западное явление или восточное? Ответ на этот вопрос лежит в том, признаем ли мы Россию Западом или Востоком. Один из главных столпов интеллигентности – характер образованности. Для русской интеллигентности образованность была всегда чисто западного типа.

Если Россия – это Восток или даже Евразия, то западноевропейский характер ее образованности позволяет легко оторвать интеллигенцию от народа, оправдать в известной мере отрицательное отношение к ней господствовавшего в России слоя полуинтеллигенции, полуобразованцев и образованцев. И не поэтому ли, не из желания ли оторвать одно от другого, Евразийство за последние годы приобретает у нас мракобесный, черный характер?

На самом же деле Россия – это никакая не Евразия. Если смотреть на Россию с Запада, то она, конечно, лежит между Западом и Востоком. Но это чисто географическая точка зрения, я бы даже сказал – “картографическая”. Ибо Запад от Востока отделяет разность культур, а не условная граница, проведенная по карте. Россия – несомненная Европа по религии и культуре. При этом в культуре ее не найти резких различий между западным Петербургом и восточным Владивостоком.

Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия и Франция или Голландия и Швейцария. В Европе много культур. Главная связующая среда России с Западом – это, конечно, интеллигенция, хотя и не одна она. Для России проблема “Восток–Запад” играет меньшую роль, чем связи “Юг–Север”. На это, кажется, никто не обращал особого внимания, но это именно так.

Взгляните все на ту же карту Европы, в частности – Восточной Европы. Заметьте: основными путями сообщения в течение долгого времени были реки, в основном текущие по меридиональным направлениям: с севера на юг или с юга на север. Они связывают между собой бассейны Балтийского

и Черного моря и в конечном счете их – со Средиземноморьем. Путь “из Варяг в Греки” (я пишу их с большой буквы, так как Варяги и Греки – это не народы, а страны) был главным торговым путем, путем и военным, и распространения культуры. Автор “Повести временных лет” XI века именно так и описывает географические пределы Руси, начиная с водораздела – “Оковского леса”, и по направлению рек, берущих там свое начало: какие реки текут в какое море. Границ нет – есть направления течения рек.

Русь имела два равноправных центра на этих путях – Новгород и Киев. С Севера по этому пути приходили по найму и приглашению варяги. На Севере обосновались Рюриковичи, спустившиеся на Юг к Киеву и осевшие как государственная сила по всему пути от Ладоги до Херсонеса. С Юга, из Византии, с помощью болгарского посредства пришла духовная культура, европейская религия христианства, связавшая тесными узами Русь с Западной Европой. Если определять культуру Руси как соединяющую главные культуры Европы X–XII веков, то ее следует определять как Скандовизантию, а не как Евразию. Кочевники Востока и южных степей Руси очень мало внесли в создание Руси, даже когда оседали в пределах русских княжеств в качестве наемной военной силы.

Русские смешивались прежде всего с финно-угорскими народами, вместе с которыми, по легенде, они призывали братьев Рюрика, Синеуса и Трувора. (См. в “Повести временных лет” под 862 годом: “Реша (сказали. – Д. Л.) руси, чюдь (будущие эстонцы. – Д. Л.), словени и кривичи и весь (вепсы, финно-угорское племя. – Д. Л.): “Земля наша велика и обилна, а наряда (государственной организации. – Д. Л.) в ней нет. Да поидете княжить и володети нами”. И далее: “И по тем городом суть находници (пришельцы) варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи (славянское племя. – Д. Л.), в Ростове меря (финно-угорское племя. – Д. Л.), в Белозере весь, в Муроме мурома (финно-угорское племя. – Д. Л.); и теми всеми обладаше Рюрик”.)

Характерно, что все восточные сюжеты, которые есть в древней русской литературе, пришли к нам с Юга через греческое посредство или с Запада. Культурные связи с Востоком были крайне ограничены, и только с XVI века появляются восточные мотивы в нашем орнаменте. Полоцк, будущий центр Белоруссии, тоже возник на речных торговых путях. Все три столицы – Новгород, Киев и Полоцк – имели своими храмами храмы Софии – “Премудрости Божией”. Ими промыслительно знаменовалось культурное единство трех восточнославянских народов.

Только жесточайшее татаро-монгольское нашествие, преуменьшать разрушительные последствия которого можно в силу желания во что бы то ни стало связать нас с Востоком, смогло уничтожить это единство Руси, скрепленное храмами Софии – символами мудрости мироустройства в его един-

стве. Все это вовсе не значит, будто Россия неизменно имела союзников на Западе и противников на Востоке, история этого никак не подтверждает, но ведь и речь идет вовсе не о военных союзах, а об истоках русской национальной культуры.

Истоки эти у России и Востока разные, это так, но это вовсе не отрицает, а скорее обуславливает сегодняшнюю необходимость взаимопонимания и взаимопомощи. Именно в этом, а не в другом каком-то смысле и должна пониматься нынче идея Евразийства². У каждой страны есть свой Восток и свой Запад, свой Юг и свой Север, и то, что для одной страны Восток, для ее соседей – Запад. Мирное же соседство в том и состоит, чтобы этнические границы не становились политическими “границами на замке”, чтобы разнообразие никого не ущемляло, но обогащало.

“Когда враг не сдается, его уничтожают!” – сказал Горький.

Однажды это высказывание стало предсказанием – это факт, однако неужели же оно действует и по наше время? Ведь и в наше время одна национальная интеллигенция изничтожает другую, в иных случаях – с оружием в руках. И в наше время интеллигенция подвергается осмеянию и уничтожению, и с чьей же стороны? Со стороны другой части интеллигенции, а если так, это значит, что та, “другая”, часть необоснованно присвоила себе само определение “интеллигенция”.

Дискуссии, разное видение мира и его будущего, конечно же, свойственны интеллигенции, но взаимное уничтожение привнесено в ее среду тем же Горьким, теми же полузайками и “образованцами”, не говоря уж о ЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Так неужели и нынче всю тяжесть бремени, все исторические задачи, возложенные на интеллигенцию, она может решить только путем бесконечных распрей и взаимного озлобления, выводящим ее за пределы интеллигентности, в то время как вся история культуры, равно как и совсем недавний наш практический опыт подсказывают нам совершенно иной, противоположный путь?

И неужели мы станем по-прежнему, “по-большевистски”, недооценивать интеллигенцию и ее роль в жизни наших народов?

² Я писал положительные отзывы на рукописи талантливейшего историка-фантаста евразийца Л. Н. Гумилева, писал предисловия к его книгам, помогал в защите диссертации. Но все это не потому, что соглашался с ним, а для того, чтобы его печатали. Он (да и я тоже) был не в чести, но со мной, по крайней мере, считались, вот я и полагал своим долгом – ему помочь, чтобы он имел возможность высказать свою точку зрения, скрепляющую культурно разные народы нашей страны.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ПРИТВОРИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ

Встреча в Концертной студии Останкино 12 марта 1986 г.

Д. Лихачев. Когда я ехал в Москву, я думал, о чем говорить на телевидении? И в конце концов решил говорить о том, что мне кажется сейчас самым важным. Самое важное сейчас в нашей жизни – это колоссальное развитие науки. Может быть, вы моложе меня и не были свидетелями того, как произошел в нашей жизни – не только в Советском Союзе, но и в мире – этот подъем научных интересов, роли науки в нашей общественной, природной, какой угодно жизни.

В свое время в Петрограде я наблюдал за жизнью Академии наук. Академия наук была совсем маленькая, в сотню раз меньше, чем сейчас. Транспортные средства – одна лошадь с коляской. Она попеременно возила президента, Александра Петровича Карпинского, или Николая Яковлевича Марра, когда Карпинский не выезжал. Вот и вся транспортная система... Жили в одном доме. Дом сейчас этот называют “Индийская гробница”, потому что он весь усыпан мемориальными досками. В два этажа эти доски. А в самом помещении Академии наук была квартира академика Шахматова, в самом главном здании Академии наук.

Как велась работа? Скажем, “Известия Отделения русского языка и словесности” (ИОРЯС) известны во всем мире, это был один из лучших наших научных журналов. И в Федеративной Республике Германии он весь переиздан. Как этот журнал издавался?

Шахматов получал статьи, печатал их или отказывался печатать. Был у него один ученый-корректор. Директора издательства не было, был управляющий издательством, который обязан был подчиняться желаниям академика и его указаниям.

Ученый-корректор собирал эти статьи с подписью Шахматова, а может быть, даже и без подписи Шахматова, и складывал из них журнал. Тот или иной номер. И отправлял в типографию. Технических редакторов тоже не было. И вместо технического редактора хорошие наборщики оформляли и набирали все материалы.

Когда мне в молодости потребовалась какая-то помощь Академии наук, а я был тогда корректором в издательстве Академии наук, мне сказали, что

*Д. С. Лихачев. Останкино.
12 марта 1986 г.*

нужно пойти к Александру Петровичу Карпинскому на прием и он поможет...

На какой прием? Я просто пошел на квартиру. Мне сказали: будет дочь, Толмачева-

Карпинская, она и иностранный отдел вела, и была управляющей делами. У нее была машинка "Ремингтон", и все она делала сама. Только, мне сказали, когда придете, поцелуйте ей руку обязательно. Я пришел, поцеловал руку и попросил о помощи. Она сказала: "Хорошо! Александр Петрович вам поможет". Села за машинку и напечатала какую-то бумагу. Потом пошла в соседнюю комнату, где находился Александр Петрович. Он был уже сильно глух, и я весь разговор слышал. "Пришел молодой человек. Приятный, приятный! Воспитанный, воспитанный! – кричит она ему. – Надо бумагу подписать!" Он подписывает бумагу, я получаю ее и читаю: наркомюсту, самому наркому юстиции. И все – помогло.

Вот такие были патриархальные отношения. Но само собой разумеется, что в современной жизни такого рода отношений быть уже не может. Потому что Академия наук – это колоссальное заведение, и теперь мне, академику, гораздо труднее пройти к президенту, чем в свое время корректору – к президенту Карпинскому. Колоссальная разница между наукой в прошлом и наукой в настоящем, в их влиянии на жизнь, на судьбу нашей планеты.

Вопрос из зала. Почему вы выбрали сферой своих исследований древнерусскую литературу?

Д. Лихачев. Видите ли, когда я пришел в университет в двадцать третьем году, древнерусская литература изучалась книжно. И для очень узкого круга специалистов. Как книжность, не как искусство. А я поступил на западноевропейское отделение и занимался романо-германской литературой. Моими учителями были главным образом Виктор Максимович Жирмунский, Владимир Карлович Мюллер, шекспировед, Владимир Федорович Шишмарев и некоторые другие. Одновременно я слушал лекции по древнерусской литературе. И мне было очень досадно, что западноевропейское Средневековье изучается более передовыми литературоведческими методами, чем древнерусская литература.

И я понял, между прочим, что сделать для науки больше всего я смогу именно по русской тематике, потому что нужно обращаться к рукописям. Западноевропейские литературы как бы ухожены, обласканы учеными, а древнерусская литература оставалась на уровне ее книжного изучения. Поэтому я решил связать себя с древнерусской литературой. И вот еще почему: не только из патриотических соображений, из соображений научной перспективности, но еще и потому, что древнерусская литература имеет очень много общего с другими литературами феодального периода, развитого феодализма. И понимание древнерусской литературы важно для того, чтобы понимать европейские, средневековые литературы, литературы и азиатские, и африканские и т. д., и т. д. Много общего.

Кроме того, человек должен всегда стремиться расширить свой эстетический кругозор. И расширение в сторону древнерусской литературы очень много дает и для понимания первых семи веков русской культуры, и для понимания XIX и XX веков русской литературы, и для понимания других культур и других народов.

Это необходимое условие для русского студента – заняться тем, чем до него не занимались в литературоведческом плане. Я ведь пришел в университет как раз в ту пору расцвета литературоведения, в пору различных литературоведческих споров, главным образом между представителями академической, традиционной науки литературоведения и наступавшими тогда формалистами. Формалисты тогда наступали и отступали от своих позиций под влиянием этих публичных споров, которые собирали людей в большие помещения, где выступали такие мастера споров, как Борис Викторович Томашевский, Борис Михайлович Эйхенбаум, Виктор Борисович Шкловский и многие другие. Формализм формировался в публичных спорах... [...]

Вопрос из зала. Какая книга произвела на вас самое большое впечатление в детские годы?

Д. Лихачев. “На суше и на море”. Знаете, это был такой сборник – хрестоматия путешествий по разным странам мира. Там были и статьи об айсбергах, и статьи о каких-то животных экзотических стран. Мне это издание очень нравилось, тем более что иллюстрировано оно было прекрасно, красочными рисунками, и красочная была обложка. И я помню, что родители очень гордились многосторонностью моих познаний, а они все были из одной книжки, которую я очень любил, – “На суше и на море”.

Я жалею, что сейчас не издаются такие книги. Все книги для детей издаются как-то очень целенаправленно для знакомства с филологией, для знакомства с геологией. А вот такой книжки, которая не являлась бы энциклопедией и вместе с тем рассказывала бы о многих вещах, которые интересны, просто интересны детям, – такой книжки нет. Это нужно.

Вопрос из зала. Можно вам задать вопрос литературоведческого характера? Известно, что вы уже много лет возглавляете творческий коллектив, который занимается выпуском серии “Литературные памятники”. Хотелось бы услышать, что вы вкладываете лично в этот термин “литературные памятники”, что в ближайшее время выйдет в этой серии, что бы вы лично хотели издать в будущем?

Д. Лихачев. Ну, что самое главное в этой серии для нас, членов редколлегии? Нужно ввести в круг чтения все народы, все континенты, познакомиться народы друг с другом на высшем уровне, на уровне высшей культуры, литературной культуры. Это в какой-то степени форма научной борьбы с национализмом, с разъединенностью народов. Надо, чтобы культурные и литературные достижения всех народов, всего мира были объединены и вошли в наш обиход, в культурный обиход.

Идея создания серии “Литературные памятники” принадлежала Сергею Ивановичу Вавилову, замечательному президенту Академии наук, который был удивительно разносторонним человеком в своих интересах и придавал большое значение музеям, гуманитарным наукам, издательскому делу. И в частности, ему принадлежала идея создания серии литературных памятников вне всяких институтов. И в первое время это делалось по-домашнему. Он поручил это дело Моисею Израильевичу Радовскому. Радовский вскоре умер, и потому эту серию возглавили сперва Волгин, потом Николай Иосифович Конрад, который тоже вложил часть своих идей в это издание. Замечательная книга у него есть – “Запад и Восток”, которая охватывает культуры всех стран Запада и Востока. Он был, мне кажется, лучшим руководителем этой серии, во всяком случае лучше, чем я, поскольку я специалист по древнерусской литературе.

Вопрос из зала. Как вы оцениваете место древнерусской литературы в современной школьной программе?

Д. Лихачев. По-моему, там никакого места нет. Там есть “Слово о полку Игореве”, и все.

Реплика из зала. Вот именно, вот именно, я и хочу сказать, не стоит ли приобщать к ней в старших классах более глубоко и серьезно? Вот у меня хранятся учебники Мариинской женской гимназии. Они пострадали в блокаду в Ленинграде, но они все равно хранятся. И я удивляюсь почему к ним не обратятся сейчас и не возьмут то хорошее, что там есть?

Д. Лихачев. Вы знаете, в старой гимназии древнерусской литературе уделяли больше места, больше внимания, чем на современных филологических факультетах педагогических институтов.

Реплика из зала. Разрешите вернуться к преподаванию литературы в школе? Учителя и методисты здравомыслящие и, наконец, все те, кому дорога наша культура, понимают, что преподавание литературы в школе – это

начало эстетического, нравственного и любого воспитания. Один из ваших коллег, профессор Прокофьев, как-то сказал, что он всегда помнит, что войну Отечественную выиграли люди, которые учились в школе по старым программам, в которых литературе отводилось достаточное количество часов. Сейчас это количество часов резко упало и еще более падает. Предлагают изучать не художественные произведения в целом, а только отрывки из них. Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу этого предложения.

Д. Лихачев. Ну, это изучение по отрывкам – совершенно невозможная вещь. Это воспитывает невнимательное отношение к художественному произведению. Когда-то в университете Лев Владимирович Щерба рекомендовал преподавателям и сам проводил со студентами занятия так называемого медленного чтения, т. е. углубленного изучения одного произведения с медленным чтением и комментированием: драматическим, бытовым, культурно-бытовым и т. д. Вот так мы занимались, скажем, “Медным всадником” и разобрали за год только несколько строк. Такого рода занятия учили пониманию литературы, учили любви к литературе, читать литературные произведения и понимать эти литературные произведения. А когда памятник дается в каких-то отрывках, о каком понимании может идти речь?

Дело не в том, чтобы учащиеся знали даты рождения писателей или могли перечислить их главные произведения, а в том, чтобы они любили настоящую литературу, настоящую художественную литературу, умели понимать ее. Вот это должно быть заложено в программах. А для этого программы должны быть гибкими, потому что педагог должен иметь возможность больше останавливаться на том писателе, которого он любит и сам понимает.

Записка. Нужно ли гуманитарное образование физикам, математикам?

Д. Лихачев. Дело в том, что научный труд требует общей интеллигентности человека. И эта общая интеллигентность человека дается главным образом гуманитарными науками. Почему? Потому что искусство, искусство слова, живописи, какое угодно искусство основано на интуиции и воспитывает интуицию, а без интуиции не могут обойтись и естественные науки, и математика. Интуиция – в основе всего, это то, что не может быть заменено никакой компьютерной машиной, а художественное творчество больше всего воспитывает эту интуицию.

Ведь недаром, скажем, Эйнштейн вдохновлялся творчеством Достоевского. Мне приходилось разговаривать с Романом Осиповичем Якобсоном, он говорил, что перед написанием какой-либо филологической работы он любил рассматривать живопись Ларионова или Гончаровой. У него были определенные интересы в живописи. К “своим” художникам он относился как к вдохновляющему началу, хотя работал совсем в другой области.

Математики не случайно занимаются музыкой, любят музыку. Даже возьмем такой пример: талант человека в одной области сказывается и в другой. Скажем, Пушкин – великолепный художник. Лермонтов – тоже художник. Достоевский, как сейчас выясняется, был замечательным портретистом. Таким образом, гуманитарные науки очень важны. То, что в школе на них уменьшают часы, это плохо. Гуманитарные науки должны прежде всего воспитывать понимание искусства, понимание истории и учить нравственности.

Реплика из зала. Дмитрий Сергеевич, вы знаете, что Библиотека имени Ленина находится сейчас в бедственном положении. Интенсивно разрушается дом Пашкова, баженковский – уникальное творение русской архитектуры. Причиной тому является строительство метрополитена на территории Библиотеки имени Ленина. Был отведен участок под строительство с нарушением закона об охране и использовании памятников истории культуры. У меня есть специальный иллюстративный материал, который показывает, в каком состоянии сейчас все это находится...

Д. Лихачев. Я считаю так: библиотеки – это основное в культуре страны. И от библиотек, от их доступности, от доступности сокровищ, которые в них хранятся, зависит культура страны. Может не быть университетов, никакого высшего образования, но если есть хорошие библиотеки, все можно восстановить. Если библиотек не будет, никакое высшее образование ничего не даст.

Библиотеки – это центр культуры, самый основной наш культурный фонд, поэтому относиться к библиотекам нужно с особенной тщательностью. Во всех смыслах, не только в охранении их зданий и постройке новых, но и в том, чтобы не уничтожались старые, якобы ненужные книги, чтобы в рукописное отделение был большой доступ тем, кто может заниматься рукописями и должен заниматься ими. От этого зависит культура страны, от этого зависит культура наших академических изданий классиков, “Литературного наследия”, серии “Памятники культуры. Новые открытия” и т. д. От этого зависит все, поэтому и библиотеки в ряду культурных ценностей нашей страны должны стоять на самом высоком месте.

Гласность в делах культуры – необходимейшая вещь, совершенно необходимейшая. Архитектура Москвы не принадлежит архитектору, она принадлежит всему народу, а кажется, что только градостроительные организации могут ею распорядиться. Так же как архитектура Ленинграда и всех других городов. Исторические города принадлежат народу, и даже не одному поколению, которое сейчас в них живет. Мы всегда должны думать и о будущих поколениях. Можно ввести такой термин: эксплуатировать будущее. Это значит – получать доход за счет будущих поколений. Так обстоит дело в разных областях, не только в области культуры. А истощать природные

запасы, вырубать леса? Допустим, это может принести экономический эффект в данном году, но все это идет за счет будущих поколений.

Вопрос из зала. Я хотел бы обратиться к вам как к члену президиума Всероссийского общества охраны памятников. Я москвич. Есть замечательный куст памятников истории культуры. Вы писали об этом: Шахматово-блоковское. Там же рядом мало кому известные Бабайки, где жил и работал изобретатель Попов, там же усадьба и могила Татищева – все это в одном районе. Это изумительный куст, и он в полном разорении сейчас находится. Неоднократно об этом писали и вы, и многие другие авторы. И вот общество постановило, что в Московской области дела обстоят очень плохо. Постановило, и все, а что дальше делать, никто не знает.

Д. Лихачев. Я принимаю этот упрек и в свой адрес. В деле охраны наших памятников и в работе общества нужны какие-то кардинальные реорганизации. Во-первых, нельзя смотреть на общество и на дело защиты памятников как на дело непрестижное, как на дело второго сорта, куда отправляют работать людей, не справившихся с какой-то другой работой, основной, более важной в государственном плане. Напротив – самое важное для нас сохранить культурные памятники.

Подумайте, для чего мы вообще живем? Для чего существует научно-технический прогресс? Для роста культуры, для роста творчества. А для этого нужна память, не отдельные даже памятники. Нужна культурная среда, для того чтобы в этой культурной среде выросло творчество будущего, культурное творчество будущего...

Ведь вы обратите внимание на своеобразную диалектику в жизни. Где меньше всего памяти? В физических законах. Если я уроню вот эти все записки, они все рассыпятся, они не будут помнить о своем состоянии в моих руках. Памяти нет у бумажки. Есть память в том, что здесь написано, но в бумаге самой памяти нет.

В биологии – память генетическая, там уже поразительная память. У человека память существует в еще большей степени. И чем выше форма жизни, тем большую роль играет память и тем она более организованная. Вы сами можете продолжить этот ряд. Поэтому вопрос об охране памятников в нашем государстве должен быть на первом месте, иначе нам вообще и не стоит существовать. Подъем экономический очень важен, но опять-таки важен для того, чтобы будущие поколения и мы сами могли лучше работать, творить, развивать культурное творчество.

Реплика мальчика. Вы говорили о разрушении памятников. Но ведь не все памятники разрушаются кем-нибудь, на многие просто не обращают внимания. В Серпухове есть прекрасный монастырь. И если он разрушится, никто не будет ответствен за него. Потому что его никто не сносил – он сам разрушился. Вот дом князей Волконских. Его хотят сносить, но местные

жители настаивают на музее, в результате что-то среднее получается, в результате он просто будет разрушаться сам собой...

Д. Лихачев. Вы сами из Серпухова?

Мальчик. Нет, я не из Серпухова, я был там дважды.

Д. Лихачев. Ну, как приятно. Как приятно, что есть люди молодые, которые вот так мыслят. Это замечательно. Это замечательно, и в этом отношении я оптимист, потому что я помню мальчиков своего времени, 20-х годов. Они об этом не думали, они думали о другом, об очень важном, но о памятниках не думали. Казалось, что все нужно разрушить и после этого построить новое...

Записка. Что вы можете сказать об этике ученого в современной жизни?

Д. Лихачев. Это очень важный вопрос. Если наука занимает в нашей жизни такое колоссальное место и если она так усложнилась, то, естествен-

*Д. С. Лихачев отвечает
на записки из зала*

но, встают вопросы этические. Это область, которая требует каких-то новых, неизведанных ранее моральных норм.

Этика научной работы, этика ученого – это вопрос первостепеннейшей важности. По этому поводу еще в семьдесят третьем году академик Леонид Иванович Седов писал в своей книге. В ней есть заключительная глава об этике ученых, об этике научной работы. И сейчас мне бы хотелось привести конкретный пример значения этики в научной работе, в организации научной работы, в продвижении научных проектов в жизни.

Пример такой. Недавно президиум Академии наук собрал совещание по вопросам о повороте части стока северных рек на юг. На совещании было около 60–70 человек. Состав приглашенных был тенденциозен, а это уже первое нарушение этических норм. Если собирается совещание, то вопрос должен быть подготовлен

соответствующим образом и совещание тоже должно быть подготовленным. Ведь речь идет о судьбе множества северных поселков, вообще о судьбе Русского Севера. Но ни археологи не были приглашены, ни искусствоведы, ни историки, ни фольклористы. Никто из представителей гуманитарных наук, защищающих интересы культуры, не был приглашен на это совещание. Стало быть, это первое нарушение, и это нарушение этических норм. Кроме того, не было объявлено, а зачем вообще этот поворот рек нужен.

Повышение уровня Каспия? Но Каспий уже и так повысил свой уровень за последние годы, и дальше его повышать не следует. Повышение превысило оптимальные размеры, и заливаются те территории, на которых уже были построены санатории на берегу моря. Значит, повышать еще уровень Каспия и для этого жертвовать Русским Севером не имеет никакого смысла. А это все ведь вопросы этики. Предлагалось обсудить первый этап переброски рек. Первый этап.

Ну, скажите, пожалуйста, возможно ли так, чтобы в архитектуре обсуждался проект первого этажа здания и не говорилось о том, сколько еще будет этажей в этом здании и какие они будут? Это же невозможные вещи. Предлагалось разрешить первый проект, причем без голосования, разрешить этот первый этап, причем в него входила переброска около шести кубических километров воды в год с севера на юг.

Кроме того, не был обсужден вопрос о том, что при этом погибнет, о том, что заливается город Тотьма, подмывается Каргополь... Мне кажется, что всякие большие проекты требуют каких-то очень глубоких представлений о том, каким способом они могут обсуждаться. Могут ли, например, исторические памятники, культурные памятники становиться жертвой интернационального долга русского народа? Может ли ныне существующее население России распорядиться своими памятниками, лишиться свое потомство, будущее поколение этих памятников? Морально это или не морально? Вообще, интернациональный долг памятниками может выплачиваться или не может выплачиваться? Почему население Русского Севера, жившее там с XII века, поразительное по своим качествам, в том числе и моральным, по трудовым традициям, традициям фольклорным, традициям письменности, должно отказываться от своих памятников, от своих трудовых традиций, лишаться своих мест, для того чтобы перебросить воду на юг? Как видите, вопросы колоссальные! Ведь можно привести очень много примеров решения таких же вопросов, когда легкомыслие и, как бы вам сказать, недостаточная ответственность за свои действия ученых могут привести к катастрофическим последствиям для целых районов страны, для культуры. И если правда, что третья очередь переброски вод затронет Печору, то, значит, будет решена судьба и народа Коми – одного из самых интересных и культурных народов нашего Русского Севера, за который великий русский народ несет мораль-

ную ответственность. Я приблизительно очертил то положение, которое меня чрезвычайно волнует, которое я считаю сейчас самым главным вопросом научной морали, научной этики.

Вопрос из зала. Нам стало известно, что на культурном форуме в Будапеште вы предложили создать фонд и центр малых народов. Можно ли сказать несколько слов поподробнее об этом вашем предложении, очень важном, наверное, для всего человечества?

Д. Лихачев. Видите ли, на культурном форуме я был всего восемь дней, поэтому мне не удалось проследить, насколько мое предложение включено в общие предложения форума.

Но речь идет о том, что малые народы постепенно исчезают с земного шара, поглощаются крупными народами. Причем формы этого поглощения самые разнообразные.

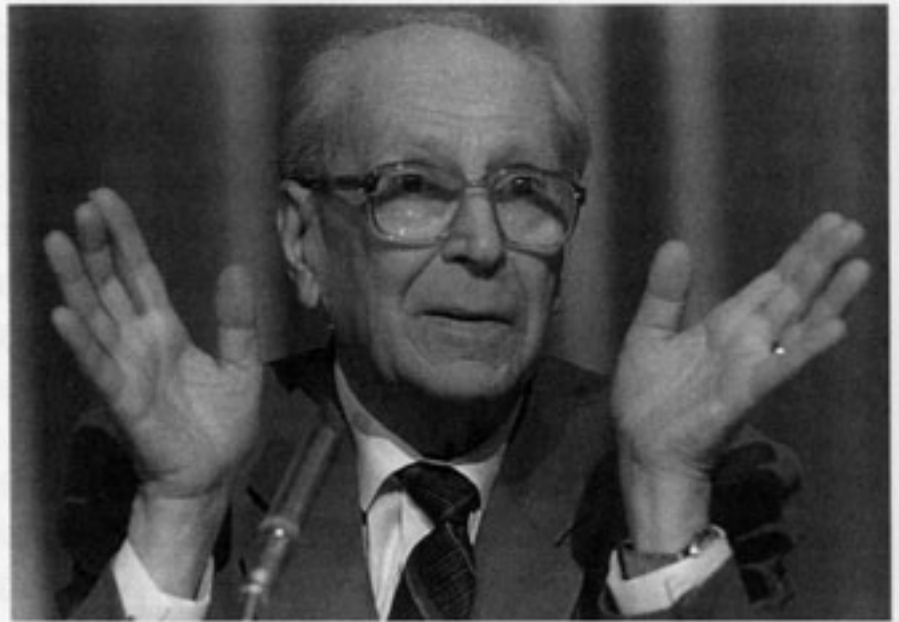
Некоторые народы просто исчезают, они начинают говорить на языках, более выгодных для них в жизненном плане. И поэтому забывают даже о своей принадлежности к определенному народу, исчезают полностью. Другие народы захватываются, скажем, репертуаром театров, кино, телевидением крупных народов. И поэтому уменьшается разнообразие человеческого мира, а разнообразие – это ведь своеобразный культурный генофонд. Оно уменьшается. И с этим поделать что-нибудь очень трудно.

Одна американская фольклористка предложила мне ряд книг об индейцах, о резервации индейцев. Но мы свои народы не можем заключать в резервации. Они должны жить. Они должны пользоваться благами жизни, получать высшее образование. Но на своем языке они получить его не могут. Поэтому мы должны примириться в какой-то мере с тем, что малые народы, которые насчитывают по 600–800, по тысяче человек, рано или поздно исчезнут. Но нужно успеть записать их язык, их фольклор, создать какие-то собрания, музеи. Необходимо продлить их сознание принадлежности к своей народности.

Вопрос из зала. Не кажется ли вам, что мы забываем еще вот о чем: существует закон об охране памятников. Мне кажется, что ученым надо этот закон всегда иметь в виду. Ведь мы же бережем книги, картины, мы их реставрируем, и обидно становится, когда мы делаем маленькую часть дела, а рядом разрушаются старинные усадьбы, церкви.

Д. Лихачев. Да, совершенно верно. Закон замечательный. Ведь вопрос об охране памятников вписан в Конституцию нашей страны. Но я не знаю ни одного случая, когда разрушитель или человек, отдавший приказание о том, чтобы тот или иной памятник, уже занесенный в список охраняемых государством, был уничтожен, привлекался к юридической ответственности.

Думаю, этот вопрос нужно обращать не только к ученым, а к юристам, к нашим судебным органам. Почему же люди, дающие такое приказание,

*Д. С. Лихачев.
Останкино*

считают возможным для себя распоряжаться народным достоянием? К закону нужны еще так называемые подзаконные статьи, устанавливающие род наказаний за каждый вид нарушения закона. Их нет.

Вот если бы их привлекли к юридической ответственности, как, скажем, привлекли бы к юридической ответственности за кражу из музея одной только акварели какой-нибудь, тогда бы у нас сразу по всей стране прекратились эти поступки и распоряжения, главным образом распоряжения...

Вопрос из зала. Современный интеллигентный человек. Что вы вкладываете в это понятие?

Д. Лихачев. Мне очень часто задают вопрос об интеллигентности. И каждый раз я отвечаю по-другому, потому что очень трудно высказать свою мысль до конца. Это очень трудное понятие. Ведь обратите внимание на следующую вещь. Кто-то мне об этом сказал, не помню кто, совсем недавно. Скупой может притвориться щедрым, правда? Злой человек может притвориться добрым. Лстец может преподнести свою лесть под флагом правдивости и откровенности, "честно". Эта тема обыграна в пьесах Шварца очень хорошо. Но притвориться интеллигентным человеком нельзя. Невозможно. Вот, между прочим, почему интеллигентность вызывает такую злобу в неинтеллигентных людях.

Вопрос из зала. А что значит, на ваш взгляд, жить сообразно своему положению, и как научиться человеку быть счастливым?

Д. Лихачев. Ну, это, по-моему, закон Паркинсона, когда человек достигает уровня своей некомпетентности. Так вот, не надо достигать уровня своей некомпетентности. То есть нужно жить сообразно своим способностям, сообразно своему уровню культурного развития, сообразно своим знаниям, сообразно своим способностям в работе, а не пытаться занять место, которое вам не принадлежит. Понимаете? Иногда очень трудно

человеку осознать свой уровень, но это нужно сделать, потому что ведь в каждом положении и на каждой работе, на каждом уровне общественного положения можно быть полезным и находить удовлетворение в этом.

Я не знаю такой профессии, которая не могла бы быть в каком-то отношении полезной, где бы нельзя было бы проявить человечность, где нельзя было бы работать чуть лучше, чем другие. Это очень важный принцип: надо работать чуть лучше в своей области, чем другие. Тогда будешь получать удовлетворение.

Записка. Вы писали “Заметки о русском”, но какая все-таки главная черта русскости? Не очень ли вы сентиментально описываете все русское?

Д. Лихачев. Главную черту в русском характере, мне кажется, определить нельзя. Для разрешения вопроса русскости без Пушкина обойтись нельзя. Правда? И без Достоевского тоже. Без Некрасова тоже нельзя обойтись. И без очень многих самых разнообразных поэтов, авторов, художников и т. д. Значит, русский характер может быть определен только в многоплановом русле. Понимаете? Тут должна быть какая-то многоплановость. А отвечать единообразно, что чертой русского человека является то-то и тс-то, невозможно, это не только антинаучно, но просто бессмысленно. Русский человек очень многообразен и в своем высшем проявлении, и в своих невысших проявлениях.

Ну, а в “Заметках о русском” я хотел остановиться на некоторых преимуществах, хороших чертах, которые сейчас забыты в русском человеке. Это прежде всего доброта. Вот на ней я главным образом и останавливаюсь в этой небольшой брошюре, статье, как угодно можно ее называть.

Записка. Все ли для вас ясно в “Слове о полку Игореве”?

Д. Лихачев. Нет, конечно, не все. Думаю, это даже и хорошо, что не все сейчас ясно, потому что если в художественном произведении, в каком угодно, все абсолютно ясно, то оно утрачивает какой-то элемент своей художественности. Художественное произведение всегда должно быть немножко таинственным – таинственным по своей сути, своей необъяснимостью, гениальностью. И этому помогают в какой-то мере даже утраты. Но это между нами. Я стараюсь, чтобы этих утрат было меньше в “Слове о полку Игореве”. Хотел бы очень, чтобы они были объяснены, но вместе с тем какое-то обаяние “Слова о полку Игореве” исчезнет, если все в нем будет абсолютно объяснено, понятно и не будет вызывать никаких сомнений.

Записка. К какому жанру принадлежит “Слово о полку Игореве”?

Д. Лихачев. Я писал в нескольких работах о том, что в XII–XIII веках на Руси в литературе шел процесс жанрообразования, поэтому происходило смешение разных жанров, смешение письменных и фольклорных жанров, что очень характерно для “Слова о полку Игореве”.

Оно создано на грани жанров фольклорных и письменных и не принадлежит к одному жанру. Оно принадлежит процессу жанрообразования в русской литературе XII–XIII веков, очень важному процессу.

Записка. Художник должен творить для современности или для вечности? Это вопрос и о писательском труде, и о труде живописца, актера.

Д. Лихачев. Я бы ответил на этот вопрос таким образом: художник должен творить для современности, а следовательно, и для вечности, потому что для вечности необходима и современность, а без вечности нет современности. И если художник правильно, по-настоящему понимает современность, то он тем самым творит и для вечности. Это понятно? Не слишком запутано?

Записка. Что такое талант в литературе и науке? Можно ли развить в себе талант?

Д. Лихачев. Что такое талант, сказать я не могу, но что развить в себе таланты можно – в этом я уверен. Только нужно найти в себе интерес к какой-то определенной области. Каждый человек талантлив, особенно талантливы дети. Ведь возраст, скажем, до шести, до семи лет – это гениальный возраст, когда человек познает мир. Еще Чуковский об этом писал в книжке “От двух до пяти”. Развить талант можно, а что такое талант – я не могу сказать.

Записка. Ваше отношение к собирательству книг. Расскажите о вашем круге чтения, к творчеству каких писателей вы возвращаетесь?

Д. Лихачев. Это важный вопрос, действительно. Ну, начну с конца. К творчеству каких писателей я обращаюсь вторично? То есть когда мне хочется читать вторично что-либо? Вы знаете, этим определяется в какой-то мере даже ценность книг для меня. Есть книги, которые я прочел, они мне были нужны в какой-то момент, но второй раз мне их читать не хочется. И есть книги – и это у каждого человека так, – которые человек, особенно в старости, любит перечитывать, которые когда-то на него произвели большое впечатление. Иногда при вторичном чтении он чувствует разочарование, а иногда ему нужно и третий, и четвертый, и пятый, и какой угодно раз читать.

Вот я вам скажу так: “Войну и мир” я перечитываю без конца. Но “Воскресение” того же автора я прочел в школе, и меня не тянет перечитывать почему-то второй раз. Ну не тянет... Так же точно и некоторых современных авторов мне хочется перечитывать... Вот мы снимались по телевидению с Распутиным. Люблю перечитывать его произведения. Тянет перечитывать. И этим определяется, по-видимому, ценность его как писателя. Но не целиком перечитываю.

Я считаю, что книга всегда найдет своего читателя, даже если человек покупает ее и сразу ставит на полку, не читая. А такое и со мной ведь случается: захочется купить какую-то книгу, но прочесть некогда, нет времени.

Она у меня лежит, но когда-нибудь она будет прочитана: либо мной, либо моей внучкой, либо тем, к кому попадет. Важно, чтобы хорошие книги собирались. Даже у тех собирателей, которые собирают книги только по переплетам, у них тоже образуется какой-то книжный фонд, книги там сохраняются. И рано или поздно они найдут своего читателя. Если таких собирателей не будет, то книга будет исчезать совершенно. Ее не будет, а она должна храниться. Ведь вы помните, какую роль и для ученых, и для художников, и для писателей, особенно для поэтов, сыграли дедовские библиотеки, случайно найденные на чердаке книги; книги, собранные случайно или специально в какой-нибудь помещичьей библиотеке: русские, французские и другие...

Ведь биографии почти всех писателей и поэтов XIX века хранят в себе такие факты! Поэтому книжные фонды должны существовать в самых разнообразных видах, в самой разнообразной среде. Не нужно обязательно собирать книги только тому, кто ими немедленно пользуется. Вы можете собирать их для детей, для своих потомков, сами даже иногда не зная этого.

Записка. Правда ли, что Лев Толстой не ценил “Слово о полку Игореве”?

Д. Лихачев. Правда. Дело заключается, по-моему, в особенностях эстетики Толстого. Толстой как художник был разоблачителем, он не любил ни пышных фраз, ни пышных людей, ни литературного этикета, и не только литературного этикета – даже церковного. Поэтому он разоблачал церковные, богослужебные обряды. А “Слово о полку Игореве” – произведение очень этикетное, очень рыцарственное, связанное с определенной традицией, – было ему чуждо, как чужд был всякий аристократизм в литературе.

И этим, я думаю, объясняется то, что Лев Толстой не ценил “Слово о полку Игореве”. Даже сомневался, как можно думать о его подлинности. Оно его просто не интересовало.

Записка. Самое памятное событие в вашей жизни?

Д. Лихачев. Боюсь, что я его не помню. Это что-нибудь из глубокого детства. Когда я еще не умел говорить, на подоконник сел голубь. Мне казалось, что это невероятное событие. Я побежал к родителям, за рукав их тащил, но объяснить не мог, что я хочу показать, а я хотел показать этого голубя. С тех пор я помню это событие. Голубь сел на подоконник...

Записка. Считаете вы себя стариком или нет?

Д. Лихачев. Считаю стариком, когда мне об этом напоминают, а когда мне не напоминают, я не считаю себя стариком.

Записка. Что побудило вас написать книгу “Письма о добром и прекрасном”?

Д. Лихачев. Такого определенного побуждения не было. Просто когда я был в Болгарии в отпуске, там напечатали несколько моих писем в газете “Антени” на болгарском языке. А потом стали требовать еще и еще. Не да-

вали мне покоя с этими письмами. Потом я их посылал уже из Ленинграда. Тогда их издали отдельной книжкой в Болгарии в приложении к "Антени". После этого уже появилась потребность издать их на русском языке.

И московское детское издательство согласилось. Но что-то очень колебались их издавать, долго они там лежали, я не знаю сколько лет, прежде чем эта книжка вышла и получила признание.

Записка. Как вы относитесь к молодежи?

Д. Лихачев. Ну конечно, очень хорошо. Очень хорошо. Я имею возможность сравнивать и свое поколение, и последующие поколения. И должен сказать, что современная молодежь отнюдь не хуже, чем молодежь прежних эпох, прежних поколений. Но всегда ведь бывает так, что есть разные представители молодежи.

Но вот что интересно. Задумайтесь, каких людей больше: хороших или плохих? Хороших больше, чем плохих. Но заметнее плохие люди. Поэтому добрые качества молодежи незаметны, а плохие качества всегда очень на виду. Зло ведь агрессивно, а добро неагрессивно.

Записка. Чем вы объясняете повышенный интерес к древнерусской культуре и в нашей стране, и за рубежом?

Д. Лихачев. Я не считаю, что у нас есть повышенный интерес к древнерусской культуре. Тот интерес, который сейчас проявляется, мне кажется, еще недостаточен. Он вполне нормален.

Записка. Каково место протопопа Аввакума в русской литературе, на ваш взгляд?

Д. Лихачев. Можно говорить не столько о моем взгляде. Аввакум – это поразительный писатель. Жаль только, что в русскую официальную литературу он вошел сравнительно поздно и поздно издан. Но он сумел привлечь к себе внимание всех выдающихся наших писателей, прежде всего как мастер русского

*Д. С. Лихачев.
Встреча в Останкино*

языка. А историко-литературное значение Аввакума определяется вот чем: литература всегда ведь идет от нелитературы, существует постоянный процесс обновления литературы, ее жанров, ее языка, идущий снизу, от разговорного языка, от деловых жанров, от жанров второго ряда. Это можно заметить и в XVI, и в XV веке. Это можно заметить в творчестве Лескова, который все время обращается к жанрам второго ряда и через это обновляет литературу. Он привлекает язык низших слоев населения, язык разговорный, не принятый в употреблении, привлекает и не принятые точки зрения. Я уже говорил о Льве Толстом, для которого характерны “стыдливость формы” и отвращение к аристократизму и к традиционности.

Снизу всегда идет взрыв. Этим путем литература и движется вперед. И протопоп Аввакум, если бы он был известен не только в старообрядческой среде, он бы стал именно таким стимулятором в нашей литературе, потому что он обратился к живому просторечию, “природному” русскому языку, как он сам его называл, к темам, которые в официальной литературе, и особенно церковной, не могли существовать.

Вопрос из зала. Каких поэтов вы любите? Есть ли у вас любимый поэт?

Д. Лихачев. Видите ли, я люблю очень многих поэтов, и разных. Все зависит от того, в каком настроении я бываю. Мне кажется, любить одного поэта или двух, или трех только, не признавая остальных, – это какая-то душевная узость. Нужно иметь, как мне кажется, широкий диапазон своих поэтических привязанностей.

Я очень люблю Державина, я очень люблю Пастернака, люблю Мандельштама и очень люблю Жуковского. Это совершенно противоположные линии в поэтическом развитии. И все зависит от того, где и в какой обстановке я нахожусь. Если я приезжаю в Павловск, то, конечно, мне приходят на ум прежде всего строки “Славянки” Жуковского. В других случаях – другие поэты. И это ведь касается не только поэзии. Мне кажется, что у человека должен быть широкий эстетический кругозор.

Для меня непонятна любовь некоторых людей, скажем, только к постимпрессионистам: только постимпрессионисты нравятся, а всю остальную живопись не признают. А я, например, люблю и постимпрессионистов, и передвижников. Только это разные искусства, это надо понимать. Нравственное начало передвижников, их связь с русской литературой, с литературными сюжетами, пробуждение в людях доброты – это одно искусство. А постимпрессионисты с решением чисто живописных задач – это другое искусство. И нужно уметь находить в каждом искусстве свое, не подходить к искусству с каких-то предвзятых позиций. Должна быть эстетическая открытость. Но обязательно должна быть и неоткрытость к антиэстетическим явлениям...

Заметка. Чувствовались ли имущественные различия между учениками в школе, в которой вы учились до революции? И в чем они выражались?

Д. Лихачев. Да, различия были очень большие: и имущественные, и словесные, и классовые. Но мне повезло. Я учился в очень хорошей школе – в школе, основанной Карлом Ивановичем Маем, великим гуманистом, педагогом-гуманистом. И там у нас это не было принято. У нас учился и сын швейцара, и внук Мечникова, и сын банкира Митьки Рубинштейна, который давал в долг Николаю Второму.

Учились совершенно различные между собой люди, но отношения между всеми были товарищескими, нормальными, и никто не “задавался”. Есть такой школьный термин, очень хороший, – “задаваться”. Вот этого не было. Это считалось неприличным. Но очень часто вне школы было невыносимо презрение аристократов к простой публике. Это я очень хорошо помню, это было очень неприятно.

И вы заметьте, что Достоевский очень не любит аристократию. И Толстой не любит аристократию... Сейчас такого неравенства, такого взгляда на других свысока, каким умели некоторые и правоведа, и лицеисты отбрасывать от себя “не свое” общество, сейчас этого нет.

Но боюсь, что в некоторых наших школах начинает развиваться у учащихся какое-то хвастовство своими родителями, поездками в иностранные государства своих родителей, разговорами, что они оттуда привезли, и т. д. Появляется какое-то чувство новой аристократии, это очень плохо. С этим надо бороться решительно, как это было в гимназии Мая. Там учащиеся не имели права подъезжать к гимназии на своих машинах. Сыну Митьки Рубинштейна приходилось оставлять свою машину по крайней мере за два квартала до нашей школы.

Вопрос из зала. Что самое опасное, по вашему мнению, в человеке умственного труда и в администраторе?

Д. Лихачев. Я когда-то увлекался, когда был молодым, психиатрией, старой психиатрией. Я должен сказать, что и сейчас это мне очень помогает в жизни: определять типы людей и многое другое.

Очень опасна в людях – в научных работниках и в администраторах – “лобная психика”. “Лобная психика”... Не знаю, употребляется ли сейчас этот термин в психиатрии. Суть его в том, что человек не отказывается от своего мнения: упирается на раз высказанном и ни за что не хочет отказаться от своего мнения. Даже тогда, когда это объясняется, допустим, не вопросами престижа своего учреждения или собственного престижа, а просто так... “Лобная психика” очень вредна в администраторе и в научном работнике.

Записка. Не наблюдаете ли вы противоречий между степенью интеллигентности и жизненной активности человека?

Д. Лихачев. То есть как противоречие? Чем больше интеллигентность, тем больше, по-моему, степень жизненной активности. Вопрос в том, что называть жизненной активностью?

Противоречия нет. А малая интеллигентность, она просто даже укорачивает человеческую жизнь.

Записка. В чем смысл жизни?

Д. Лихачев. Вы понимаете, это вопрос, которым задавались не только сотни и тысячи философов, но просто миллионы людей. В конце концов, задается этим вопросом каждый человек.

Смысл жизни должен быть большой, это прежде всего. Жизнь – это драгоценнейший дар, он дается не зря: не для мелочей, не для собирания мебели и устройства своей квартиры, не для покупки машин. Он дается для какой-то огромной, великой цели. Вы подумайте: природа создавала человека миллионы лет. И человек обязан отблагодарить природу за это и своей творческой работой продолжить эту созидательную деятельность. Она может быть продолжена в маленьких областях и в больших областях, в очень престижных и в не очень престижных. Но нужно продолжать накапливать в жизни добро, накапливать все то, что способствует созиданию. И тогда человек будет счастлив, тогда он будет сознавать, что он живет не зря.

Это, конечно, очень сложный вопрос. И каждому из вас следует подумать, что наиболее ценного он может привнести в жизнь: что сделать для семьи, для общества, для товарищей своих и т. д.

Записка. Может ли литература перевернуть мир?

Д. Лихачев. Может. Может. Уверен в этом. Потому что другую точку, на которую можно опереться, трудно найти. Именно литература, идейная литература, литература учащая, литература, стоящая на широких и прочных общественных позициях...

КУЛЬТУРА И СОВЕСТЬ

Если человек считает, что он свободен, означает ли это, что он может делать все, что ему угодно? Нет, конечно. И не потому, что кто-то извне воздвигает ему запреты, а потому, что поступки человека диктуются эгоистическими побуждениями. Последние же не совместимы со свободным принятием решения.

Свобода выдвигает свои “нельзя”, – и не потому, что что-то произвольно запрещено, а потому, что корыстные соображения и побуждения сами по себе не могут принадлежать свободе. Корыстные поступки – вынужденные поступки. Вынужденность ничего не запрещает, но она лишает человека его свободы. Поэтому настоящая, внутренняя свобода человека существует только при отсутствии внешней вынужденности.

Человек, поступающий эгоистично в личном, национальном (националистическом, шовинистическом), классовом, сословном, партийном или каком-либо ином плане, – не свободен.

Поступок свободен только тогда, когда он продиктован свободным от эгоизма намерением, когда он бескорыстен.

Страж свободы человека – его совесть. Совесть освобождает человека от корыстных (в широком смысле) расчетов, побуждений. Корысть и эгоизм – внешни по отношению к человеку. Совесть и бескорыстие внутри человеческого духа. Поэтому поступок, совершенный целиком по совести, – свободный поступок.

Итак, совесть – страж подлинной, внутренней свободы человека. Совесть противостоит давлению извне. Она защищает человека от внешних воздействий. Конечно, сила совести может быть больше или меньше; случается, она вовсе отсутствует.

Внешние силы, поработавшие человека (экономические, политические, телесные недомогания и пр.), вносят во внутренний мир человека хаос, дисгармонию. Возьмем простейшие примеры. Партийные интересы могут прийти в противоречие с заботами о собственном благе. Собственное благо может быть понято в разные моменты различно: обогащение, политический авторитет, здоровье, наслаждение и т. д. могут тянуть человека к совершенно различным поступкам, не сочетающимся между собой. Поработанный внешними силами человек дисгармоничен.

Совесть бескорыстна (побуждает человека к бескорыстному поведению) и, следовательно, сама свободна в самом широком смысле этого понятия. Она основа возможности полной независимости человека (даже в тюрьме, лагере, в карцере, на дыбе и т. д.), его внутренней цельности, сохранения его индивидуальности, личности.

Истинно свободен может быть только человек, живущий “под чужой кровлей”, утверждал св. Франциск Ассизский. Иными словами, тот, кого внешние обстоятельства жизни не поработают, не подчиняют его дух, его поступки...

Совесть противостоит всем корыстным, эгоистическим внешним воздействиям, нивелирующим индивидуальность человека, уничтожающим человека как личность, разрушающим его гармоничность.

Все, что человек делает из расчета или под влиянием внешних обстоятельств, неизбежно приводит к внутренним конфликтам, к дисгармоничности.

Совесть очень таинственна по своей сути. Это не только бескорыстие. В конце концов может быть и бескорыстие зла. Особенно это ясно, если верить в существование злого начала в мире, дьявола (отсюда можно представить себе дьявола как личность).

Почему поступки, совершенные под воздействием совести, не противоречат друг другу, а составляют некую цельность? Не означает ли это, что добро восходит к одной цельной и высокой личности – к Богу?

Наша личная свобода, которая определяется нашей совестью, имеет свое пространство, свое поле действия, которое может быть более широким и менее широким, более глубоким и менее глубоким. Размеры и глубина действия свободы человека зависят от степени культуры человека и человеческого сообщества. Совесть действует в пределах культуры человека и человеческого сообщества, в пределах традиций народа... Перед людьми большой культуры большой выбор решений и вопросов, широкие творческие возможности, где совесть определяет степень искренности творца и, следовательно, степень его талантливости, оригинальности и т. д.

Среда действия совести не только бытовая, узкочеловеческая, но и среда научных исследований, художественного творчества, область веры, взаимоотношения человека с природой и культурным наследием. Культура и совесть необходимы друг другу. Культура расширяет и обогащает “пространство совести”.

БЕСЕДЫ ПРЕЖНИХ ЛЕТ

*(Из воспоминаний
об интеллигенции 1920–1930-х годов)*

Мои воспоминания прежде всего о людях, меня окружавших, об умственной жизни 1920-х – начала 1930-х годов в той степени, в какой эта жизнь была мне тогда доступна. Мне хотелось бы рассказать о том, чем жила думающая русская молодежь в эти годы, – конечно, через узкую “щель” моего личного опыта. Я не вел записок, кроме тех, которые были сделаны на Соловках и сразу по возвращении в Ленинград. Помню далеко не все и не могу уже сейчас точно восстановить отдельные детали и подробности. Но что помню – то помню, о том и попытаюсь рассказать.

Моя молодость пришлась на удивительное время. Оно уже уходило, а молодость только начиналась. Волею судеб мне посчастливилось застать его конец. Сегодня русская культура Серебряного века предстает для нас в основном своими вершинами: выдающимися философами, следовавшими чередой за Владимиром Соловьевым, удивительными художниками “Мира искусства” и русского авангарда, знаменитыми “Дягилевскими сезонами” русского балета, гениальной поэзией и прозой, великой музыкой, уникальным театром. (Для ученых Серебряный век – это еще расцвет русской филологии, и особенно востоковедения, пронизанного идеей равной ценности всех культур человечества.) А для тех, кто застал это время и хотя бы недолго жил в нем, Серебряный век представал прежде всего не своими гениями и творениями, а особым настроением самой жизни, удивительным воздухом общения, особым переживанием культуры, какой-то неповторимой разговорностью быта.

Русская культура Серебряного века (век этот, впрочем, длился всего четверть столетия) рождалась и жила в беседах – откровенных, свободных, творческих. В этом она наследовала знаменитые “русские разговоры” – характерную и очень плодотворную (что бы о ней подчас ни говорили) черту русской интеллектуальной жизни второй половины XIX века. Жила в разговорах и спорах, в которых подчас рождались целые философские концепции и в которых по каким-то особым законам духа должны были участвовать не меньше трех собеседников. Беседуя, каждый формулировал, оттачивал мысль, прокладывал путь новым мыслям. Человек как бы

очищал душу (а не просто “выговаривался”), и в ней рождались новые мысли и откровения.

Тогда достаточно было найти какое-нибудь помещение для встречи – домашний кабинет преподавателя, классную комнату в школе, зал Тенишевского училища, чтобы сразу назначить лекцию, доклад, открыть дискуссию. Если обсуждаемая тема вырастала в серию выступлений, растягивалась на несколько заседаний – тут же появлялась потребность окрестить себя обществом, кружком, даже академией и завести книгу протоколов (что свидетельствовало о пафосе серьезности, а отнюдь не о бюрократизме). Полная свобода в этих диспутах была условием их плодотворности. Поэтому отнюдь не случайно с 1928 года, с установлением сталинской диктатуры над умами и душами, начались гонения именно на кружки интеллигенции, на их встречи и на их беседы. Власти правильно рассчитали, что для установления “единой” и “правильной” идеологии необходимо прекратить деятельность кружков, собраний интеллигенции, какой бы характер эти кружки и собрания ни имели. В конце 20-х годов началась охота на кружки и общества.

Пока в стране оставались мыслящие люди – люди, обладавшие своей индивидуальностью, умственная жизнь в ней не прекращалась – ни в тюрьмах и лагерях, ни на воле. Чуть-чуть захватив в своей молодости людей Серебряного века русской культуры, я навсегда запомнил их силу, мужество и способность сопротивляться процессам разложения в обществе.

Александр Александрович Мейер

Весной 1929 года на Соловках появились Александр Александрович Мейер и Ксения Анатолиевна Половцева. У А. А. Мейера был десятилетний срок – самый высокий по тем временам, но которым “милостиво” заменили ему приговор к расстрелу, учтя его “революционное прошлое” (тогда это еще учитывалось). В каком месяце они оба появились, я уже не помню. Он – в 13-ой, карантинной роте, а она – в женбараке. Не помню, кто из нас тогда выручал Мейера из карантина. Занимались “выручкой” в кримкабе мы двое: я и Володя Раздольский, как самые молодые. У обоих были пропуска в карантин, чтобы собирать подростков и устраивать их в Трудколонию. Мы ходили к вновь прибывшим с этапами и старались вызволить оттуда не только подростков, но и всех “стоящих людей”. Надо было узнать, кто прибыл, и получить для них требования на какую-либо легкую работу в пределах Кремля, где условия были значительно лучше. Сделать это было непросто, и удача не так часто нас сопровождала. Тех, кого выручал я, – помню. Среди прочих я получил от Николая Николаевича Виноградова направление на работу в Музей для Михаила Дмитриевича Приселкова. Но, к моему удивле-

нию, Приселков отказался работать в Музее: “Я попал за занятия историей и больше ею заниматься не буду”. Тогда я получил требование на него от владыки Виктора Островидова, работавшего в сельхозе бухгалтером. Приселков стал счетоводом. Мейера выручал, очевидно, Володя Раздольский, и требование на него дал Колосов – прямо в криминологический кабинет. Кто-то определил Ксению Анатолиевну Половцеву в какое-то учреждение в том же здании Управления СЛОН на пристани, где размещался и кримкаб. Это дало ей возможность ежедневно навещать к Александру Александровичу и приносить ему обед в каких-то маленьких кастрюлечках, а также принимать участие в удивительных обсуждениях различных философских проблем – обсуждениях, которые сразу же начались с появлением Мейера. Это был необыкновенный человек. Он не уставал мыслить в любых условиях, все стремился осмыслить философски и по-возможности писать – и в царских ссылках и тюрьмах, и во всех новых “несвободах”, куда бросало его время “Великой Октябрьской”. Но прежде всего расскажу о том, кто такой был для всех нас А. А. Мейер.

В криминологическом кабинете (в помещении УСЛОНа, в здании бывшей монастырской гостиницы на пристани против Кремля) я работал с Мейером больше года. Кабинет помещался на третьем этаже в большой комнате. Если войти в здание со стороны острова, то надо подняться на третий этаж и пойти налево. Здесь перед туалетом находилась большая комната в три окна, выходявшие на площадь перед УСЛОНОм.

Для меня Мейер казался стариком, хотя было ему всего 55 лет. Худой, изможденный, очень нервный, подвижный, как бы преодолевающий внутреннюю усталость. Высокие сапоги, которые были ему явно велики (с “запасом” на теплые портянки), темная толстовка, длинное лицо, жидкая борода и длинные волосы (пока его, как и всех нас, не остригли) и очень живые глаза. Таким запомнился он мне на всю жизнь.

В нашем трехконном кримкабе ему дали лучшее место за столом у левого окна. У крайнего окна напротив помещался длинный стол Юлии Николаевны Данзас. Жить его поместили на втором этаже в “моей” 3-й роте (потом перевели в 7-ю), которой в то время командовал барон Притвиц. Вскоре и в этой 3-й роте неутомимый Мейер, привыкший постоянно выступать с лекциями и докладами перед самой различной аудиторией, прочел лекцию на какую-то сложную философскую тему. Лекция его была в широком ротном коридоре. После лекции комроты барон Притвиц элегантно расшаркался и поблагодарил Александра Александровича за “чудесную лекцию”, в которой явно ничего не понял, как, впрочем, и большинство “слушателей”.

Слава А. А. Мейера была велика в Петрограде. Вместе с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, Н. А. Бердяевым и А. А. Блоком он был активным членом Петербургского религиозно-философского общества. С первыми двумя он

был дружен и во многом единомыслен. Был он участником Всероссийского собора, избравшего патриарха Тихона в 1918 году. Вместе с А. Блоком, Андреем Белым и другими он был членом-учредителем Вольной философской ассоциации (Вольфилы), а затем главой самого престижного в Петрограде–Ленинграде духовного кружка интеллигенции, называвшей себя “вторничанами”, потому что заседания кружка происходили по вторникам. Впоследствии эти заседания были перенесены на воскресенье, и кружок получил название “Воскресение” (впрочем, следовательно, известный организатор “академических дел” Стромин заявил на основании этого названия, что цель кружка была в “воскресении старой России”).

Еще до ареста я много слышал о кружке А. А. Мейера от И. М. Андреевского. Собирались мейеровцы на Малом проспекте Петроградской стороны около Спасской в деревянном доме (сейчас его уже нет) и в других местах. Вход к Мейеру был свободный. Постоянными участниками кружка были вначале (до своего отъезда) Мережковские, Ксения Анатолиевна Половцева, литературовед Л. В. Пумпянский, художник П. Ф. Смотрицкий, востоковед Н. В. Пигулевская и ее муж, физиолог Л. А. Орбели (будущий академик), пианистка М. В. Юдина, художник Л. А. Бруни, педагог И. М. Андреевский, религиозный мыслитель Г. П. Федотов и многие другие. Кстати, многие из идей Федотова родились именно в кружке Мейера. Наш “Хельфернак” посещался мейеровцами и наоборот. Поэтому многие из возникавших в “Хельфернаке” дискуссий были продолжением споров в “Воскресении”. Доступ на заседания “Воскресения” был открытый, входные двери в часы заседаний не запирались, но по молодости лет я стеснялся туда ходить, так как меня смущал церемониал, принятый у Мейера. Заседания начинались общей молитвой и после докладов (обычно коротких) полагалось высказываться по кругу всем – хотя бы коротко (согласен – не согласен). Заседания “Воскресения” подробно описаны Н. П. Анциферовым: “Три главы из Воспоминаний” (издание зарубежное). А также в биографии Г. П. Федотова, предваряющей первый том его сочинений (Париж, YMCA press).

Для меня разговоры с Мейером в кримкабе и всей окружавшей его соловецкой интеллигенцией были вторым (но первым по значению) университетом. Сколько я узнал, к какому высокому мышлению я приобщился! В кримкаб приходил Владимир Юльянович Короленко, целовал дамам ручки В. Грузовой и Ю. Н. Данзас. Приходил Г. М. Осоргин (но редко), приходил М. И. Хачатуров, в разговор включался А. П. Сухов, И. М. Андреевский, скульптор Амосов и наша кримкабовская молодежь: В. С. Раздольский, А. А. Пешковский, Ю. Казарновский, А. Панкратов, Л. М. Могилянская. Если бы можно было все записать, какие великолепные беседы, дискуссии, просто споры, рассказы, рассуждения были бы сохранены для русской культуры! Была ли это своеобразная “Башня” Вячеслава Иванова? Пожалуй, даже значительнее,

так как и длилось все дольше, и велись наши разговоры ежедневно под благословенным покровительством нашего начальника Колосова, державшего карандаш у уха и готового в любой момент прикрыть от начальства наше “безделие”, а вместе с тем и заставить всех нас делать благое дело спасения детей – “вшивок”, “шпаны”, “занюханых”, “социально близких” и бесконечно несчастных “колонистов” (подростков, живших в детской колонии, потом переименованной в трудколонию).

Многое вспомнилось мне из тех далеких разговоров с Мейером, после того как несколько лет назад я получил из Парижа его книгу “Философские сочинения”. (Париж, 1982). Последние материалы этой книги связаны с его размышлениями на Соловках.

А. А. Мейер был человек русской разговорной культуры. Он принадлежал к тем, чьи взгляды формировались в бесконечных русских разговорах. В кримкабе у него были сильные собеседники (Данзас, Гордон, Сухов, Андреевский, Смотрицкий и др.), но не было ему равных. Важно, однако, что была молодежь, которую он мог учить, читая своего рода лекции. В устной его речи многое было лучше, интереснее и глубже, чем на письме. Говорил он живее, чем писал. Для того чтобы хорошо писать, нужна смелость.

Удивительное было свойство Мейера: решительно на все в общественной жизни откликаться философскими размышлениями. Он был интересен каждому, потому что и интересовался всеми. Очень много читал лекций и докладов в самой разнообразной обстановке. В царское время, как участник революционного движения, он постоянно жил в ссылках, и вокруг него всегда появлялись какие-нибудь кружки. Он читал лекции и в рабочих университетах, и на Высших вольных курсах Лесгафта. Постоянно занимался изучением языков. Свободно читал на греческом и латинском; немецкий был для него родным, домашним языком (его дед был выходцем из немецкой части Швейцарии). Читал он сложнейшие философские сочинения фактически на всех европейских языках. В ссылке уже в 30-х годах он делал, по словам его дочери, для А. Ф. Лосева переводы философских сочинений с греческого.

Его исключительная образованность позволила ему быть одним из самых современных философов, работы которого о слове, аллегории, мифе кажутся написанными сегодня. Во всяком случае его “Философские сочинения”, вышедшие в Париже в 1982 году, более чем через три десятилетия по их написанию, производят впечатление написанных как бы после работ Леви Стросса, К. Юнга, Б. Малиновского и А. Ф. Лосева – настолько они предвосхитили их идеи.

Его первая книга “Религия и культура”, в которой он заявил о себе как о “мистическом анархисте”, увидела свет в 1909 году, но затем он все более приближался к православному восприятию мира, и это сблизило его

*Обложка книги
А. А. Мейера*

с Г. П. Федотовым – одним из активнейших членов Мейеровского кружка.

На Соловках начаты были Мейером две работы – “Три истока” и “Фауст. (Размышления при чтении “Фауста” Гете)”, посвященные проблемам мифа и слова.

Написал он и небольшую заметку “Принудительный труд как метод перевоспитания” (журнал “Соловецкие острова”. 1929. № 3–4), вызвавшую раздражение у его содельцев, находившихся в лагере на материке. Было объявлено, что А. А. Мейер “изменил принципу свободы”. Успел он, кажется, написать и работу о ритме в труде (отражение его опыта преподавания философии движения на Высших вольных курсах Лесгафта).

“Фауста” Мейер перечитывал по имевшемуся на Соловках переводу Холодковского, но многое из него помнил наизусть по-немецки: это было его любимое

произведение. Все свои идеи он обсуждал с молодым философом примерно моего возраста из Ростова-на-Дону – Владимиром Сергеевичем Раздольским, с которым мы жили в одной камере и увлеченность которого философскими размышлениями меня всегда поражала. Был у нас под рукой и “живой книжный шкаф” – так мы звали Гавриила Осиповича Гордона, о необыкновенной памяти которого я еще расскажу.

Кримкаб представлял собой на Соловках своеобразное продолжение кружка “Воскресение” с той только разницей, что “заседания” шли каждый день.

Одной из самых важных тем наших разговоров была тема “мифа” и другая, связанная с ней, – “слова”. Обе эти темы отражены в книге А. А. Мейера “Философские сочинения”.

Могу сказать, что размышления Мейера помогли мне в дальнейшем формировании моего мировоззрения.

Что означает первая же фраза Евангелия от Иоанна: “В начале было Слово”? И почему Фауст, переводя три первые слова заменяет “Слово” “Делом” (“...im Anfang war die That!”). Мои собственные размышления на этот счет явились как бы продолжением тех, что вызвали во мне чтения книги Н. О. Лосского “Мир как органическое целое”. С помощью Лосского, а на Соловках – Мейера я пришел для себя к мысли, что “Общее” всегда предшествует “Частному”, “Идея” (“Слово”) предваряет всякое ее воплощение. Отсюда

я пришел к вере в первоначальность Разума и Слова. И отсюда же пришел к мысли, с которой через шестьдесят лет, в 1989 году, выступил в Гамбургском национальном обществе относительно необходимости положить в основу экологии как науки идею предшествования целого части. Экология как наука, с моей точки зрения, должна прежде всего изучать всю взаимосвязанность решительно всего в мире. Мир как целое и мир как Слово, как идею, Логос. Эта задача грандиозна, но она достойна нашего времени. Только на основе данных о цельности мира можно решиться на его "исправление" или на внесение в мир тех или иных коррективов. Мир как Слово! Слово – Логос – как нечто, предшествующее всякому Бытию. Ответственность человека за разрушение сложившихся в мире взаимосвязей – материальных и духовных! Отсюда же и взгляд (я пришел к нему уже в дни блокады Ленинграда) о цельности и взаимосвязанности в высокой мере, стилистической, культуры: мысль, положенная мною впоследствии в основу моей концепции Предвозрождения на Руси и книги "Поэзия садов", где стили в садово-парковом искусстве отождествляются мною со стилями культуры (готика, ренессанс, барокко, маньеризм, классицизм, романтизм, реализм и пр.).

В пределах сходных идей развивались и мои литературоведческие взгляды, понимание действительности и понимание человеческой культуры. Восприятие мира формируется всю жизнь, и характер его отчетливо ска-

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительные статьи	7
А. А. МЕЙЕР. ФИЛОСОФСКИЕ СОЧИНЕНИЯ:	
Религия и культура	31
О праве на миф	96
Эстетический подход	101
Заметки о смысле мистерии (Жертва)	105
Ревелиция (Об откровении)	166
Размышления при чтении «Фауста»	235
Gloria (О славе)	377
Мысли про себя	389
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
Е. Н. Федотова. Из воспоминаний о Г. П. Федотове	354
Н. П. Ашциферов. Воскресение	459
БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ А. А. МЕЙЕРА	467

Содержание книги

А. А. Мейера

Список работ А. А. Мейера

СПИСОК РАБОТ А. А. МЕЙЕРА,
ОСТАВШИХСЯ В РУКОПИСИ
(частично вошедших в настоящее издание)

1. О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ. Пг., 1916.
2. ЛИЧНОСТЬ. Пг., 1919.
3. ЧТО ТАКОЕ РЕЛИГИЯ? Л., 1926.
4. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД. Л., 1927.
5. ЧТО ТАКОЕ ЛЕСГАФТИЗМ? Л. (ДПЗ), 1929.
6. О РИТМЕ В ТРУДЕ (ЗАДАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ). СЛОН, 1930.
7. ПРОТИВ ИДЕАЛИЗМА. PAV ERGO. Медвежья Гора, 1931.
8. ЗВОН И СЛОВО В «ФАУСТЕ» ГЕТЕ. Медвежья Гора, 1931.
9. REVELATIO (ОБ ОТКРОВЕНИИ). Медвежья Гора, 1931 — Дмитров, 1935.
10. ЖЕРТВА. ЗАМЕТКИ О СМЫСЛЕ МИСТЕРИИ. Медвежья Гора, 1932-33.
11. GLORIA (О СЛАВЕ). Медвежья Гора, 1932 — Дмитров, 1936.
12. МЫСЛИ О ДВИЖЕНИИ. Медвежья Гора, 1933 — Дмитров, 1935.
13. ТРИ ИСТОКА. МЫСЛИ ПРО СЕБЯ. Медвежья Гора, 1933 — Калклин, 1937.
14. Н. П. ПАВЛОВУ. (Письмо). Медвежья Гора, 1933 — Калклин, 1938.
15. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРИ ЧТЕНИИ «ФАУСТА» ГЕТЕ. Дмитров, 1935.
16. ПИСЬМО К ВНУКАМ. Дмитров, 1935 — Калклин, 1938.
17. КЛАССИФИКАЦИЯ ИСКУССТВ. Дмитров, 1936.
18. [Пер.] Ноэлис (отрывки). Дмитров, 1937.
19. ДВЕ ЭПОХИ. Наброски. Калклин, 1938.
20. [Пер.] Порфирий. О ПЕШЕРЕ НИМФ. Калклин, 1938.
21. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ЭПИТЕТОВ ОРФИЧЕСКИХ ГИМНОВ. Калклин, 1938.
22. DE MUNDO VISIBILE (О ВИДИМОМ МИРЕ). Калклин, 1938.
23. [Пер.] PHISIOGNOMICA GRAECAE. (Материалы по изучению греческих физиогномистов). Калклин, 1938.

зывается как в научной методологии, так и в “научном поведении” (последнее – особое понятие, требующее особого же разъяснения).

Если Слово является началом дела, обобщением, то в ложном слове, слове-штампе заключена величайшая опасность, которой постоянно пользуется дьявол.

Мефистофель говорит:

*“Дай людям лишь слова – не станут проверять,
Какая мысль в них может заключаться”.*
*(“Gewohnlich glaubt der Mensch, wenn er nur Worte hort,
Es müsse sich dabei doch auch was denken lassen”)*

Одной из тем разговоров с Мейером, которую я могу вспомнить, был миф, создаваемый в наше время. Тему эту Мейер поднял в своей лекции “О праве на миф” еще в 1918 году. Естественно, что спустя 11 лет тема разрослась необычайно. Искать мифы и исследовать миф на наших “заседаниях” было необычайно интересно. Я, кстати, тогда же, имея в виду и учение Мейера о слове, написал шуточную “Феноменологию вопроса”. Применив к слову “вопрос” все основные идиоматические сочетания, с которыми связывается это понятие, я получил своеобразную “жизнь вопроса”: “К вопросу подходят. Вопрос встает, вырастает, выступает, выявляется, выясняется, выдвигается, выпячивается, сам из себя выпирает, вынашивается, замечается, увязывается, вытанцовывается. Когда вопрос сцементирован и выкристаллизован, он констатируется в наличности, происходит его стержнизация. Вопрос берется, кладется в основу, ставится на рельсы, и ему дается надлежащее направление. Он продвигается в жизнь, идет самотеком, прорабатывается, продумывается, соизмеряется, срабатывается, углубляется, развертывается, разворачивается, выравнивается, согласуется в общем и целом, увязывается, раздраконивается, дискутируется, диспутируется, стерилизуется, осмысливается как таковой, осознается постольку поскольку, решается во всесоюзном масштабе, принимается целиком и полностью, разрешается на все сто, зачитывается, формулируется, фиксируется, протоколируется, голосуется, ставится на повестку дня, единогласно решается, заслушивается, затем ревизуется, ставится на острие, во главу угла, поворачивается острым концом, дезавуируется, осложняется, набухает, разбухает, разветвляется, усложняется, отпочковывается, расчленяется, начинает чувствоваться несговоренность, несработанность и неувязка вопроса с сегодняшним днем. Вопрос выходит боком, срывается. Вопрос пробуют будировать, активизировать, вентилировать,, но в конце концов вопрос упирается в другой вопрос, отключается, стушевывается, изживается, отпадает, отмирает, игнорируется, ан-

нулируется всерьез и надолго, окончательно ликвидируется и вытравливается. Вопрос исперчен". Именно так и в таком порядке "Феноменология вопроса" записана мною в сохранившейся у меня соловецкой общей тетради. Я подбирал идиоматические выражения довольно долго. Последнее выражение "вопрос исперчен" (вместо "исчерпан") очень часто употреблялось тогда в виде шуточного канцеляризма. Вокруг этой "феноменологии вопроса" было, как кажется, много разговоров в кримкабе, так как "жизнь вопроса" в какой-то мере отражала бюрократическую действительность того времени: каждое настоящее дело превращалось в "вопрос" и в конце концов разрешалось бессмысленной и пошловатой пустотой: вопрос оказывался "исперчен".

Уже в двадцатые годы власть "словесных формул", мифология языка стала занимать все большее место в советской действительности. "Власть слов" становилась самым тяжким проявлением "духовной неволи". В нашем "кримкабовском" кружке обсуждение вопросов языка и языковой культуры становилось одной из самых важных тем.

Создал я тогда и "тесты" на "чувство русского языка". Для "первой категории" (низшей) я предлагал различать два слова в письменной и устной речи: "кушать" и "есть", "супруга" и "жена". Для второй (высшей) – "разница" и "различие", а также употребление выражения "большое спасибо" (т. е. "большое «Спаси Бог»"). Было что-то и еще в придуманных мною тестах на интеллигентность речи, но я уже точно не помню.

Когда было приказано не носить длинных волос, остригли и Александра Александровича Мейера. Он очень стеснялся своего вида. Когда Ксении Анатолиевны Половцевой не было поблизости, он не мог справиться со своими кастрюльками, сварить похлебку, хотя имел еды больше нас, так как преподавал латинский жене одного из начальников лагеря, Головкина (очевидно, она училась на медика), читал ей стихи Кемецкого и наивно был в восторге от ее душевных качеств. Отчасти под влиянием этих встреч с Головкиной у Александра Александровича создалось мнение, что можно исправить лагерь путем убеждения: "все скверное от организации, а не от людей". Эти взгляды Мейера служили предметом споров в кримкабе, и я очень жалею, что не записал их точно и подробно: многое в них осталось актуальным и по сей день.

В процессе обсуждения позиции А. А. Мейера были определены три основания того кошмара, который был создан в лагере и который грозил распространиться на всю страну: злобная идеология, злобное ее осуществление и злобные люди, проводившие все это в жизнь. Мейер настаивал на том, что основная причина в организации, а правда есть и в стремлении к социализму, и в людях, вынужденных осуществлять дурными методами в какой-то мере добрые идеи. Мы настаивали, что люди испорчены дурными

представлениями, внушенными им злобной идеологией, а организация лагерей – прямое следствие агрессивной идеологической схемы.

Взгляды Мейера отчасти отразились в его статье “Ритм в труде”, напечатанной в журнале “Соловецкие острова” и вызвавшей много споров, о чем я уже упоминал.

Юлия Николаевна Данзас

Прямой противоположностью Александру Александровичу Мейеру была работавшая напротив него за огромным столом, сплошь заваленным газетами, из которых она делала вырезки для начальства, статс-фрейлина императрицы Александры Федоровны и доктор Сорбонны Юлия Николаевна Данзас, арестованная еще в ноябре 1923 года и проведшая до Соловков пять лет в тюрьмах Сибири.

Довольно подробно жизнь Ю. Н. Данзас с ее слов описана в книге дьякона Василия ЧСВ (аббревиатура мне непонятная) “Леонид Федоров. Жизнь и деятельность” (Рим, 1966). Она родилась в 1879 году в Афинах. Была правнучкой французского эмигранта Карла Данзаса. Вторым сыном Карла Данзаса Константин был секундантом Пушкина. Мать Юлии Николаевны, в девичестве Аргиропуло, была из древнего византийского рода, происшедшего по прямой линии от императора Романа Аргира (XI век), женившегося на последней представительнице Македонской династии – императрице Зое. Блестяще образованная, она стала автором нескольких книг, доктором Сорбонны. Прекрасно ездила на лошади. Подолгу жила за границей, чтобы не быть вынужденной исполнять свои обязанности статс-фрейлины, которые ей были неприятны ввиду царившей при дворе атмосферы: спириты, Митьки Гутнивые, Машки Странницы, а главное – Распутин.

Писать о Ю. Н. Данзас как-то особенно трудно. Она была сложным человеком, и не в том смысле, который вкладывается в это понятие сейчас (т. е. не очень хороший), а в смысле буквальном: ее душевная жизнь была под покровом нескольких культурных наслоений. С одной стороны, аристократическое происхождение и положение статс-фрейлины императрицы Александры Федоровны. С другой – автор исследований по религиозным вопросам. Постоянно взыскующий истины, мятущийся религиозный мыслитель – и нетерпимая католичка, как бы познавшая всю истину в беседах с православными или с католиками других направлений, готовая даже на Соловках с некоторым высокомерием относиться к страданиям многочисленного православного духовенства и писать в лагерной прессе о существовании инквизиции в Православной Церкви и тем фактически помогать антирелигиозной пропаганде. С одной стороны, человек изысканно воспитанный, с другой – постоянно вступающая в конфликты с соседями и одновременно

находившая общий язык с Горьким. Еще и еще! Русская, патриотка, во время Первой мировой войны поступившая в уральские казаки и сидевшая в окопах, и – как-то внезапно ощутившая себя потомком французского эмигранта и своими антирусскими высказываниями в Риме впоследствии (в конце 30-х–начале 40-х годов) на своей лекции в “Руссикуме” возбудившая негодование самого Вячеслава Иванова. В целом Данзас была очень рационалистична, а потому плохо разбиралась в людях. Однако своим родовым (вернее родовитым) чутьем угадывала в поведении людей очень интересные стороны.

В лагере я помню ее немощной пожилой женщиной, ходившей на работу с посохом в черном деревенского покроя полушубке. Но в январе 1933 года после своего освобождения, живя в Ленинграде в ожидании выезда в Германию к брату (как это случилось, я расскажу позже), она легко поднялась на пятый этаж ко мне и моим родителям – я тоже был уже освобожден, – модно одетая, в шляпке чуть набекрень, которую, видимо, тщательно выбирала. То старуха, то относительно молодая женщина с ярко-голубыми глазами. Так было и впоследствии за границей: то полумонашенка в монастыре, то мадмуазель, занимавшаяся научной и журналистской работой, написавшая после Соловков три книги: две на французском языке о “советской каторге” – “Bagne rouge. Souvenirs d’une prisonnière au pays des Soviets”, “Litéraire religieux de la conscience russe” (обе без обозначения года), одну на русском – “Католическое Богопознание и марксистское безбожие” (Рим, 1941). Кроме того, ею были написаны большие воспоминания о своем “духовном пути к Богу”, а среди множества статей – одна о духовной жизни русской молодежи. Работая в Соловецком музее (перед тем как стала работать в криминологическом кабинете), она пользовалась услугами очень честного молодого человека, бывшего бойскаута Димы Шипчинского, которого в своих воспоминаниях почему-то назвала типичным “комсомольцем”, которым он никогда не был и не мог быть по своим нескрываемым убеждениям. Кстати, Дима Шипчинский (Данзас называет его “Шепчиневским”) устраивал с большим риском для себя свидания Данзас с католическими деятелями, а затем героически кончил жизнь, разделив участь со своим старшим другом, сошедшим с ума, – И. С. Кожевниковым (как – об этом я расскажу дальше).

На Соловках за работой над газетами она постоянно тихонько напевала себе под нос католические молитвы, но при этом не выпускала изо рта самокрутку, вставленную в длинный мундштук. Курила ли она арестантскую махорку или иностранный табак из какой-либо посылки – Бог весть. Она все могла, все стоически переносила. Никто не ведает – сколько она знала, сколько помнила интересных людей, но живого непосредственного обаяния, столь необходимого для общения с молодежью на Соловках, у нее не было. И в этом она тоже была прямой противоположностью А. А. Мейеру. Я пишу

это не для того, чтобы одну унижить, а другого восхвалить. Это мое противопоставление двух душевных складов не имеет оценочного характера. Железный, но замкнутый характер Данзас по-своему вызывал восхищение. Ее впоследствии осуждали многие, отрицательный отзыв о ней принадлежит, кстати, и Бердяеву, однако преданность католической вере, с помощью которой она пыталась осветить всю русскую историю, начиная с киевского князя Владимира I Святославовича, которого она считала верным Риму, по-своему достойна уважения.

Ю. Н. Данзас много писала, писала и по освобождении из “советского плена”, но на Соловках не имела большого влияния на молодежь.

Ее жизненный путь к католицизму записан с ее слов, как я уже сказал, в книге дьякона Василия ЧСВ “Леонид Федоров. Жизнь и деятельность”, которая в значительной мере освобождает меня от необходимости особо останавливаться на ее интереснейшей биографии. Скажу только, что в подробных сведениях о себе она почему-то опустила, что в Первой мировой войне одно время служила, как я уже сказал, на передовых позициях в полку уральских казаков. Почему казаков, и к тому же именно уральских? Юлия Николаевна объясняла это так: в кавалерии она хотела служить, так как отлично ездил верхом, а у уральских – потому что они были старообрядцами и отличались строгостью нравов. Ей простили то, что она не могла управляться с пикой (она была для нее слишком тяжелой), но шашкой она, по ее словам, овладела хорошо, даже сдала экзамен. При Временном правительстве ее уговаривали взять на себя командование женским “батальоном смерти”. Она отказалась, и затем уже это командование было поручено Бочкаревой. Мне непонятно – почему в ее воспоминаниях нет ничего о дворе и об императорской фамилии. Но в той же книге католика дьякона Василия сообщается, что она собиралась писать роман о государыне Александре Федоровне. Жаль, что она берегла интереснейший материал для романа, потому что беллетрист Юлия Николаевна была слабый. Это видно по ее повести “Соловецкий Абелья”, помещенной в журнале “Соловецкие острова” под ее обычным псевдонимом “Юрий Николаев”. К тому же беллетристическая форма всегда находится в разладе с достоверностью. Знала же Юлия Николаевна двор очень хорошо и много рассказывала о жизни Государя и Государыни (в Петербурге так принято было называть императора и императрицу).

Из рассказов Данзас о семье Государя мне вспоминаются три, как наиболее важные. Первый касается “Кровавого воскресенья” 1905 года. Мне никогда не встречалось упоминания о том, что при дворе после случившейся трагедии был объявлен траур и никакие балы и широкие приемы не устраивались. Более известно, что Государь с семьей 9 января находились не в Зимнем, а в Александровском дворце в Царском Селе и поэтому непосредствен-

ной вины за гибель людей не несут. Второй эпизод с ее слов весьма характерен. В начале войны 1914 года был повешен как шпион полковник Мясоедов, начальник пограничной службы близ Восточной Пруссии, к которому после охоты заезжал (или только однажды заехал) обедать Вильгельм II. Государь достоверно знал, что Мясоедов не был ни шпионом, ни просто предателем, но под давлением общественного мнения, обвинявшего Государыню в симпатиях к немцам, из трусости подтвердил смертный приговор суда. Государь очень мучился этим и все дальнейшие несчастья считал Божьим наказанием за свое малодушие. И, наконец, Юлия Николаевна много рассказывала об ужасных переживаниях Государыни, боявшейся покушений при любом выезде Государя из дворца.

При всех огромных знаниях Юлии Николаевны и огромном мужестве в ней был элемент какой-то, осмелюсь сказать, примитивности. Характерный пример – ее суждения о поэзии. Она говорила, что ставит Лермонтова выше Пушкина. На каком-то уровне оценки поэзии, мне кажется, нельзя ставить вопрос о том, кто выше, кто ценнее. Можно лишь сказать – кто из поэтов лично ближе, к кому чаще обращаешься. Кто выше – Державин или Баратынский? А уж тем более нельзя было бы в этот ряд ценностных определений вносить поэтов XX века.

Скажу, что уже в тот период все “кановцы” очень любили многие из стихотворений О. Мандельштама; были среди нас поэты, подражавшие “Столбцам” Н. Заболоцкого. Стихи “Столбцов” были озорными, и это нам тоже нравилось. Любили Всеволода Рождественского, гораздо больше, чем его любят сейчас. Не скажу, что знали наизусть стихи Белого или Брюсова. Наизусть знали больше всего Блока и отчасти Волошина. Из старых поэтов больше всего знали Пушкина, потом Баратынского, Дениса Давыдова, Лермонтова. Вообще это очень интересно – кого молодежь знает наизусть в ту или иную эпоху, в ком ощущается душевная потребность...

Но я отвлекся от рассказа о Данзас. Ее некоторая примитивность сказывалась и в ее католической позиции.

По моему наблюдению, большая эрудиция при недостатке обобщающих способностей может играть даже в известной мере отрицательную роль. Эрудиция укрепляет человека в его уверенности в собственной правоте, но также мешает его пониманию нового, непривычного. Чувство собственного превосходства над другими, которое развивает эрудиция, при недостатке творческих способностей может затруднять общение с людьми. То, что Данзас приняла католичество, будучи уже вполне зрелым и мыслящим человеком, было для нас понятным: ей хотелось твердой духовной опоры, и, вполне естественно – с нашей, юношеской, точки зрения, – она обратилась к вероисповеданию своих французских предков. О католичестве наша православная молодежь с ней не спорила, да и как могла спорить – со своими

скромными познаниями в богословии. Однако когда в журнале “Соловецкие острова” мы прочли ее очерк об инквизиции в Православной Церкви, мы как-то замерли в разговорах с ней. Две причины: если у православных тоже была инквизиция, то в чем это оправдывало католическую инквизицию, вторая причина – давать еще козырь антирелигиозникам, особенно в условиях лагеря, переполненного православным духовенством, казалось нам недостойным.

В романе Бориса Ширяева “Неугасимая лампада” (опубликованном в Париже и перепечатанном в “Нашем современнике”) образ “фрейлины трех императриц” как будто бы опирается на Юлию Николаевну Данзас, ибо других фрейлин на Соловках не было, но он значительно изменен.

Стоит ли упоминать о том, что Данзас не была баронессой, фрейлиной (вернее статс-фрейлиной) была только у одной императрицы – Александры Федоровны и т. д. Но роман есть роман, и это надо иметь в виду, читая книгу Б. Ширяева.

Гавриил Осипович Гордон

В 1930 году в 13-ой, карантинной роте поселили Гавриила Осиповича Гордона, члена ГУСа в прошлом – человека удивительно образованного, “бывшего толстяка” (особый тип людей, которые на воле были полными, а в лагере вынужденно похудели). Его появление всюду было всегда очень заметным, хотя подобающего ему видного места в жизни он никогда не занимал и не занял. Наша команда молодежи тотчас же приняла меры, и вскоре он был водворен в 7-ю “артистическую роту”, а не на работу – прямо в криминологический кабинет. Дальше мы уже приняли меры, чтобы он не очень выделялся: на поверках не стоял в первом ряду, в коридорах УСЛОНа не очень громко разговаривал. Но он и из заднего ряда успевал бросить две-три реплики на нотации командира А. Кунста, которые тот нам читал на поверках. Реплики эти (в виде находчивых вопросов или поддакиваний, подчеркивавших глупость сказанного) могли вывести из себя любого дурака-командира, а Кунст, хоть и был ловок, но особым умом не отличался.

О Г. О. Гордоне мне не удалось найти каких-либо печатных материалов, кроме его собственных книг и статей. Книги его были учебными пособиями по истории: “Чартистское движение”, “Революция 1848 года”, “История классовой борьбы на Западе”. Ни статьи, ни учебные пособия не дают представления о громадном диапазоне его знаний. Он в совершенстве владел древнегреческим и немецким языками, хорошо знал латынь и французский, свободно говорил по-итальянски, читал по-английски, испански, шведски и на всех славянских языках. Постоянно стремился узнать что-нибудь новое. На Соловках он нашел случай учиться арабскому языку у муфтия Московской кафедральной мечети и давал ему в ответ уроки древнегреческого.

По биографической справке, данной мне не так давно его дочерью Ириной Гавриловной, которую я разыскал в Москве, Г. О. Гордон родился в 1885 году в городе Спасске. Семья переехала в Москву в 1890-м, где он окончил гимназию, затем университет. В 1906–1907 годах прослушал курсы так называемых “Летних семинаров по философии” у Когена и Наторпа в Марбурге. В 1909 году служил в Пятом Киевском гренадерском полку. В 1914 году, перед самой войной, путешествовал по историческим местам Греции и Турции, о чем, кстати, любил вспоминать у нас в камере. А затем пошла обычная жизнь интеллигента той поры: мобилизация в армию, участие в различных общественных и ученых учреждениях периода революции, чтение лекций в Москве и провинции. Ректор Тамбовского университета, основатель Тамбовского научно-философского общества. Затем член Коллегии Наркомпроса РСФСР, заместитель председателя Совета по делам вузов В. П. Волгина, член Педагогической секции Государственного ученого совета и т. д., и т. п. Для молодежи на Соловках он был своего рода университетом: он не просто давал справку по любому вопросу, а охотно для одного или двух мог прочесть импровизированную лекцию с точными библиографическими справками, привести цитаты, прочесть стихи. И что было особенно нам в ту пору важно – привести на немецком нужные места из “Фауста” Гете, которым под влиянием Мейера мы все тогда очень интересовались. Володя Раздольский, живший с нами в одной камере, удивительно умел извлекать из него необходимые и интересные сведения и вслушиваться в его собственные рассуждения. Впоследствии, уже в Москве и Ленинграде, при встречах со мной Г. О. Гордон отмечал незаурядные способности Раздольского, но при этом жалел, что в нем много дилетантства и “отсутствует школа”.

Гавриил Осипович привлекал молодежь своей “жовиальностью”, непосредственностью, полным отсутствием позерства (которое так всегда соблазнительно для профессора), откровенностью, а не умением сдерживаться. Вечно он попадал в какие-нибудь истории и наживал врагов, что было крайне небезопасно в то время. Помню, как он появился в кримкабе и отрекомендовался: “К Гордону Байрону и Гордону-аптекарию никакого отношения не имею”.

Павел Фомич Смотрицкий

Помню, простить себе не могли, что пропустили в 13-ой, карантинной роте Павла Фомича Смотрицкого. Был он замечательный художник из круга “Мира искусства”, участник русско-финляндской художественной выставки, друг архитектора Оля, построившего дачу Леонида Андреева на Черной речке. Его малая известность как художника, думаю, объясняется его исключительной скромностью, какой-то психологической неприметностью. Он не обра-

щад на себя внимания ни внешностью, ни манерой себя держать, ни всегда спокойной и тихой речью. После положенного срока пребывания в 13-ой роте его, как больного, отправили на остров Анзер, куда собирали больных и старых, и где он устроился работать как художник в шкатулочной мастерской. Была эта мастерская учреждением примечательным. Там работали хорошие столяры, краснодеревщики, делавшие в основном шкатулки из икон. Иконы им выдавались из запасников, которыми ведал Н. Н. Виноградов. В основном это был XVIII и XIX век, но я подозреваю по обилию продукции, что шли и иконы XVII века, которые считались тогда не заслуживающими внимания. (Да что “тогда”! Еще в 40-х годах, в конце войны, доктор искусствоведения в городе Горьком разрешил освободить под госпиталь церковь, в которой был склад икон XVII–XVIII веков. И все иконы были просто сожжены.) Дерево икон было сухое, добротное (рассказывали, что были даже кипарисовые доски), столяры еще не перевелись, и бедный Павел Фомич, верующий и понимающий в иконах, принужден был эти шкатулки расписывать. Я, впрочем, этой продукции, расходившейся в Москве, никогда не видел.

Выписать его с Анзера было труднее, чем спасти из 13-ой роты, но все-таки удалось, и весной 1930 года, привезя с собой чудные акварели, он стал принимать участие в наших беседах в кримкабе. Помню серию его кустов под снегом. Некоторые вещи из этой серии были переведены в графику для печати и опубликованы в журнале “Соловецкие острова”. Внизу, в уголке справа, на них, как я помню, были в кружке его инициалы.

Павел Фомич никогда не говорил длинно, но все его замечания и ответы были очень тонки и “к месту”. Помню такой разговор. Я рассказал ему о своем наблюдении: писатели конца XIX и начала XX века стали изобретать себе особые одеяния. Первым стал по-особенному одеваться Лев Толстой (кстати, мы все тогда ходили в толстовках – одежде, не требовавшей не только воротничка, но порой и нижнего белья), потом особые одежды изобретали себе Стасов, Горький, Леонид Андреев, Блок, Волошин, Белый, Скиталец и т. д., и т. д. Не изобретал себе особой одежды только Чехов. Павел Фомич подумал и сказал: “Да, но Чехов одевался как типичный доктор”. Павел Фомич был совершенно прав. Я вспомнил свое детство, когда часто хворал, меня навещали детские врачи и меня водили по врачам. У Чехова несомненно было “докторское самосознание” в одежде.

Этим одним своим тонким замечанием Павел Фомич запомнился мне на всю жизнь.

Владимир Сергеевич Раздольский

Первым человеком моего возраста, с которым я познакомился, а потом и подружился в кримкабе, был Володя Раздольский из Ростова. Он был

студентом, интересовался философией и сам отчасти философствовал. Что-то даже писал украдкой. Наружность его была примечательной. Огромные черные глаза. Постоянная усмешка, кривившая рот, как бы сопровождавшая его какие-то невысказанные мысли. Вечно дымящаяся трубка в зубах. Какая-то физическая слабость при быстроте движений. Сапоги с голенищами, в которых ноги свободно болтались, а сапоги стаптывались с каблуков (Володя ходил, как-то странно ударяя пятками). Работать он не мог. Он только читал, думал, рассуждал. Если же Александр Николаевич Колосов давал ему поручения, то он так долго обдумывал, как за них приняться, что приходилось передавать их другому, т. е. мне или Александру Артуровичу Пешковскому. Казалось, что Володя ни на что не обращает внимания, кроме своих философских грез. Поэтому все бытовые предметы он называл одним словом – “собачкой”. “Собачку” потерял – это значит и трубку свою потерял, и карандаш где-то оставил, и поручение не выполнил и все прочее. “Где это собачка?” – спрашивал он и предоставлял нам самим догадываться о содержании его вопроса. В кримкабе он либо был занят чтением где-то добываемых им интересовавших его книг, либо “умными” разговорами с Мейером (если последнего не занимала какими-либо разговорами, всегда шепотом, Ксения Андреевна Половцева, приносившая ему обед в баночках). Разговоры, размышления Володи были всегда исключительно интересны. Продолжай он жизнь в нормальных условиях, из него несомненно получился бы интересный мыслитель. Жили мы с ним после отъезда “папашки” Колосова в 7-ой роте вместе в одной камере. Он спал под окном на топчане. Добудиться его утром было всегда трудно. Изредка он напивался (когда на Соловках появлялась “контрабандная” водка), и тогда мы его спасали от соглядатаев и дежурных всей камерой. Укладывали на топчан, накрывали пальто и говорили – “болен”, чтобы не требовали на поверку. Был он ценителем стихов Свешникова-Кемецкого, жившего в нашей же камере, и постоянным собеседником Гордона. В разговорах тягаться с Володей я не мог, но слушателем я был внимательным. Володя знал в общем-то мало, но умел втягивать в рассуждения и споры интересных “стариков” (Гордона, Мейера, Данзас, Сухова, Бадигина – впрочем, последний был вовсе не стар, – и др.). В существовании Бога не сомневался, но церковным не был.

Приезжала к нему на свидание мать. Отца у него не было. Мать же была необыкновенно красива, несмотря на измученность в лице. Служила, зарабатывала, посылала единственному сыну... Володя познакомил меня с ней. Происхождения Володя был украинско-польского. Его полная фамилия была Раздольский-Ратошский и терялась где-то в глубине веков...

Когда вслед за мной его перевезли в Медвежью Гору, он присоединился к молодежи, группировавшейся вокруг А. Ф. Лосева.

Владимир Кемецкий (Свешников)

Стихи на Соловках писали из молодежи очень многие. Вообще в 20-е годы редкие интеллигентные молодые люди не писали стихов. Такое было время. Одни писали тайно, никому не показывая, другие показывали, но не продвигали их в печать, третьи резво печатались в “Соловецких островах”. К последним принадлежали из моих знакомых А. Панкратов, Ю. Казарновский, Д. Шипчинский, А. Пешковский, Л. Могилянская, но безусловно самым талантливым и “настоящим” был Владимир Кемецкий. Впрочем, Кемецкий – это фамилия его матери и поэтический псевдоним. Его отцовская фамилия, под которой он и значился в лагере, была Свешников.

Я прибыл на Соловки в самом начале ноября 1928 года, но только весной 1929-го смог посещать соловецкую кремлевскую библиотеку, брать в ней книги. Это была хорошая библиотека – там оставались все присылаемые заключенным книги, а среди них было много профессоров, людей с высшим образованием. Работали в библиотеке: Кох (немецкий коммунист, молодой, без единого зуба – выбиты на допросах), Борис Брик (поэт), А. Н. Греч (потомок известного Греча, посажен за дело “Общества русских усадеб”), Новак (венгерский коммунист) и Володя Свешников. Помню, что в помещении было очень холодно, и Володя, синий от холода и голода, в деревенском полушубке с огромным вырванным клоком (так ему этот клочок никто и не зашил), выполнял требования на книги – подносил их к стойке, за которой стояли “читатели”. Вид у него был всегда обиженного ребенка. Ему было на вид, если взглядеться, лет 20 с небольшим. На самом деле ему было под тридцать. В 1929-м в конце или в начале 1930 года Володю поселили в камеру вместе со мной. Его стихи очень ценились, и его всегда немножко (в меру своих возможностей) подкармливали те, кто получал посылки. Поражала его искренность и непосредственность: на его лице отражались все его чувства. Его приходилось часто как-то заслонять и защищать, так как он сразу реагировал на каждую несправедливость, грубость. Было даже иногда что-то истерическое в его возмущенных криках. Свой гнев он направлял иногда даже против тех, кто ему помогал. Сокамерники ему все прощали за талантливость его поэзии. Только небольшая часть им написанного попала в журнал “Соловецкие острова” за 1930 год, а может быть, за 1929-й и 1931-й (я не проверял). Печатали и его старые стихи, написанные им в Берлине и Париже, но те были гораздо хуже – с претензией на “интеллигентность”. В нашей камере 7-ой роты он написал и свою “Сагу об Эрике, сыне Эльмара”. Свой род по линии матери вел от скандинавских предков. Он думал о смерти, стихи сочинял, вечно бормоча себе под нос с напряженным выражением лица, вытягивая губы. Я запомнил его лицо, манеру держаться очень хорошо. Живший в нашей

камере Гордон говорил, что Володя – типичный парижский гамен, бездомный обитатель Монмартра.

О его досоловецком прошлом я помню только следующее. Его родители были белоэмигранты. Отец, Свешников, – белый офицер. Семья с Володей жила некоторое время в Берлине (откуда у него берлинские темы в ранних стихах, которые, кстати, не все хотел печатать, но показывал в нашей камере). Потом семья, как и многие эмигранты, переехала в Париж. В Париже Володя с группой эмигрантской молодежи вступил в комсомол (самодеятельный, очевидно), и эта молодежь стала хлопотать о возвращении в Советский Союз. Родители были против. Он без родителей с группой молодежи был допущен в 1926 году вернуться. В Харькове, где он жил перед Соловками, а может быть, и в Москве он что-то наговорил, чем-то откровенно был недоволен, и ему “дали” пять лет.

На Соловках он был вечно голоден, ходил полным оборванцем. Один из начальников лагеря женился на бывшей заключенной из интеллигентной компании (ее подругой была Лада Могилянская). Она была восхищена его стихами и раза два посылала ему махорку и какую-то скромную еду. Фамилии ее не упоминаю – она жива. Он посвятил ей одно из своих стихотворений, напечатанное в “Соловецких островах” в 1930 году. Журнал “Соловецкие острова” шел в свободную продажу по всему Советскому Союзу и даже за рубеж (полный комплект его есть, например, в библиотеке Хельсинки).

Стихами его пленилась одна школьница где-то в Перми или Вятке и стала ему писать и посылать посылки. От имени своего и родителей она пригласила его приехать к ним в город. Потом, как мне говорили, она стала его женой, но это была, по-видимому, ошибка. Кемь была для него промежуточным пунктом при его освобождении: в Кемперпункт отправляли всех тех, сроки освобождения кого приходились на ненавигационный период. Лучшие его стихи принадлежат именно к этому послелагерному, самому трудному периоду его жизни. Тема ожидания близкой смерти – в них главная. После освобождения он жил, страшно бедствуя, в Архангельской области, где и умер.

Сведения о нем прекращаются где-то около 1936–1937 годов. Погиб ли он от туберкулеза, истощения или был расстрелян, как были расстреляны без суда и следствия многие ссыльные в Архангельской области просто потому, что их было слишком много, – кто знает?

Кое-что из его стихов мне удалось найти в изданиях: журнал “Недра”, 1923–1924 (в четвертой книге, стр. 314). Ссылка на него имеется в сборнике “Русский Берлин” (1921–1923), УМКА Press, 1983. Некоторые стихи напечатаны в журналах “Огонек” и “Наше наследие”.

Мои воспоминания о Володе хотелось бы заключить строками из его стихотворения 1927 года:

*Мои стихи для всех времен
Мечтателей, бродяг и пьяниц,
Для тех, кто в жизни полюбил
Вино, любовь и вдохновенье,
Кто жизнь иную уловил
Сквозь эти тусклые мгновенья...
Сей миг приветствую, как праздник...
Суровый час грядущей казни.
Вы легкие! И больно мне –
И радостно полет ваш милый
Следить – в огромной тишине
Моей тюрьмы, моей могилы.*

Александр Артурович Пешковский

Писать о нем серьезно трудно. И все же в нем, наряду с чрезвычайной вульгарностью и практичностью, были наивность, простодушие и что-то еще, к нему привлекавшее. Он работал в кримкабе еще до меня, был чуть старше возрастом, и Колосов держал его при себе первым помощником, что он и любил нам показывать. А мы с Володией Раздольским на это не обижались: "пусть себе!" Он был чрезвычайно активен и подвижен. Подвижен не только потому, что вечно что-нибудь добывал и устраивал – для себя в первую очередь, но иногда и для нас, если мог, тоже, – но и потому подвижен, что был болен какой-то формой хорей: ерзал головкой, дрыгал ножками (в гольфах и остроносых туфлях "джимми"), крутил плечами и как-то особенно прорывался словами (из него вечно вырывались какие-то слова, особенно когда писал). Из отдельных слов, которые вырывались у него, когда он писал, например, заявление с просьбой о помиловании, мы отлично представляли себе этот "документ", полный унижения и преувеличений. "Документ" этот он от нас скрывал, но мы, посмеиваясь, все же жалели Артурыча за то унижение, через которое ему пришлось пройти. Впрочем, освобожден он был досрочно не по заявлению, а за свое поведение в Солтеатре. Летом 1931 года, когда приехала разгрузочная комиссия (она приезжала ежегодно), для нее было дано представление – "Соловецкое обозрение" Б. Н. Глубоковского (и автор, и режиссер, и актер). В театр были допущены и заключенные. Артурыч, который писал в "Соллисток" "театральные рецензии" (хвалил нужных ему актеров и постановщиков), занял в рядах свое обычное место под ложей начальства. Как только поднялся занавес и водворилась тишина, стали слышны вскрики и бормотания Артурыча. Комиссия изумилась и в этот же свой приезд его освободила. Сам я на этом спектакле не был: так рассказывали. Артурыч пытался писать

стихи, прозу – его “шедевр” “Кузьма – вдова”. Печатали он их в “Соловецких островах”, выделяя в своих произведениях отдельные слова крупным шрифтом, и это казалось каким-то продолжением его странной болезни.

“Юрка Казарновский заикается, когда говорит, а Артурыч, когда молчит”, – шутили про него. Но Артурыч “заикался” и в печатном тексте. Его прозаическая вещь (с главным типажем, кажется, “мадам Либерман”) была все же неплохой. Был он племянником специалиста по русскому синтаксису – А. М. Пешковского. Мать его и отчим Шведов приезжали к нему на свидание. Были они из Царского Села (к тому времени уже переименованного в Детское Село).

Артурыч удивительно умел устраиваться, имел всюду “блат” (соловецкое словцо, распространившееся потом по всей стране).

Служебные поручения “папашки Колосова” он также выполнял отменно. Знал он все слухи, все “параши”, или, как их еще называли на Соловках, “радио-параши”, т. е. слухи, исходившие главным образом с радиостанции – месяцами единственной связующей нити с материком.

В “Соловецком обозрении” пелось:

*То не радио-параши
И не граммофон, –
То поет, поевши каши,
Наш веселый СЛОН.*

Его окружала вся соловецкая молодежь, писавшая стихи: Панкратов, Казарновский, Шипчинский, Свешников-Кемецкий, Могилянская.

После освобождения из лагеря я с ним встретился в Ленинграде. Я рассказал ему, что хочу писать очерки для детских журналов (для “Костра”, куда уже сдал рукопись) о происхождении некоторых слов и выражений. Каково же было мое удивление, когда он сразу же и быстрее меня попытался опубликовать серию таких очерков как раз о тех словах, которые я ему назвал, и по тем же справочникам и изданиям. Я рассердился и больше с ним не встречался. Когда и как он вскоре пропал – не знаю, но быть просто незаметным он не мог, даже в Ленинграде. Я же благословляю судьбу, что не вступил на стезю писательства в те годы и стал незаметным, работая корректором сперва в типографии “Коминтерн”, а потом в издательстве Академии наук в Таможенном переулке Васильевского острова.

Александр Александрович Бедряга

После освобождения Колосова кримкабом стал заведывать Александр Александрович Бедряга. Он был юрист, но перед своим арестом бросил свою профессию и стал массажистом в Максимилиановской (платной) лечебни-

це в Ленинграде. Жил он на Озерном переулке, в доме, где жил и Б. Д. Греков. Его мать (фамилию ее забыл – кажется, Чеботарева) сватала (еще до ареста) Александра Александровича за свою воспитанницу. И ждала, что он женится на ней после своего возвращения. Он уклонялся от обещаний, но после больших выпивок на Соловках, до которых он был большой охотник, он обычно бывал в мрачном настроении и говорил: “Женюсь на Лизке”. Это означало, что у него болит голова с похмелья. Меня он не очень жаловал, так как я был “непьющий”, а для пьющего непьющий всегда живой укор! Питал он любовь только к Володе Раздольскому, так как тот охотно участвовал в его пьянках. Стоили эти выпивки больших денег. Водка привозилась контрабандой. Помню такой эпизод. Было это уже в период отсутствия навигации. Пришли почтарки (лодки, которые можно было тащить по шуге и льду – сравнительно небольшие) и привезли контрабандную водку. Напился Бедряга в 3-й роте. Лежал пластом на своем топчане, кем-то заботливо накрытый. Водку добывал от почтарей и сам начальник нашего островного отделения Петя Головкин – залиvistый пьянчужка. Время прибытия почтарей с водкой он знал точно, так как платили ему за провоз сами. Обычно, напившись, “Петя” (так его называли заключенные, прощавшие ему все зверства ради его запоев) устраивал обход, едва держась на ногах, и начинал искать пьяниц по ротам, сажать в карцер всех пьяных. А попасть в карцер на Соловках было почти гибелью. Надо было обладать огромным здоровьем, чтобы сидеть весь день “на жердочке” (так назывались карцерные узкие скамьи без спинок и притом высокие ноги – не доставали до полу).

Итак, напившись, Головкин ринулся в 3-ю роту, где были “состоятельные”, т. е. имевшие средства покупать водку. При входе начальника в роту двери в камеры открывались, дежурный кричал: “Встать, смирно!”, и все должны были стоять руки по швам. Команда была подана, а Бедряга лежит! Петя Головкин спрашивает дежурного: “А это кто?” – “Больной-с”, – отвечает дежурный подобострастно. Решив, что “больной” от него не уйдет, а другие пьяные успеют спрятаться, Головкин бросился по другим камерам, а за это время Володя Раздольский и я выволокли “мертвое тело” Бедряги, протащили через всю площадь перед Преображенским собором и положили в 7-ой роте. Осмотрев все камеры на двух этажах, Петя вернулся в ту, где лежал Бедряга, и не нашел его. “Куда делся?” – “Не могу знать”, – отвечал дежурный, и действительно, откуда ему было знать, раз обход он делал вместе с самим Головкиным. Увидев, что его обманули, Головкин взревел и понесся ловить “мертвое тело”. Прежде всего пришел в 7-ю роту – роту артистов и музыкантов Солгтеатра. Командовал ею эстонский офицер Александр Адольфович Кунст (один из каламбуров адмчасти, где командовали всем веселые белогвардейцы, заключался в том, чтобы давать назначения в соответствии с фамилией). Кунст был хороший товарищ и смелый. Ворвавшись в 7-ю роту,

Петя Головкин накинулся на Кунста: “У тебя в роте бардак, пьянки!” Кунст знал, что возражать Головкину, да еще пьяному, никак нельзя, и он, щелкнув каблуками, лихо отрапортовал: “Так точно, гражданин начальник (называть начальника “товарищ” заключенным строго запрещалось), в роте бардак: все в порядке!” Пьяный Головкин очумело посмотрел на Кунста, он чувствовал, что перестал соображать, и сказал: “Все в порядке, говоришь? А ну, пройдишь по одной половице” (это был его любимый способ выявления пьяных). Кунст был трезв и быстро прошелся по одной половице. Петя Головкин ринулся по камерам (команда “смирно” была дана, двери открыты) и вот в первой же камере нашел лежащего Бедрягу. Мы не успели его даже прикрыть шинелью. Бедрягу водворили в карцер, и начались его допросы – “где взял водку, кто перетащил”. Били при всех заключенных в карцере, но Бедряга не сдался. После этого урки на Соловках прониклись великим уважением к Бедряге, да и к кримкабу, и не опасаясь рассказывали нам о своей жизни; эти рассказы я записывал и через записи научился владеть письменной речью (из-за холода мы в школе сочинений не писали). Бедрягу выручили врачи, определившие его из карцера в больницу с каким-то якобы острым заболеванием. Но в целом, надо сказать, начальство с великим “пониманием” относилось к пьяницам и прощало им такие проступки, за которые трезвым грозил бы в лагере расстрел. Тому же Бедряге были прощены и не такие проступки. Однажды он в подпитии надел пожарную каску, все пожарное обмундирование, взял в руки пожарный топорик, надел на грудь электрический фонарик (все это он достал потому, что в пожарной команде были тоже любители выпивок) и вошел во время представления в переполненный Солгтеатр и зычно возгласил: “Пожар!” Началась паника, но, к счастью, никто не погиб. Дело замяли: начальство хохотало. В другой раз он подобрался к “царскому колоколу”, висевшему в низкой колоколенке в саду перед Преображенским собором, и ударил в него довольно громко. Дело и на сей раз замяли: начальство хохотало. О пьяных проделках Бедряги можно было бы рассказывать без конца. Жили мы при нем вольно. “Загонять туфту” и изображать, что наш кримкаб занят серьезным делом, он умел. Его все любили. Умел он и пошутить, хотя человек он был далеко не умный. Однако грустно, что после Колосова мы уже серьезным делом не занимались.

После своего освобождения Бедряга не смог устроиться на работу. Нигде его не брали. Поехал в Дмитровлаг под Москву, и там его устроил к себе домработником Дмитрий Павлович Калистов. В милиции немало удивлялись, и Бедрягу хотели признать тунеядцем, но у него был договор с Калистовым, который обычно заключали с домработницами, и Калистов его отстоял: “Разве в нашем прогрессивном трудовом законодательстве сказано, что домработница может быть только женщина?” Придраться не смогли, и Бедряга продолжал пить, имея легальное местожительство и “положение”.

В конце концов он повесился в сарае у Калистова. Десятки раз он повторял: “Женюсь на Лизке”, но так и не женился. А мать его, верно, знала, за кого сватает, и “Лизка”, может быть, его бы и спасла.

Как сейчас помню его. У него была узкая и еще сужающаяся кверху лысеющая голова, усики, красивые лукавые глаза, маленький рот и вечная готовность на лице превратить любой разговор в шутку. Ходил он в темной толстовке и высоких сапогах. Научился, как “папашка” Колосов, читая беллетристику, держать в руке карандаш, готовый в любую секунду предстать перед внезапно появившимся начальством в позе пишущего докладную записку.

А что стало с помощником начальника Соллагеря Петей Головкиным? Он был переведен в Кемь, еще когда я был на острове. В Кемь из Соловков была переведена и лагерная многотиражка. Однажды в одном из номеров многотиражки, попавшем на Соловки, заключенные прочли статью П. Головкина о вреде пьянства. Это был шедевр газетного искусства. Весь остров катался со смеху. Головкин писал, что пьяный человек шатается, делает неверные движения, падает и может сломать ногу или руку, плохо работает, на следующий день у него болит голова и пр. Приказав написать Головкину такую статью, высшее лагерное начальство решило, что после этого ему будет стыдно пить. А писал эту статью, конечно, не полуграмотный “Петя”, а кто-либо из остряков заключенных.

Михаил Иванович Хачатуров

В камерах мы только спали, пили кипяток и были заняты своими делами. Свет тушили рано. Переходы из роты в роту и из камеры в камеру были запрещены, так что продолжительное общение было возможно только в здании Управления лагерей на пристани. Больше всего интеллигентных людей, конечно, привлекал криминологический кабинет. Однако нельзя представлять себе наш кабинет как центр только серьезных бесед. Иногда, когда не было срочной работы, он был своеобразной гостиной. Здесь были такие отличные говоруны, как А. А. Мейер, А. Н. Колосов, А. П. Сухов, Ю. Н. Данзас, заходили все молодые поэты, приезжали с Анзера по делам Д. Янчевецкий (корреспондент светской жизни Парижа в петербургских газетах), художник П. Ф. Смотрицкий, заходили скульптор Амосов, В. Ю. Короленко – всех не перечислишь. В своих воспоминаниях Н. П. Анциферов пишет, что он в Кемь мечтал попасть на остров, чтобы работать в кримкабе.

Наиболее частым посетителем был остроумнейший Михаил Иванович Хачатуров. Михаил Иванович имел счастливую статью за растрату, хотя в моих соловецких записках против его фамилии почему-то написано “Теософ”.

В те далекие времена население лагеря делилось на “социально близких” и “каэров” (контрреволюционеров – осужденных по статье 58; слова

“контрик” еще не существовало). Преимущество во всем отдавалось “социально близким”. Им можно было селиться за пределами монастырских стен, занимать лучшие должности, их даже брали в охрану. Однако лагерное начальство при этом понимало, что ворам и бандитам особенно доверять нельзя: украдут, убьют, обманут, нарушат дисциплину именно они. Поэтому оставалась не очень большая группа лиц, которые фактически жили лучше. Хотя, конечно, во главе всего были случай, блат, специальность. К этой группе заключенных, которым скорее доверяли, чем остальным, принадлежали лица, попавшие в лагерь по служебным статьям (например, раскрытые сексоты, которым предъявлялась статья о разглашении “государственной тайны”), валютчики, растратчики и пр. За растрату и попытку бегства за границу был взят и вечно оживленный, остроумный и ловкий Михаил Иванович Хачатуров. С особым смаком он рассказывал, как он прокутил большие казенные деньги, а потом неудачно попытался перейти из Армении турецкую границу. В те времена еще не было принято прикрывать политические дела уголовными. Эта манера наступила лишь после войны и провозглашения Декларации прав человека, когда нашему правительству во что бы то ни стало надо было снизить процент политических дел и политических заключенных. Поэтому положение Хачатурова в лагере было относительно сносным. Как человек оборотистый и грамотный, он получил какую-то выгодную должность и устроил себе вне Кремля (где-то около бани № 2) крошечную комнатку с печкой и электричеством. Внутри комнатка была вполне благоустроена, но снаружи завалена дровами и всяким хламом. Каждый старался в лагере быть незаметным и не возбуждать, в частности, зависти. Я был у него раза два и каждый раз как бы возвращался у него в нормальную обстановку.

Он часто заходил в кримкаб, оказывая нам различные мелкие услуги, при этом всегда с новостями, шутками, анекдотами. И мы ему были рады. Он был интеллигентен, многоопытен. Усвоил себе лучшие черты армянина от отца и лихого казака от матери.

Хотя срок у Михаила Ивановича был десять лет, его, как имевшего неполитическую статью, вывезли с Соловков году в 29-м или 30-м. О его последующей жизни в лагере на материке я узнал из неопубликованных воспоминаний Николая Васильевича Жилова “Летопись моей жизни”. Позволю себе сделать большую выписку (мне дорога о нем каждая мелочь). Автор “Летописи” пишет: “Управление отделением (Беломорско-Балтийского лагеря. – Д. Л.) было развернуто на Выгозере в поселке Май-губа, где были лесопильный завод и опытный заводик строительных стружечных плит, которым ведал зек-инженер Хачатуров (узнаю Михаила Ивановича – с него было достаточно и “заводика”. – Д. Л.). Хачатуров по фамилии как будто армянин, по внешнему облику он скорее походил на еврея. Седые, серебряные, гладко причесанные волосы обрамляли высокий благородный лоб.

Правильные одухотворенные тонкие черты бритого лица и огромные серые, чуть-чуть навывкате глаза. Он имел вид ученого и чем-то напоминал портреты критика и публициста Н. К. Михайловского. Заводик, который возглавлял Хачатуров, был опытным предприятием. Задачи, которые он решал в примитивных условиях, все еще не решены в широких масштабах. Из стружечных плит завода тут же неподалеку был построен небольшой двухэтажный экспериментальный дом, в котором жил и сам Хачатуров с женой. В то время это был уже не единственный пример, что зеку «разрешалось». Далее в «Летописи» описываются удобства квартиры Михаила Ивановича. Все так: именно таким – с удобной квартирой, в окружении блага и друзей – я и привык его видеть. Так как мы в кримкабе были совершенно не завистливы, то мы его и любили за жизнерадостность.

У Михаила Ивановича многому можно было поучиться в практической жизни, а главное – умению обходиться с начальством, не теряя собственного достоинства. Со стороны было видно, что он смеется над «начальниками», презирает их.

О Хачатурове запросил меня в 1990 году С. О. Шмидт. Я написал ему примерно то, что я написал выше, и вот неожиданное письмо от дочери Михаила Ивановича Н. М. Пирумовой: «Примите мою искреннюю благодарность за те строки воспоминаний о моем отце – Михаиле Ивановиче Хачатурове, которые сохранила Ваша память. Для меня это первый голос из неизвестного прошлого. В Соловки он попал, очевидно, в 1924 или 1925 году. Мне было около двух лет, и я, конечно, его не помнила. Вернулся в 1933 году, весной. Вновь арестован был в августе 1935 года. По существу на свободе пробыл полтора года. Погиб в лагере Усть-Чибью в 1938 году.

В прошлом революционер, в Соловках он обратился к религиозному мировоззрению. Я помню его рассказы о замечательных мыслителях, которых он встречал там, но имен не знаю. Поэтому фамилии, которые Вы называете, очень важны для меня».

Лада Могиланская

Украинская поэтесса Лидия Михайловна Могиланская, писавшая по-украински и по-русски (по-украински под именем Лада Могиланська), появилась на Соловках примерно в 1930 году. Была она из Чернигова, из окружения Коцюбинского. В доме последнего собирался кружок молодежи, который, конечно, властям надо было изобразить контрреволюционным заговором. Получила она десять лет, хотя, уверен, интересовалась она только поэзией. Высокая, стройная блондинка, носившая модную тогда прическу «фокстрот» и короткие юбки. Ее содельцы получили меньший срок и остались в основном на материке (в эти годы на Соловки привозили заключенных только

с “полными” сроками, т. е. десятилетними, – больше десятилетнего был только расстрел). Из молодых украинцев на Соловках были художники Петраш и Вовк. Работала Могилянская машинисткой в здании управления СЛОН, то есть там же, где помещался кримкаб. Само управление СЛОН переехало уже в Кемь, но здание еще оставалось за ним. Оживленная, быстрая, остроумная, увлекавшаяся песнями уголовных, она сразу произвела большое впечатление на нашу молодежь. Распространилась “болезнь”, которую мы называли “ладоманией”. Кое-что из ее русских стихов, кажется, было напечатано в “Соловецких островах”. Я запомнил одну из записанных ею песен “Стоит фраер на фасоне” (вероятно, “нафасонен”) на мотив “Позабыт, позаброшен”.

Песню эту я любил напевать, и кто-то из молодежи поместил заметку в “Соловецком листке”: “Сотрудник криминологического кабинета Лихачев пишет повесть «Стоит фраер на фасоне» – из быта воров”. Заметка была шуткой. Писать художественную прозу я тогда пытался, но ничего не выходило.

Стоит фраер на фасоне
И вся ряшка в муке.
Ен у сером балахоне
И у сером колпаке.
ы к нему это подходим,
Говорим “Как вас звать?”
И у комнату заводим,
Чтоб девченок показать.
Увидал это Марфушку,

*Машинопись блатной песни
“Стоит фраер на фасоне”,
сделанная Д. С. Лихачевым*

Александр Петрович Сухов

В фойе театра мы иногда собирались на лекции опытных лекторов – Ананова из Тбилиси и Сухова. Лагерное начальство вообще было очень падко на устройство различных лекций – предполагалось этим поддержать миф о том, что в лагере не наказывают, а исправляют. Содержание лекций и количество присутствовавших на них его интересовало меньше. Была необходима отчетность о “воспитательной работе”.

Помню содержание лекции Александра Петровича Сухова о внушаемости. В криминологическом кабинете Сухов проверял внушаемость подростков трудколони. Она была очень высокой, и он связывал это с существовавшим у подростков инстинктом “стайности”, или “стадности”. Повышенной внушаемостью Александр Петрович объяснял (в завуалированной форме)

вызванные инстинктом стадности революционные движения, всякого рода кампании, легкость их проведения в стране, послушание в идеологической сфере и т. п. Помню один из опытов на внушаемость, который он проводил тут же в аудитории. Он предложил присутствующим ударять руками по столу вслед за ним, но только именно после того, как он стукнет, не раньше. Сперва Александр Петрович стучал неравномерно, затем стал стучать через равные промежутки. Мы втянулись в ритм, и, когда он внезапно прекратил хлопнуть ладонью по столу, многие из нас все же хлопнули – поддались внушению ритма. Меня очень заинтересовала эта попытка Сухова из особенностей человеческой психологии объяснять события истории.

Естественно, возникал вопрос о Сталине. 1929 и 1930 годы были началом как-то сразу возникшего культа Сталина. Еще никто не знал, к чему этот культ поведет. Но Сухов очень быстро разгадал бездарность и самого Сталина, и его культ. Захват неограниченной власти он не считал результатом способностей Сталина. Все приемы Сталина, по его мнению, были те же, что и у Ленина. Ленина он считал чрезвычайно ловким и умным захватчиком, быть же вторым после Ленина было совсем нетрудно.

Суждения Александра Петровича о людях были всегда удивительно метки. Несколько раз мы с ним гуляли по соловецким дорогам. Он мне рассказывал о различных типах человеческих характеров и, в частности, о связи характера человека с его телосложением, о теории Кречмера и др. Однажды на прогулке он предложил мне произвести такой опыт: соорудить снежную бабу и посмотреть, как будут реагировать на нее проходящие: если это будет человек пикнического склада – он ее не тронет, если астенического – разрушит. Опыт удался. Но, объяснил мне Александр Петрович, проходили неинтеллигентные люди. На интеллигентах эту зависимость поведения от телосложения наблюдать трудно... Хотя, хотя... Гордон явный пикник... Конечно, я привожу его рассуждения не дословно. Прямая речь в воспоминаниях почти всегда придумана мемуаристами. Заходил к нам в кримкаб и Владимир Сергеевич Муромцев – сын первого председателя Государственной Думы. Очень красивый и представительный человек, но предельно скучный и, как мне казалось, бессодержательный. Им интересовались только из-за отца. Сухова он интересовал и как психологический тип.

Юрий Алексеевич Казарновский

Среди поэтов на Соловках выделялся тогда еще совсем молодой Ю. А. Казарновский, которого мы все звали просто Юркой – не только по его молодости, но и по простоте, с которой можно было с ним обращаться. У него не было своего поэтического лица, как, скажем, у Кемецкого-Свешникова. Он был поверхностен, но стихи писал с необычайной, поражающей легкостью

и остроумием. В одном из номеров “Соловецких островов” можно найти его пародии на Маяковского, Блока, Северянина, в другом – его шуточные афоризмы. И все это на темы соловецкого быта. У него была неиссякаемая память на стихи. Он знал чуть ли не всего Гумилева, тогдашнего Мандельштама, Белого. Вкус у него был, настоящую поэзию ценил и постоянно стремился поделиться своими поэтическими радостями. Ни тени зависти. Просили его почитать его стихи, а он читал кого-то другого, понравившегося ему. Жил он одно время в Кеми и поссорился там с морским офицером Н. Н. Горским – на романтической почве. Чуть не попал в расстрел осени 1930 года за свою близость с Д. Шипчинским. Некоторые из его пародий были напечатаны в “Огоньке” несколько лет назад, и мне пришлось разъяснять – кому они принадлежат. В виде отклика на мою заметку я получил семь страниц воспоминаний о встречах с ним в 50-х годах в Алма-Ате, когда он стал уже заядлым наркоманом. Он был, кстати, одним из последних, кто видел Мандельштама в лагере в Сучане. Надежда Яковлевна Мандельштам тщетно пыталась извлечь из него хоть какие-то сведения о своем покойном муже: напрасно! Юрий Алексеевич не соображал уже ничего.

А присланные мне воспоминания о нем принадлежат старому математику Глебу Казимировичу Васильеву, и написаны они блестяще. Надеюсь, что он сам когда-нибудь опубликует их. Они касаются встреч с ним в Алма-Ате.

Александр Елеазарович Македонский

Так называла его вдова, с которой я только год назад познакомился. А мы звали его Александр Лазаревич Македонский, или совсем просто – Александр Македонский. Это был удивительный человек. Он рассказывал, что был в черных гусарах у Колчака и этим, а может быть, еще и своей фамилией, вызывавшей к нему сразу же любопытство, был “подхлестнут” на всю жизнь.

Он все время и ощущал себя черным гусаром, носил черные галифе и высокие щегольские сапоги. Постоянно смотрел вниз на свои ноги, но не потому, что любовался начищенными голенищами и отлично сшитыми галифе, а из-за того, что был чрезвычайно близорук и боялся споткнуться. Под конец жизни, как рассказала мне его вдова, он совсем ослеп. Как он мог стать гусаром, непонятно, но это был факт. Он постоянно напевал себе под нос известную в то время песенку “Марш вперед, черные гусары” и этим поднимал себе настроение. В этом он нуждался, ибо был великий пессимист и всегда видел впереди только худшее из возможного.

Впрочем, он писал стихи и этим утешался. Поэзия была его единственным стимулом к жизни, и стихи его были неплохие.

С ним было просто беседовать. Иногда только в середине разговора прорывалось: “А там, чуть подняв занавеску...” или “Лишь пара голубеньких

глаз...” Но нить разговора он не терял. Загадочный человек. И почему он попал к Колчаку? Я стеснялся его об этом спросить. Лошадей он любил, по лошадям скучал.

Николай Николаевич Горский

Заходил в кримкаб и красавец Николай Николаевич Горский – бывший морской офицер, работавший на кирпичном заводе. В свое время он учился в Морском корпусе вместе с будущими писателями Колбасьевым и Соболевым. Первого хвалил, второго бранил. За что, точно не помню. Не буду писать, чтобы не усложнять историю советской литературы неточными сведениями, тем более что и сам Николай Николаевич мог ошибаться. По окончании корпуса Николай Николаевич служил на одном из дредноутов – “Петропавловске” или “Севастополе”. При наступлении Юденича дредноут Горского стоял на Неве и был отдан приказ стрелять по расположению войск Юденича, но координаты расположения были даны с опозданием. Юденич уже стал отступать, и несколько тяжелых снарядов попали по наступавшим красным. Разумеется, был “открыт” заговор. Часть команды расстреляли, а Горский, не имевший отношения к артиллерии, получил 10 лет. За точность этих сведений не ручаюсь: в лагере не было принято расспрашивать о “делах” друг друга.

Горский был прекрасно воспитан, а старое воспитание заключалось еще и в том, чтобы уметь вести занимательный разговор и хорошо писать письма. То и другое очень помогало Николаю Николаевичу в жизни. Мы все в кримкабе охотно принимали Горского и охотно выслушивали его, особенно по темам, в которых сами не разбирались: он был разносторонне образован, интересовался всем.

На своем кирпичном заводе Горский жил семейной жизнью с какой-то, как он ее называл, “воровочкой”. Когда десятилетний срок его подходил к концу, он стал пользоваться большим доверием начальства, как заключенный, которому нет смысла бежать, и ему поручили командовать небольшим суденышком “Пионер”. Кстати, его однодельцу Пуаре дали большой буксир “Неву”, которым он продолжал управлять уже освободившись, пока его “Нева” не опрокинулась на крутой волне и он не погиб вместе со своей огромной любимой собакой, охранявшей его от команды, состоявшей из уголовников.

На своем “Пионере” Горский часто бывал в Кеми и женился там на сестре жены Юрия Михайловича Айзеншток-Камбулова – вернувшегося в Советский Союз бывшего секретаря Маклакова в Париже. Камбулов – это приставка к его фамилии, когда он женился на Камбуловой, настоящая же его фамилия только Айзеншток. Это был крещеный еврей и, как он уверял, дворянин (единственный случай в своем роде). Он был необыкновенной красоты. Глядя на него казалось – такого не бывает. Слушать его рассказы

о его любовных похождениях в Париже было совершенно невозможно из-за их циничности. Впрочем, он не заслуживает подробного рассказа, поэтому возвращаюсь к Горскому. Итак, женившись в Кеми на сестре жены Айзенштока, Горский ушел в рейс и сделал так, что застрял на своем “Пионере” с женой во льдах где-то около Муксалмы – тем самым он увеличил себе отпуск, полагавшийся по лагерным правилам молодоженам. После уже он ходил вокруг Кольского полуострова в Мурманск, и команда уголовников подняла против него бунт: донесли на него, что он хочет увести суденышко в Норвегию. Горский оправдался, что было в тех условиях далеко не просто. Одним словом, поговорить с ним, когда он приходил к нам в кримкаб, было о чем. В дальнейшем я с ним постоянно встречался – и до войны, и после <...>

Горский заходил ко мне после освобождения и домой, и в издательство Академии наук. Я устроил ему издание его книжки “Тридцать дней в дрейфующих льдах Каспия”. Книжка имела успех, была выгодна издательству и была издана вторично. После войны он работал в Новгороде. Женился там на работавшей у него студентке-практикантке. Был еще раз арестован и попал в Сибирь. Из Сибири я получил письмо. В лесу он построил себе дом из старых шпал. Жил в нем один, страшно нуждался и просил купить и прислать ему машинку и бумагу. Мы жили к тому времени в Басковом переулке. Недалеко был комиссионный магазин, в котором я смог купить ему крохотную складную машинку. Машинка дошла до него. Он стал печататься и выжил. Одна книга его была о морях, а другая о воде (“Вода – чудо природы”). Он даже получил за последнюю какую-то премию. После полной реабилитации он жил в Москве вместе со своей женой, на которой женился в Новгороде. Я через своего старшего брата устраивал его жену на работу. Заходил к нему, но было тяжело: у него был бред преследования; он подозревал жену в том, что она следит за ним (хотя кого мог интересовать девяностолетний старик?). Он умер, его жена исчезла из моего поля зрения. Одно могу сказать: своим долголетием он обязан исключительной жизненной энергии. Меня всегда поражало – как блестели его глаза!

Бардыгин

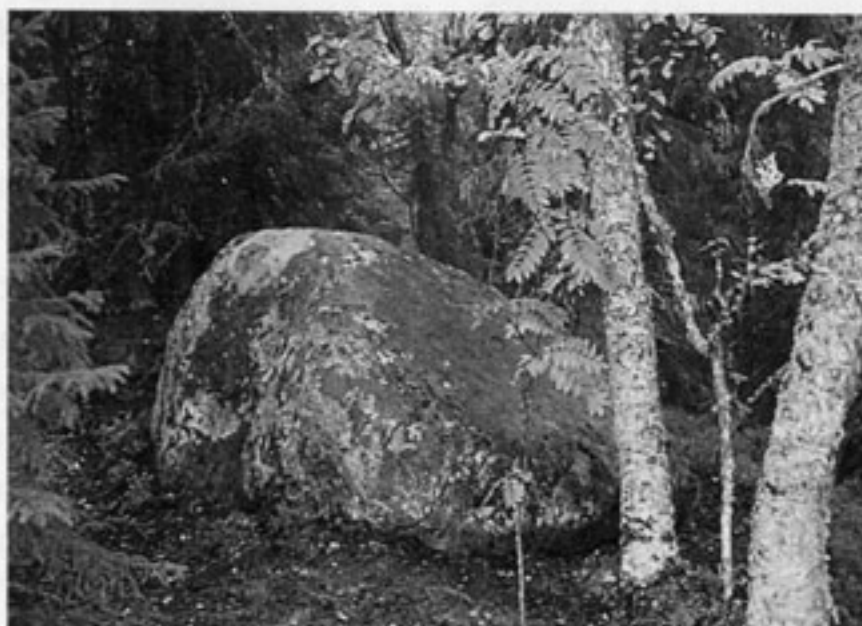
Я не помню ни его имени, ни отчества. Жил он в 4-ой роте, которая углом примыкала к моей 7-ой. Работал на какой-то канцелярской должности, отнимавшей у него много времени. Вечерами он писал – в людной комнате на своем топчане, служившем ему не только постелью, но и письменным столом. Помню его серое одеяло, его многолистную рукопись. Его философских рассуждений я не понимал, но понимали Мейер, Гордон. Они с глубоким уважением относились к нему, годившемуся им в сыновья. Куда и когда он исчез из четвертой роты, не знаю, не помню. У него было очень бледное

лицо и какой-то особенный взгляд. Он совершенно не интересовался политикой, не жаловался, никого не бранил. К происходящему вокруг относился с полным равнодушием. Сейчас, вспоминая Соловки, я прихожу к выводу: среди всех думавших людей он был самым независимым от внешних обстоятельств. Если бы пришлось мне назвать людей, крепче всех сопротивлявшихся не только советской власти, но просто “духу времени”, то это был Бардыгин. Все мы в той или иной мере были сломлены — и Мейер, и Андреевский, и Сухов, и Колосов. Мы были сломлены хотя бы потому, что значительную часть своей духовной жизни посвящали отстаиванию своего права мыслить по-своему, — мы возражали, возмущались и т. д. Мы были диссидентами тех времен. Бардыгина же ничто не касалось. Он был целиком погружен в свой философский и религиозный мир. Он не удостаивал своим вниманием ни то, что с ним происходило, ни тех, кто мешал жизни его внутреннего мира.

Всякий борющийся за свою независимость уже тем самым зависим. Для Бардыгина же просто не существовало ничего, что было вне его исканий, и его общение с окружающими его философами и духовными лицами не выходило за рамки его внутреннего мира. Он был непобедим, а поэтому, мне кажется, более всего опасен для властей.

Владимир Юльянович Короленко

В 1931 году на горизонте кримкаба появился Владимир Юльянович Короленко. Передо мной стоит лицо — чуть ироническое, готовое к общению, но далеко не полному. Характерный рот, который напоминал мне нос лодочки или горлышко сосуда, готового пролиться каким-нибудь интересным рассказом, — рассказом, но не беседой, не задушевными размышлениями. Была в нем какая-то невидимая стена, за которую он не пускал к себе собеседника. В сущности, знали мы о нем только два факта: что приходился он писателю В. Г. Короленко племянником и что был он по профессии юристом. На левой руке у него не хватало безымянного пальца, и вся кисть левой руки от этого была очень выразительной: клешня? Когда он что-нибудь рассказывал из своего адвокатского опыта и, жестикулируя, опускал левую руку, — это означало, что он ставил окончательную точку в своем рассказе. А рассказы его всегда имели заключение: вероятно, подводить заключение — адвокатская привычка. В кримкабе он чаще всего забегал к Юлии Николаевне Данзас. Эти два скрытных человека находили общие точки общения в какой-то верхней, “светской” части. Ю. Н. Данзас была рада ему, ибо чувствовала себя с ним спокойно — он не растревожит в ней того, к чему ей не хотелось допускать собеседника и куда постоянно пытался по своей невоспитанности забраться Володя Раздольский.

*Камень Д. С. Лихачева
на Соловках*

*Надпись,
выбитая на камне*

Ко мне Владимир Юльянович питал дружеские чувства. У него тоже, как и у меня, был пропуск “по всему острову”, и он часто стоваривался со мной на совместные прогулки. Чаще всего мы ходили с ним по Савватиевской дороге. Зимой он носил серую каракулеву ушанку не совсем обычного фасона. Никто другой, казалось, не мог иметь такой. Она была частью его личности. Странно? Но это так.

Он тоже любил мальчишеские забавы. Я, вспоминая свое детство на Финском заливе, любил “печь блины” плоскими камушками. И мы соревновались с ним – кто больше их выпечет. Не помню – кто из нас побеждал в этом занятии. Ему было лет 50, не меньше, но ловкости в этом занятии было немало. Помню один вечер на Савватиевской дороге. Мы дошли до ближайшего тихого, скрытого от ветра густым лесом озера. Была поздняя осень. Вода покрывалась тонким льдом. Темнело. Ледяная поверхность

казалась черной. Если пустить камешек по поверхности льда, он скользил по ней необыкновенно далеко, исчезал бесследно. Мы увлеклись этим занятием, а когда почти совсем стемнело, стали бросать камни вверх. Они падали отвесно вниз, пробивали лед. Подо льдом образовывался белый пузырь воздуха, который начинал уходить от берега, пока не исчезал, достигнув чистой воды. Это было волшебство успокоения. Казалось, что мы освобождаем эти белые существа, образовывавшиеся под черной поверхностью молодого льда. Вернулись мы в Кремль совсем поздно, вопреки всем правилам, предоставлявшимся нам нашими пропусками, но часовой в черных обшлагах рукавов, черном воротнике на шинели и с черным околышем на фуражке оказался к нам милостивым. Счастливая прогулка и закончилась счастливо: нам не пригрозили карцером...

У Владимира Юльяновича приговором был расстрел с заменой десятью годами. Поэтому он не подлежал вывозу с Соловков. Меня же стали требовать друзья в Медвежью Гору как “незаменимого” счетного работника, в которых была большая нужда.

Мы решили увековечить свое пребывание на Соловках. Короленко достал молоток и зубило, и мы отправились в лес по Муксаломской дороге искать подходящий камень, чтобы выбить наши фамилии. Камень нашли направо от дороги. Местность была холмистой. Холмы были длинные, и между длинными холмами тянулось длинное узкое озеро. На самой высокой точке одного из холмов лежал валун. Помнится, в длину метра три-четыре (это очень приблизительно), а в высоту достигавший наших плеч (это уже более точно). Мы стали выбивать наши фамилии. Работа была тяжелой. Были мы там дважды. Успели выбить: “Корол” – сверху и “Лихач” снизу – величина букв примерно с ладонь.

Когда в последний раз я вернулся в Кремль, я узнал, что меня вызывают на этап. На этот раз удачно: меня вывезли в Кемь. У меня уже был изготовлен “чемодан” – из фанеры, обтянутой краденой простыней, и покрашенный в коричневый цвет. Чемодан оказался очень прочным. Он сохранялся у нас и после блокады, служа моей матери.

Очень я жалел, что не удалось нам добить наших фамилий, и просил закончить работу Владимира Юльяновича. Впоследствии он сообщил мне через кого-то на Медвежью Гору, что надпись закончил.

А на Медвежьей Горе мне рассказали, почему у Владимира Юльяновича нет пальца. Он сам отрубил его, раскаиваясь в том, что на следствии кого-то оговорил, или что-то подписал, или как-то иначе вел себя недостойно. Вот почему он был замкнут и часто повторял, что по освобождении будет добиваться службы смотрителем на маяке вдали от людей...

Что бы там с ним ни было, мне его очень жаль, и я благодарю его за то, что в моем обществе он находил некоторое утешение...

Для моих военнопленных о Соловках.
 Массовый расстрел происходил у Жемковичей
 28 октября 1929 г. при факелах. Выбывали через
 пожарные (Слава Корова). С кафедры переднего
 был пёс Бляк (по хозяйке Балрауны, т.е.
 расстреляли). После расстрела Бляк пропал — убежал
 от людей в лес.

Профессор Галицкий Понифилий, докторский,
 был сожжён в пожарных факелах и был
 сожжён эта девушка и др.

Мать же была расстреляна Георгием Михайловичем Осиповым
 перед этим у него на свидании была его жена Аллилуева
 (наивно-восточная стройка). Уехала в Париж и
 там вышла в брак за режиссёра. Какое-то время в
 Сох нар.

Заметки Д. С. Лихачева о Соловках

...

Сразу по моем возвращении в родительский дом нас навел на наш сосед доктор Александр Иванович Соловьев. Выслушав мои рассказы, он сказал: "У тебя все это в прошлом, а нам предстоит". Он был вдвойне не прав. Аресты вскоре охватили и тех, кто уже отсидел, а от "воли", даже после Соловков, впечатление было самое гнетущее. Дело в том, что, когда я вернулся в Ленинград, город, как и вся страна, был уже другим. Из одной зоны я как бы перешел в другую. Страна уже напоминала лагерь. Наши кружки и общества, наши "русские разговоры" — бесконечные и задушевные, раскрывавшие сердца, переходившие в мировоззренческие споры, рождавшие целые философские концепции, — кончились. Уже никто не решался собираться вместе для споров и бесед. За разговоры грозил арест. Разговоры ушли в подполье. Лишь бледное подобие интеллектуальной жизни еще теплилось.

Тем самым исчезал главный стимул жизни. Способность мыслить, которой природа наградила человека с такой безмерной щедростью, не осуще-

Д. С. Лихачев в соловецком полушубке. 1991

ствляясь, становилась обузой, что открывало соблазн легкой лжи. Без свободной мысли уходило душевное и физическое здоровье, уходила жизненная стойкость. Существование становилось несчастливым, даже мучительным. Только где-то в самой глубине души еще жило: мыслить – и тем умерять страдания! Мыслить – и тем оправдывать свое

существование! Мыслить – и тем порождать, расширять, углублять мыслимый мир, оздоравливающий совесть, поддерживающий бескорыстие, дающий взаимопонимание, объединяющий людей по принципу соборности – духовного единства человечества.

• • •

Я назвал свои воспоминания известной строчкой из Боратынского не случайно. Мне хочется подчеркнуть, что главным, как мне сейчас представляется, в моей молодости были не отдельные события, пусть и очень для меня важные, не повороты судьбы, достаточно крутые, а люди, среди которых я оказался, тот воздух культуры, которым они дышали и я вместе с ними, тот дух общения, который так отличает духовную жизнь начала века. На мой взгляд, слово “беседа” наиболее точно определяет духовную насыщенность нашего общения, во всяком случае, точнее, чем слово “разговоры” или “споры”. Даже на Соловках это были “беседы”, а не “разговоры”, и тем более не “болтовня”, это были Беседы – последнее увядание великой эпохи общения, называемой теперь Серебряный век.

Так прошли четыре года моей молодости. Было трудно, было страшно. Многие не выдерживали.

Но, вместе с этим, было и легко, временами даже весело. Это были, быть может, самые счастливые годы моей жизни. Я был молод. Меня окружали замечательные люди, имена которых принадлежат к самым светлым в русской культуре: философы, искусствоведы, поэты, реставраторы. Соловки дали мне не меньше, чем университет. Можно сказать, что Серебряный век с его удивительным духом общения завершился для меня на Соловках. Разговоры, споры, даже целые диспуты в камере открыли мне, что культура – это когда вокруг тебя настоящие люди.

На Соловках у меня был овчинный полушубок, его привезли мне родители, когда приехали на свидание. Настоящий романовский полушубок – их так называют по старинному городу на Волге, в котором их столетиями делали. Романовские полушубки славились на всю Россию. Этот полушубок очень помог мне тогда выжить – не меньше, чем окружавшие меня люди. А потом, уже в ленинградскую блокаду, он спас меня от верной смерти. Голодный, сутками, морозной зимой в неотопливаемой квартире я лежал, завернувшись в него, или писал, высунув из рукавов только кончики пальцев. У него очень длинные рукава, это сделано еще в традициях древнерусской одежды, чтобы согревать руки. С этим связана известная русская поговорка: “работать спустя рукава”, т. е. кое-как, не освободив руки, не “засучив рукава”. Но я-то в блокаду работал именно спустя рукава, только так можно было писать.

Недавно дома мы перебирали вещи, и я вновь достал свой полушубок. Оказалось, он очень хорошо сохранился. Даже не побит молью. Я надел его и удивился, как он до сих пор удобен. Получается, что я прожил с ним всю жизнь, хоть пользовался им и нечасто. Когда надо было выжить. Почему он опять появился? Неужели приходит время, когда я снова должен буду его носить? Я огляделся и из него как бы заново увидел свою квартиру. Вот висят на стене фотографии родителей. Мои родители не были богатыми людьми. Отец был, что называется, простой инженер. По тем временам это был просто нормальный, достойный уровень жизни. Я – академик, но я никогда не жил лучше своих родителей.

Почему овчинный полушубок – самая близкая мне вещь?

Как раз в это время к нам приехал фотограф из “Огонька”, он и снял меня в таком виде.

Хорошо иметь в жизни вещь, которая греет. Которая сопровождает тебя всю жизнь, когда ты остаешься один, когда остается надеяться только на себя. Мне кажется, у Пушкина такой вещью был его халат, у Гоголя – конечно, шинель, у Толстого – его “толстовка”. Ну, а для русского интеллигента нашего столетия – лагерный бушлат. Но мне повезло больше. У меня все-таки не бушлат, а полушубок. Вещь более теплая и не столь безрадостная.

Научная работа – это рост растения: сперва она ближе к почве (к материалу, к источникам), затем она поднимается до обобщений. Так с каждой работой в отдельности и так с общим путем ученого: до широких (“широколиственных”) обобщений он имеет право подниматься только в зрелые и пожилые годы.

Мы не должны забывать, что за широкой листвой скрывается прочный ствол источников, работы над источниками.

Прогресс часто состоит в дифференциации и спецификации внутри какого-то явления (живого организма, культуры, экономической системы и пр.). Чем выше на ступенях прогресса стоит организм или система, тем выше и объединяющее их начало. В высших организмах объединяющим началом является нервная система. То же самое и в культурных организмах – объединяющим началом являются высшие формы культуры. Объединяющее начало русской культуры – это Пушкин, Лермонтов, Державин, Достоевский, Толстой, Глинка, Мусоргский и т. д. Но захватываются не только люди, гении, но и гениальные произведения (особенно важно это для древнерусской культуры).

Вопрос состоит в том, каким образом высшие формы могут возникнуть из низших. Ведь чем выше явление, тем меньше в нем элементов случайности. Система из бессистемности?

Составитель известного словаря английского языка доктор Самюэль Джонсон утверждал: “Знание бывает двух видов. Мы либо знаем предмет сами, либо знаем, где можно найти о нем сведения”. Это изречение имело в английском высшем образовании огромную роль, ибо было признано, что в жизни самое необходимое знание (при наличии хороших библиотек) – второе. Поэтому экзаменационные испытания в Англии проводятся часто в библиотеках с открытым доступом к книгам. Проверяется в письменном виде: 1) насколько хорошо учащийся умеет пользоваться литературой, справочниками, словарями; 2) насколько логично он рассуждает, доказывая свою мысль; 3) насколько хорошо он умеет излагать мысль письменно. Все англичане умеют хорошо писать письма.

В дореволюционные времена семинаристов считали грубыми и неотесанными. Между тем в семинариях преподавали помимо элементарных предметов логику и психологию, русскую словесность, гражданскую историю (помимо церковной) – русскую и всеобщую, алгебру, геометрию, топографию, физику, естественную историю, сельское хозяйство (на случай если священствовать придется в сельской местности), народную медицину, а из языков – обязательные: греческий, латинский, церковнославянский, а для желающих – древнееврейский, французский и немецкий. В Херсонесе изучали новогреческий и крымско-татарский. В Петербургской семинарии – финский и латышский, в Вологодской – зырянский.

“Хороший тон” в науке. В моей юности (когда я учился в университете) ученые щеголяли знаниями, а “идеи” оставались на втором плане. Сейчас в науке развилось стремление выдвигать идеи – самые невероятные и в большом количестве. Это выражено в книге Эдварда Боно “Рождение новой идеи”: “Возможно... имеет больший смысл располагать значительным числом идей, не боясь, что часть из них окажется ошибочной, нежели всегда быть правым, не имея вообще никаких новых идей”¹.

Как часто бывает – истина посередине, но не просто посередине, а с заимствованием преимуществ той и другой стороны: обоснованность от первой и инициативность от второй.

В филологической науке наиболее долговечны факты, а не идеи. Издания памятников, текстологическая работа, выясняющая историю текста тех или иных произведений, – это бесспорно необходимая на столетия работа, но она никак не может быть признана “лишенной новых идей”. Обнаружить авторский текст, определить взаимоотношение редакций, видов списков текстов – это все “идеи”. Достаточно вспомнить споры вокруг евфросиновского списка “Задонщины”, чтобы понять, что развиваемые здесь идеи имеют колоссальное значение не только для изучения самой “Задонщины”, но и для выяснения подлинности “Слова о полку Игореве”. А идеи, связанные с определением отношения русской культуры XVI века к западному Ренессансу, если они не основываются на вновь выявленных фактах, документах, произведениях, – устаревают через несколько лет и по большей части не годятся даже для создания новых концепций, новых “комбинаций” фактического материала, ибо материал в такого рода работах обычно получен из вторых рук.

В науке вторичность губительна. Концептуальные же работы по большей части именно вторичны, основаны на материалах, добытых предшественниками. Такого рода метод создания работ “с идеями” я называю “методом добывания творага путем выковыривания его из ватрушек”.

¹ Боно Э. Рождение новой идеи. М., 1976. С. 84.

В стремлении проявить ученость и проницательность ученые-искусствоведы и палеографы часто преувеличивают и перенапрягают свои возможности точных атрибуций и датировок. Это выражается, например, в “точном” определении района, из которого происходит икона, не учитывая то обстоятельство, что иконописцы постоянно переезжали из одного места в другое. Выражается это и в “точном” определении времени, к которому относится тот или иной почерк. “Первая четверть такого-то века” или “последняя четверть такого-то века”. Как будто бы писец не мог работать 50 лет и более, не приноравливая свой почерк к тому или иному вступившему в моду почерку. Или как будто писец не мог учиться у старика, да еще где-либо в захолустье.

Однако точность “определений”, иногда с точностью до десятилетия, придает “вес” ученому в глазах окружающих.

Мне вспоминается, как мой школьный товарищ Сережа Эйнерлинг (правнук известного издателя “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина) показал мне в самом начале 20-х годов выменянные им документы Соляной конторы XVIII века. В эти документы завертывались селедки на рынке. Они были получены им из “списанных” залежей петроградских архивов. Торговцы охотно меняли эти документы на обычную газетную бумагу – фунт на фунт. Наменял этих документов и я (тем более что жили мы на казенной квартире Первой государственной типографии – теперь Печатный Двор, и всякой бумаги для обменов у нас было много).

Меня очень интересовала красота почерков: у каждого писца – свой почерк. Были почерки суховатые, свойственные XVIII веку, а были и очень размашистые – точь-в-точь XVII век. Документы в большинстве случаев имели даты. Когда я занимался в университете палеографией у академика Е. Ф. Карского, я принес ему часть документов, и он объяснил мне наличие архаичных почерков на датированных документах середины XVIII века: документы были из городов Русского Севера. Туда “культура” доходила медленно, учителями писцов могли быть старики. А не будь дат у документов? Современные “эрудированные” палеографы непременно определили бы их “концом XVII века” или чем-то вроде этого. Разве что догадались бы проверить водяные знаки...

А разве с иконами не могло быть того же самого?

Сам я пишу уже лет семьдесят. За это время мой почерк менялся: стал менее разборчивым – сказывается возраст, но отнюдь не эпоха. Хотя и в новое время почерки меняются по времени.

Академик А. С. Орлов сохранял некоторые старые начертания букв, типичные для XIX века: буква “т”, например.

В создании различных искусствоведческих псевдотеорий и обобщений огромную роль играет суетность исследователей: стремление “сказать свое

слово”, дать свое определение, название, скрыв, однако, свою зависимость от предшественников или “неприятных” им современников. Иногда искусствоведы (и литературоведы тоже) не ссылаются на своих современников, чтобы отделиться от них по соображениям группового характера или из простой человеческой неприязни.

В недавно вышедшей книге лучшего нашего знатока древнерусского искусства – Г. К. Вагнера – “Канон и стиль в древнерусском искусстве”² есть глава “Постановка проблемы”, где с замечательной объективностью и нейтральностью анализируются взгляды на стили в древнерусском искусстве различных ученых начиная с XIX века. В ней ничего не говорится о личных взаимоотношениях между искусствоведами, но, зная эти взаимоотношения, следует пожалеть – как много проигрывает теория от внетеоретических эмоций и эгоизма исследователей, стремящихся к “самоутверждению” или к умалению значения своих современников.

Кстати, существует несколько упрощенных способов создания “новых” подходов и методов в гуманитарных науках. Один из них, самый распространенный, – это объявить необходимость комплексности. Отсюда в педагогике родился в 20-е годы нелепый комплексный метод в преподавании. Комплексные подходы время от времени появлялись в искусствоведении, в литературоведении, в различных вспомогательных дисциплинах. Что скажешь против необходимости “комплексности”? А впечатление – новой игрушки в руках у ученых.

Вторичность в науке. Вторичность – явление, захлестывающее разные стороны культуры. Наука, и в частности, литературоведение, также подвержены этому явлению. Ученые часто создают новые гипотезы не на основании “сырого” материала, а видоизменяя старые, уже бывшие в употреблении гипотезы и теории, со всеми приводимыми в них фактами. Это еще *лучшая* форма вторичности. Хуже, когда ученый пытается поставить себя выше науки и начинает, как милиционер, регулировать движение: этот прав, тот не прав, такому-то следует подправиться, а этому не заходить слишком далеко. Раздает похвалы и шлепки, кого-то милостиво поощряет и пр. Такая вторичность особенно плоха тем, что создает ученому ложный (к счастью, недолговечный) авторитет. Всякий, кто берет в руки палку, начинает внушать невольный страх – как бы от него не попало.

Ко вторичности в науке приближается по чисто внешнему сходству историографический подход. Но историография, если она настоящая, – это не вторичная наука. Историограф науки изучает тоже сырой материал и может прийти к интересным выводам. Впрочем, и историографии в широкой мере грозит вторичность.

² Вагнер Г. К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987.

Вторичность – вроде соединительной ткани. Она грозит разрастанием и вытеснением живых, “работающих” клеток.

Блаженный Августин: “Я знаю, что это такое, только до той поры, пока меня не спросят – что же это такое!”

Ученый не обязательно должен всегда отвечать на вопросы, но он безусловно должен их *правильно* ставить. Иногда заслуга правильной постановки вопросов может оказаться даже более важной, чем нечеткий ответ.

Самое важное в познании – понять явление как целое: понять историю человечества, народа, историю литературы или искусства как целое. Для градостроителей важно понять город как целое. Для каждого человека следует постараться осмыслить свою жизнь как целое.

Человек не обладает истиной, но неутомимо ее ищет.

Истина отнюдь не упрощает мир, а усложняет его, заинтересовывает в дальнейших поисках истины. Истина не завершает, она открывает пути.

Яркое научное воображение позволяет ученому в первую очередь не столько предлагать решения, сколько выдвигать все новые и новые проблемы.

Наука растет не только накоплениями утверждений, но и накоплением их опровержений.

В. И. Вернадский, известный всему миру своими научными обобщениями, писал: “Настоящей научной работой кажется опыт, анализ, измерение, новый факт, – а не обобщение”³. Правда, рядом он зачеркивает эту мысль, отрицает ее всеобщность, но все-таки...

В письмах из Америки и Канады В. И. Вернадский поражается “роскошью университетского образования”, “широтой возможностей научной работы” и малыми результатами. 6 августа 1913 года он пишет из Торонто: “Крупных талантливых личностей мало. Берется все организацией, средствами; многочисленностью работников. То, что нам показывал вчера Николь, – детский лепет, о котором странно рассуждать серьезно...”. Николь – канадский ученый, профессор Кингстонского университета. Похоже, что мы вступили в тот же период развития науки, всегда берем многочисленностью, а не талантом больших в науке личностей.

В 20-е годы академик Стеклов не хотел давать вакансии академика для С. Ф. Платонова и сказал между прочим: “Науки делятся на естественные и про-

³ Вернадский В. И. Страницы автобиографии. М., 1981. С. 286.

твоеестественные”. С. Ф. Платонов нашелся и ответил: “Науки делятся на общественные и антиобщественные”.

Гете принадлежит высказывание: “Призрак не видят вдвоем”. Эта мысль может быть распространена и на одновременность создания какой-либо сложной теории двумя людьми. Однако бывают случаи, когда какое-либо открытие как бы назревает, состояние науки “позволяет” его сделать.

Одновременность открытий в науке и в технике (а может быть, и стилистических и идейных решений в искусстве).

В 1825 году Янош Болаи получил письмо от своего отца, предупреждавшего своего сына о необходимости скорее опубликовать свою геометрическую теорию, ибо “надо признать, что некоторые вещи имеют, так сказать, свою эпоху, в коей их в разных местах находят одновременно”. В самом деле, в феврале 1826 года Н. И. Лобачевский представил доклад, в котором содержалась аналогичная теория, с новым решением проблемы V постулата Эвклида о параллельных прямых.

Историки науки должны заняться специальным изучением одновременности некоторых открытий разными людьми (Попов и Маркони и пр.). В общем плане истории культуры это крайне важно.

А по поводу Лобачевского я бы прибавил еще следующее. Часто открытия делаются играя, в качестве шуточного, веселого предположения. Как кажется, Лобачевский первоначально не придавал особенно серьезного значения своему открытию. В искусстве (особенно в живописи) многое шло от эпатирования, озорства, шутки. Когда я спросил Б. В. Томашевского, правильно ли описал историю литературоведческого формализма Виктор Эрлих в своей книге на этот сюжет, Б. В. Томашевский ответил мне: “Он не заметил, что мы вначале просто хулиганили”.

В науке знакомое должно идти перед незнакомым.

Мне неоднократно в своих выступлениях приходилось писать и говорить, что доступ к архивным материалам должен быть более открытым, свободным. Научная работа (особенно текстологическая) требует использования по той или иной теме всех рукописных источников (об этом я пишу и в двух изданиях своей книги “Текстология”). У нас же все чаще в архивохранилищах решают – эту рукопись выдать, а эту – не выдавать, и решение это зачастую произвольно. Особенно надо приучать пользоваться первоисточниками научную молодежь, – а она-то все чаще оказывается стеснена в читальных залах рукописных отделов.

Рукописные книги и рукописи надо выдавать почаще – от этого зависит, кстати сказать, и их сохранность. Исследователь контролирует состояние

рукописей, контролирует архивиста, проверяя, так ли он “опознал” рукопись. Я мог бы привести десятки примеров, когда рукописи считались “пропавшими” в результате того, что они подолгу не попадали в руки исследователю и не отождествлялись.

Доступность источника – и рукописного документа, и книги, и редких журналов или старых газет – кардинальная проблема, от которой зависит развитие гуманитарной науки. Преграждение доступа к источникам ведет к застою, принуждая исследователя топтаться на площадке одних и тех же фактов, повторять банальности, и в конце концов отделяет его от науки.

Не должно быть никаких закрытых фондов – ни архивных, ни библиотечных. Как достичь такого положения – этот вопрос должен быть обсужден широкой научной общественностью, а не решаться в ведомственных кабинетах. Свобода доступа к животворным культурным ценностям – наше общее право, право всех и каждого, и обязанность библиотек и архивов – обеспечить осуществление этого права на деле.

Прослыть эрудитом проще всего, зная немного, но именно то, чего не знают другие.

Если бы мне пришлось издавать журнал (литературоведческий или культурологический), я бы сделал в нем три главных раздела: 1) статьи (обязательно краткие, сжатые – без фразеологических штампов и излишеств; в целом – не больше полулиста); 2) рецензии (отдел открывался бы общим обзором книг, вышедших за определенный промежуток времени: можно за год по темам, и состоял бы в основном в подробных разборах книг); 3) заметки и поправки (типа тех, что дает И. Г. Ямпольский в “Вопросах литературы”); это внесло бы дисциплину и чувство ответственности в авторский труд, подтянуло бы авторов.

Д. А. Гольдгаммер. Самовнушение при научных исследованиях⁴. Очень интересная статья. На многих примерах она показывает давно известный факт: как результаты наблюдений и экспериментов подгоняются под выводы. Но важно в ней и ново то, что эта “подгонка” совершается часто бессознательно. Исследователь так убежден в заранее составленных им выводах, что во всем видит их подтверждение и действительно не видит ничего, что им противоречит.

Хотя автор ограничивается “точными” науками, но в еще большей мере это касается ведь и гуманитарных дисциплин. В литературоведческой текстологии – это сплошь да рядом. Достаточно посмотреть работы по текстологии “Задонщины”: вариант хуже – значит, он вторичный, вариант лучше – значит,

⁴ Гольдгаммер Д. А. Самовнушение при научных исследованиях // Научное слово. 1905. Кн. X. С. 5–22.

исправили предшествующее чтение, которое было хуже Уже совсем не уследишь за “самовнушением” в более широких обобщениях, когда необходимо охарактеризовать особенности творчества того или иного автора.

Но самовнушение распространяется не только на творцов, но и на читателей, на зрителей, слушателей. И тут оно играет иногда положительную роль. Репутация автора или художника заставляет внимательнее относиться к их творчеству: читать, смотреть, слушать. А читатель, зритель и слушатель должны быть “искательны”, внимательны, вдумчивы, особенно если это касается “трудных” творцов: Пастернака, Мандельштама, постимпрессионистов, сложных композиторов.

Иногда читателю, зрителю, слушателю кажется в результате самовнушения, что он понимает. Ну и пусть кажется! В конце концов поймет или отбросит. Но без периода пытливых поисков всем трем не обойтись. Если все трое хотят совершенствовать свое познание искусства.

Увеличение знаний о явлении ведет иногда к уменьшению его понимания.

В литературоведении вместо исследований все больше развиваются “наднаучные” работы: “ученый” больше всего толкует о том – кто прав, кто нет, кто на правильном пути, а кто скопил с него и пр.

В инквизиции была должность “квалификатора”. Квалификатор определял – что есть ересь и что ересью не является. В науке квалификаторы ужасны. Их много в литературоведении.

Ларошфуко: “Человек всегда имеет в себе достаточно мужества, чтобы перенести несчастья других”. Добавим: а ученый – неудачи чужого эксперимента или его фактическую ошибку.

Б. А. Романов сказал про одного историка, увеличивавшего список своих работ обилием рецензий: “Он расплевывает свои рецензии направо и налево”.

Там, где нет аргументов, там есть мнения.

В одной из своих рецензий Б. А. Ларин написал: “Самой сильной частью книги приходится признать ее оглавление – попытку систематизации вопросов, – разработка же их (т. е. вся книга. – Д. Л.) поверхностна и примитивна”. Убийственно точно.

В начале 30-х годов, в пору “перестройки” Академии наук кто-то (не назову фамилии) читал доклад о Пушкине в Большом конференц-зале главного здания Академии наук. По окончании доклада, когда все расходились, в толпе у дверей Е. В. Тарле воздел руки кверху и произнес: “Я, конечно,

понимаю, что это Академия наук, но в зале все же были люди с высшим образованием”. Вчера читался доклад по советской литературе в Отделении литературы и языка. Я не выдержал и ушел, а знакомым сказал: «Мы-то ко всему привыкли, но стыдно было стенографисток».

Ньютон открыл закон земного тяготения, но он не строил гипотез – что это такое, чем объясняется и т. п. Ньютон об этом декларативно заявил: он сказал, что не строит гипотез о том, чего не знает. И этим он не затормозил развития науки (со слов академика В. И. Смирнова. 15.IV.1971 г.).

Прогресс – это в значительной мере дифференциация и специализация внутри некоторого “организма”. Прогресс в науке – это тоже дифференциация, специализация, усложнение изучаемых вопросов, появление все новых и новых проблем.

Количество поднимающихся в науке вопросов значительно обгоняет количество ответов. Следовательно, наука, позволяющая пользоваться силами природы (в широком смысле), одновременно увеличивает количество тайн бытия.

Одно из самых больших удовольствий для автора – выход его книги или статьи. Но... удовольствие это падает с выходом каждой следующей книги: вторая книга – уже половина восторга от первой, третья – треть, четвертая – четверть и т. д. Чтобы сохранить это удовольствие, надо, чтобы труды были новыми, не повторялись – были как бы каждый раз “первыми”. Книга должна быть “неожиданностью” – и для читателя, и для самого автора.

Недостаточно быть рыбой, чтобы стать хорошим ихтиологом: это выражение можно применить к одной старой фольклористке из деревни, считавшей себя высшим авторитетом в делах народного творчества.

Раздраженный пустыми социологизированиями одного литературоведа, В. А. Десницкий сказал “Из этого Пушкину штанов не сошьешь”.

Резерфорд сказал: “Научная истина проходит три стадии своего признания: сперва говорят – “это абсурд”, потом – “в этом что-то есть” и наконец – “это давно известно!” Вся соль здесь в том, что каждое из этих суждений Резерфорд называет “признанием”!

“Инверсионная система” в науке: доказательная система строится для той или иной концепции. Соответственно подбираются документы и т. д.

С. Б. Веселовский писал: “Никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнания фактов”⁵.

⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. 1963. С. 11.

В. А. Десницкий (бывший семинарист) называл сотрудников Пушкинского Дома, обладающих учеными степенями, “рясофорными”.

Барабанный бой эрудиции: имена, названия, цитаты, библиографические сноски – нужные и ненужные.

Выражение Изоргиной: “заботливые эрудиты”.

Анатоль Франс: “Наука непогрешима, но ученые часто ошибаются”.

Из “Истории одного города” Салтыкова-Щедрина. Один из параграфов Устава “О нестеснении градоначальников законами” гласит: “Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя”. Напрасно думают, что это не относится к науке.

“Избирательное мышление” – бедствие в науке. Ученый, согласно этому избирательному мышлению, выбирает для себя только то, что подходит для его концепции.

Ученый не должен становиться пленником своих концепций.

Суеверия порождаются неполным знанием, полуобразованностью. Полуобразованные люди наиболее опасны для науки: они “все знают”.

Можно ли захотеть и быть умным? Можно. Надо только понять, что такое ум. В какой-то мере, конечно. Потому что до конца понять, что такое ум, нельзя.

Начну с простейшего примера. Мы говорим: “умная собака”, “умная кошка”, даже “умная корова”. Но переселите этот “ум” в человека, и человек окажется больше, чем идиотом, каким-то “полусуществом”.

Мы можем обозначить как “умного” токаря, вагоновожатого, лаборанта, истопника – я не знаю, кого еще перечислить из “среднего персонала”. Но сделайте кого-нибудь, закрыв глаза, министром, и в подавляющем большинстве случаев окажется, что министр будет глупым, тупым, “узколобым”. Хотя, конечно, могут оказаться и счастливые случаи...

Отсюда ясно: ум соотносителен с положением, которое человек занимает. И отсюда следует: если хотите быть умным – не стремитесь захватить должность, на которой окажетесь глупым.

“Познайте самого себя” и действуйте в жизни сообразно.

И второе наблюдение, не менее важное. Ум – это прежде всего поведение. Умный человек – это тот, кто ведет себя правильно в собственной семье, с товарищами, на работе и т. д. Ум – это тактичность, умение отделить мелкое от важного, предусмотреть будущее... Можно быть умным уче-

ным, а можно быть талантливым ученым. Это разные типы ученых. Умный ученый определяется по поведению в науке, по тому, что он знает истинную цену своим открытиям, своей методике, своему положению в науке. Талантливый ученый создает интересные гипотезы, делает важные открытия (часть из которых может оказаться, впрочем, ложными). Талантливым ученым восхищаются, умного уважают... Талантливым сделаться очень трудно – им надо родиться. Умным стать вполне можно.

А. С. Пушкин в “Наброске статьи о русской литературе”: “Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости”.

Сорные идеи растут особенно быстро.

“Престижные публикации” ученых: 1) для увеличения числа работ (списка работ); 2) для участия в том или ином сборнике, где появление имени ученого само по себе почетно; 3) для участия в каком-либо большом научном споре (“присоединение к спору” – “и я имею в этом свое мнение”); 4) для того чтобы войти в историографию вопроса (особенно часты статьи этого рода в спорах о датировке документа); 5) для того чтобы напомнить о себе в каком-либо солидном журнале; 6) для того чтобы выказать свою эрудицию. И т. д. Все эти публикации засоряют науку.

Искусственное раздувание объемов статей: 1) путем подробного и ненужного в ряде случаев изложения историографии вопроса; 2) путем искусственного увеличения библиографических сносок, включения в сноски работ, имеющих малое отношение к изучаемой проблеме; 3) путем подробного изложения пути, которым автор дошел до того или иного вывода. И т. д.

Шаблон в темах научных статей: 1) статья ставит себе *целью* показать ограниченность той или иной концепции; 2) дополнить аргументацию по тому или иному вопросу; 3) внести историографическую поправку; 4) пересмотреть дату создания того или иного произведения, поддержав уже высказанную точку зрения, особенно если она принадлежит влиятельному ученому. И пр.

Все это часто простая наукообразность, но которую трудно выявить. Известность и репутация ученого – совершенно различные явления.

Десять самооправданий плагиатора.

Как оправдывается плагиат в научных работах. Во-первых, отмечу, что на плагиат решается прежде всего начальник, а не подчиненный или уж равный у равного. А оправдания следующие: 1) он (жертва) работает по моим идеям; 2) мы с ним (жертвой) работали вместе (вместе – часто означает разговор, подсказку и пр.); 3) я его (жертвы) руководитель; 4) весь институт или вся

лаборатория работает, утверждает плагиатор, по “моим” идеям, по “моей” методике и пр. (а к чему, вообще говоря, сводится роль научного руководителя учреждения – на то он и руководитель); 5) заимствование – общее место в науке, всем известное положение, банальность, не стоящая какой-либо сноски, отсылки и пр. Кто же этого положения не знает? 6) я на него и сослался (а сослался на второстепенное положение или в очень общей форме, не дающей читателю понять – что же взято у жертвы); 7) а он сам списал это положение у такого-то (в расчете, что проверять не станут, – особенно если ссылка сделана без точного указания источника); 8) а у меня другое (перефразировки, создание нового термина для того же понятия); 9) а у меня совсем другой материал (если материала много, положение оправдывается другими примерами, этот способ действует особенно легко); 10) положить идею молодого ученого в основу коллективного труда, возглавляемого “заслуженными именами”. Вообще – бороться с индивидуальными трудами и стремиться создавать труды коллективные.

Способов обойти совесть бесконечно много. Но результат один: в науке не появляются новые крупные имена, наука хиреет, появляются “тайные труды” – тайные, чтобы не овладели ими бесталанные “организаторы науки”.

Наука часто мстит скептикам. Когда Вольтеру сказали, что высоко в Альпах нашли рыбий костяк, он презрительно спросил, не завтракал ли там постящийся монах. К.Честертон: “Во времена Вольтера люди не знали – какое следующее чудо удастся им разоблачить. В наши дни мы не знаем, какое следующее чудо нам придется проглотить” (из книги Честертона о Франциске Ассизском)⁶.

Полузнайство в науке ужасно. Считается, что в науке могут хорошо руководить плохие ученые. Они берутся из полужнаек, ставятся в директора и заведующие и обычно направляют науку по узким тропам мелкого техницизма, которые ведут к быстрому и мимолетному успеху (или к полным провалам, когда такие полужнайки стремятся к авантюризму в науке).

Силовые методы возникают из некомпетентности. Красный террор возник не потому, что стала представлять большую опасность контрреволюция, а потому, что не знали, как управлять государством. После смерти Ленина не нашлось ни одного человека в “правительстве”, который умел бы профессионально решать экономические и государственные вопросы – найти выход из разрухи. Отсюда – попытка решать все с помощью насилия. Насилие возникает из некомпетентности.

⁶ Chesterton G. K. *St. Francis of Assisi*. NY, 1987. Сб. 9.

Никогда нельзя полагаться на сведения одного рода, на одну аргументацию. Это хорошо может быть продемонстрировано на следующем “математическом” анекдоте. С математиком посоветовались: как обезопасить себя от появления террориста с бомбой в самолете. Ответ математика: “Возить с собой бомбу в портфеле, так как по теории вероятностей очень мало шансов на то, чтобы в самолете одновременно оказались две бомбы”.

Еще один вид суетности в науке: стремиться обладать “изысканными знаниями”. Это возможно, и такого рода снобизм продолжает существовать, хотя и реже, чем в предшествующие столетия.

Длинный язык признак короткого ума.

Самое легкодостижимое и одно из главных достоинств научного доклада (доклада как такового) – краткость.

Малый прогресс в большом деле важнее большого прогресса в малом (а может быть, я не прав?).

Ошибка, признанная вовремя, – не ошибка.

В научном коллективе необходимы не директивы и распоряжения, а сотрудничество. И главная задача руководителя – достичь этого сотрудничества.

“Ответственный работник” – этот “термин” обычно понимается в смысле “важный”, “высокопоставленный начальник”, а надо понимать точно согласно значению самих слов: работник, ответственный за свои поступки, за свои распоряжения и поступки. Он не поднят над своими поступками, а подчинен им, подчинен своим обязанностям, наказуем за всякую неправду, этим работником сделанную. С ответственного работника большой спрос, чем с обычного работника. “Ответственный работник” противопоставлен обычному, а не “безответственному” работнику, ибо последний вообще не работник. Всякий работник отвечает за свою работу.

Работа и работник составляют некое единство. Это особенно ясно в научном труде: ученый – это его труды, открытия. В этом он в той или иной степени бессмертен. Хорошая работа не просто сделана хорошим работником, но она сама создает хорошего работника. Работа и работник плотно связаны двухсторонней связью.

Какая утонченная месть, какое злое издевательство: хвалить человека за то, в чем он явно не проявился!

Слышал от физика (кажется, члена французской Академии Абраама): нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Познание в науке идет по двум руслам – более простому и более сложному. *Простой путь познания – сведение сложного к простому, сложный путь – открытие в простом сложного.* Первый путь как бы тяготеет познанием и стремится его по возможности закрыть. Второй путь – это скрытое или явное восхищение миром, существующим, открытие в бытии Логоса.

Марксизм, фрейдизм, дарвинизм – это все попытки *сведения сложного к простому*, попытки явно несостоятельные... и вредные. Марксистский метод в изучении литературы превращает литературу в иллюстрацию к марксизму, к учению о классовой борьбе, возводит в главную норму жизни ненависть. Ясно, что марксистский метод в изучении литературы отбивает интерес к литературе, к чтению, “ускучивает” самую жизнь. Во что превращаются под пером и языком марксизма такие сложные персонажи, как Обломов, Базаров, Онегин... и пр., и пр.

Вера в Бога – это дар.

Марксизм – скучная философия (и примитивная).

Атеизм – скучная религия (самая примитивная).

И в моей жизни, и в науке мне открывался один и тот же сюжет: стремление к свободе. В науке я прослеживал стремление к свободе, расширение тем и форм литературы, культуры... В моей личной жизни самым главным для меня всегда оказывалась необходимость отстоять свою самостоятельность от “веяний времени”, мод, господствующих идей, никогда не вступать в какие-либо союзы, группы, противостоять идеологическим схемам и т. д. Это приводило меня к некоторому одиночеству, – особенно тогда, когда друзья юности постепенно ушли в “мир иной”, а многие отворачивались от меня (для меня навсегда) из боязни “власть предержащих”. К ним я уже не возвращался...

Наша нетерпимость, возможно, из забвения евангельского: “Не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас!” (Евангелие от Луки, гл. 9, ст. 50).

Кабинет современного ученого – вся окружающая его действительность, современная и прошлая.

Наука коллективна. Настоящий ученый организует науку вокруг себя.

Организатором науки нельзя быть со стороны – сверху, снизу или сбоку. Организатором науки может быть только человек науки.

Самый верный путь ученого – путь самой науки: заботиться только о выявлении научной истины и больше ни о чем на свете.

Если ученый гонится за званиями и степенями, он рискует убежать от своей специальности.

Погоня за признанием – не есть ли это бег на месте?

Главный враг науки – наукообразность. Главная опасность наукообразности в ее “близости” к науке.

Молодой ученый смотрит на старого, старый оглядывается на молодого, но смотреть вперед – значит оглядываться назад.

Культура движется вперед не путем перемещения в пространстве, а путем накопления ценностей.

Ноша культуры – единственная ноша, которая не отягощает движение вперед, а облегчает его.

Истина историка и литературоведа всегда патриотична; ложь и подтасовка патриотичными быть не могут.

Ученый, всю жизнь настаивающий на своем, похож на цаплю, стоящую на одной ноге.

Нельзя быть “свадебным генералом” в науке: это унижает ученого.

“Парадные” редакторы похожи на швейцаров в парадных вестибюлях помпезных учреждений: они не вхожи дальше, чем в прихожие.

Новое не бывает неожиданным.

К доброму старому всегда возвращаются, но с другой стороны.

Подозрительность к новому так же плоха, как и легковерие к новому.

Старое не бывает совершенно плохим. Новое не бывает всегда хорошим.

Окончание научной работы – всегда начало следующей.

Правильное научное построение допускает поправки и дополнения; неправильное построение – плотно забитая скважина.

Отрицательный результат исследования – тоже результат, причем обычно самый бесспорный.

Ошибка в выводах – указывает на ошибочность работы исследователя; ошибочность примененного метода – на порок самого исследователя.

Самый позорный провал в науке – применить порочный метод, а не просто прийти к неверному выводу.

Тема в науке – это область изучения, а не готовый вывод.

Страховаться в науке следует чувством готовности претерпеть неудачу.

Во всякой неудаче эксперимента есть удача.

Срывы в науке – от поспешности: если вывод обгоняет конкретные результаты эксперимента.

Историк, который изучает источники, пьет живую воду. Тот, кто бездушно пользуется чужими выводами, пьет мертвую воду.

Самое большое мужество ученого – вовремя признавать свои ошибки.

Как грибник оглядывается назад, чтобы запомнить путь и не заблудиться, так и ученый должен изучить то, что уже сделано до него, чтобы не повторить ошибки прошлого.

Простая демонстрация эрудиции в научной работе – пошлость и безвкусица (“ерундиция”).

Пользоваться чужим материалом – это добывать творог, выковыривая его из ватрушки.

Высокая нравственность ученого проявляется прежде всего в ответственном отношении к своей исследовательской работе.

Не количество работ, а их качество!

По списку сдают тару, но не судят о качестве бывшего в нем содержимого.

Библиографические сноски в исследованиях должны быть “умными”: в пределах необходимости, но не для демонстрации учености.

Ученый слушает все советы, но слушается только умных.

Долг ученого – иметь преемников. Ум ученого – давать творческую свободу своим преемникам. Доброта ученого – не иметь секретов от своих преемников.

Ученик обязан воздать честь учителю – превзойти его, но предательство ученика – не случайно заклеяно в мировой литературе как самый главный образец предательства.

Если в конце исследования не видно начала следующего – значит исследование не доведено до конца.

И в науке могут быть дурной вкус, пошлость и мещанство.

“Воровство в науке” – пользоваться чужими материалами, не ссылаясь на их истинных владельцев.

“Браконьерство в науке” – перехватывать чужие темы.

“Хулиганство в науке” – ругать предшественников, скрытно пользуясь (хотя бы частично) их материалами.

“Разбой в науке” – заставлять писать за себя подчиненных или зависимых исследователей.

Значит ли это, что так зря
созданы мир? Что всё пере-
зрело, ничего не осталось?

Нет! Времени лишь одна
та форма видения мира (как
та форма закона). Всё, что
было не ушло в небытие.

Всё, до последней мухи, пред-
варяется. Мы не укроемся
от ответственности за каждый
наш шаг. Всё бывшее есть!

Без бытия бывшего нет смерти,
нет справедливости в мире, нет
отдельности, нет Страшного Суда,
в котором готовится каждому из
нас не только страдание, но и ра-
дость. Человек попадает на
Страшный Суд — и сразу после
своей смерти и в конце Мира,
ибо Конец Мира уже существует
будущее есть сейчас, как есть
сейчас и прошлое.

“Карманное воровство в науке” – ссылаться на источники из чужих рук.

Чистоплюйство в науке – выбирать только “выгодные” для себя темы.

Ссылаться на предшественников не в главном, а во второстепенном – это выдавать им чаевые вместо платы.

Как “театр начинается с гардероба”, так научная работа начинается с ее названия: точного, делового.

Краткость – вежливость ученого.

Главное достоинство научного языка – ясность.

Если язык научной работы труден, он лишается основной своей задачи – сообщать.

Хороший язык научной работы не замечен читателям. Заметной должна быть только мысль.

Избегайте в языке только те повторения, которые являются вам от бедности языка.

Образность в языке научной работы – только средство привлечь внимание к центральной мысли. Образностью нельзя злоупотреблять.

“Красоты стиля” часто служат простой заменой отсутствующей мысли.

Сопоставления и аналогии часто служат в изучении художественных произведений удобным способом для показа эрудиции и только.

Не верьте длинным докладам – аргументированные обычно коротки!

Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку, – окрестите его, дайте ему имя, название.

Если ученый создает сотни новых терминов, – он разрушает науку, десятки – поддерживает ее, два-три – двигает науку вперед.

Ум ученого – точно знать свои возможности и меру своей аргументации.

Надо быть умным кстати и в меру.

Кто много говорит, тому не остается времени подумать.

Не уважают заслуги других те, кто их сам не имеет.

Малый прогресс в большом деле важнее большого прогресса в малом.

Молчание в науке – знак несогласия.

Притвориться не значит обмануть.

Небезразличная к талантам наука сама должна быть талантлива.

Литературовед и искусствовед обязаны быть талантливыми, ибо они оценивают талантливость.

Плохой ученый не потому пишет плохие работы, что он плох, а потому плох, что пишет плохо. Плохих ученых от природы не бывает, они создаются их работами.

Мозг устроен с большим “запасом”. Если этот “запас” нечем занять, то он питается “заменителями”. Так создается псевдонаука, псевдознание, псевдомузыка, псевдоискусство и т. д.

Тщеславие рождается душевной пустотой.

Одни ученые должны писать много, но пишут мало, другие должны бы были писать мало, но, к несчастью, пишут много.

Честность в науке важнее всего. Ущерб, наносимый нарушениями честности в науке, устраним в науке с очень большим трудом. Чтобы найти ошибку (вольную или невольную), необходимо часто повторить весь процесс исследования.

Каждый ученый должен обладать благодарностью к предшественникам, уважением современникам и ответственностью перед будущими учеными. Тогда дело его будет многолетним на земле.

ИЗ КНИГИ “БЕЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ”

Академик А. Н. Крылов утверждал: “Всякий корабль должен тонуть не опрокидываясь”.

Англичане говорят о предстоящей смерти: присоединиться к большинству (“to join the majority”).

Бескорыстие зла. Зло тоже может быть бескорыстным.

Злой человек получает удовольствие, принижая другого или даже причиняя ему боль, горе. Злой человек делает зло, даже когда это ему невыгодно.

Без памяти нет совести.

Великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру.

Великий русский историк С. М. Соловьев в начале седьмой книги своей “Истории России с древнейших времен” писал: “Неприятное восхваление своей национальности... не может увлечь русских...”. Это совершенно верно. Восхвалением самих себя по-настоящему русские никогда не “хворали”. Напротив, русские очень часто были склонны к самоуничижению – преувеличивали отсталость своей культуры.

Вечно “сыплющий” остротами человек перестает восприниматься как достойно ведущий себя. Он становится шутком.

В занятиях какой-либо темой исследователь не должен делать остановок (перерывов). Ведь и поезд, идущий с частыми остановками, тратит сил во много раз больше, чем поезд, преодолевающий тот же путь без остановок.

Общественные ясные доказательства
Бога нужны необходимо для
сохранения человеком свободы
веры.

Что же происходит сейчас? Генерации
уловили приемы Бога. Новые
физики, аэрокосмос и т.д.

Приемы Бога ощущаются всеми
предельными группами. Гуманитарные науки мало прижились и поэтому рано это нег.

Автограф Д. С. Лихачева

В основе всех хороших манер лежит забота – забота о том, чтобы человек не мешал человеку, чтобы все вместе чувствовали себя хорошо.

В разговоре с другими умеете слушать, умеете помолчать, умеете пошутить, но редко и вовремя.

“Волчьи стаи” рано или поздно кончаются дракой волков.

В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, с народом, страной, Вселенной.

В стране существует единство народа, природы и культуры.

Главное, от чего зависит физическое здоровье, – здоровье нравственное.

Главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах.

Город на высоком берегу в вечном движении. Он "проплывает" мимо реки.

Границы служат не только разделению, но и зонами общения.

Доброе дело не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и "умного результата".

Древняя русская письменность (именно письменность, а не только литература) – неисчерпаемый клад богатства русского языка. В одном только совсем небольшом "Поучении" Владимира Мономаха столько чудесных выражений: "мыслити безлепицу" (совладать со своими чувствами), "больного приветити", "привечать" человека ("и человека не минете не привечавшее"), "ни свиреповати словом, ни хулити беседою", "старыя чти яко отца, а молодыя яко братью" и т. д.

Если у человека нет других забот, он с особенной настойчивостью заботится о своем здоровье.

Жадность в человеке не смешна, она унизительна.

Жить нужно созидая, поддерживать созидательность в жизни. Жизнь разнообразна, а следовательно, и созидание разнообразно, и наши устремления к созидательности в жизни должны быть тоже разнообразны по мере наших способностей и склонностей.

Занимайте собой как можно меньше места. Поэтому за обедом не кладите локти на стол, стесняя соседа, но также не старайтесь чрезмерно быть "душой общества".

Заставить рассмеяться аудиторию – это значит наполовину ее убедить в своей правоте.

Книга всегда найдет того, кому она нужна.

Когда-то считалось неприличным показывать всем своим видом, что с вами произошло несчастье, что у вас горе. Человек не должен был навязывать свое подавленное состояние другим.

Когда у спорящего нет аргументов, появляются просто “мнения”.

Кто много говорит, тому не остается времени подумать.

Культура движется вперед не путем перемещения в пространстве, а путем накопления ценностей.

Любовь не должна быть безотчетной, она должна быть умной. Это значит, что она должна быть соединена с умением замечать недостатки, бороться с недостатками – как в любимом человеке, так и в окружающих людях. Она должна быть соединена с мудростью, с умением отделять необходимое от пустого и ложного.

Между совестью и честью есть существенное различие. Совесть всегда исходит из глубины души. Совесть “грызет”. Совесть не бывает ложной. Но представления о чести бывают совершенно ложными, и эти ложные представления наносят колоссальный ущерб обществу. Я имею в виду то, что называется “честью мундира”.

Можем ли мы характеризовать народ по его недостаткам? Ведь когда пишется история искусств, в нее включаются только высшие достижения, лучшие произведения. По произведениям посредственным или плохим нельзя построить историю живописи или литературы. Если мы хотим получить представление о каком-либо городе, мы ознакомимся прежде всего с его лучшими зданиями, площадями, памятниками, улицами, лучшими видами, городскими ландшафтами.

Надо прожить жизнь с достоинством, чтобы было не стыдно вспоминать.

Не бойтесь своих физических недостатков. Относитесь к ним с достоинством, и вы будете элегантны.

Не быть смешным – это не только умение себя вести, но и признак ума.

Не навязывайте своего понимания или, еще того хуже, непонимания другим. Не считайте, что вы обладаете абсолютным вкусом, как и абсолютным знанием. Первое невозможно в искусстве, второе невозможно в науке.

Неряшливость в одежде – это прежде всего неуважение к окружающим вас людям, да и неуважение к самому себе.

Не сердясь, выяснить недоразумение – и все.

Не стесняйтесь своей застенчивости: застенчивость очень мила и совсем не смешна. Она становится смешной, только если вы слишком стараетесь ее преодолеть и стесняетесь ее.

Нет мысли вне ее выражения в языке и поиски слова, – это, в сущности, поиски мысли.

Нет ничего более неприятного и глупого в облике и поведении человека, чем важность или шумливость; нет ничего более смешного в мужчине, чем чрезмерная забота о своем костюме и прическе.

Нет ничего красивее в споре, как спокойно, в случае необходимости, признать полную или частичную правоту противника.

Новое не бывает неожиданным.

Обида обычно лежит где-то низко, и приходится наклониться, чтобы ее поднять. Так не лучше ли не обращать на нее внимания?

Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность – создание нового и осознание старого как нового.

Одна фраза в Стоглаве о неграмотности новгородских попов служила и продолжает служить убеждению в неграмотности всего населения. Но ведь Стоглавый собор, призванный установить единый порядок церковных правил для всей Руси, имел в виду только новгородский обычай избирать уличанских попов всей улицей, в результате чего в попы попадали лица, не имевшие точного представления о церковной службе.

Осознание многоликости красоты облегчит осознание человечеством своего единства. Наука уже объединяет человечество. Необходимо, чтобы красота объединила человечество не менее крепко.

Осознанная любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей. В каждом человеке существует общая настроенность на ненависть или на любовь, на отъединение себя от других или на признание чужого – не всякого чужого, конечно, а лучшего в чужом, –

неотделимая от умения заметить это лучшее. Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа – хотя бы на тех, кто не признает национализма.

Память о прошлом всегда “светла” (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически.

Память – преодоление времени, преодоление смерти.

Подлинные друзья приобретаются в молодости.

Почитание отца и матери следует понимать широко – как почитание всего нашего лучшего в прошлом; в прошлом, которое является отцом и матерью нашей современности.

Приветливость и доброта делают человека не только физически здоровым, но и красивым.

Русское понятие храбрости – это удаль, а удаль – это храбрость в широком движении. Это храбрость, умноженная на простор для выяснения этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте.

Русский пейзаж в основном создавался усилиями двух великих культур: культуры человека, смягчавшего резкости природы, и культуры природы, в свою очередь, смягчавшей все нарушения равновесия, которые невольно приносил в нее человек.

Самая большая ценность в мире – жизнь: чужая, своя, жизнь животного мира и растений, жизнь культуры, жизнь на всем ее протяжении – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Семейная фотография – это одно из важнейших “наглядных пособий” морального воспитания детей, да и взрослых.

Сознание предшествует воплощению идеи. Бог – великий Архитектор.

Сознание человеком болезни не есть уже его выздоровление, его способность оправиться от болезни... Сила самоосуждения прежде всего – сила: она указывает на то, что в обществе еще есть силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на общественные язвы, болезни – предполагает страстную тоску о нравственном здоровье.

Старое не бывает совершенно плохим. Новое не бывает всегда хорошим.

Стремящийся обмануть других прежде всего обманывается сам. Он наивно думает, что ему поверили, а окружающие на самом деле были просто вежливы.

Сфера добра ближе к вечности.

Тратьте свое время на то, что достойно этой траты.

Умейте не терять времени на пустяки, на "отдых", который иногда утомляет больше, чем самая тяжелая работа.

Умейте с достоинством признавать свои ошибки: для вас же хуже, если их заметит кто-то другой.

Умение искать и находить лучшее, просто "хорошее", "заслоненную красоту" обогащает человека.

Уметь извиняться, признавать перед другими ошибку – лучше, чем юлить и врать.

Умение сохранять достоинство, не навязываться другим со своими огорчениями, не портить другим настроение, быть всегда ровным в обращении с людьми, быть всегда приветливым и веселым – это большое и настоящее искусство.

Упрямство – заместитель воли, хитрость – заместитель ума, ложь – заместитель правды, важность и напыщенность – заместитель чувства собственного достоинства.

Учение тяжело, когда мы не умеем найти в нем радость.

Учиться нужно всегда, до конца жизни не только учили, но и учились все крупнейшие ученые. Перестанешь учиться – не сможешь и учить. Ибо знания все растут и усложняются.

Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно – прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. Наша речь – важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности,

нашей души, нашего ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она “затягивает”.

Французская поговорка гласит: “Важно иметь смеющихся на своей стороне”. Тот, с кем смеются, – победитель в споре.

Хитрость – “эрзац” ума.

Человек должен быть заботлив. Незаботливый или беззаботный человек – скорее всего человек недобрый и не любящий никого.

Человек – существо нравственно оседлое, даже и тот, кто был кочевником, – для него тоже существовала “оседлость” в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость других.

Человеческое познание позволяет проникать в чужое сознание, не становясь этим чужим. Мы можем понимать то, что нам несвойственно, что отсутствует у нас самих или даже противоположно нам.

Чем ближе достижение другого к вашей специальности, к вашим интересам, тем больше возрастает обжигающая опасность зависти.

Честь истинная – всегда в соответствии с совестью. Честь ложная – мираж в пустыне, в нравственной пустыне человеческой (вернее, “чиновничьей”) души.

Чтобы выступление было интересным, выступающему самому должно быть интересно выступать.

Чувство заботы о другом появляется очень рано, особенно у девочек. Девочка еще не говорит, но уже пытается заботиться о кукле, нянчит ее.

Чтобы уберечь свой дух и тело от старости – поступайте прямо противоположно тому, к чему тебя старость тянет: хочется полежать – ходи, хочется отстаивать старые убеждения – сохраняй свободу признавать новые, хочется не думать об одежде – заботься о ней, хочется ворчать и брюзжать – будь приветлив, одолевают тяжелые думы – не поддавайся им, в науке переходи к новым темам, тренируй память, окружай себя молодежью и поддерживай ее.

Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства. Притеснять человека – это лишать его пространства в прямом и переносном смысле этого слова.

Язык в еще большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе.

Язык и мышление теснейшим образом связаны. Если язык обеднеет, обеднеет и мышление. Колоссальное значение имеет терминология, грамматические системы, способствующие самовыражению человека.